

XXV
СВЯТО-ТРОИЦКИЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
22 МАЯ — 1 ИЮНЯ 2025 ГОДА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

проф. Д. К. Богатырёв (председатель), проф., член-корреспондент РАН В. В. Багно, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, член-корреспондент РАО К. С. Голохваст, проф., прот. Григорий Григорьев, проф. В. А. Гуторов, доц. А. Ю. Дудчик (Республика Беларусь), Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений, Председатель Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, архим. Иосиф (Еременко) (Казахстан), иером. Кирилл (Зинковский), иером. Мефодий (Зинковский), проф. И. В. Кондаков, акад. РАО Б. В. Карев, проф. Н. В. Ковтун, акад. РАОА. А. Корольков, иерей Илия (Макаров), проф. М. А. Маслин, проф. Р. В. Светлов, проф. М. Ю. Смирнов, проф., заслуженный деятель науки РФ Л. Е. Шапошников, проф. Е. А. Фролова

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

Я. С. Иващенко (председатель), Л. В. Богатырёва, О. В. Богданова, И. А. Вахрушева, В. А. Егоров (отв. секретарь), А. А. Ермичёв, В. Б. Высоцкий, И. Н. Зайцев, М. Калуджерович (Черногория), Н. С. Широколова, Д. В. Масленников, И. И. Докучаев, К. А. Можайская, Л. В. Рябова

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

XXV
СВЯТО-ТРОИЦКИЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
22 МАЯ — 1 ИЮНЯ 2025 ГОДА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР
РОССИИ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2025

Представлено к печати оргкомитетом
XXV Свято-Троицких ежегодных международных
академических чтений в Санкт-Петербурге

*Статьи публикуются
без издательского редактирования*

Рецензенты:
проф., д. ф. н. С. В. Никоненко;
проф., д. к. Я. С. Иващенко

Ц37 **Цивилизационный выбор России и Русской Церкви. К 80-летию Великой Победы.** Сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений в Санкт-Петербурге, 22 мая — 1 июня 2025 года / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2025. — 337 с.

ISBN 978-5-907987-58-6

Свято-Троицкие чтения — ежегодный форум, который включает в себя научно-теоретические и практические мероприятия, направленные на осмысление истории и современных проблем религии, культуры и образования в ценностно-гуманитарной перспективе. За прошедшие годы Чтения стали заметным событием в философско-культурологической, религиоведческой, богословской, научно-педагогической жизни Санкт-Петербурга и Северо-Запада России, приобрели не только общероссийский, но и международный статус.

ISBN 978-5-907987-58-6

© Авторы статей, 2025
© АНО ВО «РХГА», 2025

Научное издание

Директор издательства А. А. Галат
Оператор верстки П. К. Шаханов
Подписано в печать 30.10.2025.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Усл. печ. л. 22. Зак. № 1029

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: rhgapublisher@gmail.com. URL: <http://irhga.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство. Язык. Литература

<i>Аткина Л. И., Москаленко Е. В.</i> Сохранение исторических традиций в храмовой флористике в православии.....	8
<i>Баталова Т. П., Федянова Г. В.</i> Роман Ф. М. Достоевского «бедные люди»: формирование нового литературного направления — направления Достоевского	13
<i>Гурленова Л. В.</i> «Странники» Вяч. Шишкова: опыт художественной разработки темы беспризорничества	19
<i>Ишанова А. К.</i> Сновидение как тип литературной игры в русской литературе (Ф. Достоевский, Л. Толстой, И. Бунин, В. Распутин, В. Пелевин)	25
<i>Маркова Т. Н.</i> «Лейтенантская проза» СВО: специфика жанра.....	37
<i>Митрофанова И. А.</i> Принцип художественного равновесия в военных повестях Г. Я. Бакланова («Мёртвые сраму не имут»)	46
<i>Смирнова Д. М.</i> Интертекстуальность как элемент иронии в поэзии И. Бродского	64
<i>Федотов О. И.</i> Бракосочетание Ивана III и Софии Палеолог в сонетном триптихе Романа Славяцкого	72
<i>Федотов О. И.</i> В экфрасисном резонансе (о переводных сонетах А. Вознесенского в цикле «Мемориал Микеланндрело»)	80
<i>Черкасова Л. В.</i> Сравнительный анализ китайского и русского языков	91

Философия. Богословие. Религиоведение

<i>Бильченко Е. В.</i>	
Постсобытийный субъект в русской и зарубежной философской мысли: от ВОВ до СВО	96
<i>Воевода Д. В.</i>	
Православие как феномен исторической памяти	106
<i>Каптен Г. Ю.</i>	
Священная война в современном светском государстве	112
<i>Лысенко Е. М.</i>	
Трансцендентальность языка: между феноменологией и аналитикой (по материалам книги Лысенко Е. М., Торгашина А. Ю. «Язык и реальность. Часть 1)	123
<i>Торгашин А. Ю.,</i>	
Трансцендентальность языка: между феноменологией и аналитикой (по материалам книги Лысенко Е. М., Торгашина А. Ю. «Язык и реальность. Часть	128
<i>Сурков А. Г.</i>	
Информация и письмо постмодерна	133
<i>Чистяков Н. В.</i>	
Факторы становления совета церквей евангельских христиан баптистов независимой религиозной организацией в 1960–1970-х гг.....	142
 Общие вопросы психологии и педагогики	
<i>Пырьев Е. А.</i>	
Эмоциональные учебные мотивы подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации	150
<i>Лашук А. С.</i>	
Личностные характеристики людей, занимающихся эзотерическими практиками	157
<i>Милер М. А.</i>	
Профессиональная этика в системе подготовки фармацевтов	165
<i>Воронкин А. Н.</i>	
Анализ способов/механизмов изменений в психологическом консультировании и психотерапии.	169

Личностное благополучие и психическая травма

- Демидова И. А.*
Авторская программа библиотерапевтического тренинга
для женщин, находящихся в состоянии
личностного кризиса179
- Рыбак М. Ю.*
Ассоциативные полярные профили алко-аддиктов192
- Антонюк А. В., Котова С. А.*
Особенности психоэмоционального состояния молодых матерей
в послеродовом периоде200
- Бегунская А. В., Котова С. А.*
Особенности защитного поведения
женщин пенсионного возраста207
- Бутенко М. А.*
Влияние опыта сексуального насилия у женщин на последующие
отношения с мужчинами215
- Гнатко О. В., Бардиер Г. Л.*
Феноменологический подход к определению и концептуализации
понятия «травматический стресс» 223
- Зосименко Э. В.*
Коммуникативные практики виртуального пространства
как фактор психотравматизации подростков231
- Игнатенко М. С.*
Психологические аспекты духовной и научной мысли
в монастырской традиции242
- Константиновская О. В.*
Методология и методические подходы
к психологическому исследованию творческого самовыражения
профессиональных художников250
- Краснова Т. Е.*
Ментальная карта как инструмент структурирования
и презентации знаний о домашнем насилии261
- Краснова Т. Е.*
Ментальная карта как навигатор для психолога-консультанта,
работающего с объектами и субъектами домашнего насилия273
- Пантелеева М. В.*
«Городское насилие» и психотравма
жителей мегаполисов: бразильский опыт292

<i>Семенова Г. В., Турина А. О.</i> Коммеморация вклада С. Л. Рубинштейна в отечественную психологию жизненного пути и в подготовку психологов	299
<i>Соколовская В. В., Солнцева Н. В.</i> Ценностный компонент образа семьи у студентов с разным уровнем субъективного благополучия	306

Потенциалы российской культуры

<i>Цветкова Е. Т.</i> Проблемы распространения неоязычества в современной педагогической практике	312
---	-----

Михаил Сперанский. Итоги и проблемы изучения

<i>Марней Л. П.</i> К вопросу о подготовке плана финансов 1810 г.	320
<i>Масленников Д. В., Фролова Е. А.</i> Творческое наследие М. М. Сперанского в традиции русской философии права	330

Аткина Людмила Ивановна,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
atkinali@a.usfeu.ru

Москаленко Елена Витальевна,
старший преподаватель кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
moskalenkoev@m.usfeu.ru

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ХРАМОВОЙ ФЛОРИСТИКЕ В ПРАВОСЛАВИИ.

В статье дан сравнительный анализ благоукрашений храмов декоративными растениями в XIX и XXI в.в. Установлено, что подходы к цветочному оформлению храмов в XXI в. претерпели кардинальные изменения за счет расширенного ассортимента растений, современных расходных материалов и технологий для создания флористических работ. Рассмотрены принципы подбора видов растений и их цветовой палитры, используемых для цветочного оформления великих православных праздников в сравнении в XIX и XXI в.в. Сделаны выводы о необходимости сохранения традиций и передаче опыта благоукрашителями последующим поколениям.

Ключевые слова: храм, цветочное оформление, храмовая флористика, благоукрашения, растения.

Atkina L. I., Moskalenko E. V.

PRESERVATION OF HISTORICAL TRADITIONS IN TEMPLE FLORISTRY IN ORTHODOXY

The article provides a comparative analysis of the beautification of temples with ornamental plants in the 19th and 21st centuries. It is established that approaches to the floral decoration of temples in the 21st century have undergone drastic changes due to an expanded range of plants, modern consumables and technologies for creating floral works. The principles of selecting plant species and their color palette used for the floral decoration of the great Orthodox holidays in comparison in the 19th and 21st centuries are considered. Conclusions are drawn about the need to preserve traditions and transfer the experience of the beautifiers to subsequent generations.

Keywords: temple, floral decoration, temple floristry, decorations, plants.

В третьей книге Царств Ветхого Завета о храме написано, как о священном месте особого присутствия Божия «я освятит сей храм, который ты построил, чтобы пребывать имени моему там вовек; и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни» [1, с. 392]. Верующие заботятся о благолепии Домов Божиих и «стараятся украсить цветами в дни праздников православные храмы еще с древних времен» [6].

Это носит название «благоукрашение храма, то есть создания его внутреннего убранства, в противоположность строительству самого здания и обустройству территории» [5]. Одним из способов является украшения внутренних помещений храма с помощью растений.

Цель представленной работы — сравнение приемов оформления православных храмов декоративными цветочными композициями в XIX и XXI веках.

Сведений о цветочном оформлении храмов в конкретную историческую эпоху до XXI в. сохранилось очень мало. Сохранились некоторые архивные документы: описания в житиях святых, летописях воспоминаниях паломников, а также росписи стен монастырских храмов, старинные иконы, рисунки, картины с изображением цветов, что однозначно свидетельствует о наличии благоукрашений из живых цветов в храмах и монастырях. В отдельных старинных монастырях до сих пор частично сохранились рисунки на стенах и барельефы с цветочными мотивами (например, в соборной церкви в честь Святой Живоначальной Троицы Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре). Специалисты в области храмовой флористики буквально по крупицам собирают сведения о старинных цветочных оформлениях на Руси разных исторических эпох.

Храмовая флористика, как и традиционные виды церковного искусства, зародилась в монастырях, в которых монашествующие несли послушания по уходу за монастырскими садами. И. Ю. Бочкова пишет, что «с появлением в XI в. в Киеве первых на Руси монастырей сады в них играли в основном утилитарную роль» [2]. Человечество еще с древних времен стремилось благолепно украсить храмы живыми цветами, даже в самых суровых и отдаленных местах.

Растения из монастырских садов монашествующие приносили в храм для цветочного оформления икон и внутривхрамового пространства с целью создать красоту в священном месте. Но не нужно забывать, что храм создан, прежде всего для молитвы и в подтверждение этому слова из книги пророка Исаи: «...дом Мой назовется домом молитвы для всех народов» [1, с. 858].

Цветы в храме, с одной стороны, настраивают прихожан на молитву, усиливая молитвенное настроение и подчеркивая красоту внутривхрамового пространства, но с другой стороны, своим увяданием напоминают прихожанам о бренности, скоротечности земной жизни.

В XIX веке древние обители украшали просто. Традиционно прихожане приносили в церковь свежесрезанные садовые, полевые цветы, возвеличивая Бога, Божию Матерь, Святых и выражая трепетное отношение к священному месту, «искренне и просто пытающаяся раскрыть образ нашего представления о чистой красоте, о рае, куда стремится каждая христианская душа» [4].

Ранее благоукрашители не руководствовались законами флористики и главными ее критериями (цвет, форма, фактура) при создании флористических работ, выборе по цветовой палитре, схемой размещения флористических работ в различных частях храма.

Основным видом флористических работ был букет. Изобилие различных видов растений в монастырских садах позволяла монашествующим часто заменять цветочные букеты внутри храма. Для создания данного вида флористической работы использовали разные полевые и садовые цветы, травы, ветви деревьев и кустарников, растущие в монастырских садах (яблоня ягодная, черемуха, рябина, сирень, боярышник, кизильник блестящий, лапчатка) ярких цветочных сочетаний. Экзотические виды растений не применяли в цветочном оформлении храмов по причине дороговизны транспортировки из стран Европы. Благоукрашители использовали местные природные материалы (береста, мох, корни деревьев) во флористических работах для продления жизни растений. Например, для стойкости свежесрезанных растений во флористической композиции применяли влажный мох, размещая его в вазоны, плошки. Флористические техники без увлажнения были более популярны, чем с увлажнением. Часто использовали гирлянды, выполненные только из зелени (без цветов) в технике плетения без применения конструкции, требующей увлажнения. Украшали в основном, царские врата, икону праздника, престольные и чтимые чудотворные иконы, выносной крест, раки с мощами, свечи, подчеркивая глубокий смысл богослужения.

В XXI с развитием флористики возникают отдельные специализированные направления, такие как храмовая флористика, создаются школы храмовой флористики, где ученики целенаправленно проходят обучения по одному из узконаправленных видов искусства, выполняя более масштабные флористические работы (гирлянды, композиции) из многочисленного количества растительного материала, которое закупают во флористических организациях. Главными критериями выбора растений является их стойкость и декоративность. Широко применяются флористические техники (клеевая, воскирования, нанизывания, плетения), но основной является новая техника с применением флористической губки, с появлением которой расширились возможности по цветочному оформлению храмов. В настоящее время украшаются — Царские врата, иконостас, престольные и чтимые чудотворные иконы, раки с мощами, выносной крест, а дополнительно стали оформлять напольные подсвечники перед настенными иконами, свечи на выносных подсвечниках, паникадило, престол и горнее место в алтаре.

При благоуукрашении храмов живыми цветами используют разнообразные виды растений (роза, гвоздика, хризантема, лилия и др.), учитывая их стойкость и декоративность. Декоративные травы и экзотические растения используют в небольшом количестве для придания динамики иразнофактурности во флористических композициях. Например, в 2015 году при благоуукрашении праздника Святытеля Патриарха Тихона в Донском ставропигиальном мужском монастыре города Москвы использовали гиппеаструм (Hippeastrum Cultivar) для придания динамики.

Набор растений, внешний вид, цветовую палитру флористических работ никак не регламентирует церковный этикет. В настоящий момент принято внегласное правило о том, чтобы ориентироваться «в выборе цветовой палитры цветов, исходя из предпочтений настоятеля храма или цвета риз священнослужителей во время праздничной Литургии» [4]. В таблице указаны цветовая палитра церковных праздников и чина канонизированных святых (табл. 1).

Белый	Голубой	Желтый	Зеленый
Рождество; Крещение; Преображение; Вознесение; В честь Бесплотных ангельских сил; Дна памяти дев, девственников	Все праздники в честь Пресвятой Богородицы	Пророки; Апостолы; Святители	День Святой Троицы; Святого духа; Праведных; Преподобных, Юродивых; Вход Господень в Иерусалим;
Красный	Фиолетовый	Черный	
Пасха Дни памяти мучеников	Праздники и Дни памяти о Кресте Господнем	Великий пост	

Таблица 1. Основные традиции использования цветового решения церковного праздника

В результате проведенного исследования сделан вывод, что подход к флористическому оформлению православного храма с XIX века кардинально изменился. Это выражается в том, что в XXI в. выбор цветовой палитры растений для цветочного оформления зависит от чина канонизированных святых, появились новые возможности технологий составления композиций, включающей различные средства для фиксации растений, обработки поверхностей, оборудования для более долгого сохранения свежего облика цветущих видов.

Изменился и сам ассортимент, он более не связан с сезонами года. Основной ассортимент доступен всегда, так как выращивается в специализированных хозяйствах. А общее в благоукрашении храмов — это размещение флористических работ в значимых местах храма (алтарная и средняя части), у престола, чудотворных чтимых иконах, рак с мощами. Святой Иоанн Кронштадтский сказал, что «цветы — это остатки рая на Земле» [3]. Время от времени встречаются попытки современных флористов внести «чрезмерно современные» инновации в процесс создания и размещения флористических работ в храмах, но они не приживаются, так как храм — место где чтят традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. — М.: Сибирская Благовонница, 2010. с. 1476
2. Бобылева О.Н., Бочкова И. Ю. К вопросу о цветочном оформлении территории монастырей // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2018. Т. 22. № 1. С. 52–57. DOI: 10.18698/2542-1468-2017-5-52
3. Жемчужины мысли: [сайт] // Цитаты. URL: <https://www.inpearls.ru/author/yoann+kronshtadtskiy> (дата обращения 03.05.25)
4. Кондратьева Г. П. Храмовая флористика. — М.: Китаc, 2013. — 248 с.
5. Кто такой благоукраcитель?: [сайт] URL: <https://ortox.ru/wiki/kto-takoy-blagoukrasitel/> (дата обращения 03.05.25)
6. Москаленко Е. В. Основные приемы цветочного оформления храмов. Материалы НПКи // Ландшафтная архитектура: традиции и перспективы Екатеринбург.2022.С 121–126

Баталова Тамара Павловна,
кандидат филологических наук,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург

Федянова Галина Всеволодовна,
кандидат филологических наук,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург
batalovatp@yandex.ru

**РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
НАПРАВЛЕНИЯ — НАПРАВЛЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО**

Первый оригинальный роман Ф. М. Достоевского уже отличается зрелой, глубоко продуманной поэтикой. Это проявляется и в выборе жанра: эпистолярный роман, и в сложном сплетении основных романских линий, через которые раскрывается, прежде всего, духовность и сложный душевный мир главных героев — бедного немолодого чиновника Макара Алексеевича Девушкина и несчастной юной сироты Варвары Алексеевны Добросёловой, которая, несмотря на тяжёлые жизненные обстоятельства, «воле Господа покорна». Внимание читателей привлекает социальная сюжетная линия, заостряющая проблему личного неравенства в столичном обществе. Душевности главного героя противопоставит социальный эгоизм чиновничества, противостоящий соборному единству. Через эстетические вкусы героев и отдельные сюжетно-фабульные ситуации Достоевским особо подчёркнуто значение пушкинского и гоголевского творчества для развития русской литературы. В первых письмах Макара пушкинское и гоголевское начала были разъединены. Кульминационная сцена в кабинете его превосходительства позволила герою осознать возможность взаимопонимания, возникающую на духовно-нравственной основе. Так возникает новое литературное направление — направление Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, повесть, роман, соборность, герой.

Batalova T. P. Fedyanova G. V.

**F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «POOR PEOPLE»: THE FORMATION OF A NEW
LITERARY DIRECTION — DOSTOEVSKY'S DIRECTION**

F. M. Dostoevsky's first original novel is already distinguished by its mature, deeply thought-out poetics. This is reflected both in the choice of genre: an epistolary novel, and in the complex interweaving of the main novel lines, through which, first of all, the spirituality and the complex mental world of the main characters are revealed — the poor middle-aged official Makar Alekseevich Devushkin and the unfortunate young orphan Varvara Alekseevna Dobroselova, who, despite difficult life circumstances, is «submissive to the will of the Lord». The readers' attention is attracted by the social storyline, which highlights the problem

of personal inequality in the metropolitan society. The sincerity of the protagonist is opposed by the social egoism of officialdom, which opposes conciliar unity. Through the aesthetic tastes of the characters and individual plot–plot situations, Dostoevsky emphasized the importance of Pushkin and Gogol's work for the development of Russian literature. In Makar's first letters, Pushkin's and Gogol's beginnings were separated. After the climactic scene in His Excellency's office, the hero realizes the possibility of mutual understanding that arises on a spiritual and moral basis. This is how a new literary trend arises — Dostoevsky's direction.

Keywords: Dostoevsky, novella, novel, conciliarity, hero.

Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» был предметом многих исследований как в прошлые годы [13, с. 13–16], так и в последнее время [4; 10; 6; 7, с. 609–637]. Большой вклад в изучение проблемы Соборности сделан И. А. Есауловым [8]. Но не все важные проблемы, изучены в достаточной степени. Подобные исследования необходимы и потому, что, работая над первым романом, писатель актуализирует в нём идеи, характерные для его романного творчества в целом. Большое значение в этом плане имеют и отражённые в «Бедных людях» особенности исторической обстановки, в которой это произведение создавалось.

В 1845 г., когда Достоевский работал над романом, вышел в свет «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных», изданный Д. А. Валуевым. Научно-исторический подход к проблеме социальных перспектив развития проявился прежде всего в стремлении Д. А. Валуева показать особенности исторического пути России. Для всесторонности рассмотрения проблемы в этом издании приняли участие и западники, и славянофилы. Главная мысль «Сборника...» в том, что решение вопроса о влиянии Европы на Россию должно опираться не только на умозрительные заключения, но и на изучение конкретных материалов. Д. А. Валуев пишет: «И потому мы должны сознавать себя и видеть в том просвещение, которое приняли от Запада, не вывод из чужой жизни, которой дальнейший силлогизм для нас невозможен и неуловим, а науку, опыт и материал для нашего будущего, которое <...> нас призывает на самостоятельное участие в мировом деле человечества, в новых, может быть, образах мысли и жизни, и новых еще нетронутых и свежих силах. Ибо Россия, бесспорно, ещё не пережила и не узнала в себе самой десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в ее духе или рассеяны на ее незримом пространстве» [3, с. 5–6].

Идеи, сформулированные Валуевым в «Сборнике» отразили магистральное направление социальных исканий русской интеллигенции. В 1830–1840-е гг. в русском обществе — особенно в связи со спорами между западниками и славянофилами — обострился вопрос о последствиях влияния Европы на русскую культуру. Вывод Валуева во многом сложился под влиянием изменений, внесённых отечественной литературой в культурное сознание русского образованного общества. Ранее Пушкин в «Медном Всаднике» проводит мысль о том, что реформы Петра I вступают в противоречие с корневой

русскостью: Пётр 1 «Россию поднял на дыбы». Гоголь продолжил и усилил мысль А. С. Пушкина в Петербургских Повестях. Они названы Петербургскими, т.к. в Петербурге, средоточии западного влияния, его отрицательные последствия особенно сильны. Они проявляются через превосходство оценки богатства, денег над традициями и духовными исканиями национальной культуры. Гоголь — через обращение, к примеру, к костюму персонажа — может многое сказать о столичном обществе в целом.

Если оторвавшаяся «стремешка» случайного пешехода передаёт гоголевский юмор, то заглавие повести «Шинель» перерастает по значению из бытовой части костюма в символ трагедии жизни. Гоголь подчёркивает, что введённые Петровским «Табелем о рангах» (1722) порядки за прошедшие столетия, ослабив своё положительное действие, создали ситуацию, погубившую его героя бедного чиновника Акакия Акакиевича Башмачкина.

Достоевским в романе «Бедных людях», вслед за гоголевской «Шинелью», показаны отрицательные последствия европейского влияния на русскую жизнь через отображения чиновничьей среды, что сближает его с Гоголем. Но Достоевский не только продолжает Гоголя, но и усиливает его драматизм, и через судьбу своего героя выявляет общность взглядов Гоголя с Пушкиным на судьбу «маленького человека». У Гоголя Башмачкин изменил свой костюм: старую шинель, прозванную насмешниками «старым капотом», — на новую шинель. Благодаря этому менялось отношение к нему как к объекту унижений, что вызвало неудовольствие его товарищей. Служивцы во время вечеринки бросают шинель на пол. Но бедность Башмачкина оказалась сильнее требований ранга: по бедности он не может нанять извозчика; новая шинель продельвает пеший путь «старого капота», когда разбойники раздевают и грабят бедного чиновника. Его превосходительство отнёсся с презрением к Акакию Акакиевичу, услышав жалобу героя о пропавшей шинели. Башмачкин умер не только от болезни, но и от нравственного страдания. Земное бытие героя закончено. Действие, предшествующее мистической сцене, полностью завершено, что характерно для повести.

«Бедные люди» — эпистолярный роман: введён второй главный герой, а, вместе с тем, наряду с гоголевскими, и пушкинские начала (особенно влияние «Станционного смотрителя»), показывающие глубину душевного мира Макара и Вареньки, их христианскую любовь. Мотив любви Девушкина к Вареньке становится лейтмотивом любовной сюжетной линии, направленной в метароманное будущее героев. Варенька, ставшая наставницей Макара в его поисках «слога», переживающая непосильные трудности, уходит в брак с господином Быковым со словами «Я воле Господа покорна» [5, с. 135].

Достоевский как бы подсказывает читателю о важности преодоления отрицательного влияния европейских установок на русскую жизнь через духовность своих главных героев: православную веру, соборность. Идеи Достоевского, переданные через взаимоотношения его героев, перекликаются

с мыслью А. С. Хомякова о «божественной благодати взаимной любви» [12, с. 16].

Несколько отступая от времени вступления в литературу Достоевского, обратимся к жизни идеи, к дальнейшему развитию понятия Соборности, к поискам полноты определения позднее Хомякова, считавшего, что Соборность выражает идею единства во множестве. Его преемниками в исследовании этой категории Православия стали о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, В. Иванов, о. Павел Флоренский [2; 1; 9; 11]. Это отступление, обращение к философской плеяде великих учёных всё же не случайно. Читаем у Булгакова: соборность — «душа православия» [2, с. 145]. Н. А. Бердяев в «Русской идее» уточняет: «...соборность противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммунитарность, но не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости» [1, с. 25]. Идеи этих философов близки социокультурным установкам времени появления «Бедных людей». В их исканиях, возможно, проявляется след и «раннего» Достоевского.

Более того, социальный конфликт главного героя с чиновниками департамента связан с чутким пониманием Достоевским тех духовных процессов в столичном обществе, которые закладывали гражданское противостояние. В романе это передаётся через душевную открытость Макара Алексеевича и своеобразную замкнутость, формирующуюся кастовость благополучной части чиновного общества. «Доброму сердцу» Макара Алексеевича противостоит убеждение сослуживцев: «Отнеслись намереди в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить» [5, с. 59]. Человеку «сердца» трудно в это поверить. А он «почти 30 лет» общается с чиновничеством. Т.е. за эти 30 лет произошли какие-то существенные изменения в общественной жизни. «Доброе сердце» не может принять этого сбоя в нравственных подходах к жизни. Вопреки их издевательскому отношению к себе он не разрешает себе плохо думать об уже сложившемся коллегиальном образе — «злой человек». Поэтому он тут же предполагает, что это «шутка». Но дальнейшие поиски денег в долг для спасения Варвары Алексеевны в значительной степени меняют его взгляд на сослуживцев. Только после того, как ему — чиновнику 9 ранга, титулярному советнику — чиновник низшего 14-го класса ростовщик (богатый и поэтому — уважаемый), увидев бедность Макара Алексеевича, не поверил на слово, не дал денег в долг без залога, Макар Девушкин понял, что для его сослуживцев — как и для всего департамента — деньги важнее высоты ранга. Герой, способный отдать последнее тому, кто в ещё более тяжёлой ситуации, размышляет, что достоинство человека его сослуживцами определяется его деньгами. После того, как сторож не даёт ему щётку общего пользования, Девушкин должен признать: «...я и у этих господ чуть ли не хуже ветошки, об которую ноги вытирают» [5, с. 100]. Достоевский готовит своего героя

к главному служебному испытанию и завершению социальной сюжетной линии, встрече с генералом. «Распеканция», которую ждал герой, сменилась человечностью. В экспрессивном письме «Сентября 9», написанном «вне себя», передаются подробности, помогающие оценить высший результат добра: «Этим поступком они меня самому-себя возвратили. Этим поступком они мой дух воскресили...» [5, с. 119]. Искренность слов о молитве «...о счастии и благополучии его превосходительства...» [там же], о вере в силу молитвенного слова подтверждаются и письмом «Сентября 11», где Макар с благодарностью пишет о душевной поддержке в трудные дни со стороны Вареньки: «Вы одне, ангельчик, укрепляли меня, вы одне утешали меня, напутствовали советами благими и наставлениями» [5, с. 123]. Душевно-нравственные искания героя, стремление к личностному равенству свойственны православному, соборному мировосприятию, выраженному в Евангелии от Матфея: «Ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф: 18:20).

Именно в сцене с его превосходительством (т.е. статским генералом, чиновником четвёртого ранга) сталкиваются и сюжетно объединяются пушкинское и гоголевское направления и на основе их взаимодействия возникает — направление Достоевского: доброе дело, духовность победили. Христианская любовь к ближнему оказалась выше социальной регламентации, преодолела субординацию — закон, стала благодатью — соборностью.

Достоевский, создавая роман «Бедные люди», учитывал достижения и своеобразие русских произведений и опыт европейского романа; вместе с тем, стремился реализовать свой взгляд на творчество в условиях, когда социальный роман оказался требованием русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Цит. по: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
2. Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 145.
3. Валуев: Предисловие // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных. М., 1845. С. 5–6.
4. Викторovich В. А. Как маленький человек делается большим // Викторovich В. А. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну: 15 лекций для проекта Магистерия. М., 2019;
5. Достоевский Ф. М. ПСС. Канонические тексты. Продолжающееся издание. Петрозаводск, 1995. Т. 1.
6. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. ПСС. Канонические тексты. Т. 1.
7. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. 2018, № 2.
8. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
9. Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994
10. Тихомиров Б. Н. Статья //Ранняя проза Ф. М. Достоевского. М. 2022
11. Флоренский П. А. Соч. Т. 2. М., 1990.

12. Хомяков А. С. Цит. по: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 16.
13. Щенников Г.К. «Бедные люди» // Достоевский: Словарь — справочник. СПб, 2008.

Гурленова Людмила Викторовна
Доктор филологических наук, профессор,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
gurlenovalv@syktsu.ru

«СТРАННИКИ» ВЯЧ. ШИШКОВА: ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ БЕСПРИЗОРНИЧЕСТВА

В статье исследуется повесть Вяч. Шишкова «Странники» в контексте идейно-художественных установок писателя, с привлечением элементов биографического метода. Представляется история публикаций повести, характеризуется направленность ее исследований, в том числе публикации последних лет о роли библейской символики, акцентируется наличие связи повести с научными междисциплинарными идеями в теме беспризорничества, интерес писателя к психоанализу, определяется перспектива исследований повести, в том числе ее изучение в контексте художественных произведений 1920-х годов о беспризорниках, включение Шишкова в дискуссии о методах и формах воздействия на личность безнадзорных детей, о роли и функциях натуралистических тенденций.

Ключевые слова: художественная индивидуальность, тема беспризорничества, литература 1920-х годов, библейская символика, поэтика контрастов, психоаналитика, структура.

Gurlenova L. V.

«WANDERERS» BY VYACH. SHISHKOV: AN EXPERIENCE IN ARTISTIC DEVELOPMENT OF THE THEME OF HOMELESSNESS

The article examines Vyacheslav Shishkov's story «Wanderers» in the context of the writer's ideological and artistic principles, using elements of the biographical method. The article presents the history of the story's publications, characterizes the focus of its research, including recent publications on the role of biblical symbolism, emphasizes the story's connection with scientific interdisciplinary ideas on the topic of homelessness, the writer's interest in psychoanalysis, determines the prospects for researching the story, including its study in the context of 1920s fiction about homeless children, Shishkov's inclusion in discussions on methods and forms of influence on the personality of homeless children, on the role and functions of naturalistic tendencies.

Key words: artistic individuality, topic of homelessness, literature of the 1920s, biblical symbolism, poetics of contrasts, psychoanalysis, structure.

В статье исследуется повесть Вяч. Шишкова «Странники», в которой автор включился в обсуждение темы беспризорничества 1920х годов. Беспризорники этого времени — огромное количество детей, оставшихся без родных в период мировой и гражданской войн.

Чтобы понять характер идейно-художественного воплощения темы в этой повести, обладающей большой общественной значимостью, важно напомнить о позиции и жизненном опыте писателя.

Вячеслав Яковлевич Шишков пришел в литературу зрелым человеком, имеющим большой опыт наблюдений над жизнью людей разных социальных слоев. Прежде всего пестрого сибирского населения, так как двадцать лет был техником-землепроходцем в Сибири: участвовал и затем возглавлял экспедиции по северным рекам (Оби, Бии, Катунь, Енисее, Чулыме, Лене, Нижней Тунгуске, др.) и проводил работы по изучению Чуйского такта. Наблюдательность и аналитичность, сострадательный интерес к людским судьбам, нередко сломанным, природное владение словом, умение чувствовать насущные проблемы времени и творческая активность Вяч. Шишкова обусловили его достойное место в литературном процессе дореволюционной и советской эпох.

Он оставил большое литературное наследие. Уже в 1926–1929-х годах в издательстве «Земля и фабрика» выходит первое собрание сочинений Вяч. Шишкова в 12 томах, которое интересно и сегодня; переиздано в издательстве «Недра» в 1931 году; в 1946–1948 году изданы избранные сочинения в 6 томах (повесть «Странники» включена во второй том); в 1958 году — избранные сочинения в 4х томах (повесть «Странники» опубликована во втором томе); несколько раз издавалось, в том числе и в постсоветский период, собрание сочинений в 8 томах, первый раз — в 1960–1962 годах, составлено В. М. Бахметьевым (повесть входит в 3-й том); в 1974 году под редакцией Н. Еселева изданы сочинения в 10 томах (повесть включена в четвертый том). Таким образом, во-первых, собрания сочинений В. Я. Шишкова многократно издавались и переиздавались на протяжении советского и постсоветского периода, что свидетельствует о постоянстве читательского спроса на произведения писателя; во-вторых, повесть «Странники» была включена во все издания, вышедшие после ее завершения писателем, несмотря на непрекращающуюся критику. Следовательно, для писателя она была принципиально важна.

Вся творческая жизнь писателя сопровождалась дискуссиями; в советское время они были вызваны тем, что он руководствовался не формирующейся идеологической нормативностью, определяющей характер изображения, например, гражданской войны или жизни крестьянства, а стремлением передать в гуманистической проекции переживаемое человеком трудное историческое время. В. Я. Шишкова обвиняли поэтому в неверных оценках изображаемой области жизни (крестьянская жизнь, беспризорничество, эпоха капитализации в России, история крестьянских восстаний, др.). Обвинения, уже иного рода, появляются и сегодня, в том числе и в отношении повести «Странники» (например, что Шишков — писатель массовой литературы, что «Странники» — конъюнктурное произведение).

К критике писатель относился рационально, что-то принимал, поскольку был критичен к себе и всегда ориентировался на классическую литературу как образец, но в принципиальных вещах оставался верен себе. Для Вяч. Шишкова по характеру его образования и жизни главным было отражение реального

состояния человека, его жизненных условий и мироощущения, что не могла отменить критика и доминирующая политическая идея.

Первая часть повести «Странники» была опубликована в 1930 году (журнал «Красная новь»), отдельным изданием, с продолжением, повесть вышла в 1931 году. В исследованиях советского времени повесть почти не отражена: в монографии 1976 года Н. Х. Еселева ей уделено менее 3 страниц, а в монографии 1984 года Н. Н. Яновского она даже не упомянута [2, с. 47]. Действительно, повесть не имела (и не имеет до сих пор) исследований обобщающего характера, при котором произведение представало бы как художественная целостность: авторы публикаций обращали преимущественное внимание или на ее первую часть (Филька и Амелька), критикуя автора за неверный подход к изображению жизни беспризорников, или на ее продолжение, в котором описывается процесс изменения части героев, что положительно оценивалось (а сегодня подвергается критике) как изображение воспитания из беспризорников людей новой советской формации (3, с. 123–124).

В последние годы опубликованы содержательные исследования повести, авторы которых стремятся найти новые подходы и научный инструментарий для анализа ее идейного содержания и связанную с этим художественную структуру, поясняют характер отношений Вяч. Шишкова и М. Горького: исследования Л. Суматохиной [6], В. А. Редькина [5], Е. В. Израновой [4], В. И. Габдуллиновой и Е. В. Израновой [1].

Характерно, что авторы представляя свою позицию как «опыт реинтерпретации повести», приходят к выводу, что именно библейская символика передает авторский замысел — изображение пути прозрения и воскресения, «движение героев от тьмы преисподней к свету» [1, с. 130]. Это методологически продуктивный путь, который был заявлен и ранее, но не получил развития в силу исторических обстоятельств. Сегодня его можно заново применить к ряду других произведений писателя. Для повести «Странники» он может дать и новую оптику восприятия ее современным читателем, который склонен оценивать повествование в частях «Мрак дрогнул» и «Труд» как избыточную иллюстрацию роли государственных учреждений в перевоспитании беспризорников.

Однако заметим, что повесть «Странники» появилась в ряду других произведений о беспризорниках. Это «Правонарушители» Л. Сейфуллиной (1924), «Шпана: рассказы о жизни беспризорных» А. Кожевникова (1925), «Педагогическая поэма» А. Макаренко (работа началась в 1925), «Республика ШКИД» Г. Белых, Л. Пантелеева (1928), др. Все писатели, независимо от их литературного опыта, размышляли над вопросом о способах и возможностях изменения жизни безнадзорных детей. Начало этому положила Л. Сейфуллина, изобразив деятельность коммуны малолетних правонарушителей как эксперимент по перевоспитанию, главным принципом которого был избран труд (последняя часть повести Шишкова «Странники» так и названа, и это отражает

включенность писателя в дискуссии тех лет). Тогда же проблема беспризорничества стала активно осмысляться в науке и публицистике, приобретает междисциплинарный характер (публиковались труды педагогов, психиатров, юристов, криминалистов, др.), выдвигались вопросы о причинах и методах противодействия беспризорности. Наиболее содержательными были издания М. И. Маро (Левитиной): «Работа с беспризорными: Практика новой работы в СССР» (1924), «Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы» (1925). Предисловие к последней книге написал психиатр, профессор А. Б. Залкинд, через несколько лет он станет главным редактором журнала «Педология» (идеи педологии оказали влияние на литературу о беспризорниках).

Для Шишкова психология поведения героя была интересна с самого начала его творчества, наиболее последовательно, с использованием обширного арсенала художественных средств, она была реализована в романе «Угрюм-река» (внутренняя речь, авторские характеристики, галлюцинации, видения, сны, пр.). В повести «Странники», особенно в первой части, психологизм прирастает психоаналитическими мотивировками поступков; они включаются в текст фрагментарно, сопровождаются описанием неврастенических и психопатических реакций, но полной картины внутренней жизни героя не создают.

Интерес к психоанализу в 1920е годы сформировался не только в художественной литературе, но и в разных научных областях, а также в художественных биографиях (например, Ермаков И. Д. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина (опыт органического понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и маленьких трагедий), 1923; его же: Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя, 1924). Интерес Шишкова к психоанализу вполне очевиден, возможной причиной этого является выбор писателем особого героя — со сломанной душой и судьбой. Известно об интересе Шишкова к трудам известного психиатра и психоаналитика П. Б. Ганнушкина, разработавшего клинику психопатий и их классификацию (можем увидеть ее отражение в поведенческих моделях героев «Странников»). Однако извлекая ценное для себя из этих наблюдений ученого, Шишков иронически относится к его экспериментам с гипнозом. Он создает в повести карикатуру на эксперименты с гипнозом с целью перевоспитания беспризорников, заявляя тем самым об опасности научных идей, когда они приобретают статус модных.

Таким образом, психоаналитическая линия в «Странниках» нуждается в исследовании. Как и тема беспризорничества в литературе 1920-х годов: нужен полный перечень произведений, анализ позиций авторов, их художественных решений, приведение полученных результатов в какую-то систему.

Известно, что Шишков писал только о том, что он хорошо знал или по опыту своей жизни, или на основании огромного числа документов, собранных об эпохе и личностях (роман «Емельян Пугачев»). Чтобы получить

непосредственное знание о жизни беспризорников, знать их быт и нравы, Шишков жил среди них. Увиденное поразило его. Еще до этого, в «Автобиографии» 1926 года, он писал о назначении писателя «указывать народу на вершины человеческой жизни или давать ... /ее/ для контраста, в отрицательных чертах, в провалищах...» [7, с. 15]. В «Странниках» осуществляется этот авторский принцип. Он формулируется прямо в тексте, в речи одного из главных героев – Амельки: «Жизнь наша, понимаешь, очень любопытная. Эх, в книжечку бы списать, да отпечатать. /.../ Знали бы люди, до чего может человек дойти, до какого стыда, до пакости ...» [8, с. 101].

Шишков пользуется средствами поэтики безобразного, в его описаниях многочисленны натуралистические детали. Беспризорники в его описаниях — это «преисподнее царство», «морды», «полулюди, полужверёныши», их лица — «маска», «гримаса», в которой «скользит злобность, тупое презрение к жизни, бахвальство, ярь», их лица напоминают безжизненную маску, а пляска — танец мертвецов [8, с. 70]. Многим персонажам придается какая-то отталкивающая деталь или уродство: Пашка-Верблюд — горбат и мал, Карась и Клоп-Циклоп одноглазы, Андрюшка Грач — короткошей урод, у Спирьки Полторы-ноги уродливо скрючена нога, нередко патология поведения в отношении других людей, животных и себя, в реакциях персонажей отчетливо видна непроявленность сознательного. Выбор героев с самого «дна», неразвитость сознательного в их личности, инстинкты в виде регулятора поведения, оскверненная, разрушенная среда, отсутствие понимания ценности смысла жизни и смерти и другие средства создания образа героя и среды его обитания, фрагментарность представления жизни многочисленных персонажей, свобода композиции внутри блоков — трёх частей повести и т. д. позволяет говорить, что в повести «Странники», как и в ряде других произведений русской литературы 1920 х годов, проявлены предпосылки русского литературного постмодернизма.

Исследование, проведенное в рамках настоящей статьи, позволяет сделать вывод, что в художественном мире повести «Странники» интегрированы признаки разных методов и стилей, что необходимо учитывать при анализе текста для получения объективных и более полных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдуллина В. И., Изранова Е. В. Библиейская символика в повести В. Я. Шихова «Странники» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 119–132.
2. Глушков С. В. Христианские мотивы в повести В. Я. Шихова «Странники» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2016. № 3. С. 47–50.
3. Еселев Н. Х. Шишков. М.: Современник, 1976. с. 122–124.
4. Изранова Е. В. Мотив корабля в повести В. Я. Шихова «Странники» // Sibac.

info. 2014. № 1 (27). С. 3843.

5. Редькин В. А. Онтологические проблемы в романе В. Я. Шишкова «Странники» // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества / научн. ред. В. А. Редькин. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 1736.
6. Суматохина Л. Максим Горький и Вячеслав Шишков о русском крестьянстве (К вопросу о личных и творческих отношениях писателей в 1920е годы) // Сибирские огни. 2010. № 3. С. 163–171.
7. Шишков Вяч. Мой творческий опыт. М.: Сов. Россия, 1979. 93 с.
8. Шишков В. Я. Странники: Повесть. М.: Современник, 1979. 432 с.

Ишанова Асима Калимовна,
Доктор филологических наук, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан
Ishanova87@mail.ru

**СНОВИДЕНИЕ КАК ТИП
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(Ф. ДОСТОЕВСКИЙ, Л. ТОЛСТОЙ, И. БУНИН,
В. РАСПУТИН, В. ПЕЛЕВИН)**

В статье рассматривается сновидение как тип литературной игры в разных художественных течениях и направлениях, выявляются особенности «сновидных» приемов, образов, функций преимущественно в русской классической литературе. В реализме сон может обозначать юнгианскую Тень демонического саморазрушения («Анна Каренина» Л. Толстого). В прозе В. Распутина иноказательная символика сна глубоко связана с русской национальной мифологией и сознанием. В литературе модернизма игра-сновидение («Сон» Ф. Кафки) обнажает еще более глубокие, опосредованные связи сознания и бессознательного, а в постмодернизме часто граничит с абсурдом и шизоанализом («Спи» В. Пелевина).

Ключевые слова: литературная игра, сновидение, русская литература, реализм, модернизм, постмодернизм

Ishanova A. K.

**DREAMING AS A TYPE OF LITERARY GAME IN RUSSIAN LITERATURE
(F. DOSTOEVSKY, L. TOLSTOY, I. BUNIN, V. RASPUTIN, V. PELEVIN)**

The article examines dreaming as a form of literary play across various artistic movements and trends, identifying the characteristics of «dream-like» techniques, imagery, and functions, primarily in Russian classical literature. In realism, dreams may represent the Jungian Shadow of demonic self-destruction (e.g., Tolstoy's «Anna Karenina»). In V. Rasputin's prose, the allegorical symbolism of dreams is deeply connected to Russian national mythology and consciousness. In modernist literature, the dream-play (e.g., Kafka's «The Dream») reveals even deeper, mediated connections between the conscious and unconscious, while in postmodernism, it often borders on absurdity and schizoanalysis (e.g., Pelevin's «Sleep»).

Keywords: literary game, dream, Russian literature, realism, modernism, postmodernism

Особый вид игры заложен в основу сновидения. Это игра таинства, загадки, тайны, ощущения пребывания в иных пространствах, другом времени, смена вариантов проигрывания другой жизни. Сновидение обладает целым рядом характеристик, основанных на принципах игры: неопределенность времени и пространства или «обратный ход времени», резкие скачки «кадров», фрагментарность, обрывы начала и конца, нарушение причинно-следственной связи, обыденность алогичного, несвязанность эпизодов и планов.

Игра заключена и в том, что человек, проснувшись, пытается почти всегда разгадать свой сон, который может заключать в себе загадку прошлого или пророчество, предупреждение, знак, сигнал о грядущих переменах.

Сновидение — это важное соединительное звено между сознательным и бессознательным. Во сне сознательное менее эмоционально, а символическое содержит так много психической энергии, что мы вынуждены обратиться на них внимание. Сны играют важную замещающую роль. Они уравнивают разнообразные отвлекающие влияния, которым мы подвержены в сознательной жизни, направляя наше мышление иногда в парадоксальное для нашей индивидуальности русло.

Тем самым, сновидение в тексте можно отнести к системе игровых образов и мотивов, к литературной игре. Ведь сновидение обозначает грань перехода из одного мира в другой, это игра миров, игра сознания и бессознательного, явленного и сокрытого.

В разные эпохи существовали несходные представления о природе и направленности снов. Самыми архаичными являются толкования о том, что сны — это приключения души. До сих пор бытует мнение о предсказательной функции сновидений. Интерпретации сновидений отводится главенствующая роль в научной психиатрии и психотерапии. О пограничности сна писали З. Фрейд, К. Г. Юнг, разработавшие целую систему психоанализа сновидений, П. А. Флоренский.

М. Фуко в работе «Сон, воображение и экзистенция» (1986) [8, с. 15] называет сновидение подлинным пространством человеческой свободы, проявляющим сокровенное в «я» личности, не подвластное сознанию. И. П. Павлов считал сновидение «небывалой комбинацией бывалых впечатлений» [8, с. 15]. Грань сознательного и бессознательного, текста и реальности, воображаемого и действительного, реального и нереального сложно сосуществуют в сновидении. Н. А. Нагорная выделяет следующие функции сновидения в литературе: «создание таинственной атмосферы, мотивировка поступков персонажей, их эмоционального состояния» [9, с. 44]. Сновидения в литературе могут быть и знаком предупреждения, знамения, наставления, могут восприниматься как помощь, подсказка, исполнение желаний, проявление искушения, испытания, провокации. Амбивалентность, антиномичность и проявляют игровую суть сна.

Исследователи по-разному интерпретируют особенности временно-го плана сновидений. Н. А. Нагорная считает, что сновидения вмещают в себя три времени (прошлое, настоящее, будущее) и поэтому часто связаны с хронотопом произведения. В. В. Савельева отмечает, что «сновидение дает представление о каких-то иных, недоступных нам в пределах дневного опыта, видах пространства и времени» [11, с. 104]. Д. Давыдов, ссылаясь на Флоренского, пишет об «обращенном» времени сна, когда время идет в обратную сторону относительно дневного [6, с. 246]. Время сновидений

отличается неопределенностью. В зависимости от характера сна, можно выделять все отмеченные особенности хронотопа сновидений. Здесь задействованы несколько иные принципы и координаты, отличающиеся от дневного времени и пространства. Д. Давыдов обращает внимание на чудесные-фантастические, подлинные-неподлинные сновидения. В. Савельева отмечает преобладание визуального, воображаемого, а не слухового в сновидениях.

Своеобразие игровой ситуации в том, что сновидец является автором сна и наблюдает за ним как зритель [9, с. 44]. Это позволяет выделить двуединую основу сновидения. Истоки сновидения в жизни и созерцание его исходят от самого человека и от коллективного бессознательного, от архетипической прапамяти, а в художественном произведении в этом участвует еще и подлинный автор, скриптор, нарратор. Смещение точек зрения автора, повествователя, персонажа, героя создает сложную игру сознания.

Каково место сновидения в системе игровых форм пересоздания, исследования действительности и человека? Сновидение-игра имеет свои отличительные особенности. В целом сновидение — это игра сознательного и бессознательного, странное смещение трех времен, когда появляется некая химера триединства — некое четвертое время-пространство, в котором нет линейной последовательности, в котором будущее в настоящем, а прошлое неразрывно от настоящего-будущего.

Игра в сновидении и игра сновидений — эти приемы позволяют писателям раскрывать не только внутренний мир, но также и сферы подсознания, бессознательного в человеке. Помимо этого, игра сновидений проявляется в антиномичности сна, не совпадающего с реальностью. Сновидение — само по себе игра, но по-особенному таинственная. Можно выделить разновидности сновидений в литературе, в которых игра наиболее выражена. Отличаются произведения, в которых реальность и сон — две жизни одного персонажа, во многом резко отличающиеся по сути.

Многие ученые считают чисто барочной идею о жизни как сне, но она уже была достаточно четко выражена в восточных древних памятниках литературы, философии и культуры. Примером может служить известная притча китайского философа Чжуан-цзы о бабочке и Чжуан-цзы, встретившихся во сне, который приснился то ли человеку, то ли бабочке.

Особое значение приобретает прием смешения сна и галлюцинаций в «Жизни Климса Самгина» М. Горького, позволяющий четче выделить смятение и хаос в сознании главного героя. Часто сновидение в литературе реализма используется как прием с тем, чтобы мотивировать необычное, чудесное, фантазмагорическое в поворотах сюжета, в характере героя («Сон смешного человека» Ф. Достоевского, «Дос Бедел Дос» М. Ауэзова). Сновидение в большей степени создает у человека иллюзию перемещения в пространстве, хотя нельзя исключать и бессознательно-воображаемое или реально-художественное путешествие во времени. Сновидение иногда

может четко обозначить приметы прошлой или будущей жизни — сам сновидец может видеть себя ребенком, рядом с ним могут быть люди из прошлого.

В. Савельева вслед за Е. Фарыно выделяет инаковость пространственной организации сновидений, причем Е. Фарыно онейрическими называет не только состояния сна, но и «мечтания, миражи, галлюцинированные картины, вызванные воображением или особым состоянием героя», «пространства зеркал», «фильмов», «памяти», «души» [13, с. 263]. Однако возникает необходимость четко различать сновидение, не смешивая его с миражами, галлюцинациями, визионерской, девиантной, наркотической психоделикой различного рода.

В литературе сновидению отводится значительное место. В художественном тексте может быть рассказ о сне, непосредственное изображение сна, сон может совпадать со всем текстовым пространством произведения, может быть вкраплением, фрагментом текста.

Функции сновидения в древней литературе чаще всего связаны с возможностью предсказания, пророчества, во многих сказках, в эпосе сон — возможность заглянуть в будущее. В реалистической литературе чаще всего эта функция — связь с будущим может сохраняться, но осложняется большей акцентировкой изображения внутреннего мира человека.

Особый смысл сновидение приобретает в творчестве Ф. М. Достоевского. Во многих произведениях — «Преступление и наказание», «Идиот», «Сон смешного человека», «Братья Карамазовы» сон становится значимой частью текста. В «Преступлении и наказании» есть два сновидения, заставляющие читателя активно разгадывать их. Один из «страшных» снов герой видит не в своей камерке, а упав в траву, не дойдя до дома. Раскольников незадолго до свершения убийства видит сон о том, как толпа пьяных мужиков забивают до смерти тощую клячу, себя же Раскольников видит мальчиком, испытывавшим громадное потрясение. Во сне он испытывает острую жалость к лошади, а наяву вынашивает, не без содрогания, мысль об убийстве человека. Сон о жестоком убийстве лошади и вселенской жалости героя к ней контрастирует с преступными замыслами Раскольникова. Не случайно во сне он — ребенок, а не Раскольников в его нынешнем состоянии. Сон раскрывает глубоко загнанное внутрь состояние его души. На убийство старухи-процентщицы Раскольников идет вопреки самому себе, подчиняясь маниакальной идее. Сон будто напоминает ему о его подлинном «я», оставшемся в далеком детстве, как бы предупреждая, что убийство усугубит дисгармонию души.

В другом сне-кошмаре, уже после преступления, Раскольников безуспешно пытается убить (в реальности уже мертвую) старуху, которая неслышно смеётся над ним. Этот сон он видит, пребывая меж сном и галлюцинациями, в своей камерке, где «и созревала» сама идея убийства. Символика этого сна содержит намек на то, что Раскольникову не удалось убить заблуждение и гордыню в себе, он дал возможность теперь всему злу, которое она для него

воплощала, заполнить еще более значительные пространства сознания. Эти два сновидения в определенной мере контрастны. В первом сне герой страдает невинному животному, а во втором он — сам убийца, убеждающийся в умножении им зла.

М. Бахтин, анализируя «Сон смешного человека» (1877) Ф. Достоевского, употребляет термин «кризисный сон», обозначая им сны, приводящие к перерождению или обновлению человека [1, с. 253]. Но можно обозначить их и как сны открытия истины бытия. Во «Сне смешного человека» сновидение не является загадкой или абсурдом, который нужно разгадать. Картина, разворачивающаяся во сне, передается через видение-рассказ главного героя. В этом произведении событие и его переживание передаются через слово героя.

Типичный герой прозы Достоевского на этот раз представлен как «смешной» человек. Для многих он «сумасшедший». Сам же герой считает, что он был смешным. На самом деле с ним произошли большие перемены. А главное, он познал истину во сне. Сновидению предшествовали два важных обстоятельства. «Смешной» человек, подойдя к грани абсолютного равнодушия, омертвения, когда ему становится «все равно», решает уйти из жизни. Неожиданно его намерения нарушаются встречей с девочкой, которая просит о помощи. И вот теперь он должен убедиться, что ему не абсолютно все равно, оказывается, в нем еще живут жалость и стыд, хоть он прогнал девочку прочь. Так его живая еще душа и разум, побуждающие к рассуждению, отодвигают самоубийство, и он проваливается в сон. Почти все основные мотивы этого сна проговариваются в реальности — в рассуждениях о смысле бесчестного поступка, совершенного на другой планете и взаимосвязи конца мира с концом сознания. Во сне герой проигрывает все этапы вынашиваемого плана — стреляется, видит собственные похороны. Как ни странно, теперь он ощущает негодование, физическую боль. Он взывает к властителю явить ему «что-нибудь разумнее того, что теперь совершается» [7, с. 322]. Зов был услышан, он оказался на другой планете — в раю, где не было греха, мучений, царили любовь и красота. Но и там свершилось грехопадение уже по вине «смешного» человека. Жители планеты из сна повторили путь землян, провозгласив страдание мыслью и красотой. Герой готов был умереть в очередной раз от боли душевной, но проснулся.

Преображение героя разительное. Теперь он любит жизнь, не испытывает обиды на людей. А главное, знает истину: «люби других, как себя» [7, с. 334]. Но по-прежнему, герой одинок, для других он по-прежнему — «смешной».

Здесь можно выделить несколько типов литературной игры — сновидение и транспутешествие. Транспутешествие на гармоничную планету, подобную раю, мотивируется сновидением. Это сновидение, несмотря на безрадостную финальную часть, отличается от снов-кошмаров позитивным

смыслообразованием. Особое значение приобретает и в этом произведении образ беззащитного ребенка, пробуждающего нравственные силы человека.

Сновидение позволяет противопоставить утопическую идиллию земной жизни. Лишь в сновидении можно было воплотить фантазийный рай для людей. Другая функция сна — преобразование человека, открывшего для себя истину. Отвергая отождествление красоты и мысли со страданием, Достоевский провозглашает христианскую идею любви к людям как спасительную истину бытия.

Важна значимость сна Анны Карениной в знаменитом романе Л. Толстого. Здесь сон, в котором ужас Анна испытывает от одного вида маленького лохматого мужичка, становится приемом психологического анализа, обозначающим сдвиги в ее сознании, психике и мироощущении. В седьмой части романа Анна изображена в смятении чувств, страдающей от сомнений в любви Вронского. Она часто принимает морфин и опиум, а накануне роковой поездки Анна видит «страшный кошмар, несколько раз повторявшийся ей в сновидениях еще до связи с Вронским». «Старичок-мужичок с взлохмаченной бородой что-то делал, нагнувшись над железом, приговаривая бессмысленные французские слова, и она, как всегда при этом кошмаре (что и составляло его ужас) чувствовала, что мужичок этот не обращает на нее внимания, но делает это какое-то страшное дело в железе над нею, что-то страшное делает над ней» [12, с. 349].

Анна видела этот сон еще до связи с Вронским. К тому же это не только повторяющийся, но обоюдный, «двойной» сон, так как он снился и Вронскому. Содержится ли в этом намек на то, что даже без осложнившей ее жизнь двусмысленной связи с Вронским, судьба ее была predetermined, и ей было уготовано страшное самоубийство? В определенной мере это так. Ведь Анна не любила своего мужа, источником ее любви и страданий был Вронский, она отказалась от пути идеальной матери. В обществе того времени ей не было места, дисгармония Тени давно поселилась в ее душе.

Смерть на железной дороге под поездом — этот мотив-образ связан в подсознании Анны с Вронским, с любовью к нему. Они знакомятся в вагоне поезда, когда случайно был раздавлен сторож станции. Анна воспринимает это как «дурное предзнаменование», Стива Облонский «с удивлением увидал, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы» [12, с. 76].

С точки зрения психоанализа старичок-мужичок из сна — её собственная Тень, Анимус демонического саморазрушения, не осознаваемый ею, и потому приводящий к гибели. Тень — мощный архетип, обладающий громадной психической энергией. При игнорировании или отрицании Тень может, по Юнгу, разрушить психическое здоровье личности. Сон был для Анны не только предвестником грядущей катастрофы, но поначалу предупреждением о необходимости интеграции сознания и бессознательного. Однако Анна все дальше уходит от трезвой оценки происходящих событий вокруг себя и в себе, вплоть до того, что ближе к финалу в ее воображении

возникают безрассудные детские фантазии — наказать возлюбленного своей смертью: «... опять с наслаждением стала думать о том, как он будет мучиться, раскаиваться и любить ее память, когда уже будет поздно» [12, с. 348].

В тексте романа есть и прямое название прообраза из сна: «И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо представилась ей» [12, с. 348]. Злой дух, поселившийся в сердце Анны — часть ее бессознательного. Это Тень, скрытая, обременённая сознанием вины, низшая часть личности, которую Анны не видит в себе, а лишь ужасается, чувствуя себя в заколдованном круге. В поезде, отворачиваясь от людей, вызывавших в ней отвращение, в окне Анна видит в реальности «испачканного уродливого мужика» со спутанными волосами, нагибавшегося к колесам поезда [12, с. 363]. Она вновь вспоминает свой сон, переполняясь животным страхом и ужасом. Это была последняя попытка бессознательного к диалогу, призыв к осознанию Анной собственного внутреннего состояния. Соседка по вагону произносит фразу, которая, несмотря на парадоксальность ситуации, могла бы помочь Анне: «На то дан человеку разум, чтобы избавиться от того, что его беспокоит. Эти слова будто бы ответили на мысль Анны». Но она истолковывает их по-своему. Решение проститься с мучениями жизни продиктовано ей не разумом, а Тенью. Разум позволил бы разобраться Анне в том клубке противоречий, что толкнули её под колеса поезда. В романе Л. Н. Толстого сновидение проявляет глубинные негативные процессы низового бессознательного, с которыми Анна не смогла совладать. Повторяющееся сновидение поначалу не столько было пророчеством, сколько — предупреждение и тревожные сигналы «злого духа», поселившегося в ее душе.

В финале седьмой части, когда Анна бросилась под поезд, вновь появляется образ из повторяющегося сна Анны: «Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом» [12, с. 366]. Это видение принадлежит Анне, так как далее следует фраза о свече, «при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [12, с. 366]. Так образ из сновидения, совмещаясь с реальным образом мужичка, вновь проявляется в меркнущем сознании героини, как бы фиксируя все смыслы, явные и неявные (животный ужас, предчувствие, осуществление предсказания), продуцируемые сновидением и ставя окончательную точку в свершившемся финале судьбы героини.

И. А. Бунин назвал один из своих шедевров — «Сны Чанга». Уже в названии содержится намек на знаменитую древнюю метафору — жизнь есть сон. Игра здесь задействована и в способах повествования, и в особенностях композиции, в сложном наложении временных и пространственных планов нарратива. Сон и реальность, трезвое и хмельное видение лиц, эпизодов, событий

перемежаются, представляя сложный калейдоскоп прошлого, настоящего. Важно и то, что это сны собаки Чанг — остраненное видение жизни без рефлексии и субъективных комментариев (это все возникает в воспоминаниях капитана или в авторском нарративе), что способствует свободе читательского домысливания и создает эффект объективного рассказа. В рассказе четко обозначен особый рубеж — шесть лет резкой перемены в жизни, покотившейся под уклон. Но эта четкость временного модуса еще больше выделяет теперешнюю размытость, неопределенность времени героев. Игра сна и реальности, дня и ночи — лейтмотив рассказа подчеркивает монотонность и бесцельность существования персонажей, бренность бытия.

Первый сон в тексте рассказа — это утреннее «томительное, скучное» воспоминание о том, как купил капитан Чанга у китайца. Второй сон — о счастливом периоде плавания на корабле с капитаном. Третий сон, перемежается с реальностью бессмысленного существования человека. Прием «сновидного» повествования позволяет автору ярче оттенить философско-экзистенциальный смысл рассказа о трех правдах в жизни человека, когда трудно отличить жизнь и сон, подобные «скучному, грязному дню в кабаке» [5, с. 558].

Если в романе Л. Толстого сновидение становится одним из самых впечатляющих приемов психологического анализа, то в рассказе И. А. Бунина «Сны Чанга» рамки приема иные — перед нами «сновидное» изображение всей жизни — прошлого, настоящего, будущего, что позволяет выделить в этом тексте стиливые особенности модернистского письма — импрессионистические штрихи первых и последних впечатлений бытия-сна. В повести «Суходол» сбывшиеся сны Натальи про «козла», насильника Юшку раскрывают готовность героини подчиниться predeterminedностям судьбы. Наталья смирилась, но не сломалась. В этом большую роль сыграло сновидение, как бы подготовившее Наталью к очередному испытанию судьбы. Проявлена в этом и ментальность русского духа и характера того времени — вера в неотвратимость судьбы.

В рассказе В. Брюсова «Теперь, когда я проснулся» изображено сновидное безумие как психопатическое явление. Герой, уверившись в своей способности управлять сновидениями, убивает жену наяву, считая, что это забавы и ужасы сна. Потеря грани между сном и реальностью чревата кошмарами наяву. Модернисты, при всей их тяге к алогизму и иррационализму, при явном интересе к бессознательному, все же четко разделяли реальное и ирреальное, в отличие от постмодернистов.

В литературе модернизма сновидение наряду с этим еще становится и способом раскрытия бессознательного в человеке. В рассказе Ф. Кафки «Сон» с самого начала обозначено, что все последующее повествование является лишь сном Йозефа К. Автор не использует распространенный прием, когда лишь в финале читатель узнает, что все, о чем повествовалось — является

сном. Кафка не собирается «играть» таким образом с читателем. Однако обозначенность сновидения в начале рассказа не дает читателю ощущения мотивированности и ясности происходящего, как и должно быть во сне. В этом рассказе почти нет звуков, словесного диалога, странны и способы передвижения персонажей. К. прогуливался, но оказался на кладбище, где он не шел, а скользил по извилистой дорожке, «словно по бурной воде, в незыблемо парящей позе». Он видит маящий к себе холм, но тотчас же видит такой же могильный холм возле себя и едва успевает спрыгнуть на траву с самодвижущейся дорожки. Пространственные передвижения характеризуется механистичностью, самопроизвольностью, человек не может двигаться по своей воле. Помимо К. появляются двое мужчин, ставящие надгробный камень и еще один мужчина — художник, надписывающий камень, он испытывает неловкость и смущение. Немая картина взаимных переглядываний заканчивается тем, что К. сам погружается в приготовленную могилу и видит бег букв своего имени по камню. Казалось бы, сон в прямом его истолковании — пророчество смерти. Но эмоции главного персонажа контрастируют с реальным смыслом сна: К. плачет, сочувствуя положению художника, не осознавая своей судьбы, испытывает восхищение от картины бегущих букв своего имени по камню. Эта антиномичность сновидного события и эмоций, поведения персонажа сновидения и выдают логику сна, во многом не совпадающую с реальными ощущениями и переживаниями. Чисто «кафкианская» неопределенность начала и конца, жутковатое содержание усиливаются от обыденности описания всего легкими мазками случайности. Все же и в этом рассказе модернистская сновидная картина при всей своей абсурдности имеет какие-то выходы к реальности.

Сновидение — одна из лейтмотивных тем Х. Л. Борхеса. Во «Сне Колдриджа» автор размышляет о сновидениях, ставших основой для творчества. Поэма «Кубла-хан» был увидена Колдрижем во сне, а затем не полностью воспроизведена на бумаге. Роберту Льюису Стивенсону сюжеты «Олальи» и «Джекила и Хайда» также были навеяны снами. Автор размышляет над поразительным совпадением — Кубла-хан выстроил дворец по плану, увиденным им во сне [4, с. 344]. Перечислив различные варианты объяснения этого факта, автор останавливается на идее некоего вечного объекта, архетипа, который через сновидения входит в мир. Для нас же важна еще одна функция сновидений — пробуждение творческой силы. На Востоке распространены предания о том, как именно во сне человек обретает способность творчества. Увидеть во сне одно произведение и как бы целиком переродиться во сне, став гениальным поэтом — разные величины творения, однако, оба случая сближает сновидение. Борхес со ссылкой на Дж. У. Данна указывает на сновидения как на доказательство существования рядом с настоящим вечности и будущего. Пророческие сны — доказательство существования будущего.

Вечность — обладание всеми моментами времени, слияние прошлого, настоящего, будущего происходит во сне [13, с. 350].

В романе Х. Кортасара «Игра в классики» (1963) сновидения становятся одним из элементов игры магии всего текста. Орасио Оливейра спешит по телефону рассказать о своем сне Этьену. Образ стонущего под ножом хлеба — главный в этом сне и лейтмотивный для всего творчества (интерпретируется и в повести «Преследователь»). Сон навеивает мысли друзьям о заблуждении, о грани реального и сновидного, о невозможности мира, в котором «под ножом не стонет хлеб». Разговор в телефонной будке под косыми взглядами ждущих очереди к телефону людей сам подобен осколку фантазмагории — сна-реальности. Этот «давящий» сон многозначен, как и многие образы романа. Сон — метафора дисгармонии мира, а в одной из следующих глав проскальзывает намек-истолкование сна как ощущение главным героем чувства вины, связанного со смертью малыша Рокамадура, сына Маги.

Иносказательной символикой отличается и обоюдный сон Настены и Андрея Гуськова в повести В. Распутина «Живи и помни». Еще во время пребывания на фронте Андрею снилась Настена в девчоночьем облике, звавшая его к детям, но он не отзывался. Этот же сон видела Настена. И если Андрей считал конец сна неясным, — сама жизнь должна его подсказать, то Настена уверена, что это было предзнаменование их теперешнего несчастья, когда Андрей, став дезертиром. Читателю же открывается третий, еще один тайный смысл сна, когда Андрей, постепенно теряя человеческий облик, становится глухим, не вмещающим оборотнем, увлекающим за собой и Настену, взявшую на себя вину мужа-предателя. В прозе В. Распутина иносказательная символика сна глубинно связана с русской национальной мифологией и сознанием. В 1978 году автору статьи посчастливилось быть на встрече с В. Распутиным в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Писатель говорил, что исконно русский национальный характер женщины позволяет сравнивать ее с пальцами на руке мужа, если муж — это рука, то жена — пальцы, по Распутину, поэтому Настена могла только броситься воды Ангары, увидев погоню-преследование мужа, хотя она носила под сердцем долгожданное дитя, а чувств к мужу прежних уже не было.

Н. А. Нагорная [9] считает, что сновидение становится основой поэтики постмодернистской прозы В. Пелевина и находится в ряду особого интереса автора к измененным состояниям сознания (транс, галлюцинации, иллюзии, фантазии). Однако следует четко различать каждое из этих видов состояния сознания. Как в реальности, так и в художественном творчестве они обладают собственной природой и различаются соотношением бессознательного и реального.

Сновидение — основной сюжетно-концептуальный стержень рассказа В. Пелевина «Спи» [10]. Древнее изречение: «жизнь есть сон» здесь получает

буквальное воплощение и при этом деконструируется абсурдно-хаотичным смешением мыслей, чувств, картин из реальности и сна, когда становится совершенно невозможно отделить одно от другого. Лишь отдельные детали повествования дают возможность понять, что в едином потоке сна бодрствования резко меняется (или подменяется) личность героя, если в начале рассказа главный персонаж — это студент второго курса Никита Сонечкин, живущий с родителями, то в финале произведения в метро едет лысый человек с усталым морщинистым лицом. Он работает, то ли на предприятии, то ли в милиции, у него жена, дочь. Читатель теряет окончательно всякие ориентиры между реальностью и сном и трудно понять, в «чем главная недомолвка существования», в чем разница между настоящим ночным и дневным нескончаемым сновидением. В рассказе изображено всеобщее дневное, сновидное существование людей, когда они выполняют свои обычные дела (причем лучше, чем в бодрствующем состоянии) и в то же время спят с открытыми глазами [2, 3]. Никита замечает, что взаимопонимание его со студентами и родителями стало лучше с тех пор, как он научился балансировать между сном и явью, — видя одновременно сон о бане, слушая лектора и анекдот соседа. Обычный сон характеризуется в рассказе полным провалом в темноту и этим отличается от сновидений и дневных снов. Читатель волен сам гадать, во второй половине рассказа (визуально не выделяемой), речь идет о Никите-студенте по прошествии лет, или перед нами его сновидение, ночное ли, дневное, или здесь появляется совсем другой персонаж, во сне которого оказался читатель.

Итак, сновидение в литературе постмодернизма принимает абсурдно-шизоаналитические, хаотические формы, здесь трудно провести грань, разделяющую реальность и сон [2, 3]. Искать в постмодернистском тексте ясно различимый смысл не приходится. Децентрированность, многозначная расплывчатость изображаемого, путаница мыслей и ощущений разных снов одного или нескольких людей отличает постмодернистские приемы сновидения, близкие к шизоанализу. Уже в реализме сон может обозначать юнгианскую Тень демонического саморазрушения («Анна Каренина» Л. Толстого). В деревенской прозе Валентина Распутина («Живи и помни») иносказательная символика сна тесно связана с русским национальным мифологическим сознанием. В литературе модернизма игра-сновидение («Сон» Ф. Кафки) обнажает еще более глубинные, опосредованные связи сознания и бессознательного, а в постмодернизме часто граничит с абсурдом и шизоанализом («Спи» В. Пелевина) [2, 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
2. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы

- (60–90-е годы XX — начало XXI в.). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. 716 с.
3. Богданова О. В. Современный литературный процесс. Претекст, подтекст, интертекст. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 471 с.
 4. Борхес Л. Новые расследования. СПб.: Амфора, 2000. 845 с.
 5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда. 1988. Т. 2. 591 с.
 6. Давыдов Д. Ночное искусство // Новое литературное обозрение, 2002. № 54. С. 246–251.
 7. Достоевский Ф. М. Повести. Рассказы. М.: Правда. 1985. 336 с.
 8. Калина Н. Ф., Тимощук И. Г. Основы юнгианского анализа сновидений. М.: Рефлбук, Ваклер. 1997. 304 с.
 9. Нагорная Н. А. Сновидения и реальность в постмодернистской прозе В. Пелевина // Филологические науки. 2003. № 2. С. 44–51.
 10. Пелевин В. Встроенный напоминатель. М.: Вагриус, 2002. 255 с.
 11. Савельева В. В. Художественный мир, художественный текст: проблемы организации. Алматы: Дайк-Пресс, 1996. 191 с.
 12. Толстой Л. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 8. 510 с.
 13. Фарыно Е. Введение в литературоведение. Ч. 3. Катовице, 1980. 639 с.

Маркова Татьяна Николаевна,
Доктор филологических наук, профессор
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического универ-
ситета, tn_markova@ionbox.ru

«ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» СВО: СПЕЦИФИКА ЖАНРА¹

Традиция «лейтенантской прозы» с ее правдой маленького человека на большой войне остается базовой, но неизбежно подвергается трансформации. Литературоведение сегодня стоит перед необходимостью зафиксировать, как отвечает русская литература на новые вызовы времени. Важной тенденцией в литературном процессе последних лет обозначилась проза autofiction. Герой таких текстов — творческая личность, «человек пишущий», пребывает в состоянии саморефлексии, в поиске своего «я». Литература Специальной Военной Операции в большинстве представляет собой документальную, автобиографическую прозу, она стремится эстетически освоить принципиально новую ситуацию, представить новую концепцию героя, рожденного нашим временем. В статье рассматриваются варианты художественного освоения событий Специальной Военной Операции, уточняются особенности жанра, композиции, типологии героев, анализируются книги добровольцев А. Лисьева, Д. Артиса, Д. Туленкова, Г. Кубатьяна, Д. Филиппова, Е. Журавли.

Ключевые слова: человек на войне, лейтенантская проза, проза добровольцев, Z-проза

Markova T. N.

«LIEUTENANT'S PROSE» OF THE RUSSIAN SPECIAL MILITARY OPERATION: SPECIFICS OF THE GENRE

The tradition of «lieutenant's prose» with its truth of a small man in a big war remains basic, but inevitably undergoes transformation. We are faced with the need to document how Russian literature responds to the new challenges of the time. An important trend in the literary process of recent years has been the prose of autofiction. The hero of such texts is a creative person, a «writing person» who is in a state of self-reflection, in search of his «I». The literature of the Special Military Operation is mostly documentary, autobiographical prose. She strives to aesthetically master a fundamentally new situation, to present a new concept of a hero born of our time. For the first time, the article examines the artistic development of the events of a Special Military Operation, clarifies the features of the genre, composition, typology of heroes, analyzes the books of volunteers A. Lisiev, D. Artis, D. Tulenkov, G. Kubatian, D. Filippov, E. Zhuravly.

Keywords: a man at war, lieutenant's prose, the prose of volunteers, Z- prose

События, развернувшиеся с 2014 года на Украине (сначала Гражданская война, с 2022-го — Специальная Военная Операция), предоставляют весомые основания для постановки вопроса о новом этапе в истории русской военной прозы. Поначалу она была представлена преимущественно

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевя «Поэзия и проза СВО в системе патриотического воспитания студентов», грант № М-2025-42 от 30.05.2025 г.

дневниковыми записями ополченцев. Первой попыткой художественного осмысления событий на Украине стал «Ополченский романс» З. Прилепина. Это книга о войне как способе существования отважных и честных мужчин, о справедливой войне, о защите Русского мира:

Безусые школьники шли на смерть. Шахтёры вооружались раскопанным в огородах, запрятым ещё с большой войны, трофейным оружием. Деды и бабки тащили на позиции молоко в крынках, хлеб, сало, соленья. Старшеклассницы указывали потерявшимся ополченцам — «Девонька, милая, где наши?» — тайные тропинки. За бандеровский флаг вдрызг били головы. На российский триколор — молились. Красный флаг обматывали, как в советских книжках, вокруг тела» [6, с. 210].

Захар Прилепин первым в новейшей русской литературе эстетически освоил концепцию героя, рожденного нашим временем, обозначил новый типаж — пацанов-ополченцев: бойцов Дака, Скрипа, Лютика, комбата Лесенцова, гуманитарщика Суворова, взводного Вострицкого [5].

С февраля 2022 года ситуация радикально меняется, меняется и литература. Сегодня мы имеем дело с Z-литературой, прозой добровольцев СВО. 2023–2024-й годы отмечены выходом нескольких книг участников СВО в издательской группе «Яуза» и АСТ. Назовем их: Андрей Лисьев «Мы не прощаемся! «Лейтенантская проза» СВО», Дмитрий Артис «Дневник добровольца», Даниил Туленков «Шторм Z: У вас нет других нас», Григорий Кубатьян «Осень добровольца», Дмитрий Филиппов «Собиратели тишины». Авторы этих книг не профессиональные военные, не мобилизованные, они добровольцы в возрасте 40–50 лет.

«Окопная правда» этих книг обеспечена «поэтикой участника», предполагающей повествование от первого лица, введение в сюжет ситуаций, лично пережитых авторами на войне, описаний реальных мест военных действий. В жанровом отношении это преимущественно документальная, автобиографическая проза.

Появление и активное развитие прозы non-fiction стало ответом на кризис литературы вымысла, отражением тяготения к достоверности. Родственной произведениям non-fiction явилась проза, которую принято называть autofiction. Проза autofiction стала важной тенденцией в литературном процессе последних лет. В подобных текстах соединяются автобиография и художественный вымысел, а их герой — «человек пишущий» — с помощью самоанализа, саморефлексии ведет поиск своего «я».

Все авторы названных выше текстов опираются на опыт своих предшественников. Так, на связь с традицией указывает двойное название книги А. Лисьева «Мы не прощаемся. «Лейтенантская проза» и СВО». Эта фронтовая повесть — первый образец «лейтенантской прозы», написанной в ходе

специальной военной операции на Украине. Автор — очевидец и участник описываемых событий сентября 2022 года, когда псковские десантники держали оборону в степи под Херсоном. Особенностью композиции книги является наложение временных континуумов, на что указывает, в частности, следующий фрагмент:

«Мотострелки из мобилизованных молча докуривают, дожидаясь, пока десантники встанут и отряхнутся. «Дрозда» охватывает ощущение нереалистичности происходящего. Оба мотострелка без бронжилетов, высокий — в советской каске, у второго на плече — не солдатский вещмешок, а «сидор», с которым уходили на войну в 1941-м. Из современного на мобилизованных только берцы.»

— Вам тудой, — говорит высокий и бросает окурок далеко вперед.

Боец в свитере и шапочке свой окурок небрежно роняет и притаптывает ботинком. Не говоря ни слова больше, бойцы растворяются в тумане.

— Не прощаемся! — кричит «Дрозд» им вслед, уверенный, что только что увидел призраков той, прошлой войны. «Синица», видимо, считает так же.

— Тут у них что? Портал в сорок второй год?» [4, с. 165].

Ответ на главный вопрос «Зачем мы здесь?» многократно варьируется в книге. Уже в первой главе доброволец, позывной «Проза», объясняет седому майору-пограничнику:

— «Понимаете... Наше поколение ничего не сделало для страны. Поколение Путина свой вклад внесло. наши детки делают свой вклад сейчас... Потом и кровью. А мы так... Немного денег заработали — и все... Я должен попробовать. Это будет мой скромный вклад. Мой «подход к снаряду»... У нашего поколения никогда не было чувства общего дела. А теперь оно есть» [4, с. 6].

На преемственность с «лейтенантской прозой» указывает предисловие к книге Д. Артиса «Дневник добровольца», написанное З. Прилепиным:

«Мы все, кто ещё умеет читать книги, читали мемуары о войне. Особенно о той — Отечественной. Едва ли мы вправе судить о тех, кто пережил тот ад, но скрывать не стану — даже в чтении текстов о Второй мировой у меня есть свои предпочтения. Я не люблю интонацию: «Суки, вы нас предали и продали, будьте прокляты!» Я люблю интонацию: «А было, ребята, дело так...» Что толку сводить счёты:

Господь разберётся. Хочется разглядеть людей и расслышать голоса [1, с. 7].

Книга Д. Артиса — хроника событий, документированная, даже хронометрированная по часам записями в сотовом телефоне:

«29 июня 18:32. На войне без любви делать нечего. Любовь к женщине, детям, родителям, любовь к Отечеству. Она движет русским солдатом, даёт ему волю к победе. Чувства ответственности или долга не всегда работают. Чувства нужны. Но по сравнению с любовью они изрядно проигрывают. Превращают человека в бездушную машину, вынуждают поступать по совести. Обязательства вытесняют потребность. Живёшь по принуждению. С любовью всё иначе. Она даёт силы, а не забирает их. Я бы не сказал, что любовь — это панацея от всех бед, но были случаи, когда только она помогала. Теперь думаю, что любовь — это и есть Бог, и если человек живёт без любви, то он живёт без Бога. У меня именно так. Не знаю, как у других. Редко разговариваю об этом с людьми» [1, с. 12].

Мобильный телефон становится молчаливым собеседником добровольца. В его записях нет ни одного топонима, ни одного имени или позывного командиров. «Тому есть причина, — объясняет автор. — В случае моей гибели телефон мог оказаться в руках неприятеля и навредить моим товарищам».

О своих сослуживцах Артис говорит с большим уважением:

«21 сентября, 09:22. Настоящий вкус к жизни приходит на войне. Вдруг понимаешь, насколько дороги люди, окружавшие и окружающие тебя. Хочется бесконечно долго смотреть на них, слушать. <...> Прижимаешься к ним, всеми своими мыслями, будто котёнок, ластишься, ловишь дыхание над собой. Ты — часть вселенной. Крупица, щепотка, но всё же часть всего этого огромного, чистого, светлого мира» [1, с. 201].

«Дневник добровольца» — духовно пронзительный текст, исповедальный, гуманный, отмеченный религиозностью:

«3 октября, 10:34. Мыслей нет. Слов нет. Одна молитва в голове. Боже милостивый, спаси и сохрани. Дай сил, терпения, стойкости, мужества» [1, с. 234].

Даниил Туленков — историк, предприниматель, осужденный по экономической статье, доброволец, боец штурмовой роты Z в зоне проведения СВО. «Шторм Z. У вас нет других нас» — документальная автобиографическая повесть, история человека, вступившего в отряд Министерства обороны, формируемый из заключённых-добровольцев. В центре повествования — бой

на острие главного удара украинской армии летом 2023 года, сражении при Работине:

«Шторм Z» не может пойти в отказ. Потому что в этом и есть смысл формирования штурмовых рот Z из числа лиц, осуждённых за преступления разной степени тяжести <...>

Государство даёт нам возможность соскочить с очень нехилых сроков, получить досрочное погашение судимости и возможность вернуться к полноценной жизни спустя полгода, но мы берём на себя обязательства идти в самую жопу, в самое лютое мясо, туда, куда не пойдёт больше никто» [7, с. 32].

Несомненная оригинальность этой книги в том, что автор подвергает напряженной интеллектуальной рефлексии собственный лагерный и фронт-овой опыт:

«Про нас, я думаю, никто не напишет, кроме нас самих. Это очень сложно сделать со стороны. Очень много вещей может раскрыть, изложить и объяснить только тот человек, который сам «потоптал зону» хотя бы годик.

Я потоптал. Я попробую» [7, с. 32].

В книге представлена череда портретов заключенных-добровольцев — «плохих парней», потому что хорошие, чистенькие, оставшиеся на воле, Туленкова не интересуют. При этом автор не скрывает отсутствие скольконбудь глубокого сочувствия к сослуживцам:

«На этой войне первыми гибнут дураки и трусы.

Вот эти две категории тут долго не живут. Проверено.

Остальные тоже гибнут, да, но массовая утилизация касается только вот этих типажей» [16, с. 30].

Стиль книги Туленкова отмечен точностью деталей, кинематографичностью, экспрессивностью. Автор подробно описывает тактическое положение отряда, имеющиеся в его распоряжении боевые средства, рискованные операции и потери, одновременно рисует экспрессивные картины и образы, буквально «взрывающие мозг». Писатель-интеллектуал бесстрашно играет с судьбой, играет в супермена, сильного человека и стильного автора:

*«Мой путь на фронтах СВО не был ярким и героическим.
Да и сам я никакой не герой.*

*Но я — настоящий. Такой, какой есть.
И люди вокруг меня описаны такими, какие есть.
Если они кому-то не нравятся, извините.
Но других у меня нет.
И у вас нет других нас» [7, с. 169].*

Автору книги «Осень добровольца» Григорию Кубатьяну по причине ранения не довелось участвовать в боевых штурмах, он остался на СВО военным корреспондентом. «Осень добровольца» — не просто искренний и честный рассказ обо всем, что автор увидел на фронте, но изложенная хорошим литературным языком история о том, как вполне благополучный, состоявшийся человек пришел к решению вступить в ряды защитников Родины, взял в руки оружие. Его рассказы о военных буднях перемежаются с воспоминаниями о питерском детстве, о путешествиях автостопом по Африке и Азии... Многоопытный путешественник в своей дорожной прозе демонстрирует непрерывное движение, встречи, переживания; военный корреспондент показывает ежедневное существование на войне просто хорошего, естественно доброго человека:

«Я смотрю в окно на проносящиеся мимо деревья — и думаю о том, как красива луанская земля. Когда мы останавливаемся на светофоре, с нами рядом тормозит военный грузовик. В кабине — двое суровых бойцов: бородатые, со стальными глазами, выглядящие так, будто воюют всю жизнь. Тот, что ближе к двери, заметив, что я на него смотрю, отдаёт мне честь. У меня сжимается сердце: ведь я успел на войне так мало!.. А всё же, наверное, и моя жертва имела значение и смысл» [3, с. 52].

При всей документальности повесть Г. Кубатьяна обладает несомненными художественными достоинствами: чёткими зарисовками портретов боевых товарищей — бойцов и командиров, увлекательностью сюжета, мягким юмором, придающим особое обаяние тексту, наконец, композиционными проекциями на музыкальные формы:

«События моей жизни, мирной и военной, иногда кажутся мне хаотичным набором происшествий, поисков и метаний, — но потом я думаю, что всё же это симфония. Просто получившаяся музыка — не классическая. Тут и этнические мотивы, и русские народные, и тяжёлый рок...» [3, с. 56].

Г. Кубатьян последовательно ведет своего читателя-собеседника к важному выводу: в условиях Специальной Военной Операции идет процесс возрождения народа и страны в целом:

«Наверное, из меня вышел не очень хороший солдат.
Я не убил ни одного врага. Даже не встретил его в бою.
Зато я видел своих — это гораздо важнее.
Совсем юных бойцов и уже пожилых, седобородых.
Тех, для кого слово «Родина» — не пустой звук. Пошедших воевать
и умирать за неё.
Эти люди — и есть Россия» [3, с. 56].

Роман «Собиратели тишины» Дмитрия Филиппова, удостоенный главного приза конкурса «Слово», уже называют эталонным текстом «прозы добровольцев». Его успех свидетельствует о том, что уникальный военный опыт рождает литератора, способного увидеть и показать специальную военную операцию сквозь призму художественности.

В книге Филиппова перемежаются события СВО и сражения Великой Отечественной. Восьмидесятилетняя женщина ищет могилу своего отца; военкомат и архивы подтверждают смерть шофера дивизии ПВО Балтийского флота, но не место его захоронения; а черные копатели вносят путаницу, безответственно раздавая родственникам знаки погибших. Центральный персонаж романа Филиппова — копатель, его присутствие позволяет включить реминисценции с фронтовыми дневниками Великой Отечественной. Мы видим войну как бы в зеркальном отражении, что доносит мысль о едином историческом процессе и устойчивости морально-нравственных ценностей русского человека. Так, читатель романа оказывается то в 1942-м на Ораниенбаумском плацдарме, то попадают в 2023-й на штурм Авдеевки. Репортаж о взятии Авдеевки, в котором участвовал автор, занимает пространство второй части книги. Текст имитирует стремительно смонтированные кадры военкора, которому необходимо сделать этот материал и оставить его после себя, даже если самому случится погибнуть [8].

Еще один пример новой военной прозы — проза волонтера Евгения Журавли «Линия соприкосновения» [2]. Двадцать девять коротких историй о людях, оказавшихся перед лицом стихии, разрушившей их привычную жизнь. Это мирные жители, солдаты, матери и жены. Материал основан на личных впечатлениях автора, проработавшего волонтером в течение двух лет СВО:

«Задача 1108: жители Павловки — Широкова Татьяна Григорьевна и кого обнаружим. Адрес: Павловка. Пологовский р-н. Передал: Мезинов. Приезжали в июне, жителей уже увезли, она эвакуироваться отказалась. 18.07.23 были Ланько, Косырев. Село сильно разрушено, целых домов нет, но на многих еще крыша, может быть, живут кто. Военные говорят: были несколько жителей в погребках. Давали им еду. Показать не смогли. Обстрелы каждый день. Работали быстро, никого

не нашли. Костров или печек, собак, коз не видели. Никто не отзывается» [2, с. 50].

«Едем по проработанному списку. К тем, кто не имеет возможности получать заботу от государства. Туда, где государства нет» [2, с. 61].

Это книга о столкновении простых человеческих жизней с войной, книга о неотвратимости и надежде. Автор рисует ряд выразительных портретов волонтеров, как например, Ольга, «красивая интеллигентная женщина за сорок, аккуратная и четкая, приехала сюда на время отпуска». И далее каждый месяц на неделю приезжает с медикаментами к своим подопечным.

Другой персонаж — Юра, *«похожий на Деда Мороза в теле медведя. Большой, радушный, и вместе с тем сложный, опасный. с непростой судьбой. И умный, как черт». Он побывал и на войне, и во власти, и в бизнесе, но с началом этой войны «нырнул в водоворот... <...> Юра — перевозчик. Не мифический. настоящий. Эвакуирует. Может, сейчас как раз Харону в глаза и смотрит, оставил куда-то немигающим взглядом» [2, с. 54].*

Подведем некоторые итоги. В условиях СВО изменилось все: цели и задачи, стратегия и тактика, противник, стойкость фронта и тыла, мотивы духовного выбора человека. Становление новой военной прозы только начинается. Как пишет Д. Артис, «литературы здесь нет. В том виде, в котором привыкли видеть её на большой земле. На страницах книг. Само существование здесь — это и есть литература. Её высшее проявление» [1, с. 21].

Авторы новой прозы — добровольцы, гражданские люди, сделавшие свой искренний и стойкий духовный выбор. Это зрелые люди с определенным литературным опытом, солдаты, которых военные испытания делают профессиональными литераторами. Каждый из них по-своему решает творческие задачи — поиска новых жанровых форм в условиях военных действий, как например: телефонные записи, дневник как собеседник, дневник как терапия, личный блог, путевые заметки, репортажи военкора, очерки волонтера. В них пространство между искусством и действительностью становится неразличимыми, «нехудожественные» элементы придают особую выразительность, делают текст ориентированным на внетекстовую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артис Д. Дневник добровольца. М: АСТ, 2024. 361 с.
2. Журавли Е. Линия соприкосновения. Калининград: Издательство «Калининградская Книга», 2024. 160 с.
3. Кубатьян Г. Осень добровольца. М.: АСТ, 2024. 320 с.
4. Лисьев А. Мы не прощаемся. Лейтенантская проза СВО. М.: ООО «Яуза-каталог», 2024. 181 с.

5. Маркова Т. Н. Новые герои новой военной прозы («Ополченский романс» З. Прилепина) // Литература в школе, 2024. № 2. С. 115–128.
6. Прилепин З. Ополченский романс. М.: АСТ, 2020. 349 с.
7. Туленков Д, Штурм Z: У вас нет других нас. М.: ООО «Яуза-каталог», 2024, 170 с.
8. Филиппов Д. Собиратели тишины. М.: АСТ, 2025. 352 с.

Митрофанова Ирина Анатольевна,
Кандидат филологических наук, доцент,
Михайловская военная артиллерийская академия
a_blum@mail.ru

ПРИНЦИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАВНОВЕСИЯ В ВОЕННЫХ ПОВЕСТЯХ Г. Я. БАКЛАНОВА («МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ»)

В статье предпринимается попытка определить сущность и воплощение принципа художественного равновесия в повести «Мертвые сраму не имут» писателя-фронтовика Г. Я. Бакланова. Данный принцип определяет наличие двух центров смыслообразования. На одном полюсе поэтика и стиль текста подчинены категории достоверности. На другом полюсе смыслообразование осуществляется «условными» художественными приемами: цитатой, символизмом сцен смерти, выражающими психологическую точку зрения контекстами. Принцип художественного равновесия обеспечивает выражение прямо не сформулированного высокого смысла. Это утверждение не заканчивающейся смертью жизни — в земной человеческой памяти, но также жизни вечной.

Ключевые слова: Г. Я. Бакланов, повесть об артиллеристах, категория достоверности, цитата, символизм

Mitrofanova I. A.

THE PRINCIPLE OF ARTISTIC BALANCE IN G. Y. BAKLANOV'S MILITARY NOVELS («THE DEAD WILL NOT HAVE SHAME»)

The subject of research in this article is the principle of artistic balance in the story of the artillerymen «The Dead have no Shame» by Grigory Baklanov. This principle defines two centers of meaning formation. On the one side the poetics and style of the story realize the category of authenticity. On the other side meaning formation is carried out by conventional literary device, such as quote, symbolism of death scene etc. The principle of artistic balance ensures the expression of high meanings — eternal life.

Key words: Grigory Baklanov, the story of the artillerymen, criterion of authenticity citation, symbolism

В обстоятельном исследовании «Человек и война» (1978) А. Г. Бочаров определил сущность советской военной прозы через претворяемую ею «диалектику «военного» и «антивоенного»», «в художественном воплощении» которой «важнейшую роль играет принцип внутреннего равновесия» [5, с. 64]. По мысли ученого, данный принцип служит выражению пафоса военной прозы:

«<...> присущее советской военной прозе жизнеутверждение есть по своей эстетической сути процесс, обусловливаемый диалектикой внутреннего равновесия»; жизнеутверждение понимается как

«преодоление, то есть нравственный процесс, а не счастливый сюжетный исход» [5, с. 73].

Согласно Бочарову, принцип внутреннего равновесия в прозе Г. Я. Бакланова заключается во взаимодействии двух начал. С одной стороны, Бакланов «придирчиво точен в любых деталях фронтового быта <...> его повести насыщены деталями, доступными только тем, кто сам воевал» [5, с. 431]. С другой стороны, «он точен и в воссоздании фронтового бытия. С его неизбежностью жертв: погибли в разведке боем тридцать шесть человек, а захвачена всего одна солдатская книжка; но по ней установили подготовку к наступлению, а пожалей командир солдат — и «посчитай, сколькими смертями расплатились бы». С его презрением к жалеющим себя, ибо «за тех, кто жалеет себя в бою, другие расплачиваются кровью. Это закон войны». С его горестным пониманием того, “во скольких концах России слезами и болью отдастся каждый снаряд, который разорвется здесь сегодня». С его убежденностью в том, что «живые не идут в бой умирать. Живые думают о жизни» [5, с. 432]. Выделив курсивом связанные анафорами параллельные конструкции, ученый обозначил константы, определяющие существование русского человека на войне: отношение к себе и к другим, отношение к смерти и к жизни.

Сформулированный А. Г. Бочаровым принцип художественного равновесия, обуславливающий жизнеутверждающий пафос военной прозы, представляет научный интерес. Цель статьи — определить, как данный принцип организует поэтику и стиль фронтовой прозы Г. Я. Бакланова на примере повести «Мертвые сраму не имут».

Отвечая в 1995 г. на вопросы анкеты ж. «Искусство кино», Бакланов по-военному четко изложил свою фронтовую биографию: «С декабря 1941 года — рядовой гаубичного артиллерийского полка на Северо-Западном фронте. Там три наших армии: 1-я, 27-я и 34-я, в которую входил наш полк, окружали 16-ю немецкую армию <...> В ноябре 1942 года командир полка майор Миронов направил меня во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, которое сам когда-то кончал <...> После училища в звании сначала младшего лейтенанта, потом лейтенанта воевал на 3-м Украинском фронте (ранее он назывался Юго-Западным), был тяжело ранен под Запорожьем 11 октября 1943 года. Шесть месяцев и несколько операций в госпиталях, ограниченно годным, то есть инвалидом, все же вернулся в свой 1232-й артполк, в нем и с ним прошел весь путь до конца войны: Ясско-Кишиневская операция, Болгария, Венгрия, тяжелейшие бои в районе озера Балатон <...>» [8].

Приведенные писателем факты подтверждаются учетно-послужным документом, размещенным на информационном портале Министерства обороны: Григорий Яковлевич Бакланов служил с 30.12.1941 до 12.11.1945

в 1232-м армейском пушечном артиллерийском полку и в 387-м пушечном артиллерийском полку в звании лейтенанта [15].

Необходимость точных сведений из биографии Г. Я. Бакланова обусловлена следующим обстоятельством. Первые его повести публиковались в период пришедшегося на рубеж 1960-х годов взлета творчества фронтовиков, названного «лейтенантской прозой». Главный художественный принцип нового литературного направления отразило второе название — «окопная правда». Именно проза о войне инициировала в конце 1950-х дискуссии по проблеме достоверности литературно-художественного произведения.

Достоверность была осознана как эстетическая категория. Было определено, что включение в текст документа, исторического лица, фактологических данных не гарантирует восприятия подлинности событий. Выработывались новые приемы, обусловленные тем, что «в 50-е годы в литературе об Отечественной войне степень компетентности автора становится решающим показателем достоверности произведения. Одновременно усиливается жесткость предъявляемых к авторской компетентности требований: мало быть одним из участников событий; надо, чтобы специфический характер личного участия в событиях не вызывал сомнения в высшей степени квалифицированной их оценки и интерпретации» [1, с. 48]. «Безусловной мерой этих возможностей стало: профессиональная подготовленность, знания и опыт личности в той специальной сфере, которая является предметом его познания; способность к объективным оценкам и выводам» [1, с. 48].

Четырехлетний фронтовой опыт артиллериста Г. Я. Бакланова обеспечил достоверность повести «Мертвые сраму не имут», впервые опубликованной в ж. «Знамя» (№ 6) в 1961 г.

Собратья-писатели, исследователи отмечали присущее Бакланову стремление к документальной точности. Литературовед Л. И. Лазарев, будучи фронтовиком, связал достоверность прозы писателя с его артиллерийским опытом: «<...> товарищей хоронил, был ранен и контужен, недоедал, недосыпал, мерз, тащил по непролазной весенней грязи пушки на руках, а сколько перекопал в жару и мороз твердой, как камень, земли, сколько прошагал, прополз, сколько водных преград форсировал, и так уж случилось, что большей частью на подручных средствах... Отсюда бесчисленные поразительно точные подробности и поведения человека в бою, под огнем, и сурового фронтового быта, которые отличают прозу Г. Бакланова» [13]. По словам В. Быкова, у Бакланова каждая «военная повесть <...> это еще и документ, множеством явных и едва уловимых примет привязанный к конкретному периоду войны, месту, определенным боям. Так, «Пядь земли» — это один из днестровских плацдармов 1944 года. «Мертвые сраму не имут» — фронтовой эпизод зимы того же года на Украине» [6].

Категория достоверности реализуется на всех уровнях поэтики и стиля повести.

Так, автор не обеспечивает читателя экспозиционными данными: экспозиция как условный сюжетный элемент актуализирует семантику вымысла. Читатель самостоятельно отбирает сведения, рассеянные по разным субъектным сферам. Состав полка выясняется из воспоминания начальника штаба Ищенко: «его прислали в полк одним из восемнадцати командиров взводов» [3, с. 319]. Так же в процессе чтения обнаруживается точность обозначения составляющих артиллерийский полк формирующих: три дивизиона, по три батареи в каждом, в каждой батарее по два взвода — огневой и управления. Командует дивизионом майор Ушаков, замполит дивизиона — капитан Васич, начальник штаба — капитан Ищенко, начальник разведки дивизиона — капитан Мостовой.

Не является элементом экспозиции и название полка. Оно дается дважды: перед боем — в начале повести — во внутренней речи Васича («Один из трех дивизионов 1318-го артиллерийского полка!» [3, с. 294]); после боя — в конце — во внутренней речи командира полка полковника Стеценко («Уже для командира корпуса подразделение, которое он приказал срочно ввести в бой, было просто первым дивизионом 1318-го артиллерийского полка. Но для Стеценко это был дивизион его полка. С этими людьми он прошел войну и многих из них любил» [3, с. 332]). В эмоционально-окрашенных контекстах название характеризует героев — свидетельствует о преданности родному полку. В ценностном отношении к своему полку проявляется и авторская аксиология. В 1971 г. статью о писателе Младене Оляче Бакланов назвал «Слово об однополчанине»: «Мы были с ним разделены фронтом: он сражался в горах Югославии, мы — здесь, на полях России <...> В его мыслях я читал свои мысли. Потому, наверное, что мы одного полку, где столько уж нет» [4, с. 286]. Лексема «однополчанин» связывает погибших и живых в единое полковое братство.

Состоящая из 8 глав, на событийном уровне повесть делится на три части. Главное сюжетное событие происходит в 1-й части (I–V главы) — это «трагический бой артдивизиона, попавшего на марше под массированный удар немецкой танковой колонны» [5, с. 424]. В VI–VII главах оставшиеся в живых артиллеристы на отбитых в бою немецких машинах прорываются через линию фронта к своим. VIII глава — допрос сбежавшего с поля боя Ищенко.

Образная система 1-й части отражает профессиональное видение войны артиллеристами: ее центральный художественный образ — «орудие» («три пушки и четыре трактора» [3, с. 279], «тяжелые, малоподвижные орудия» [3, с. 299]). По-видимому, имеется в виду 152-мм пушка-гаубица с буксирующим ее трактором-тягачом: «В период Великой Отечественной войны с успехом применялась советская 152-мм гаубица-пушка образца 1937 г. (МЛ 20) в буксируемом или самоходном вариантах» [7, с. 181]. В последней

главе номинация по калибру присутствует в речи капитана Елютина: «Тоже ваши системы — стопятидесятидвух...» [3, с. 331]. Елютин — летчик, носитель внешней по отношению к объекту точки зрения, на противопоставлении с которой гипероним «орудие» в речи артиллеристов получает профессиональную коннотацию.

Образ «орудия» воплощает разностилевая лексика, характеризующая речь героев по принадлежности к их роду войск: это слова с предметной семантикой («шло орудие на высоких колесах, бежал расчет с охапками хвороста» [3, с. 304]); термины и профессионализмы: станина, щит орудия, огневой взвод, занять огневые позиции, рыть орудийные окопы, батарейцы; воспроизводимые обороты «выслал вперед командира первой батареи и огневиков <...> рыть огневые позиции» [3, с. 295], «орудие раньше всех выйдет сейчас на позицию, и откроет огонь по танкам <...>» [3, с. 304].

Образу «орудия» подчинены пространственно-временные параметры. Конкретность хронотопа достигается характеристикой ландшафта — холмистая местность — и погодными условиями: метель, глубокий снег, лёд, то есть тем, что препятствует перемещению тяжелых гаубичных пушек, а значит возможности принять бой. Предметные описания нагнетают эти препятствующие обстоятельства: «Неуклюжий поезд — трактор и орудие — начал карабкаться сквозь метель по обледенелому склону» [3, с. 293]; «Пять километров холмов было позади, и три еще оставалось до места. И на каждый из этих холмов по обдутому ветрами, обледенелому склону пушки тянули вверх лебедками, вниз осторожно спускали на тормозах» [3, с. 294].

Образ «орудия» обуславливает поведение героев: «За орудием спешили огневики, взволнованные и сосредоточенные» [3, с. 287]. На пушках сосредоточено внимание майора Ушакова: «Передашь комбатам: орудия отводить к лесу» [3, с. 300]; Ушаков «крепко взял» Васича за плечи: «Задержишь танки! Гранатами, зубами! Не отходить, пока не отойдут орудия» [3, с. 300]. Когда немецкие танки начинают уничтожать орудия и людей, артиллеристы безоговорочно выполняют приказ Васича: «Подрывай пушки! <...> Кто побежит от пушек — стреляю!» [3, с. 308]. Автор не объясняет читателю действий героев, в ситуации всеобщей гибели могущих показаться бессмысленными (имеется в виду приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной армии № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия).

Г. Я. Бакланов связывал проблему изложения событий, воспринимаемых читателем как действительно происходящих, с соотношением речевых сфер автора и героя. Так, он объяснял в письме Ю. Д. Гончарову от 25.10.1967: «Я говорю о том незримом балансе <...> между сценами, где герой действует самостоятельно, и страницами, где автор пересказывает события, характеры, объясняет побудительные мотивы и т.д. <...> живая сцена всегда сильнее комментариев. Пережив ее вместе с героями, читатель не забудет ее,

а комментарии, т.е. пересказ авторский, забудет, как забывает самые интересные статьи» [10, с. 139].

В повести «Мертвые сраму не имут» изложение ведется в кругозоре разных участников боя: «Близко горел трактор. Овраг был залит дрожащим красным светом. И в этом мутном свете косо неслась красная метель. Люди стояли, обступив Васича. Запавшие виски, провалившиеся щеки, в блестящих глазах отражался пожар. Они смотрели на Васича этими испуганно блестящими глазами. Он остановил их, он крикнул: «Стой!» — он должен знать, что делать дальше» [3, с. 308]. Малораспространенные предложения, поочередно фиксирующие каждый объект, рисуют картину в целом. Назывные — выражают восприятие Васича: в мутном свете герой улавливает только части лиц. Двусубъектное повествование фиксирует напряженное восприятие героями друг друга; тройной повтор местоимения «он» (прием иллеизма) эксплицирует уверенность бойцов — в Васиче, Васича — в своей силе их спасти. Изображение происходящего дискретно. Текст не организуется законами книжной речи, передающей спокойную интонацию рассказа о давно пережитых событиях.

Н. Д. Арутюнова концептуализировала различия синтаксического облика русской прозы: иерархическая, синтагматическая организация прозы XIX в. связана с личностью автора [2, с. 193]. Синтаксическая модель актуализирующей прозы XX в. обусловлена точкой зрения героя: «Проза подобного типа стремится создать у читателя прежде всего непосредственные, «актуальные» ощущения, вызвать «эффект присутствия», оказать эмоциональное воздействие» [2, с. 196]. Это звучащая проза: «с устной речью сближает прозу этого типа и функциональная роль интонации» [2, с. 199]. «Тенденция к самостоятельному предикционированию каждого элемента информации», «дробление синтагматической цепочки на ряд интонационно законченных высказываний», «тенденция формировать высказывание как коммуникативную единицу интонационными, а не собственно грамматическими средствами, следствием чего является рост количества безглагольных предложений» [2, с. 198] — таковы определяемые исследователем принципы актуализирующей прозы.

С одной стороны, приемами актуализирующей прозы осуществляется переход из субъектной сферы одного героя в сферу восприятия другого; повествовательный стиль тяготеет к синтаксису разговорной речи, отражающему внутренние состояния участников боя. С другой — это металогический, насыщенный тропами и фигурами стиль. Лирическое начало выражается в контекстах, организованных приемом стилистической конвергенции — это «скопление в одном месте текста нескольких стилистических приемов (фигур и тропов) на менее экспрессивном фоне, что привлекает к выделенному фрагменту текста внимание читателя или слушателя» [17, с. 138]. Мастерски отделанная форма словесного выражения подчеркивает значимость содержания для самого автора.

«А еще ниже, на другом конце троса, толкали в это время орудие. Облепив его со всех сторон, крича охрипшими голосами, с напряженными от усилия зверскими лицами, упираясь дрожащими ногами в землю, батарейцы толкали орудие вверх — руками, плечами, грудью. Под напором ног земля медленно отъезжала назад. Шаг... Шаг... Шаг... Медленно, с усилием поворачивается огромное, облепленное снегом колесо пушки. Оскаленные рты, горячее, прерывистое дыхание, пот заливает глаза» [3, с. 297].

Во втором предложении левое распространение на 4-х обстоятельствах передает растущее напряжение; анапест предикативной основы — «батарейцы толкали орудие вверх» — фиксирует ритмичные физические толчки, поддерживаемые асиндетоном: «руками, плечами, грудью». Тройной повтор номинативных предложений с паузами осуществляет переход в сферу сознания участника действия, отсутствие имени которого позволяет воспринимать его как близкого автору субъекта. Настоящее актуальное время помещает читателя в изображаемую картину. Элементы симметрии предпоследнего (два обстоятельства, два определения) и последнего предложения (первое номинативное на два слова, второе — на три, двусоставное — на три слова), крупные планы, совмещающие зрительное восприятие («оскаленные рты») и физическое состояние («пот заливает глаза»), — смена ритма и интонаций запечатлевает напряжение сил героев, а также автора, вновь переживающего события, участником которых он был, и непосредственно передается читателю.

Итак, в повести «Мертвые сраму не имут» категория достоверности обеспечена фронтовым опытом писателя-артиллериста. Образ гаубицы-пушки в качестве стержневого соединяет уровни поэтики и стиля; отсутствует актуализирующей семантику вымысла метатекст; многосубъектность создает эффект непосредственных свидетельств участников боя, состояние которых передает актуализирующая проза; «минимальная дистанция между автором и героями благодаря поразительно точной художественной памяти придает повествованию обнаженную, непрекаемую, как бы мемуарную достоверность» [5, с. 405].

Достоверность проявляется также в изображении фронтового быта, специфику которого Л. Лазарев объяснял иной степенью его значимости вблизи смерти: «Нельзя рассказать о солдатской жизни на войне, минуя подробности невообразимого фронтового быта. Смерть все время ходит рядом, а все же человеку надо как-то устроиться поспать, и поесть что-то надо, и гимнастерку постирать <...> Если писатель изображает мирные будни, не так уж важно, шел ли его герой на работу пешком или ехал на автобусе <...> а если пехотинца, которому приходится тащить на себе пуд, подбросили вдруг на машине — это для него <...> весьма существенно. Одно дело, когда в мирной жизни говорят: приготовь сегодня обед получше, и другое, когда командир батареи перед боем приказывает старшине: вы продуктов не жалейте — это значит и то, что потери ожидаются большие. Очень часто

быт войны неотделим от крови...» [13]. Бытовую конкретику баклановской прозы Бочаров интерпретировал в контексте героического: «Изображение резких, откровенных подробностей фронтового быта представлялось некоторым критикам «ремарковскими приемами натуралистического изображения войны», на самом же деле они выполняли принципиально иную эстетическую функцию: сознательное стремление преодолеть картинное представление людей о смерти, чтобы прийти к познанию героического через обнажение реального» [5, с. 435].

Можно предположить также, что смертью высвечивается сущность быта, необходимого для продолжения самой жизни. В изобразительном повествовании за сценой смерти следует незначительное, но первостепенное для поддержания жизни действие: артиллерист курит («Рядом с Халагурой солдат, хрипло смеясь, свертывал трясущимися пальцами сигарку, нервно дергал головой. — Как он нас, а?.. Ка-ак он нас!.. И прыгающие пальцы просыпали табак» [3, с. 310]), шутит о солдатской способности обживаться, едва оставшись в живых («Сверху скатился Голубев, весь в снегу. Он был рад, что его сменили, что сейчас поест, что можно наконец двигаться, и он один производил шуму больше, чем все остальные. — Скотинкой обзаводимся? Он радостно хлопал себя руками по застывшим бокам, подмигивал. И тут только Васич заметил вертевшуюся в овраге среди солдат, неизвестно как попавшую сюда деревенскую собаку <...>» [3, с. 318]).

Писатель, как было сказано, сводит к минимуму слово объективного повествователя, авторский комментарий: «Г. Бакланов редко объясняет» [5, с. 430]. Исследователи также отмечают, что «динамика отношений и психология баклановских персонажей зачастую оказываются на периферии: автор редко пускается в интроспекцию <...>» [14, с. 163].

При редком использовании психологической точки зрения важно определить, что именно становится объектом мысли, причиной переживания, темой воспоминания героев.

Первое самонаблюдение принадлежит командиру дивизиона Ушакову: «усмехнулся над собой, что понадеялся обмануть судьбу <...> Нет, он не жаловался на судьбу. Он солдат. Он выбрал ее добровольно. И он гордился ею» [3, с. 285], с которым коррелирует в финальной главе рассуждение командира полка Стеценко: «И он понимал, в какой бой посылает их. Но война есть война, а они — солдаты» [3, с. 332]. В биноминативной конструкции «война есть война» второе слово актуализирует коннотацию, выражающую принятие смерти как данности. О своей смерти, смерти однополчан герои не размышляют. Мысли о смерти принадлежат только сбежавшему с поля боя Ищенко («Он <...> мог сейчас, как те, порезанные из пулеметов, раздавленные танками, валяться не снегу» [3, с. 312]) и коррелируют с его отношением к индивидуальной жизни как абсолютной ценности: «уцелеть одному» [3, с. 305].

При этом Ушаков, оценивая свое поведение, возлагает ответственность за бой на себя: «впервые пожалел, что часть батарейцев с одним командиром батареи отправил вперед рыть орудийные окопы. Он поступил правильно: иначе он не успел бы в срок занять огневые позиции» [3, с. 299]. Комментарий повествователя указывает, что переживание Васича так же связано с признанием им ответственности за исход боя: «Васич шел впереди, сутулясь больше обычного, словно всю тяжесть разгрома нес на своих плечах» [3, с. 313].

Сознание Васича объединяет рождающиеся воспоминания. Герою принадлежат два воспоминания об военном хирурге Дине, которая спасла ему жизнь и родила его сына. К Васичу обращено воспоминание Мостового о спасшем его немце, инициирующее диалог о справедливости («А один человек, хоть этот немец, который нас отпустил? Как думаешь, смогут после войны с каждым разобраться?»), в результате которого Васич уясняет веру Мостового в высшую справедливость: «Если война, которой хлебнул он достаточно, раны, испятнавшие его сплошь, не смогли разубедить его и озлобить, слова не разубедят» [3, с. 292].

Мысль Васича связывает судьбу дивизиона со всей Россией: «Он подумал вдруг, глянув на этих радостно бегущих по снежному склону людей, из скольких деревень, городов собрали их, сведя в крошечное подразделение войны: один из трех дивизионов 1318-го артиллерийского полка! Во скольких концах России слезами и болью отдастся каждый снаряд, который разорвется здесь сегодня!» [3, с. 294]. С мыслью героя коррелирует последнее в тексте воспоминание, возникающее в сознании Ищенко: как «праздновали годовщину полка», кульминацией которого являются обращение Ушакова к командиру полка «Батько!» и братский поцелуй: «Стеценко в губы поцеловал Ушакова, и глаза у него были покрасневшие и влажные. И у многих офицеров глаза были влажными от слез» [3, с. 333].

Субъектные сферы героев объединяет мотив вины, которая определяется через ответственность за свои действия в отношении к другим. В начале повести «виноватым себя чувствовал Кривошеин» [3, с. 286], не подготовивший орудие к бою. Ищенко, чтобы снять с себя вину, обвиняет командование, потом — погибших Ушакова и Васича. В свою очередь Васич устанавливает вину Ищенко: «Он видел лицо Ищенко, когда тот ночью в лесу, раздетый страхом до своей сущности, кричал: «Теперь поздно, раньше надо было думать!..» Что поздно? С немцами воевать? В тот момент он готов был предать всех <...> И Васич подумал холодно: «Выйдем — будем его судить» [3, с. 320]. В понимании Васича возлагаемая на себя ответственность, снимая вину с других, пробуждает необходимую для спасения энергию действия: «Приблизившееся, выкрикивающее безумные слова лицо Ищенко <...> Если они услышат то, что кричит этот человек, если поверят, что кто-то виноват во всем происшедшем, они не смогут бороться, не выйдут, погибнут здесь <...> С единственным желанием спасти этих людей, которых он вывел сюда

из-под огня, Васич потянулся к кобуре» [3, с. 312]. На контрасте с поступком Ищенко повествователь в семантике должностования утверждает единственно возможное поведение: «Он кинулся в сторону <...> от людей, кого обязан был вывести или с кем вместе — умереть» [3, с. 305]. В финале вина перед умершими объединяет оставшихся в живых: «Все они, сидевшие здесь у костра, чувствовали смутную вину оттого, что из всего дивизиона только они вырвались и живы <...>» [3, с. 335].

Собирается мотивный комплекс: вина — ответственность — долг — справедливость — спасение — полковое братство — общая для всех солдат судьба. Данный комплекс объединяет нравственные категории.

В фундаментальном труде «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» В. В. Колесов исследовал этические воззрения человека средневековой Руси до XVII в. — в период отечественной истории, задавший направление духовного развития и установивший основы русской ментальности как национального способа выражения и восприятия мира. Пр процитируем ряд положений.

В. В. Колесов комментирует семантику «старинного слова вина» через осуждение поступка самим субъектом действия или другим лицом: «Вина и сегодня — проступок, но не действие само по себе, а осмысление уже произведенного действия, анализ его, рефлексия по его поводу. Этим слово сближается со словом грех — предосудительный поступок, который подвергается осуждению и наказанию. Но слово вина по значению шире, она — источник такого деяния, в том числе и греха, потому что связана с земным осуждением вин» [12, с. 521].

В русской традиции «личный “долг” всегда окрашен неким чувством единения с другими, ради которых долг следует исполнять. Не ради себя — ради других» [12, с. 683]. «Этическое понятие “долг” отвлеченно в высшей степени. Это предел развития того нравственного чувства, которое определяет отношения людей в модальности «должен» [12, с. 683]. «Я должен по нравственным соображениям, но меня обязывают по социальным основаниям <...>» [12, с. 684].

«В рассмотренных символах ментальности заметно расположение по оси координат: вертикальной — Дух и Душа, и горизонтальной — Правда и Судьба <...> Поиск Правды — закона справедливости влечет человека к Судьбе, которой не знает он, и никогда не узнает <...>» [12, с. 689]. «В русских метафорах судьба велит человеку, ведет его, смеется над ним, но при этом свою судьбу можно узнать; человек постоянно в диалоге с нею, и тогда Судьба становится средством объективировать личную совесть. Судьба как русская дорога — терниста и извилиста, а путь свой мы все выбираем сами; в конечном счете, судьба человека зависит от него самого» [12, с. 693].

Согласно историко-лингвистическому анализу В. В. Колесова, отобранные писателем понятия, о которых мыслят герои, являются, во-первых, древними, значит основополагающими для русской ментальности, во-вторых, они

взаимосвязаны: этические категории долг, вина, справедливость фокусируют мысль на отношении к другому и направляют судьбу. Герои действуют слаженно, как будто согласованность их поведения обеспечена общностью ключевых нравственных понятий. Четкость совместных движений претворяется в энергичное со-действие: «Диск! — крикнул Ушаков. Чья-то рука, заросшая черными волосами, страшно знакомая рука подала диск. Ушаков вбил ее ладонью» [3, с. 300]. Герои не размышляют о необходимости поступить так или иначе. Первично само действие, которое направлено на продолжение жизни: «Но лес был рядом <...> Лес! Жизнь!...» [3, с. 309].

Разгром дивизиона не является для героев трагической развязкой, о чем удостоверяет наличие в повести 2-й части, в которой Васич и оставшиеся в живых артиллеристы, оказавшись в немецком тылу, наблюдают передвижение немецких машин, направляющихся к линии фронта, и захватывают машины. Сомнения в возможности успеха отсутствуют: «В сумерках голоса звучали негромко, в них — трудно сдерживаемое нетерпение. — Пошли? Васич посмотрел вверх. Над вершинами леса — гаснущее небо. Ни одна звезда не освещала им путь. Он махнул рукой: — Пошли!» [3, с. 321]. Герои совершают все, что могут совершить. Характеризующую их поведение черту определил А. Г. Бочаров: «<...> люди, у которых в критическую минуту вспыхивает, а не угасает жизненная энергия, жажда сопротивления, деятельное стремление победить» [5, с. 81].

Героев роднит ключевое в их поведении самоотвержение, цель которого — спасение жизни другого: «его орудие раньше всех выйдет сейчас на позицию, и откроет огонь по танкам, и даст всем отойти» [3, с. 304]; «Голубев вскочил. В левой руке — маленький при его огромном росте ручной пулемет. Ушаков жадно глянул на него. Он еще ничего не успел сказать, как Голубев понял сам. — Возьмите, товарищ майор! — говорил он, по-мальчишески радуясь возможности отдать то, что самому дорого. — У ребят еще есть! «Врет, — Ушакову приятно было смотреть на этого здорового, боевого парня. — А молодец!» [3, с. 301]. В катастрофической ситуации, когда бегущих в спасительный лес солдат немцы встречают автоматными очередями, важную роль играет Васич. Автор наделяет его огромным, для лежащих бойцов — прямо исполинским ростом, благодаря чему возникает возможность символизации его образа: «— За мной! — властно закричал Васич, заглушая все голоса. И те, кто упал в снег, и те, кто полз, увидели, как он встал перед ними во весь рост с яростным лицом и автоматом в поднятой руке, словно заслонив их собою от пуль и немцев» [3, с. 309].

Итак, на достоверное изображение фронтового быта и действий в бою героев-артиллеристов наслаивается другой уровень смыслов — объединяющие и определяющие их поведение «коренные понятия русской этики» [12, с. 253]. Герои думают не о смерти, но о своей ответственности за спасение других. Мотив полкового братства из воспоминания Ищенко отсылает

к открывающему повесть образу семьи — хозяйка и ее восьмилетний сын, которому на время короткой передышки Васич в своей заботе о нем заменил отца: «Мальчик влюбленными глазами смотрел на его руки, вырезавшие ножичком птицу из дерева» [3, с. 284].

Третье часть повести — заключительная VIII глава — занимают две драматические сцены. В первой — сотрудник СМЕРШа капитан Елютин допрашивает сбежавшего с поля боя Ищенко. Помимо сюжетной роли образ Елютина выполняет функцию, обусловленную его военной профессией — он летчик, профан в артиллерийском деле:

— «Стать на позицию...», «Походное боевое положение» — перебил Елютин. — Вот в соседней бригаде... Тоже ваши системы — стопятидесятидвух... Комбат... Как его? <...> Вел батарею в походном, как ты говоришь, положении, видит — танки! Ни в какое боевое положение он ее не приводил, времени у него на это не оставалось. Развернулся, ахнул! Ахнул! Восемь снарядов — два танка горят! Получай орден! [3, с. 331].

Ищенко возмущается неправдоподобностью этого рассказа: «С точки зрения артиллериста, Елютин говорил невысказанные вещи. Когда пушка в походном положении, ствол специальным механизмом оттянут назад. Из нее не то что стрелять, ее зарядить в таком виде невозможно. В артиллерии это знает каждый повозочный» [3, с. 331]. Однако личный мотив — страх за себя — мешает ему опровергнуть «фейк». Артиллерист Ищенко — живой свидетель боя, однако его показания так же недостоверны, как пересказ фронтовой байки: «Если бы об этом бое, во время которого почти безоружные люди сожгли шесть танков, дрались и умирали, не пропуская немцев, рассказывал Ушаков, которому нечего стыдиться, он бы рассказывал с болью, но и гордостью. Ищенко оправдывался. Он мог оправдываться только за себя, но он рассказывал о дивизионе и получалось, что в действиях всего дивизиона <...> было что-то постыдное <...>» [3, с. 330]. По-видимому, в подтексте формируется авторское понимание достоверности, которую обеспечивает, помимо профессионализма говорящего, еще и право, определяемое нравственной оценкой его фронтового поведения.

Ситуация допроса усложняется интенцией командира полка Стеценко: «Но то, что произошло в дивизионе, видел Ищенко, и об этом он спрашивал его. Он ничего уже не мог изменить сейчас, но он хотел знать, как дрался дивизион, как погиб Ушаков. Слава живет и посмертно. С труса даже смерть не смывает позора. И безразлично, как люди будут вспоминать твое имя, люди, ради которых ты жил и погиб. Понимал ли Ушаков, что бойцы его дерутся не зря? Не в их силах было остановить танки, но тот, кто с честью погиб в этом трудном бою, не ведает срама после смерти» [3, с. 332]. Формулируется следующая мысль: достоверное свидетельство о поведении погибших запускает механизм памяти, продолжающей их жизнь в веках. Данный смысл отсылает к заглавию повести.

На контрасте дается диалог Ищенко со своей совестью, когда после допроса он проходит мимо лежащего в кузове машины Васича: «Было только нехорошо, что он что-то там не так говорил про него. Но он тут же успокоил свою совесть: Васич мертв, ему уже ничего не нужно и не страшно. Мертвые сраму не имут. Что бы там ни было, дома у него получают обычное извещение: «Пал смертью храбрых...»» [3, с. 335]. В понимании Ищенко умерший исчезает из мира живых — правдивость свидетельства о его смерти значения не имеет.

Мысли обоих героев связывает пословица Мертвые сраму (срама) не имут. Словарь фиксирует ее семантику: «1. Призыв к совершению благородного, но смертельно опасного поступка, оправданием которому может быть посмертная слава и память благодарных потомков: лучше погибнуть за правое дело, чем жить трусом. 2. Констатация незащитности, безответности тех, кто отошел в мир иной, а потому (иногда) своеобразное предостережение тем, кто осуждает покойных» [18, с. 394]. Используя пословицу во 2-м значении, Ищенко обесценивает подвиг погибших: смерть всех уравнивает. Слова Стеценко актуализируют 1-е значение, подразумевающее абсолютную ценность поведения героя.

Аксиологическая значимость пословицы подчеркнута ее повтором в субъектных сферах автора и героев, а также старославянским «срам», маркирующим церковно-книжный стиль, отвечающий за выражение высоких смыслов. Пословица функционирует по принципу цитаты: подразумевается, что читатель актуализирует прецедентное историческое событие.

Цитируемые слова принадлежат князю Святославу Игоревичу, сыну княгини Ольги — не знавшему поражений «великому полководцу и правителю» X века [11, с. 237]. Речь идет о событиях 970–971 гг., когда князь выступил против византийского императора Цимисхия. Цимисхий собрал со всех городов и весей империи разноплеменное войско и в 971 г. осадил дунайскую крепость Доростол, в которой стоял с дружиной Святослав. О положении дел русской дружины «поведано в хронике византийца Иоанна Скилицы: он писал о воинах Святослава, что «на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы... боясь ромеев, отказывали им (русским) в поддержке, у них не хватало продовольствия <...>» [11, с. 244]. Через три месяца сражений Святослав собрал совет, на котором произнес «заветные слова», сохраненные в «Повести временных лет»: «Уже нам некамо ся дети (некуда деться), волею и неволею стать противу; да не посрамям земле Русские, но ляжем костьми, мертвыми бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою» (позаботьтесь сами о себе). О том, что Святослав исполнил свое обещание — «пред вами пойду», — свидетельствовал Лев Диакон; «...выслушав речь своего повелителя, россы с радостью согласились вступить в опасную борьбу... они... построились в мощную фалангу и выставили вперед копья... с неистовой

яростью бросался Святослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих <...>» [11, с. 245].

В. В. Колесов прокомментировал призыв князя: «Слово срам употреблено здесь в том же смысле, что и в устойчивом сочетании «стыд и срам». Заметим: слово стыд в речи князя опущено, его нет, потому что мертвые, погибшие в бою воины, совершив все, что смогли, уже не способны стыдиться <...> Сам князь употребил глагол в форме первого лица, хотя говорит он от имени своих воинов: «Не имам» — что значит: мы не имеем, не будем иметь. Ему не пришлось стыдиться за себя и за воинов» [12, с. 523]. О паре «стыд и срам» сообщается: «И стыд, и срам — каждый в отдельности — отражает сугубо чувственную реакцию на поведение свое или чужое. Стыд — физическое ощущение студа (стужи, холода), проходящие по спине «мурашки» от сознания совершенной ошибки; но и срам — всего лишь соборный упрек за такую ошибку. Совмещение субъективного переживания и объективного осуждения со стороны рождает устойчивую этическую формулу стыд и срам, в которой, по свойственной русской ментальности традиции, совмещены признаки субъекта и объекта <...>», в дальнейшем формулу «стыд и срам» замещает категория «совесть», которая «получает известный нам смысл: это личная ответственность человека за свои слова, мысли и дела перед другими, которые отвечают ему тем же» [12, с. 255]. «Прежнее конкретное субъектно-объектное отношение заменилось взаимобратимым чувством ответственности друг перед другом» [12, с. 256]. В русской ментальности совесть — душевное качество высшей ценности.

Характерные для народной речи единицы «стыд» и «срам» дифференцируют в повести внутреннюю точку зрения субъекта (разведчик «чувствовал себя постыдно. Там, на поле, под разрывами, под огнем танков дрались и умирали ребята, его товарищи, а он здесь в безопасности <...>» [3, с. 305]) и внешнюю точку зрения на объект, передающуюся именно через физическое ощущение холода (при разговоре с Ищенко «Васич ни разу не глянул на него: не мог, холодело сердце» [3, с. 320]). В то же время цель творчества писатель обозначает церковно-книжным термином: об обязанности человека быть человеком «литература должна напоминать ему неустанно. Потому что назначение литературы — быть совестью своего времени» [4, с. 240]. В статье «Быть совестью» (1965) утверждается первостепенность нравственных категорий: «Но не преувеличивают ли литераторы значение литературы и книг? <...> не преувеличивают. В этом убеждает великая способность человека, поверив и поняв, отказываться от всего, ради слова единого идти на мучения, на смерть <...>» [4, с. 239].

Цитата «Мертвые сраму не имут» занимает сильные позиции названия и конца текста. В его многосубъектной структуре слово князя Святослава получает высокий, вневременный статус речи, обращенной и к героям-артиллеристам, наследующим поведение воинов княжеской дружины.

Такому прочтению способствует мотив преемственной эстафеты, в начале повести удвоенный: «С тех пор как живет человечество, сын учится у отца, перенимает и гордится, становясь похожим на него... Между сапогами Васича стоял на глиняном полу босой мальчик, солдатский сын, и Васич осторожно касался коленями его худого тела» [3, с. 284]; «Мать моя провожала отца на фронт <...> И вот я тебя провожаю. Неужели это всегда так, из поколения в поколение?» [3, с. 288].

Сохраненная «Повестью временных лет» речь князя Святослава представляет собой рассуждение, построенное по логике условно-разделительного силлогизма: если убежишь с поля боя, то примешь срам, позор; если примешь в бою смерть, избежишь срама. Выведенное из силлогизма заключение «Мертвые сраму не имугт» констатирует главенство нравственной категории и на века сохраняется в национальной памяти как пословица. Как пословицу используют слово князя и герои Бакланова. Различие, однако, заключается в том, что Ищенко, в сознании которого жизнь окончательно прекращается смертью, использует пословицу как пустую речевую форму. В речи Стеценко она сохраняет статус авторитетного, истинностного суждения, то есть в представлении Стеценко и других героев, наследующих князю и его воинам, жизнь не заканчивается со смертью. Последняя глава повести начинается мотивом памяти, вступающей в свои права сразу после смерти героев («встали, чья память погибшего дивизиона» [3, с. 329]). На конкретную ситуацию допроса предателя накладывается высокий смысл: «ставшие крепко», не осрамившиеся в бою герои живы в памяти живущих после них.

В композиции повести центральное место (IV глава) занимают эпизоды гибели начальника разведки Мостового и командира дивизиона Ушакова. Максимально сближенные в тексте, эпизоды связаны мотивом жизни, не заканчивающейся с физической смертью героя.

Наделенный символизмом облик Мостового («У Мостового было два лица: одно веселое, бесстрашное, молодое, а другое — изуродованное лицо войны» [3, с. 291]), его нравственная неколебимость подготавливают восприятие эпизода, в котором герой один на один ведет бой с танком, образ которого наделен сверхчеловеческой, близкой стихиям силой («властно подминая все звуки боя» [3, с. 302], «пули чиркали по броне, как спички по коробку» [3, с. 302], «танк несся на него вместе с белой метелью» [3, с. 303]). Изобразительное повествование последовательно фиксирует, как герой сосредотачивается на танке, как для него упраздняется чувственное восприятие окружающего («Или это снег таял на груди?»), как герой начинает воспринимать со стороны свое тело — в плане необходимых для боя функций («Как чужую, Мостовой увидел на снегу свою кровь <...> Но боли не было, и рука держала ружье» [3, с. 303]. На противопоставлении с «мелькнувшим рядом испуганным лицом разведчика» фиксируются уравнивающие героя и танк детали: «не разжимая стиснутых челюстей» и «дуло орудия прыгнуло вверх,

закачалось». Смертельный удар дается в восприятии героя: «Ослепительно сверкнувший огонь и еще что-то острое вошло в него, в мозг его, в тело, вошло безбольно и мягко, словно не было в нем ни костей, ни нервов. И Мостовой почувствовал странную невесомость, кружение и пустоту. Но и летя в пустоте, он еще боролся, он чувствовал, что его отрывают, и не давал оторвать себя от земли, хватался за нее руками, которых у него уже не было» [3, с. 303]. Оборот «словно в нем не было ни костей, ни нервов», последовательность в расположении слов с отвлеченным значением странная невесомость, кружение, лететь в пустоте осуществляют переход в иной мир. Однако герой, освобождающийся от телесной оболочки, продолжает вести бой («он ещё боролся»).

Внутренняя точка зрения сменяется внешней в пределах одной синтаксической структуры, благодаря чему упраздняется категория времени: «Вечность, в течение которой он еще сознавал, больно, трудно расставаясь с жизнью, так и не поняв, что расстается с ней, — все это для постороннего глаза слилось в короткое мгновение» [3, с. 303]. С внешней пространственной точки зрения показан результат боя: контраст с образом танка — мёртвой-материей — усиливает символизм направленного вверх движения героя («Потом с земли, держа руками окровавленную голову, поднялся солдат» [3, с. 304]).

Эпизод гибели Ушакова дан в двусубъектном повествовании, фиксирующем одновременность мысли и действий: «Скрипнув зубами, он побежал под уклон, вниз, туда, где стоял подбитый бронетранспортер. Там зенитный пулемет. Бронепатроны... Успеть развернуть... Прикрыть людей огнем!» [3, с. 306–307]. Затем в восприятии Васича дана незабываемая картина: «справа и слева от Ушакова возникли две параллельные огненные трассы <...> Между двумя трассами возникла третья струя огненного металла. Она вонзилась в Ушакова, прошла через него, и он упал» [3, с. 307]. Однако в следующем абзаце Ушаков продолжает жить: «А Ушаков еще бежал. Мыслью он бежал туда, к бронетранспортеру, где был зенитный пулемет. Его надо развернуть. И Ушаков полз по снегу, приподымался, падал, опять полз, весь в снегу, оставляя за собой широкий кровавый след. Он еще не чувствовал, что убит, он жил <...> Ушаков закричал, вскочил, весь устремляясь туда... Умирающий человек едва заметно зашевелился со стоном и поднялась голова: волосы в снегу, мокрое от растаявшего снега лицо, мутные глаза» [3, с. 307]. Символизм сцены смерти проявляет первичность нематериального — помысла, мысли — над физическим, материальным.

Во время боя герои уходят в иной мир и одновременно продолжают жить. Возможно, близкий смысл подразумевал Н. Подосокорский, в статье о ранних произведениях Бакланова отметивший: «если в начале всех трех повестей господствует ночь <...> то в самом финале всегда появляется «непобедимое солнце», напоминающее, что главная битва происходит в другом измерении

и что всегда есть те, кто подхватят оружие павших» [16]. Как представляется, речь идет не только о преемственности поколений, но также и о жизни вечной.

Таким образом, принцип художественного равновесия определяет наличие в повести «Мертвые сраму не имут» двух центров смыслообразования. На одном полюсе развитие смыслов регулирует категория достоверности, реализующаяся на уровнях архитектоники, системы образов, хронотопа, субъектной организации, стиля. Достоверность обеспечивается фронтовым опытом автора-артиллериста, проявляется в профессиональном изображении боя, детализации фронтового быта. И. Дедков писал: «Баклановские картины фронтового быта, поэтизация всякого мгновения жизни как противовеса смерти произвели в свое время сильное впечатление» [9, с. 230].

На другом полюсе смыслообразование осуществляется «условными» художественными приемами: цитатой, актуализирующей прецедентное историческое событие и фигуру князя Святослава Игоревича, символизмом сцен смерти, контекстами, выражающими психологическую точку зрения. Герои рефлексиируют не о жизни и смерти, а о нравственных категориях — ответственность, вина, стыд, срам, которым соответствует их поведение, направленное на спасение друг друга. Исполнены символизма сцены смерти, в которых герой продолжает бой, после того как с внешней точки зрения показана его физическая смерть.

О взаимосвязи достоверного свидетельства и мастерски отделанной художественной формы писал В. Быков в связи с повестью «Южнее главного удара»: «Но эта первая военная повесть Г. Бакланова явилась для меня необыкновенно наглядным примером того, как неприкрашенная военная действительность под пером настоящего художника зримо превращается в высокое искусство, исполненное красоты и правды» [6]. «Повесть временных лет» запечатлела слова князя Святослава и воплощающее их поведение русских воинов. Г. Я. Бакланов показал героев-артиллеристов, действующих в соответствии с той же нравственной максимой — «мертвые сраму не имут».

В статье «Слово об однополчанине» Бакланов сформулировал аксиологическое основание концепции творчества: «... мы рассказываем им [читателям — И.М.] о тех, кто был с нами, кто жив теперь в нашей памяти. Пусть с ними будет <...> частица того бессмертного духа, что тысячи лет горит не сгорая на кострах всяческой инквизиции» [4, с. 287]. Принцип художественного равновесия гармонически соединяет два полюса смыслообразования, чтобы выразить прямо не сформулированный духовный смысл. Это утверждение не заканчивающейся смертью жизни — в земной человеческой памяти, но также жизни вечной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аринштейн Л. М. Достоверность как эстетическая категория // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. О художественно-документальной литературе. Т. 105. Сб. 1-й. Под ред. проф. П. В. Куприяновского. Иваново, 1972. С. 36–53.
2. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 189–199.
3. Бакланов Г. Я. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1. Южнее главного удара; Пядь земли; Мертвые сраму не имут; Июль 41 года. М.: Худож. лит., 1983. 494 с.
4. Бакланов Г. Я. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4. Очерковые книги. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1985. 463 с.
5. Бочаров А. Г. Человек и война. Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. Изд-е 2-е, доп. М.: Сов. писатель, 1978. 477 с.
6. Быков В. Верность памяти // Быков. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Молодая гвардия, 1986. URL: <https://lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt> (дата обращения: 09.07.2025).
7. Военный энциклопедический словарь. М.: Военное изд-во, 1986.
8. «Война гуляет по России, а мы такие молодые». На вопросы отвечает Г. Бакланов // Искусство кино. 1995. № 5. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/1272> (дата обращения: 09.07.2025).
9. Дедков И. О. судьбе и чести поколения // Новый мир. 1983. № 5. С. 218–230.
10. Дьяков Д. С. «Слово, сказанное вовремя, и есть глоток свободы...» К 100-летию писателей-воронежцев Г. Я. Бакланова и Ю. Д. Гончарова // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 21. Воронеж, 2023. С. 130–155.
11. Кожин В. От Византии до Орды. История Руси и русского Слова. М., 1996.
12. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1120 с.
13. Лазарев Л. Пядь отвоеванной земли. О прозе Григория Бакланова // Лазарев Л. Живым не верится, что живы... М.: МИК., 2007. URL: https://royallib.com/read/lazarev_lazar/givim_ne_veritsya_chno_givi.html#507118 (дата обращения: 09.07.2025).
14. Ощепкова А. И., Монастырёв Т. С. Визуальная поэтика повести Г. Я. Бакланова «Южнее главного удара» // Вестник СВФУ. Т. 21. № 1. С. 159–168.
15. Память народа. Информационный портал МО РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer614690/ (дата обращения: 09.07.2025).
16. Подосокорский Н. Человек на войне: о трех ранних повестях Григория Бакланова 1957–1961 годов // Знамя. 2023. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8773> (дата обращения: 09.07.2025).
17. Хазагерев Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта, 2009.
18. Шулержкова С. Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...» 1500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба. М.: Флинта: Наука, 2011.

Смирнова Дарья Михайловна,
Преподаватель
Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина
virus_brain@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИРОНИИ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

В статье рассматриваются стихотворения И. Бродского с интертекстуальными связями, которые используются поэтом в иронических целях. Интертекстуальные связи многообразны: аллюзии («Баллада о Лермонтове»), цитаты («Ничем, певец, твой юбилей...»), дописывание текста («Памятник Пушкину»). Ирония направлена на читателя («Представление»), на самого себя или своё окружение («Я вас любил...»).

Ключевые слова: Бродский, Пушкин, Лермонтов, интертекстуальность, претекст, ирония.

Smirnova D. M.

INTERTEXTUALITY AS AN ELEMENT OF IRONY IN J. BRODSKY'S POETRY

The article examines J. Brodsky's poems with intertextual connections, which are used by the poet for ironic purposes. The intertextual connections are diverse: allusions («The Ballad of Lermontov»), quotations («Nothing, singer, your anniversary...»), text additions («Monument to Pushkin»). Irony is directed at the reader («Representation»), at oneself or one's surroundings («I loved you...»).

Keywords: Brodsky, Pushkin, Lermontov, intertextuality, pretext, irony.

И. Бродский в своей поэзии активно использует интертекстуальность [см. 1, 2, 3 и др.]. Е. Мищенко пишет о том, что отсылки к другим текстам у И. Бродского всегда осмысленны, это не создание связи ради самого наличия диалога, а всегда выход к переосмыслению претекста и наполнению собственного стихотворения новым смыслом. Также она отмечает, что для И. Бродского характерно восприятие всего творчества того или иного писателя как единого текста, следовательно, отсылка может быть не к какому-то конкретному произведению, но к творчеству писателя в целом. «Чужое слово» в итоге становится элементом «своего чужого», с помощью которого совершается стремление к сверхтекстуальности, т. е. объединению как бы всех текстов, всего языка в одном тексте, в одном слове [10, с. 26–27]. Е. Семёнова также развивает мысль о том, что интертекстуальность И. Бродского — это прежде всего реакция на какого-либо автора в целом, а не просто создание отсылки к произведению. «Чужое слово» всегда «проходит через горнило его собственных представлений и поэтики». Исследовательница называет этот процесс «переписыванием» других поэтов. Другая черта его

лирики, которую также отмечают исследователи, — это ирония и самоирония [12, с. 131]. М. Крепс пишет, что «ирония — один из важных приемов поэтики Бродского, чаще всего характерного не для целого стихотворения, а для его частей, ирония вклинивается в серьезное, вступает с ним в определенные, смыслобогатые отношения» [9, с. 63], а «способность к иронии всегда предполагает и способность к самоиронии» [9, с. 109]. Формула иронии И. Бродского, по М. Крепсу, — «к сожалению, так есть, и, по-видимому, всегда будет» [9, с. 109].

Цель нашего исследования — рассмотреть случаи использования И. Бродским в своей поэзии интертекстуальных связей как иронический приём.

Нужно отметить, что И. Бродский использует разные формы интертекстуальности (по классификации Н. Фатеевой [13, с. 120–160]): в его лирике мы увидим и аллюзии, и цитаты (с атрибуцией и без), и примеры дописывания чужого текста. Также поэт направляет свою иронию на разные предметы: на читательскую внимательность или, точнее, на их невнимательность, на равнодушное отношение к тексту, на себя самого (за лирическим героем многих стихотворений так или иначе прочитываются параллели к биографии поэта, особенно это заметно в произведениях, посвящённых реальным людям, сыгравшим какую-либо роль в жизни И. Бродского), на какие-то идеи прошлого. Рассмотрим случаи соединения интертекстуальности и иронии подробнее.

Среди стихотворений особо выделяются тексты, в которых И. Бродский разговаривает с читателями о литературе. Для поэта речь, язык, написанное слово — это особая стихия, важнейшая ценность человеческой культуры. Неоднократно И. Бродский говорил о том, что человек подчинён языку, в каком-то смысле он является инструментом стихии слова, который нужен для материального воплощения языка. Именно поэтому обращение к претекстам из классической литературы нередко соседствует с темами слова, языка вообще, текста и его восприятия. И, к большому сожалению и разочарованию поэта, он отмечает, что читатели не столь внимательно относятся к прочитанному, игнорируя заложенные смыслы или относясь к литературе как к декорации.

Яркий пример такой иронии мы можем увидеть в стихотворении «Представление», переполненным отсылками [4, т. 3, с. 296]. О. Бараш так комментирует эту особенность стихотворения: «Текст до отказа насыщен не только именами, названиями и реалиями эпохи (как потом выяснилось, уходящей), но <...> и речевым субстратом тех лет: его составляли идеологические штампы, антисоветские и нецензурные анекдоты, цитаты как из классики, так и из хулиганских песенок и частушек, рыночный или деревенский говор, аутентичный либо пародийный, аргоизмы (в т.ч. «блатная музыка»), и попросту бранные слова». Также исследовательница отмечает, что само

появление такого стихотворения — это «своего рода иронический диптих» с подобным произведением об английской истории («History of the Twentieth Century» («История XX века») с подзаголовком «A Roadshow») [6, с. 406–407].

Обратимся лишь к некоторым из литературных отсылок «Представления», которые касаются не столько описываемой действительности (для этого нужно обращаться не только к литературным претекстам), сколько к взаимоотношениям автор — текст — читатель. Из всех рассматриваемых нами стихотворений это можно отнести не только к ироническим, но и к сатирическим, потому что некоторые замечания И. Бродского саркастичны за счёт снижения претекстов и эротизации. Так, «Слово о полку Игореве» представлено аллюзией: «Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной». В «Слове» Игорь — доблестный воин, Ярославна — верная жена, но ничего из этих характеристик не осталось в стихотворении. Взаимоотношения Игоря и Ярославны сводятся к физическому контакту, который становится целью возвращения Игоря из плена (вместо мотивов чести, воинской доблести, намерения улучшить правление страной). Творчество А. С. Пушкина представлено реминисценцией к стихотворению «Утопленник»: «и вбегают в избу к тятю / выгнать тятю из двуспальной, где их сделали, кровати». Это отсылка к первому четверостишию пушкинского стихотворения: «Прибежали в избу дети / Второпях зовут отца: / «Тятя! тятя! наши сети / Притащили мертвеца». Однако и здесь на первый план в трансформации претекста выдвигается физический и эротический аспект.

Последним из писателей появляется Л. Н. Толстой. И. Бродский делает больше отсылок к биографии, например, к вегетарианству писателя (и иронически добавляет, что его потомки тоже не едят мяса, но, очевидно, из-за бедности и экономического упадка страны, а не из-за личного выбора) или к его принадлежности к графскому титулу. Здесь наиболее ярко проявляется именно отношение масс, которые смотрят на культуру через призму идеологии: «Се — великий сын России, хоть и правящего класса!». Без упоминания социального положения и подразумеваемого угнетения класса рабочих правящим классом говорить о культуре в советское время было невозможно. Творчество Л. Толстого представлено реминисценцией на «Войну и мир»: «взад-вперед летают ядра над французским частоколом». Здесь упоминается война и Франция, что уже создаёт отсылку к роману-эпосе. Под частоколом можно понимать быстрый почерк, что следует из предыдущей строки о ручке-самописке, а французский частокол — фразы, написанные на французском языке, что в изобилии мы видим в «Войне и мире». С иронией подано и распространенное в массовом сознании представление о Л. Толстом как о писателе очень объёмных произведений: писатель превращается в книжный шкаф, то есть написал так много, что одним своим творчеством может занять целый шкаф. Это также ирония по поводу стереотипного представления о том, что известность «Войны и мира» объясняется исключительно его объёмом.

Другим примером обращения к читателю можно назвать стихотворение «Баллада о Лермонтове» [1, с. 43]. Для начала стоит определить отношение И. Бродского к М. Ю. Лермонтову. В своих заметках о поэтах XIX в. он называет М. Лермонтова «поэтом громадной лирической напряжённости», который «принёс в русскую литературу значительно более сложное мировосприятие, чем его современники и предшественники». В одном из интервью он отметил, что «после Лермонтова всё начинает становиться несколько менее занятым» [7, с. 351]. Таким образом, мы видим, что для И. Бродского М. Лермонтов — весьма значимый поэт.

Здесь автор предлагает читателям «поговорить о Лермонтове» и раскрывает его в разных характеристиках. Однако биография М. Лермонтова нашла отражение в его поэзии, и у И. Бродского можно заметить взаимосвязь жизни и поэзии поэта через аллюзии если не к конкретным текстам, то к группам стихотворений (военные стихотворения, стихотворения о природе, вдохновлённые Кавказом, любовная лирика).

Наиболее конкретны отсылки к роману М. Лермонтова «Герой нашего времени». Косвенно оно уже вводится в стихотворение «горными пейзажами», так как они встречаются не только в лирике. Далее И. Бродский обыгрывает название произведения: «Поговорим о разном героизме / разных героев / разного времени» — и тему романа: «авторе романа / из жизни на водах». Интертекст этого романа как будто итоговый для всего стихотворения и судьбы М. Лермонтова: роман соединяет в себе все темы, на которые обратил внимание читателя И. Бродский (война, любовь, Россия, одиночество), но только на его основе поэт поднимает и проблематику произведений М. Лермонтова. Это время и его герои; но если М. Лермонтова интересует только герой одной эпохи — его современник, то И. Бродского волнуют герои разных времён, причём обладающие разным героизмом, — поднимается тема относительности и изменчивости моральных категорий.

Интертекст романа придёт «Балладе...» оттенок горькой иронии. В романе рассказывается история о том, что случилось «на водах», то есть вводится некое оздоравливающее пространство. Оно появляется и в описании биографии поэта — санаторий. Но рядом с местом лечения автор романа тоже как будто о лечении (ведь из всех примет романа И. Бродский выбирает именно место действия одной главы) умирает.

Сам же роман «Герой нашего времени» сводится к истории из жизни на водах, однако это не весь роман, это только глава «Княжна Мери». Конечно, она выделяется в романе: здесь случаются важнейшие события в жизни Печорина (дуэль с Грушницким, игра в любовь с Мери, несчастная любовь с Верой, дружба с Вернером и её разрушение), здесь же представлены самые знаменитые высказывания Печорина, его психологические монологи («из двух друзей всегда один раб другого», «во мне два человека...», «такова моя участь с самого детства...», «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании

молодой, едва распустившейся души!» и т.д.). Однако одна глава — это не весь роман, и она не охватывает всех тонкостей образа Печорина, которые проявляются в иных ситуациях. Одна глава и не показывает развития личности, хотя и даёт ответы на многие вопросы о характере главного героя. Почему же И. Бродский «сократил» роман до одной, пусть и значимой, главы? Скорее всего, потому что в большинстве случаев роман читается в школьном возрасте, взрослые к нему не возвращаются, остаются со своими подростковыми впечатлениями и, как правило, с теми выводами, к которым пришли в классе. А роман М. Лермонтова писался, конечно, для людей взрослых, и часто так бывает, что перечитанная классика воспринимается совершенно иначе, когда к ней люди возвращаются уже с каким-то значимым жизненным опытом. И. Бродский же обращается к тем, для кого этот роман остался школьным воспоминанием о какой-то истории о горах и жизни на водах, несмотря на то что это произведение — классика, которая формирует культурный код русского читателя. Получается, что вся эта культура рушится, стоит с человеком просто поговорить о классике.

Горькая ирония по отношению к памяти о поэте содержится и в стихотворении «Памятник Пушкину» [5]. В «Памятнике Пушкину» есть эпитафия, взятый из стихотворения Е. Багрицкого «О Пушкине». Сам И. Бродский признавался, что в молодости ему нравилась поэзия Е. Багрицкого [7, с. 350]. Однако стихотворение И. Бродского противопоставлено эпитафии.

Е. Багрицкий в своём стихотворении превозносит фигуру А. С. Пушкина: он сосредотачивается на трагичности смерти поэта, а его лирический герой чувствует необходимость за него отомстить на войне своего времени, а также пронесит его с собой через всю жизнь. Здесь А. С. Пушкин представляется как неотъемлемая часть жизни героя, которая определяет его поступки, а сам поэт предстаёт только в хорошем свете. В конце стихотворения создаётся образ вечного А. С. Пушкина, который будет жить благодаря своему творчеству. Поэт идеализируется, стихотворение проникнуто пафосом любви к нему, и создаётся впечатление, что А. С. Пушкин гораздо больше, чем просто человек, что он как бы приближается к пророкам или сверхлюдям.

У И. Бродского нет подобного отношения к А. С. Пушкину. Для него сохранить память о поэте — это читать, перечитывать его стихотворения, понимать, разбирать их, но не ставить памятники автору.

Стихотворение «Памятник Пушкину» делится на три части. Первая продолжает сюжет, заявленный в эпитафии (таким образом интертекст становится не только цитированием, но и дописыванием чужого текста). Здесь описываются события после дуэли, но с точки зрения самого поэта. И. Бродский выбирает местоимение «они», говоря о А. С. Пушкине. Можно предположить, что в этом проявляется ироничное отношение автора к такому восприятию А. С. Пушкина, при котором для поэта как будто мало местоимения «он», что он требует к себе иного отношения, чем к другим

людям. В использовании такого местоимения проявляется преувеличение, свойственное многим «обожателям» А. С. Пушкина.

Вторая часть представляет собой пейзаж, в котором подчёркивается пустота вокруг памятника поэту, усиливается состояние одиночества, непонятости. И. Бродский рисует мир, в котором побеждают пустота, природа, вечность, оставшаяся человека одного, уставшего, отчуждённого.

Третья часть — ироничная. Памятник вызывает у героя сочувствие, потому что ему приходится оставаться на улице в такую неприятную погоду.

Само название вызывает ассоциации со стихотворением А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». А в стихотворении И. Бродского памятник как раз рукотворный. Поэт вообще отрицательно относится к памятникам. А. Ранчин отмечает, что памятник для И. Бродского — это символ искусственности, лжи, оцепенения, смерти [11, с. 140]. По И. Бродскому, память о поэте должна жить не в скульптуре, которая всё равно стоит на пустынной улице, то есть одиноко, а в том, что его произведения до сих пор читают. Тихая личная память для И. Бродского важнее громкой пафосной любви, которая выражается не в понимании произведений, а в установке новых памятников, к которым никто не подходит, и в ярких выражениях о своей любви.

Но не только к читателю обращена ирония И. Бродского. Обратимся к примерам стихотворений, где есть элементы самоиронии или ирония направлена на непосредственное окружение автора.

Шестой сонет из цикла «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» «Я вас любил...» [4, т. 3, с. 63] представляет собой пародийное переложение стихотворения А. С. Пушкина. Однако весь пушкинский сюжет переосмыляется в ироничной форме. Безответная любовь доводит лирического героя до отчаяния: он хочет покончить жизнь самоубийством. Трагедийное содержание оказывается сниженным: от самоубийства героя останавливает выбор виска, хотя это, очевидно, мнимый мотив, т.к. чисто с физиологической точки зрения у каждого есть ответ на этот вопрос в зависимости от ведущей руки. Сам же вопрос «в который вдарить?» звучит неожиданно, потому что обычно люди размышляют о том, что будет с ними после смерти, какотреагируют близкие, что хорошего удерживает при жизни и т.п., равнодушие же героя к таким вопросам — это как раз самоирония, почти циничное отношение к собственному отчаянию. Герой как бы смеётся над тем, что любил так сильно, что безответность любви причиняет ему столько боли. Ирония относится и к чувствам: любовь, которую испытывает лирический герой, возлюбленная может восстановить с несколькими «другими», в отличие от пушкинского одного «другого», а сам поэт, забывшись, вспоминает прежде всего «бюст» героини и поспешно меняет на «уста». А. К. Жолковский отмечает, что ирония проникает и на другие уровни стихотворения: «возвышенный, сонетный жанр, каковой, однако, подвергается решительной

деформации», «пушкинский словарь осовременивается и вульгаризуется», «утрирует Бродский и общее риторическое увязание утвердительного лейтмотива «Я вас любил...» в многочисленных оговорках» и т.п. [8, с. 205–224] Таким образом, сонет И. Бродского — это многоуровневая ирония пишущего к тому, что он пишет о том, что он чувствует.

Есть у И. Бродского и стихотворения, где ирония не связана ни с отчаянием, ни с горьким пониманием жизни, например, «Ничем, Певец, твой юбилей...» [4, т. 2, с. 368].

Стихотворение посвящено А. Кушнеру и написано в ироничной манере. Оно поднимает много бытовых проблем бедной жизни поэтов: стихи преподнесены юбиляру как единственный подарок, потому что никаких средств у поэтов-дарителей нет.

Обещанная лесть юбиляру превращается в едкое описание тягот жизни поэтов и размышления о бессмысленности жизни и безвыходной ситуации: «Паршивый мир, куда ни глянь». В качестве извинений за такую непридличную речь поэт вводит эпизод, представляя, как юбиляр остаётся один и пишет: «я помню чудное мгновенье, / передо мной явилась ты».

С одной стороны, можно расценить это как шутивное поздравление: И. Бродский высоко ценил талант А. Кушнера, своего друга, и такие строки можно прочесть как несерьёзное уравнивание поэзии А. Кушнера с поэзией А. С. Пушкина в честь юбилея друга.

С другой стороны, в стихотворении есть обращение к Саше — совпало, что это может быть обращением как к Александру Кушнеру, что возвращает нас к версии-комплименту, так и обращением к Александру Пушкину.

Для И. Бродского вполне возможно создание анахронизмов и смешения реальностей. Жалуясь на судьбу поэтов в современной обстановке, И. Бродский чувствует неловкость перед теми поэтами, которые даже во время невзгод создавали поэтические шедевры, — и это относится и к А. С. Пушкину. Так что И. Бродский может своей отсылкой извиняться и перед ним за то, что позволил себе слабость жаловаться.

Мы же склоняемся к тому, что обе версии не взаимоисключающие. Вероятно, прочтение как поздравление и комплимент должно доминировать, однако оно не вытесняет и восприятия текста как литературной игры.

Таким образом, мы видим, что И. Бродский достаточно активно использует соединение интертекстуальных связей и иронии в своих стихотворениях. Ключевой мотив такого синтеза связан с читательским восприятием, которое не устраивает И. Бродского: он выступает против памятников поэтам, обожествления их, против стереотипов и мифов о писателях, говоря о том, что лучшая память об авторе — это внимательное прочтение их произведений, обращение к ним не по требованию школы, общества, не ради облика культурного человека, а по собственному желанию снова или впервые познакомиться с русской классикой, насладиться её языком, принять её выводы, сравнить со своей жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараш О. Вокруг «Представления»: как комментировать «энциклопедию советской жизни» // И. А. Бродский: pro et contra. Антология / Сост. О. В. Богданова, А. Г. Степанов. СПб.: РХГА, 2022. С. 406–407.
2. Богданова О. В., Баранова Т. Н. Безграничные миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2023. 316 с.
3. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022. 174 с.
4. Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. I–VII.
5. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: электронное собрание. <https://iosif-brodskiy.ru/stikhotvoreniia-i-roemy.html>
6. Гордин Я. А. Пушкин. Бродский. Империя и судьба. Т. 2. Тем, кто на том берегу реки. М.: Время, 2016. 478 с.
7. Венцлова Т. Чувство перспективы // Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000. 703 с.
8. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. 428 с.
9. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984. 278 с.
10. Мищенко Е. В. «Чужое слово» в лирике И. Бродского как диалог с культурной традицией: постановка проблемы // Вестник Томск. гос. ун-та. 2008. № 315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhoe-slovo-v-lirike-i-brodskogo-kak-dialog-s-kulturnoy-traditsiy-postanovka-problemy>
11. Ранчин А. М. На пиру Мнемозины. Интертексты Бродского. СПб.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.
12. Семёнова Е. Ещё о Пушкине и Бродском // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2000. 376 с.
13. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

Федотов Олег Иванович,
Доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИВАНА III И СОФИИ ПАЛЕОЛОГ В СОНЕТНОМ ТРИПТИХЕ РОМАНА СЛАВАЦКОГО

Статья представляет собой исследование посмертного сонетного сборника коломенского поэта Романа Славацкого (1957–2021) «Медали» с преимущественным вниманием к триптиху сонетов, посвященных истории его родного города, а именно бракосочетанию Ивана III и дочери последнего византийского императора Софии Палеолог. Поэту удалось создать колоритные образы русского царя, первым из российских государей удостоившегося наименования Ивана Великого, его византийской избранницы и итальянских сватов, преследовавших своекорыстные цели и в то же время способствовавших культурному и политическому развитию Московского государства. Итальянцы, осевшие в Коломне, принимали участие в проектировании и строительстве Московского кремля, монетного двора и укрепления авторитета в Европе стремительно развивавшейся мощной восточно-славянской державы. В Приложении содержится яркий иллюстративный материал, который можно использовать при публикации.

Ключевые слова: Роман Славацкий, «Медали», монеты, Иван III, Зоя (София) Палеолог, Иван Фрязин, Коломна.

Fedotov O. I.

THE MARRIAGE OF IVAN III AND SOFIA PALAIOLOGOS IN ROMAN SLAVATSKY'S SONNET TRIPTYCH

The article is a study of the posthumous sonnet collection of Kolomna poet Roman Slavatsky (1957–2021) “Medals” with primary attention to the triptych of sonnets dedicated to the history of his hometown, namely the marriage of Ivan III and the daughter of the last Byzantine emperor Sofia Palaiologos. The poet managed to create colorful images of the Russian tsar, the first of the Russian sovereigns to be named Ivan the Great, his Byzantine chosen one and Italian matchmakers who pursued selfish goals and at the same time contributed to the cultural and political development of the Moscow state. The Italians who settled in Kolomna took part in the design and construction of the Moscow Kremlin, the mint and strengthening the authority of the rapidly developing powerful East Slavic state in Europe. The application contains vivid illustrative material that can be used for publication.

Keywords: Roman Slavatsky, “Medals”, coins, Ivan III, Zoya (Sofia) Palaiologos, Ivan Fyazyn, Kolomna.

Последний свой поэтический сборник с многозначительным названием «Медали» замечательный поэт из подмосковного города Коломна Роман Славацкий издать не успел. В июле 2021 г. его подкосил ковид. Но многочисленные друзья, земляки и почитатели сделали это за него, включив, вполне завершённый цикл в мемориальный сборник, любовно изданный ими, можно сказать, вкладчину в его честь [5, с. 157–184].

Как возник замысел этого цикла из 24-х сонетов? К сожалению, судить об этом мы можем теперь только предположительно. Начнем с того, что Роман Вадимович водил дружбу не только с четырьмя поэтическими, но и пятой исторической музой по имени Клио. Скорее всего именно она и познакомила его со своими сестрами...

Волшебный луч фонарика воображения вместе с катакомбами историко-литературных сочинений — основные источники поэтического вдохновения Романа Славацкого. Они безгранично расширяют сферу его творческих интересов, иной раз парадоксально неожиданных. Что за дело, к примеру, жителю Коломны до разновидностей поцелуев, которыми обменивались древние римляне, и как они связаны с ... медалями? Оказывается, это тема весьма волнующая и актуальная, с точки зрения исторической (или поэтической?) культурологии. Как утверждают источники, в Древнем Риме существовали, по крайней мере, три разновидности лобзаний: «базиум», «оскулюм» и «савиум» («саволиум»). Вот какую характеристику дает им поэт в миницикле из трех сонетов под общим заголовком «Римские поцелуи»: «Базиум, например, — поцелуй влюбленных, / что возле сада увиделись утром рано. // Базиум — счастье мая и ветер свежий; / веют, колебля сердце, любовь и нежность...» и т.д. В концовке посвященного этому поцелую сонета поэт апеллирует к своему античному коллеге, изгнанному как раз за «Науку любви» в причерноморскую колонию Томы к нашим предкам сарматам: «— Тропкой Венеры влюбленных веди Овидий, / в час, когда лунный призрак сквозит медалью» [5, с. 160]. Обратим внимание на элегантный каламбур «веди, Овидий»

СТОЯНИЕ НА УГРЕ 1480 г.

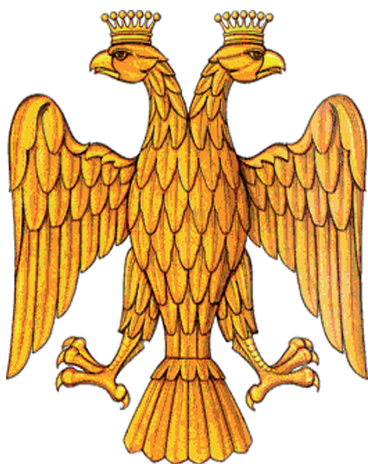

*Осколки славы Рима и Орды
лишь ты сумел расплавить и промерить!
Чужих монет поблеклые следы
связал в узор грознейшей из империй...*

*Среди угорских чащ, необорим, раскрыл
крыла двуглавый Третий Рим!*

*Великий князь, державный полу-царь! —
звериной мощью профилей хищный стынет...
Ты переплавил греческий букварь
с имперским блеском каменной латыни.*

*Усильем исполнимским ты извёл
Россию из татарского полона!
...И твой двойной аттический обол
скрывает итальянская Коломна...*

ИВАН ВЕЛИКИЙ

и обернувшуюся памятной «медалью» союзницу всех влюбленных — Луну.

Наверняка в подтексте этого сонета оставил след еще один римский поэт Валерий Катулл, страстно взывавший к своей ненаглядной Лесбии: «Будем, Лесбия жить, любя друг друга! / Пусть ворчат старики, — что нам их ропот? / <...> Дай же тысячу сто мне поцелуев, / Снова тысячу дай и снова сотню, / И до тысячи вновь и снова до ста, / А когда мы дойдем до многих тысяч, / Перепутаем счет, чтоб мы не знали, / Чтобы глазить не мог нас злой завистник, / Зная, сколько с тобой мы целовались» [1, с. 357–358]. Знаменательно, что перевод этого пылкого стихотворения выполнен Сергеем Шервинским, принимавшим у себя на даче под Коломной многих не самых идейно устойчивых поэтов Серебряного века, в том числе и Анну Ахматову, по коломенским маршрутам которой Роман Вадимович водил экскурсии.

Нас в этой статье занимает следующий за «Римскими поцелуями» субцикл, также состоящий из трех сонетов, посвященных парадоксальному браку русского царя Ивана III и племянницы последнего византийского императора Зои (Софии) Палеолог, где сватом оказался пронырливый итальянец Джан Баттиста делла Вольпе, получивший русское имя Ивана Фрязина.

В первом сонете воздается должное обделённому официальным признанием, тенденциозно интерпретированному Николаем Костомаровым Ивану Великому:

Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытый, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отгагой,

ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и, возможно, прочное присоединение их к Московскому государству было заветной целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена [3, с. 170].

Иван III, первым из русских государей удостоившийся почетного прозвища Великий (задолго до Петра I и Екатерины II) [7, т. 2, с. 70], любил уединяться в Коломне [2, т. II, с. 93]. Все prerogatives царствования по крайней мере им были уже присвоены. Именно ему, принадлежит заслуга окончательного избавления отчизны от более чем двухсотлетнего ига. Причем своей цели он достиг малой кровью, хитроумным «стоянием на Угре», вынудившим его противника последнего хана Большой Орды Ахмата бесславно ретироваться со своим войском в Сарай. Иван Великий стал и «собирателем», и радетелем «земли русской», успешно отражая атаки врагов и на востоке, и на западе; учредил официальный свод законов «Судебник 1497 г.»; принял в качестве герба двуглавого орла; построил Московский Кремль и Успенский Собор, пригласив итальянских мастеров, многие из которых осели в Коломне; и, наконец, упорядочил денежную систему, отчеканив золотой угорский дукат и копейку. Не это ли обстоятельство породило в итоге заглавие цикла — «Медали»? Правда, в нем, намекающем на близкие родственные связи между монетами и медалями, можно усмотреть и ассоциативные аллюзии и жанровую преемственность с северянскими «Медальонами» — сборником «сонетов и вариаций о поэтах, писателях и композиторах» [4].

Наиболее колоритным в содержательном плане представляется предпоследний катрен, декларирующий точное определение великого московского князя — «державный полу-царь», а также представивший абрис его загадочной для потомков внешности: «звериной мощью профиль хищный стынет». Летом 2016-го года был объявлен конкурс на лучший проект памятника Ивану Великому», однако он закончился полным провалом: никто из 12 участников не сумел передать не только грандиозный масштаб личности великого князя, но и его впечатляющий облик. Как экспансивно выразился без ссылки на Костомарова [3, с. 172] тогдашний министр культуры В. Мединский, «глядя на него, женщины падали в обморок, а мужчины теряли дар речи». Вот этой-то харизмы, узнаваемых примет живой личности не оказалось ни в одном из представленных проектов².

Два следующих стихотворения содержат в себе перифраз емкой формулировки В. О. Ключевского о фактическом воцарении Ивана III как исходной точке отсчета «триумфа российской государственности».

² По сообщению Интерфакс, «Министр культуры раскритиковал все проекты памятника Ивану III в Калуге» // <https://www.interfax.ru/culture/512980>

ЗОЯ СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ

На его монетном дворе символично чеканились аттические оболы из сплава «греческого букваря» «с имперским блеском каменной латыни» [5, с. 163].

Этот триумф был бы невозможен, не женись овдовевший Иван Васильевич на племяннице последнего византийского императора Зое (Софии) Палеолог, особе, по словам того же Ключевского, известной «тогда в Европе своей редкой полнотой» (свыше 100 кг.), которая «привезла в Москву тонкий ум и получила здесь весьма большое значение»³ [2, т. II, с. 113, со ссылкой на: Соловьев, 1882, [7, т. 5, с. 70]. В посвященном ей втором коломенском сонете лирический субъект видит ее «суровый лик» «на золоте царьградского солида», конечно, воображаемой римской золотой монеты, выпущенной в 309 г.н.э. императором Константином, имевшей хождение и в Византии. Редкую ее полноту передают 3–4 ст.: «И, словно драгоценный грузный идол, / хранит она сокровища земли» (речь, конечно, идет не о монете, а об изображенной на ней Софии).

На виртуальном солиде, кроме «ковчега греческой царевны», как и положено, красуется сакраментальная надпись, таящая «Прозренья о грядущем вещем веке» (как ладно взаимодействуют друг с другом в согласном каламбуре «вещий век» и аллигированный с ним эпитет «грядущем!»), а также «реченья Трисмегиста и Христа», по логике вещей, получается, транслировались мудростью византийской царевны, ставшей великой княгиней в Московии, которая сочетавшись брачными узами с Иваном III,

³ Как считали придворные и даже иностранцы, находившиеся при дворе, например, Сигизмунд Герберштейн: «Это была женщина необыкновенно хитрая; по ее внушению великий князь сделал многое». В частности, она способствовала централизации государства, укреплению его самодержавия, и даже по свидетельству летописи, именно по ее внушению Иван III «окончательно разорвал с Ордою» [2, т. II, с. 71].

якобы переместила из Москвы в Коломну знаменитую Библиотеку (Либерию), смутные сведения о которой так волновали персонажей прозаической поэмы Славацкого «Мемориал»:

Прозренья о грядущем вешем веке,
реченья Трисмегиста и Христа...
Заветы потайной Библиотеки
в Коломне скрыла царская чета.
Она в Собор несет обет сокрытый,
и слезы проступают на лице.
Но слышится в ее святой молитве
Италии таинственный акцент [5, с. 164].

От Великого Иоанна идет Государева Библиотека. Много времен было — и славных, и тяжких. Самое полное собрание Иоанн сосредоточил в государеве дворце. Но после его кончины часть Либереи разошлась по монастырям, на помин души, часть перешла в казну коломенского владыки, а часть была сложена в подклете дворцового Воскресенского храма. <...> При Иоанне Грозном часть Либереи из государева дворца перевезли в Москву. Но к тому времени уже немало томов из нее были переписаны и находились в надежных руках. Очень много книг погибло при Смуте, когда Коломну поляки и воры взяли при Царице Марине и когда отважного владыку Иосифа в плен захватили [6, с. 76].

Вся эта информация сконцентрирована в нескольких лаконичных стихах сонета в сопровождении итальянского «таинственного акцента», ибо вторая жена великого князя была, как выразился Максим Грек, «с обеих сторон рода великого: по отцу царского рода Константинопольского, а по матери происходила от великого герцога Феррарского, итальянской страны» [2, т. II, с. 71].

Но итальянский акцент Коломна восприняла еще и от героя заключительного сонета коломенской тройчатки — Ивана Фрязина. Так, на русский лад, стал именоваться талантливый, не без лисей хитрецы под стать своей настоящей фамилии, дипломат, монетный мастер и рискованный авантюрист Джан Баттиста дела Вольпе. Уроженец Виченце, он, по-видимому, еще при отце Ивана III Василии Темном прибыл сначала в Орду, а затем осел в Москве, принял православие и поступил на службу в качестве монетного мастера. Как и многие другие иноземцы, Вольпе параллельно исполнял обязанности дипломата. В 1569 г. он выступает в роли свата между Софией Палеолог и Иваном III. И эта его миссия, как мы знаем, увенчалась успехом.

Сонет под названием «Коломенская нумизматика. Иван Фрязин» открывается пространной репликой заглавного персонажа:

«Сменив чекан на маску дипломата,
я в Риме дряхлом замков и гробниц
пред Папою лисицей крался ниц
и Зои-византийки знал палаты!..
И вот — Коломна, старая цитата
с монеты, полной давних дат и лиц,
как стертый след разграбленных столиц,
как проклятый серебряник Пилата!» [5, с. 165]

В интонации искателя приключений легко улавливается свойственное ему ироническое отношение к собственной персоне. Папе через его прелатов дипломат-самозванец на свой страх и риск пообещал договориться с ордынцами, чтобы они отрядили 200 тысяч всадников в помощь Венецианской республике в их войне с турками. Захватив с собой и официального переговорщика, он почему-то выдал его в Москве за своего племянника. В результате он ввел в заблуждение и Папу, и великого князя. Последний заключил его в тюрьму, и не где-нибудь, а в Коломне... Слава Богу, все закончилось благополучно: и волки оказались сыты, и овцы целы, и Лис Иван Фрязин уцелел тоже. Впрочем, дальнейшая его судьба не известна...

В терцетной части сонета уже сам автор обращается к своему герою:

...О Джан Баттиста Вольпе — мастер грана!
Ты жил у нас в остроге деревянном —
(на поле синем лисье серебро) —
И клял Ивана, клял свою науку...
Теперь твой грустный лик — монета звука,
бесплотное и звонкое добро! [5, с. 165]

Замечание в скобках «(На синем поле лисье серебро)» — лапидарное описание дворянского герба незадачливого дипломата, провиденциально направлявшего судьбу этого типичного сына своего времени. Ему было за что клясть осчастливленного им тёзку — русского самодержца, да и хитроумную науку дипломатических интриг, не обеспеченных доскональным знанием политической обстановки как внутри отдельно взятой страны, так и за ее пределами. Но остались отчеканенные им монеты, на которых при желании мы можем различить его «грустный лик» и парадоксальную перестановку объекта и предиката сравнения — «монету звука», а не наоборот, что и в самом деле есть «бесплотное и звонкое добро!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Катулл. «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга...» / пер. с лат. С. Шервинского // Антическая лирика. М.: Худож. лит., 1968. С. 257–258.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. II // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. II. 447 с.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей М.: Мысль, 1991. 554 с.
4. Северянин И. Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Белград: Новая штамприра, 1934. 104 с.
5. Славацкий Р. Медали. Из Архива // В Одном лице — историк и поэт. Сборник памяти Романа Славацкого / сост. А. В. Кулагин. Коломна: Лига, 2023. 192 с.
6. Славацкий Р. Мемориал. Поэма. Коломна: ИД «Лига», 2007. 320 с.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1882. Т. 5. 470 с.

Федотов Олег Иванович,
доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет

**В ЭКФРАСИСНОМ РЕЗОНАНСЕ
(О ПЕРЕВОДНЫХ СОНЕТАХ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО В ЦИКЛЕ
«МЕМОРИАЛ МИКЕЛАНДЖЕЛО»)**

В работе рассматриваются сонеты Андрея Вознесенского, в частности тексты из его цикла «Мемориал Микеланджело». Акцент в анализе сделан на экфрасисном резонансе, на апелляции и ассоциативном сопоставлении с произведениями живописного искусства.

Ключевые слова: А. Вознесенский, поэзия, цикл «Мемориал Микеланджело», сонет, экфрасис.

Fedotov O. I.

**IN AN ECPHRASIC RESONANCE (ABOUT TRANSLATED SONNETS
BY A. VOZNESENSKY IN THE CYCLE "MICHELANGELO MEMORIAL")**

The work examines the sonnets of Andrei Voznesensky, in particular texts from his cycle "Michelangelo Memorial". The analysis focused on ecphrasic resonance, on appeal and associative comparison with works of pictorial art.

Keywords: A. Voznesensky, poetry, cycle "Michelangelo Memorial", sonnet, ecphrasis.

Интерес к сонету, в частности, к шекспировскому, мог пробудиться у Андрея Вознесенского еще в школьные годы, когда будущий поэт был очарован учительницей английского языка, которая под именем Елены Сергеевны стала прообразом героини его знаменитого стихотворения «Борька — Любку, Чубук — двух Мил, / а он учителку полюбил!..» [3, с. 10]. Но первые сонеты как таковые им были написаны лишь в 1975 г. Это были весьма своеобразные переводы сюиты из восьми сонетов титана итальянского Ренессанса в составе цикла «Мемориал Микеланджело». Переводами в собственном смысле слова их назвать трудно. Совместными усилиями великого итальянца, создавшего кроме своих живописных и скульптурных шедевров свыше трехсот великолепных сонетов, разительно не похожих на изящные сонеты Петрарки, и мыслившего в унисон бывшему студенту Архитектурного института мог бы быть сотворен уникальный художественный феномен как результат многослойного экфрасиса. А что такое экфрасис в данном случае, как не перевод живописно-скульптурной пластики творца Сикстинской капеллы на язык поэзии, универсальной стихии стиха?

Сначала это был автоперевод. Будучи по преимуществу художником и скульптором, Микеланджело параллельно обращался к поэтическому

слову — универсальному средству «открытой связи людей», к «высшему из искусств» — поэзии. И уже затем 500 лет спустя Вознесенским был осуществлен собственно перевод с итальянского на русский, вслед за классическими переводами Абрама Эфроса и Вячеслава Иванова. И реализовал его русский поэт, наоборот, изменивший архитектуре в пользу поэзии. Здесь спрашивается параллель с юношеским выбором опекавшего его Б. Пастернака, который долгое время колебался, какой путь ему предпочесть — музыканта или поэта. Тогда он обратился к своему тогдашнему кумиру Александру Скрябину с роковым вопросом, обладает ли тот абсолютным слухом? Композитор не признался, что лишен этого дара. Решение было принято: Пастернак не то, чтобы отрекся от музыки, но всецело посвятил себя поэзии.

Так или иначе история создания то ли перевода, то ли более свободного переложения, то ли, наконец, совсем свободного сочинения собственных произведений «по мотивам», весьма и весьма нетривиальна. В 1974 г., за год до своей кончины, Д. Шостакович задумал осуществить еще одну парадоксальную акцию экфрасиса — вокальный цикл на слова Микеланджело Буонарроти в переводе на русский язык, выполненном А. Эфросом. Этот проект был предпринят в связи с 500-летием со дня рождения итальянского гения.

Ознакомившись с его сонетами, Шостакович был очарован их философской глубиной, могучей образностью и испуленно-экстатическим лиризмом, отражавшими духовный мир не только своего создателя и породившей его неповторимой эпохи, но и всего человечества в целом. Более того, они передавали драматические перипетии в жизни самого композитора, а также его современников, например, гонимого властями А. Солженицына. Так появился замысел отметить юбилей Микеланджело сюитой на слова Буонарроти для баса и фортепиано (*Suite on verses by Buonarroti*, Op. 145), премьеры которой состоялась в Малом зале Ленинградской филармонии 23 декабря 1974 г. Пока шла подготовка к этому спектаклю, композитор не вполне удовлетворенный использованным им поэтическим переводом Эфроса, обратился к Андрею Вознесенскому с просьбой поправить некоторые фрагменты. Поэт откликнулся на его просьбу, что называется, по максимуму: не подправил переводы предшественника, а кардинально переиначил их по-своему, т.е. по существу создал оригинальный вариант словесного либретто сюиты. Шостакович созвал у себя на квартире представительный консилиум, пригласив авторитетных коллег А. Хачатуряна, Р. Щедрин и других композиторов. В ходе обсуждения выяснилось, что новый вариант слишком радикален. Решено было оставить сонеты Эфроса, чтобы не переписывать сюиту заново. Шостакович написал Вознесенскому пространное объяснительное письмо, поделившись планами написать музыку на тему семи его произведений, в числе которых был «Плач по двум не рожденным поэмам». У поэта сохранилась партитура наброска музыки, которую Шостакович все же пытался приспособить к «Мемориалу», где «дергающимся кардиограммным почерком были написаны ужаснувшие его

слова “Кончину чую” [3, с. 10]. Так появились два генетически родственных самостоятельных произведения: сюита Шостаковича и цикл Вознесенского «Мемориал Микеланджело», впитавший в себя вместе с сонетами великого скульптора породившие его изваяния и порожденные ими переводы Эфроса, и — сверх того — музыкальный отклик на них Шостаковича.

Вот как описывал причины обращения к поэтическому наследию Микеланджело Шостакович в воспоминаниях:

«В основу моей сюиты для баса и фортепиано легли восемь сонетов и три стихотворения Микеланджело. Есть тут и лирика, и трагедия, и драма, и два восторженных панегирика в честь Данте. Названия для всех песен и романсов я позволил себе дать сам — у автора их нет, но они вытекают из содержания стихов... Главное в этих сонетах следующее: Мудрость, Любовь, Творчество, Смерть, Бессмертие <...>»

Я вновь и вновь обращался к его образу, смотрел его работы, читал стихи; меня поражала многогранность его таланта, передо мной вставал не только ученый, не только художник, но и поэт. И хотя сам Микеланджело относился к своему поэтическому творчеству более чем скромно, меня потрясла красота его стихов, глубина его мыслей, простота и гениальность всего того, что сделал этот один из величайших сынов человечества [6, с. 358].

Своим особым путем — в два этапа — к этому грандиозному экфрасису шел и Андрей Вознесенский — до и после приглашения Шостаковича к участию в его осуществлении. Все началось во время студенческой практики. В рисовальном зале Архитектурного института ему досталась «самая трудная из моделей» — голова Давида, с копии знаменитой скульптуры Микеланджело, установленной во Флоренции. Немыслимо сложно было «перевести в плоскость двухмерного листа, приколотого к подрамнику трехмерную — а вернее, четырехмерную форму образца! <...> Но чем непостижимей была тайна мастерства, тем сильнее ощущалось ее притяжение, магнетизм силового поля. С тех пор началось...» [1, с. 64]. Сила преодоления побудила студента доскональным образом изучить все, что связано с фигурой создателя Давида, а также страной и эпохой, породивших ее. Вот почему с таким энтузиазмом была воспринята им возможность перевести несколько сонетов давнишнего своего кумира. Конечно, он был огорчен, что его вариант не вошел в состав сюиты Шостаковича, но он опубликовал его как самодостаточный цикл в очередном сборнике своих стихов 1976 г. с названием «Витражных дел мастер».

В соответствие с заголовком сборник делится на семь так называемых «сколов». В первый скол «Ностальгия по-настоящему» попало таинственное четверостишие, озаглавленное «Молитва Микеланджело»:

Боже, ведь я же Твой стебель,
что ж меня отдал толпе?
Боже, что я Тебе сделал?
Что я не сделал Тебе? [1, с. 22].

Перед нами своеобразный экстатический пролог: с одной стороны, аналог традиционного обращения к Музе, принятого перед изложением сюжетных перипетий в эпических поэмах (ср.: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына...»), или, с другой стороны, лирическая версия запечатленных евангелистами Матфеем (Мф 27: 46) и Марком (Мк 15: 34) предсмертных слов Иисуса Христа, распятого на кресте, недоуменно с ноткой укора обращенных к Отцу: «Или, или! лама савахвани? То есть: Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?». Это, разумеется, не перевод, а авторская имитация Вознесенским молитвы, с какой Микеланджело мог бы обратиться к Создателю как творец своих скульптурных, живописных и поэтических произведений. Важно подчеркнуть, что он говорит здесь и за автора переводимых далее сонетов, и за себя самого как соавтора-интерпретатора, и за Шостаковича, приобщившего его к своему грандиозному замыслу, да и, пожалуй, за всех творцов новых художественных миров.

Метафора, согласно которой поэт, художник трактуется как «стебель» божественного создания, колоса ли, цветка, дерева или артефакта, заставляет воспринимающего задуматься не только о растительном проводнике между земным и небесным, но и о страдательной роли творца, ощущающего себя соперником Бога, заведомо виновным перед Ним за сделанное и несделанное, обреченного погибнуть под косой неизбежной смерти.

В финальной части I го скола, как проблеск молнии до удара грома, или лирическая прамбула к занимающей нас сюите из восьми сонетов и пяти компонентов иной строфической конфигурации, дают о себе знать два стихотворения: 1) «шутливые строки» «Гость из тысячелетий» об австралийском аборигене Уанджюке, приехавшем к поэту с ответным визитом в Москву, воспринимающим все, как и положено антиподу — жителю южного полушария, наоборот, но затрудняющимся ответить на каверзный вопрос:

«...что такое «Абебеа»?
Уанджюк улыбнулся губами синяя,
улыбка поэта была слаба:
«Рифмовка дантовского сонета —
а — б — б —
а —
а — б — б —
а —».
Уанджюк опять ушел от ответа.

Так что же такое Абебеа? [3, с. 57]

И сразу, в стык, было написано еще одно стихотворение, на этот раз об «Эрмитажном Микеланджело», правда, пока еще не сонет:

«Скрюченный мальчик» резца Микеланджело,
сжатый, как скрепка писчебумажная,
что впрессовал в тебя чувственный старец?
Тексты истлели. Скрепка осталась.
Скрепка разогнута в холоде склепа,
будто два мрака, сплетенные слепо,
дух запредельный и плотская малость
разъединились. А скрепка осталась.
Благодарю, необъятный Создатель,
что я мгновенный твой согладатай —
Сидоров, Медичи или Борджиа —
скрепочка Божья! [3, с. 58]

Здесь прежде всего примечательны два основополагающих момента:

1) Характерное для поэта-архитектора метафорическое сравнение сидящего на короточках мальчика со скрепкой: «Скрюченный мальчик» — единственный подлинник Микеланджело в России, — маленький демон смерти, неоконченная фигурка для капеллы Медичи. Мысленный каркас его действительно похож в профиль на гнутую напряженную металлическую скрепку, где силы Смерти и Жизни томительно стремятся и разогнуться, и сжаться» [3, с. 71]. Как при этом эффектно и эффективно срабатывает внутренняя образная форма предиката сравнения «скрепка, скрепочка», в которой угадывается скрепляющее, соединительное звено между всеми живыми существами Божьего мира, неочевидно неравными при жизни и очевидно равными после смерти!

2) Не меньший интерес представляет для нас и обращение к гению общим с божеством нарицательным именем «Создатель». Действительно, сотрудничая, они заняты одним делом — создают, творят миры, окружающие и сопровождающие нас: первый называется реальностью, второй — искусством.

Второй «скол» полностью посвящен достославному циклу. Он состоит из вступительного эссе «Мой Микеланджело», восьми сонетов и пяти стихотворений в свободной форме:

1. «Мой Микеланджело» (с. 64–74).
2. «Истина» («Я удивляюсь, Господи, Тебе...»), аВВа аВВа CdE CdE (с. 75).
3. «Любовь» («Любовь моя, как я тебя люблю...»), аВВа BaaB cDe cDe (с. 76).

4. «Утро» («Уста твои встречаются с цветами...»), AbbA AbbA cDe cDe (с. 77).
5. 5.«Гнев» («Здесь с копьями кресты святые сходны...»), AbbA AbbA CdE CdE (с. 78).
6. 6.«К Данте» («Единственный живой среди неживых...»), aBbA aBbA cDe cDe (с. 79).
7. 7. «Еще о Данте» («Звезде его все словеса — как дым...»), aBbA aBbA CdE CdE (с. 80).
8. 8.«Творчество» («Когда я созидаю на века...»), aBbA aBbA cDe cDe (с. 81).
9. 9.«Джованни Строцци» на «Ночь» Буонаротто («Фигуру “Ночь” в мемориале сна...») aB'В'a. (с. 82).
10. 10.«Ответ Буонаротто» («Блаженство — спать, не ведать злобы дня...»), aBbA (с. 82).
11. 11.«Эпитафия» (1. «Я счастлив, что я умер молодым...». aBbA. 2. «Я умер, подчинившись естеству...» aBbA) (с. 83).
12. 12.«Мадригал» («Я пуст, я стандартен. Себя я утратил...»), AABbAACDCDEEE (с. 84).
13. 13. «Фрагмент автопортрета» («Я нищая падаль. Я пища для морга...»), 14 терцин: ABA BCB CDC DE'D E'FE' FGF GHG H'IH' IKI KLK LML MNM NON OPOP (с. 85–87).
14. 14.«Смерть» («Кончину чую, но не знаю часа...»), AbbA AbbA cDe cDe (с. 88).

Вряд ли стоит скрупулезно рассматривать здесь идейно-тематическое содержание и строфическую структуру всего цикла: составляющее его основу сонеты все-таки не оригинальные произведения, а переводные, хотя и предельно авторизованные. Отметим лишь, что в формальном отношении они неукоснительно следуют эталонному образцу итальянской модели: AbbA AbbA cDe cDe / aBbA aBbA CdE CdE. Зато с точки зрения стилистики они совершенно неповторимы, как, впрочем, и сонеты Микеланджело. Напрашивается довольно рискованное умозаключение: насколько сонеты Микеланджело отличались от сонетов Петрарки, настолько же переводы Вознесенского далеки от переводов Эфроса.

Как заметила Джузеппина Джулиано, переводческая деятельность советских писателей, с одной стороны, поддерживала их материально, а с другой — служила им «формой тайной свободы», хитроумными иносказаниями эзоповского языка. Применительно к сонетам Микеланджело для непрямого выражения своей гражданской позиции поэты активно использовали его сатирические выпады против узурпировавшего власть семейства Медичи, два сонета об изгнании из Флоренции Данте (№ 248, 250), заочно приговоренного согражданами к сожжению, и добровольное отречение от родного города самого Буонаротти. Не забудем при этом, что и Вознесенскому во время

скандално известного разноса на выставке в Манеже Н. С. Хрущев в ультимативном тоне предложил навсегда покинуть СССР. Неудивительно поэтому решительное преобладание публицистического пафоса во всех компонентах его «Мемориала...», особенно в концептуальном вступлении «Мой Микеланджело».

В сборнике «Витражных дел мастер» это эссе выглядит как стихо-прозаическая структура благодаря отказу от элементарных переносов и легкой ритмизации текста, а также некоторым другим приемам, придающим тексту дополнительное поэтическое звучание. Таковы, например: 1) членение текста на аналогичные строфам графически выделенные точками 12 частей; 2) выдвижение символически значимых и созвучных высказываний в начало и конец произведения, формирующее рамочную композицию: «Кинжальная строка Микеланджело...» (с. 64) // «Скрижальная строка Микеланджело» (с. 74); 3) использование лейтмотивных сквозных образов, например, почти заглавный кинжальный мотив из первой строки перемещается, можно сказать, заодно с расшифровкой, в последующее повествование:

Но метафора Данте говорила не только с богом. В век лукавый и опасный она таила в себе политический заряд, тайный смысл. Она драпировала строку, как удар кинжала из-под плаща. 6 января 1537 года был заколот флорентийский тиран Алессандро Медичи. Беглец из Флоренции, наш скульптор по заказу республиканцев вырубает бюст Брута — кинжального тираноубийцы. Скульптор в споре с Донатом Джонатти говорит о Бруте и его местоположении в иерархии дантовского ада. Блеснул кинжал в знаменитом антипапском сонете [3, с. 67]; 4) многочисленные лексические повторы, прежде всего чрезвычайно экспрессивные эпитеты, дающие стереоскопическую характеристику главному герою: «прикованный к папским гробницам, кандалный Микеланджело»; (с. 68). «Галантный Микеланджело любовных сонетов, куртизирующий болонскую прелестницу». «Маниакальный фанатик резца 78-го сонета (в нашем цикле названного “Творчество”» [3, с. 69]. «Меланжевый Микеланджело. Примелькавшийся Микеланджело целлофанированных открыток, общего вкуса, отполированный взглядами, скоростным конвейером туристов, лаковые “сикстинки”, шары для кроватей, брелоки для ключей — никелированный Микеланджело». «Смеркающийся Микеланджело, ужаснувшийся встречей со смертью, в раскаянии и тоске провывший свой знаменитый сонет: “Кончину чую...”» (с. 70). 5) особо лелеемая звукосмысловая игра — как бы ненароком образующиеся окказиональные рифмы (в уже приведенных выше примерах взаимодействия эпитетов «меланжевый» и «смеркающийся» с именем «Микеланджело», а также сверхудаленное созвучие между первой и последней строками «кинжальная... — ...скрижальная». Вознесенский наречет такую рифму «магнитной»; 6) и, наконец, явная перенасыщенность текста тропами:

...я копировал рисунки, где взгляд и линия мастера, как штопор, ввинчиваются в глубь бурлящих торсов натурщиков. Во сне надо мною дымился вспоротый мощный кишечник Сикстинского потолка.

Сладостная агония над надгробием Медичи подымалась, прихлопнутая, как пружиной крысоловки, волнообразной пружиной фронтона [3, с. 65].

Но еще интереснее в эссе «Мой Микеланджело» его содержательная сторона, заораживающий магнетизм размышлений поэта о том, что мы привыкли называть словом «экфрасис», и о том, как он делал своей перевод. В зачине 3-й не то главки, не то строфы высказывается предположение о том, что «вероятно, инстинкт пластики связан со стихотворным». В качестве подтверждающих аргументов перечисляются «грациозное перо Пушкина, рисунки Маяковского, Волошина, Жана Кокто <...> И наоборот, прекрасны стихи Пикассо и Микеланджело. Последний наизусть знал “Божественную комедию”. Данте был его духовным крестным. У Мандельштама, который вместе с Ахматовой специально учил итальянский язык, в «Разговоре о Данте» читаем «Я сравниваю, значит я живу», — мог бы сказать Данте. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания — а где взять другое? — только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [3, с. 66–67].

Вся следующая главка посвящена метафоре как средству политической тайнописи и Данте здесь отводится ведущая роль: во-первых, «Микеланджело в своих сонетах о Данте подставлял свою судьбу, свою тоску по родине», а во-вторых, одно упоминание Данте, чья трагическая судьба была известна каждому итальянцу, само по себе вызвало соответствующие политические аллюзии. Микеланджело, справедливо полагает Вознесенский, был одержим гуманистическими идеями в пору, когда Ренессанс уже пошел на спад. Но в нем, ощущавшем себя поборником творческой и политической свободы, художником, далеко опередившим свое время, «корчась, рождалось барокко», зрели «томительные извивы маньеризма» и даже брезжили «ростки сюрреализма». В нем продолжал жить «мощный дух Савонаролы», проповеди которого ему довелось слушать в молодости. Вот где надо искать «ключ к его сонетам: таков его разговор с богом» [3, с. 69].

Даже в своих любовных сонетах, размышляет далее Вознесенский, Микеланджело умудряется придать постпетрарковским штампам, типа «Я врезал твой лик в свое сердце», буквальную материальность, ибо таким образом в устах скульптора реализуется метафора.

Вознесенский воздаст должное «достоверному переводу» А. Эфроса, «тончайшего эрудита и ценителя Ренессанса», но сам как переводчик ставит перед собой принципиально иные задачи, стремясь «найти черты стихотворного тропа, общие с микеланджеловской пластикой». В переводимых сонетах ему открывались порой «цитаты из «Страшного суда» и незавершенных «Гигантов». Дух создателя был един и в пластике, и в слове — чувствовалось

физическое сопротивление материала, саванороловский своенравный напор и счет к мирозданию. Хотелось хоть в какой-то мере воссоздать не букву, а направление силового потока, поле духовной энергии мастера» [3, с. 70–71].

Яркой иллюстрацией такого неординарного, назовем его «экфрасисным», перевода может служить работа над «Мадригалом» — 13-строчным стихотворением со свободной рифмовкой. Сославшись на меткое замечание Осипа Мандельштама о том, что «в итальянских стихах все рифмуется со всем», Вознесенский демонстрирует, как, казалось бы, легко можно было рефрен «O Dio, o Dio, o Dio!» передать первым попавшимся буквальным аналогом «О боже, о боже, о боже!». Но от него пришлось отказаться из-за сентиментальной интонации русского текста. Не подошли и другие варианты. Несмотря на «восторженный настрой подлинника»: «О диво, о диво, о диво!», и, учитывая культ Мадонны у католиков: «О Дева, о Дева, о Дева!» Однако чуткое ухо поэта расслышало в итальянских строфах «ощущаемое почти физически преодоление материала, ритм с одышкой. Поэтому следует поставить тяжеловесное слово “Создатель, Создатель, Создатель!” с опорной направляющей согласной «д». Ведь идет обращение Мастера к Мастеру, счет претензий их внутрицехового порядка» [3, с. 72–73]. В приведенных рассуждениях, напоминающих вдохновенно-деловитый рассказ Маяковского о своей кропотливо-штучной работе над зачином стихотворения «Сергею Есенину» в статье «Как делать стихи», поэт, конечно же, опирается и на собственный опыт профессионального архитектора, хорошо изучившего свой предмет на классических итальянских образцах, пусть и не применившего его на практике.

В завершающей главке речь идет о жанровой и стилистической разнородности включенного в состав «Мемориала» материала: «кроме сонетов с их нотой гефсиманской скорби и ясности, песен последних лет, где мастер молитвенно раскаивается в богоборческих грехах Ренессанса», в цикл вошли «эпитафия на смерть 15-летнего Чеккино Браччи и фрагмент 1546 г., написанный не без влияния иронической музыки популярного тогда Франческо Берни». «Нарочитая грубость, саркастическая бравада и черный юмор автора», а также некоторая вульгарность его языка в этих вещах, по мнению Вознесенского, «прикрывают ранимость мастера» и «нешуточный ужас его перед смертью». И снова он обращает внимание на то, что для художника и скульптора — анатомов по необходимости, равно как и для архитектора, физиология человека и его бытовые отправления — категории не эстетические и не этические, а сугубо профессиональные. Микеланджело, по его мнению, был ультрасовременен в лексике, поэтому введение в перевод некоторых терминов из «нашего обихода» не кажется ему предосудительным. Примерно теми же мотивами был продиктован отказ от устоявшейся традиции передавать сплошные женские окончания итальянских стихов более привычным русскому уху альтернативом женских и мужских рифм: «Хотелось услышать, как звучало все это для уха современника» (с. 73). Современный переводчик, таким образом, мысленно

переселяется в эпоху и личность переводимого им поэта. И прежде, чем последняя строка эссе, как уже было сказано, эхом отзовется на первую, формулируется главный вывод всех предыдущих соображений: «Сам Микеланджело явил нам пример перевода одного вида искусства в другой» [3, с. 73].

Своеобразным дополнением к открывающему цикл эссе могла бы послужить столь же экстравагантная повесть Вознесенского «О», опубликованная в 1982 г. в «Новом мире». Привыкший все сравнивать со всем, поэт создает фантастический образ черной дыры, обозначив ее «нулевой» и наиболее частотной в русском алфавите буквой «О». В дальнейшем, перенасытив ею все главы этого опять-таки не вполне прозаического произведения, автор повествует о своей творческой жизни. В одном из эпизодов он вспоминает о своих встречах с Шостаковичем и о совместной работе с ним над задуманной композитором сюитой. Наибольший интерес для нас представляет еще одна грань экфрасисного мышления поэта, ярко отразившаяся в повести. Дело в том, что Вознесенский присматривался и к Шостаковичу как к потенциальному единомышленнику. Даже, и далеко не в последнюю очередь, — к его внешности:

Позвонив, он попросил приехать к нему и подумать о совместной работе. Речь шла о переводе сонетов Микеланджело, самого скульптурного из поэтов. Я приехал в его сосенные пенаты. Когда он отвернулся к окну, я увидел измученный его профиль. Он, видно, только что постригся. Короткая стрижка сняла весь висок и почти весь затылок. Слегка вьющаяся внизу когтистая челка держала голову, вонзалась в лоб, как темная птичья лапа — невидимая мучительная птица судьбы и вдохновения. Он быстрым свистящим шепотом сообщил мне свою идею. Волнуясь, он мелко скреб ногтями низ щеки, будто играл на щипковом инструменте» [2, с. 123].

И далее:

Две буквы «О» в его фамилии, как и оправа очков, лишь прикрывают его сущность. Он не был круглым. В нем была квадратура гармонии. Она не вписывалась в овальные вопросительные уши. Линия лица его уже начала оплывать, но все равно сквозь него проступали треугольники и квадраты скул, носа, щек. Потом встречи длились и в Барвихе, и в Москве, и над бытовыми беседами, чаепитиями, дачными собаками стало возникать уже то неуловимое понимание, что возникает не сразу и не всегда, но предшествует созданию. Шостакович — самый архитектурный из композиторов. Он мыслит объёмом пространства, он не прорисовывает детали. Шостакович — эстакада, достоевская скоропись духа. Если права теория о неземном происхождении жизни, то он был клочком трепетного света, невесть почему залетевшего в наш быт, — его даже воздух ранил [2, с. 124].

Все сошлось в этом творческом триумвирате: Микеланджело был самым скульптурным из поэтов (наверное, точнее было бы сказать: самым поэтичным из скульпторов), Шостакович самым архитектурным из композиторов,

а Вознесенский и вовсе поэт-архитектор, совсем не чуждый, однако, и музыке как автор популярнейших песен и проникновенных гимнов, прославляющих музыку, типа, «Регтайм» («Полюбите пианиста!...») (1983), и «Все мы Неба узники. Кто-то в нас играет?..» (2002), создатель оперы-детектива «Дама-треф» (1974), а также соавтор вместе с Алексеем Рыбниковым рок-оперы «Юнона и Авось» и в содружестве с Родионом Щедриным — «Поэтории» (Концерта для поэта в сопровождении женского голоса, смешанного хора и симфонического оркестра) (1968).

Все сошлось в экфрасисном резонансе. Все, кроме времени. Слишком поздно обратился Шостакович к Вознесенскому со своим замечательным предложением: партитура задуманной им сюиты фактически была готова, до 500-летнего юбилея Микеланджело было уже рукой подать, а переписывать завершённое произведение заново в соответствии с изменившимся до неузнаваемости поэтическим сценарием не имело смысла. Остается только вообразить, каким получился бы результат сотворчества этих трех выдающихся художников, и радоваться тому, что в конечном итоге мы получили не одно, а два самостоятельных произведения, дополняющих и обогащающих друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский А. Витражных дел мастер. М.: Молодая гвардия, 1976. 336 с.
2. Вознесенский А. О // Новый мир. 1982. № 11. С. 111–161.
3. Вознесенский А. Полное собрание сочинений: в 1 т. М.: Альфа-книга, 2012. 1223 с.
4. Джулиано Дж. Тема изгнания в русских переводах дантовских сонетов Микеланджело в XX веке // Study Slavistici. XVIII. 2021. 1. S. 176–178.
5. Федотов О. Сонет. М.: РГГУ, 2011. С. 269–272.
6. Шостакович о времени и о себе. 1926–1975. М.: Советский композитор, 1980. 376 с.

Черкасова Лилия Васильевна

Студентка колледжа

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В данном исследовании представлены результаты контрастивного лингвистического анализа в отношении русского и китайского языков. В работе затронуты аспекты общей и частной лингвистики: поверхностный анализ черт обоих языков выстроен на рассмотрении и описании отдельных явлений русского и китайского, которые взаимосвязаны. Рассмотрение и сопоставление русского и китайского языков подразумевает под собой понимание как структурной составляющей языка, так и культурных различий, проявляющихся на всех этапах анализа обоих языков. Значительную роль в сравнении аспектов китайского и русского играет комплексное рассмотрение семей, к которым относятся данные языки. Таким образом, мы выявим как частные аспекты каждого языка, так и тонкости построения сино-тибетской языковой семьи и восточнославянской группы славянской ветви индоевропейской языковой семьи. В ходе анализа были разобраны три составляющие языка: фонетический строй, грамматический строй и морфологический. Стоит отдельно выделить, что в рассмотрении китайского языка будет описана характеристика как упрощённого, так и традиционного языка. Предварительно предлагается рассмотреть проведенный нами общий анализ языка как необходимый этап перед подробными описанием составляющих русского и китайского языков.

Ключевые слова: Сравнительный анализ, Русский язык, Китайский язык, Типология языка, Грамматический строй, Фонетический строй, Иероглифическая письменность

Cherkasova L. V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

This study presents the findings of a comparative linguistic analysis of Russian and Chinese. The paper addresses aspects of both general and specific linguistics, with a focus on a superficial analysis of features of both languages based on an examination and description of specific phenomena in Russian and Chinese that are interconnected. The consideration and comparison of the Russian and Chinese languages requires an understanding of both their structural components and cultural differences that become apparent at all stages of analysis. A significant aspect of comparing aspects of these two languages is a comprehensive examination of their respective language families. This allows us to identify specific features of each language as well as the intricacies of the Sino-Tibetan and East Slavic language groups within their respective linguistic families. During the analysis, the following three components of language were examined: phonetic structure, grammatical structure, and morphology. It is worth noting that, in the context of the Chinese language, both simplified and traditional language features will be discussed. We propose considering our general language analysis to be a necessary step prior to describing the components of Russian and Chinese in detail.

Key words: comparative analysis, Russian language, Chinese language, typology of language, grammatical structure, phonetic structure, hieroglyphic writing.

Китайский язык в его современном виде представляет собой унифицированный вариант говоров, диалектов со всего Китая. В некотором роде его можно назвать искусственным, но это будет лишь помаркой касательно его внешнего вида. Так с установлением новой власти и с укоренением коммунистического-социалистического строя, в 60х годах двадцатого века была принята языковая реформа, знаменующая собой начало нового этапа развития данного восточного языка. В ходе подобного целенаправленного упрощения началось расслоение на определенные подгруппы. Пока путунхуа стремительно развивается, вбирая в себя множество заимствований и новых терминов, остальные диалекты, в том числе и традиционные, развиваются обособленно. Потенциал развития путунхуа растет по мере закрепления не только на государственном уровне, но и популяризации в народе. Путунхуа, он же мандаринский язык, имеет свои уникальные черты. Они обусловлены спецификой тенденций в его развитии, в них мы можем выделить следующее: смена социального строя (данный пункт является немаловажным фактором, учитывая влияние политики на сферу образования, в частности языка, как фундамента единого общества в новом государстве), технический прогресс, географические и политические изменения территории (к ним относится обособление гонконгского диалекта, тайваньского и другие примеры).

При дальнейшем сравнении за основу мы возьмем современный путунхуа для ясности представленных пояснений. основополагающим фактором развития китайского языка для нас будет играть его изолирующий, аморфный, характер. Первостепенно, стоит отметить, не только принадлежность к определенным семьям, но и происхождение языка. Китайский восходит к протоязыку миен. Это язык древних народов мао и яо. В группу языков происходящих из миен относятся такие тональные языки, как тайский, вьетнамский, лаосский и сам китайский. При этом в китайском и тайском языках наименьшее количество тонов — 5.

Русский язык относится к наиболее распространенной индоевропейской семье и восточнославянской группе славянской ветви. Одно из основополагающих различий выявляется в различии черт языковых семей: русский язык относится к синтетическим и имеет флективный строй, в то время как китайский, как было упомянуто выше, имеет корневой строй. Если китайский язык во многом ввиду иероглифической письменности является аналитическим, и подразумевает обязательное построение на основе неизменного грамматического порядка слов в предложении (необходимо отметить, что иероглиф представляет собой отдельное слово, вместе с чем всегда имеет «целостное» семантическое значение, и не приемлет изменений морфемы), русский язык не нуждается в невариативности грамматических конструкций, потому что слова русского несут определенные грамматические значения в зависимости от изменений и слияний морфем. Так проявляется уникальный феномен фузии. Фузия представляет собой глубокое слияние морфем в одном слове,

в степени, когда четкая граница морфем в слове размывается. Китайскому языку фузия как внутренняя, так и внешняя не доступны. Любые изменения вносятся извне при помощи служебных частей речи: результатив, глагольный суффикс, счетное слово и т.д. Подводя итоги, можно сделать вывод, что русский язык придерживается диспозитивной нормы, между тем как китайский язык придерживается императивной нормы.

Вышеперечисленные особенности подводят к рассмотрению агглютинативности в обоих языках. Мы определили наличие фузии в русском языке и затронули вопрос изменения грамматического значения слова в китайском языке. Фузия отрицает наличие агглютинативности в языке, китайский за неимением фузии, имеет агглютинативность. В качестве примера агглютинативности в китайском языке предлагаем рассмотреть следующие примеры: «花光 — потратить деньги полностью; 卖光 — скупить полностью». В данном случае иероглиф «光» переходит из самостоятельной части речи (глагола и существительного) в служебную частицу со значением «полностью». Второй пример — частица «着», в предложениях, ставясь после глагола, она образует деепричастную форму глагола. Так же иероглиф «着» может выступать как результатив, в этом случае он меняет свое чтение и имеет значение «действия с ожидаемым благоприятным исходом», наиболее часто употребляется в данном сочетании: «找着 — найти». В заключение, предлагается рассмотреть более абстрактный пример аффикса китайского языка: иероглиф «折 — ломать», может использоваться как результатив с прямым значением первоначального глагола: «摔折 — уронить и сломать, то есть уронить так, что предмет значительно повредился», абстракция проявляется в употреблении с другими абстрактными глаголами: «夭折 — умереть трагично, умереть молодым», где иероглиф «夭» будет нести значение «умереть молодым». Так проявляется наглядная разница в том, что китайскому доступна агглютинация, а русскому флексия. Русский относится к неизолирующим флективным языкам более гибко в отношении изменения форм слов.

В современном китайском языке морфология более развита, чем в древнем. Это проявляется в существовании в нем сложных слов, редупликации и тому подобное. Хоть большая часть научных статей отрицает наличие фузии в китайском языке, следует отметить, что представленные выше аффиксы свидетельствуют об относительном наличии фузии в китайском языке. Таким образом, можно заявлять о причастии китайского к языкам фузионно-агглютинативного строя.

При сопоставлении русского и китайского языков, следует поднять вопрос эквивалентности. С помощью данного понятия мы можем наглядно рассмотреть выявленные выше особенности двух языков. Эквивалентность будет представлена по системе Александра Швейцера. Таким образом, наиболее показательны будут различия в грамматических конструкциях языков. Например, «我走了以后, 家里的一切都拜托给你了。wǒ zǒu le yǐ hòu, jiā lǐ de

yí qiè dōu bài tuō gěi nǐ le — После моего ухода все домашние заботы останутся на тебе.» В данном переводе представлена прагматическая эквивалентность. Перевод стремится к дословному, не имеет никаких стилистических приёмов для эмоционального окраса или иносказательности. В представленном предложении порядок слов не характерен русскому языку, прямой перевод выглядел бы подобным образом: «я пришел после, дома в все целиком вместе поручатся обязанности тебе». Данный пример демонстрирует отсутствие общей схожести грамматических конструкций, наиболее прямой перевод будет достигаться при условии простого предложения на китайском языке, между тем предложения в русском будут состоять из меньшего числа компонентов за счёт фузии.

Следующий аспект для сопоставления — фонетический строй языков. Фундаментальное различие заключается в существовании тонов в китайском, подобная специфика не присуща языкам индоевропейской семьи. Одновременно с этим встает вопрос с ударением в обоих языках. Для общего анализа предлагаем взять за основу синхронную, описательную, фонетику.

В русском языке имеются конкретные неизменные правила чтения тех или иных букв и буквосочетаний. Выделяется аспект ударения в словах. В русском языке необходимо правильно ставить ударение в виду того, что некоторые омонимы, в частности омографы, различаются в устной речи ударением. Так самые часто встречаемые примеры: «замóк — záмок»; «стрéлки — стрелкí»; «засы́пать — засыпа́ть»; «му́ка — мука́»; «áтлас — атлáс» и так далее. Между тем, стоит отметить, что расставление ударения в китайском языке не является строгим правилом, допускается вариативность в расставлении ударений, так как они не влияют на понимание семантики того или иного слова. Наиболее важную роль в фонетике играет система тонирования слогов, существуют отдельные правила чтений сочетаний разных тонов на стыке слогов с слове и слов с друг другом. Наличие тона исключает проблему понимания семантики слов. Омофоны в китайском языке в подавляющем большинстве имеют разные тона. Например, «朱zhū — киноварь» «祝zhù — желать». В китайском так же есть ряд омофонов с идентичными тонами, семантическое значение таких слов исходит из контекста, например: «真zhēn — настоящий» «針zhēn — игла».

Другая особенность фонетики китайского языка обусловлена иероглифической системой графических обозначений. Знаковые системы языка, неподкрепленные привязкой конкретного звука к графическому символу, приводят к привязке одного и более чтений, что невозможно в алфавитной системе, в частности присущей русскому языку. На различение графических символов китайского влияет так же обилие диалектов. Так «承» имеет три различия связанных с интонацией, подобное часто встречается у северных и южных народов, «zhěng (устаревшее для другого синонима, переводится как «помогать»), chéng (устаревшее вместо другого слова с таким же главным ключом, переводится как «собирать»), zhèng (используется в обозначении княжество Чжэнсян)».

Таким образом, сопоставив различные аспекты русского и китайского языков, мы выделили ряд существенных различий: изолированность китайского; императивная и диспозитивная нормы; фузия в русском. Были вычислены закономерности проявления агглютинативности в обоих языках, задатки фузионно-агглютинативного строя в китайском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 8000 терминов. Том 1 / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова. Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского Москва: Помовский и партнеры, 1996–656 с.
2. Зенков, Г. С. Введение в языкознание: учебное пособие для студентов дистанционного обучения КГНУ / Г. С. Зенков, И. А. Сапожникова; под общ. ред. В. И. Шаповалова; Министерство образования, науки и культуры Кыргызской Республики, Кыргызский государственный национальный университет, Международных образовательных программ. — Бишкек: ИИМОП КГНУ, 1998. — 218 с. — (Серия «Дистанционное обучение. Гуманитарные науки»). — ISBN 9967-408-14-6. — ББК 81.
3. Хмонгские языки [Электронный ресурс] // Альфапедия. — URL: https://alphapedia.ru/w/Hmongic_languages (дата обращения: 21.10.2021)
4. Юйно Сунь Агглютинативные и фузионные черты в структуре слова в русском и китайском языках // Управление образованием: Теория и практика. Т. 14 № 4–2 (2024) 1–7с.

Бильченко Евгения Витальевна,
доктор культурологии, профессор кафедры философии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
yevzhik80@gmail.com

ПОСТСОБЫТИЙНЫЙ СУБЪЕКТ В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ВОВ ДО СВО

В статье осуществляется сравнительный анализ двух версий персоналистской трактовки истории: русской в лице Н. А. Бердяева и его «роковой диалектики» и французской в лице А. Бадью и его «неэкспрессивной диалектики». Центральной категорией доклада является событие — поступок субъекта по ту сторону каузальности, направленный к ноумену, к невыразимому, к вещи в себе, и подчиненный категорическому моральному императиву. Данный поступок рассматривается автором как дискретность — разрыв с диалектической логикой исторической репрессивности, момент Dasein, который в дальнейшем подвергается номинации и легитимации. Согласно выдвигаемой автором гипотезы, критерием истинности события, то есть, его долговечности в истории, является верность универсального субъекта исходному смыслу события и способность «верного» субъекта дать ему адекватное имя, — такое же трагическое и возвышенное, как и само событие. Высшим образцом сохранения постсобытийного субъекта провозглашается историческая память ВОВ как образец для современной событийности в мире и России.

Ключевые слова: персонализм, субъект, событие, дискретность, имя, номинация, верность.

Bilchenko Y. V.

THE POST-EVENT SUBJECT IN RUSSIAN AND FOREIGN PHILOSOPHICAL THOUGHT: FROM THE GREAT PATRIOTIC WAR TO SMO

The article provides a comparative analysis of two versions of the personalistic interpretation of history: the Russian one in the person of N. A. Berdyaev and his «fatal dialectic» and the French one in the person of A. Badiou and his «non-expressive dialectic». The central category of the report is an event, an act of the subject beyond causality, directed towards the noumenon, the ineffable, the thing-in-itself, and subordinated to a categorical moral imperative. This act is considered as a discontinuity — a break with the dialectical logic of historical repression, a moment of Dasein, which is further subjected to nomination and legitimization. According to the hypothesis put forward by the author, the criterion for the truth of an event, that is, its longevity in history, is the fidelity of the universal subject to the original meaning of the event and the ability of the «faithful» subject to give it an adequate name, as tragic and sublime as the event itself. The historical memory of the Great Patriotic War is proclaimed the highest example of the preservation of a post-event subject as a model for modern events in the world and in Russia.

Keywords: personalism, subject, event, discreteness, name, nomination, loyalty.

Персоналистская трактовка истории предполагает выдвигание на первый план поступка — действия субъекта, направленного на невыразимое (ноумен) и не подчиненного внешним целям, связанным с разумной целесообразностью природы. После Канта и не без огромного влияния христианства персонализм утвердил себя в русской метафизике всеединства как единства универсального и сингулярного начал в мироздании и перешел в наследство современным западным персоналистам, чье творчество формируется под влиянием не только христианской традиции, но и неокантианства, структурализма и постструктурализма, структурного психоанализа, философской антропологии и философии культуры, постмарксизма и фрейдомарксизма, memory studies и других направлений альтернативного (термин А. Г. Дугина) метафизического постмодернизма.

В отличие от диалектического материализма и даже от идеалистической диалектики, персоналистский взгляд на историческое — это взгляд радикального индивидуалиста, который не только провозглашает личность движущей силой истории, но и помещает своего экзистенциального субъекта в центр так называемого «события», по отношению к которому он является одновременно творцом и творением. Сохранение же верности событию как проявление преданности истине бытия есть поступок или ряд поступков личности, подчинённых категорическому моральному императиву по ту сторону внешних означающих, при помощи которых эта личность охраняет истину от разъедающего влияния времени, помогает «пропустить» ее сквозь тяготы исторического потока и не дать ей деградировать. Для этого экзистенциальная личность (персона, самость) должна дать истине имя, релевантное самому событию и идущее от его природы, оберегая ее, тем самым, от внешних ложных имен, предоставляемых истине политиками, которые стремятся апроприировать истину и монополизировать свое право на событие и память о нем. Борьба с монополистами и гегемониями, которую осуществляет личность, отстаивая подлинную память об истине исторического события, характеризует самость в качестве постсобытийного субъекта. Персонализм как философия поступка есть одновременно философия события и новая (после Конфуция) теория возвращения имен.

Заинтересованность французской постмодернистской мысли в персонализме со всей очевидностью наследует давние традиции культа индивидуальности как многообразной неповторимости в своей уникальной событийности, свойственные европейской континентальной стратегии мысли от Августина Блаженного и Блеза Паскаля до Макса Шеллера, неокантианцев и Жана Маритена. Дружба последнего с Николаем Бердяевым позволила объединить метафизику всеединства, свойственную русскому соборному Логосу, и западную идею личной свободы. Сам Николай Александрович полагал христианское чувство исторического третьим путем развития, снимающем в диалектическом синтезе и одновременно радикальном разрыве иудейскую

этику трансцендентного Бога и эллинскую этику личной свободы [5]. Аналогичные мысли в эпистемологическом высказывает современный французский философ Ален Бадью, коммунист и павликианец одновременно, который полагает Воскресение Христово избытком (Третьим) по отношению к иудейской логике Закона (традиции) и эллинской логике Желания (свободы) [1]. Сближение в эпистеме персоналистского универсализма гносеологии постмодерного французского атеиста и гносеологии традиционного русского теиста допустимо не только с точки зрения общей логики христианства как диалога всеобщего начала с единичным и не только с точки зрения идеологических диффузий во франко-русской философской среде, но также и с точки зрения имплицитного семантического сходства между христианством как позитивной метафизикой и коммунизмом как формой отрицательного богословия. В том же, что в ключевых вопросах метафизики присутствия Бадью ведет себя именно, как теист, сомневаться не приходится.

Итак, целью нашего исследования является сравнение так называемой «роковой диалектики культуры» Бердяева, которой он именовал охваченное мессианизмом, провиденциализмом и эсхатологизмом историческое движение из вечности в вечность, и «неэкспрессивной диалектики» Бадью, которая является своего рода прорывом «роковой диалектики» темпоральности как замкнутой цепочки означающих, и выходом в некое трансцендентное метафизическое пространство вечности, бесконечности и бессмертия посредством экзистенциального мгновения, в котором сингулярный субъект переживает универсальную истину (истину-событие). Мы понимаем всю рискованность сопоставления отдаленных в хронотопе ключевых категорий бердяевского и бадьюанского персонализма с проекцией методологических выводов на судьбы великих событий в истории, каким, несомненно, явилась Великая Отечественная война (далее — ВОВ), и каким сегодня предстает (или так ей надлежит предстать) Специальная военная операция (далее — СВО) России на территории освобождаемой от нацизма Украины.

Выдвигаемая нами гипотеза при этом выглядит так: критерием истинности события, то есть, его долговечности в истории, является верность универсального субъекта исходному смыслу события и способности «верного» субъекта дать ему адекватное имя, такое же трагическое и возвышенное, как и само событие. Верность и является формой реализации исторической памяти и качеством, которое переводит преданного субъекта как проявление бытия (Реального) в статус «Бессмертного» (Символического) как возвышенного субъекта героической идеологии. Таким образом, долговечность «истине-событию» (в формулировке Бадью, которую мы будем использовать и впредь) придает степень сохранности так называемого постсобытийного субъекта — участника события, знающего его истоки и подлинный смысл: чем больше подлинных субъектов истины-события сохранится в качестве носителей живой памяти и живой философской и онтологической

речи, связанной со свойством языка быть историческим домом бытия (по Хайдеггеру), тем прочнее укрепляется истина-событие в истории, приводя к новым качественным скачкам в диалектике сущего.

Сначала сравним концепцию «прерывности» русской истории Бердяева и теорию «радикального разрыва» Бадью, в равной степени демонстрирующие нам роль личности в истории сквозь призму метафизики присутствия как разрыва с исторической темпоральностью («вечного настоящего», столь яростно отрицаемого чисто «темпоральными» мыслителями, такими, как Анри Бергсон в позднем модерне и Жак Деррида в раннем постмодерне). Бердяев подчеркивал прерывность русской истории, состоящей из пяти периодов: Россия Киевская, Россия времен татарского ига, Россия Московская, Россия петровская, Россия советская [4; 5] (в современном понимании можно добавить еще один период — Россия постсоветская).

Дискретность истории определяется радикальными разрывами с инерцией времени, сопровождающими ключевые события русского бытия, обладающие индивидуальным значением (на уровне эстетического переживания трагического у Канта, или Реального как опыта смерти у Лакана) и одновременно всеобщим смыслом (на уровне категорического морального императива Возвышенного у Канта, или Символического как бессмертия у Лакана). К числу таких событий в русской истории относятся татаро-монгольское иго, религиозный раскол, петровские реформы, казнь декабристов, революция, обе мировые войны, распад СССР и, смеем надеяться, СВО как метафора вступления России в метамодерн — новый традиционализм. Ключевое событие, таким образом, благодаря своему универсально-сингулярному характеру, является таинством поспиритизма смерти смертью (Воскресения) и одновременно софиологическим таинством вхождения Бога в мир, провиденциального вмешательства в историю, которую Бердяев рассматривал как подобную литературному роману, имеющему свои зачин, развитие действие, кульминацию и конец, «драму любви» между Богом и человеком.

Бог очеловечивается. Человек обоживается. Происходят одновременные процессы эмансипации как схождения неба на землю и сублимации как восхождения земли к небу, в результате чего дух и материя, земное и небесное, сакральное и профанное встречаются в единой точке и взаимно «обнуляются» (не в смысле этической нейтральности или онтологической пустоты, а в гносеологическом понимании единства бытия и мышления, начальной и конечной точки отсчета). На уровне микроистории макроисторическая София как ключевое (дискретное) событие проявляется в виде конфликта экзистенции и объективации в трагедии творчества как единства и борьбы творческого акта (небо, экзистенция, романтизм) и творческого продукта (земля, объективация, классицизм), теургии (богодеяния) и усредненных норм культуры [6]. Наличие дискретных событий обусловлено борьбой и единством в истории как в роковой диалектике реализации судеб человека и культуры двух начал:

консервативного, отвечающего за прошлое (сопоставимого с понятием имманентного, земного продукта деятельности), и творческого, отвечающего за будущее (сопоставимо с понятием сакрального креативного акта). Ключевое событие как проявление метафизики присутствия, представляет собой «нулевую фонему» — беззвучное звучание тишины «чистого настоящего» (Dasein), в котором встречаются прошлое и будущее, то есть, прошлое, по известной идиоме, вписываемой Юрию Лотману, рождается в будущем. В сборнике «Шум времени» О. Манделштам говорил:

«Часто приходится слышать: это хорошо, но всё это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл» [7, с. 41].

Бердяев и Пастернак также неоднократно подчеркивали свое переживание Бога через Сына как образ уязвимой истины, что предвосхитило христологию фрейдомарксиста Фромма и отрицательное богословие «освобождения», распространенное в Латинской Америке не без влияния чегеваризма Национальной армии освобождения и коммунистического учения Алена Бадью (по его словам, атеиста) о чуде Воскресения. Алэн Бадью в своем психоанализе, вошедшем в историю как часть «новой французской школы», сочетает коллизии структурализма с постструктурализмом, свойственные для факультета Париж-8 Сорбонны, синтезируя их на основе лакановского метода. Постлаканизм Бадью истекает из идеи травмы Реального — показательной возможности личности осуществлять десублимацию, или расшивку, возвращение к подсознательному как к глубинам собственного бытия (Реальному), что для раннего Лакана (периодов Воображаемого и Символического) не представлялось возможным. Данная десублимация и является истиной-событием стоянием в просвете бытия, чудом, уникальным дискретным фактом, который имеет ценностное значение и разрывает путем метафизического усилия все предыдущие исторические обстоятельства. Главным истиной-событием Бадью, как и Бердяев, полагал Воскресение Христово безотносительно к вопросам религиозной догматики, потому что евангельская этика преодолела путем снятия две крайности: репрессивную силу еврейского Закона (трансцендентного коллективного Бога у Бердяева) и чисто личную анархию греков (свободу у Бердяева). Революцию 1917 года как победу коммунизма в России, представляющего собой светскую версию христианства, Бадью также полагает истинным событием в то время, как Бердяев считает её пародией, симулякром, личиной сущего. По аналогии с религией Бадью пишет о двух дискурсах сущего: Законе и Желании, консерватизме и либерализме, реакционном политическом процессе (гегемонии) и революционном политическом процессе (контргегемонии) [3].

Иудаизм и эллинизм как символы дисциплинарного и трансгрессивного обществ, пути долга и пути страсти, образуют жесткую символическую шивку,

или спайку, где мерилом греха является запрет на желание, усиливающий само желание, что и провоцирует постоянное пребывания субъекта в негативном пути «бега по замкнутому кругу» от деспотии к революции и обратно. Так Бадью интерпретирует круги власти Платона, Аристотеля, Полибия, Ницше и Фрейда и предлагает осуществить радикальный разрыв как большой отказ от выбора между двумя одинаково деструктивными вариантами развития мира и попытку выйти в событие в бытии.

Бытие как Реальное у Бадью есть то же самое, что самость как Премудрость Божья у Бердяева и других русских философов. Именно это всепоглощающее онтологическое упрямство, это мужество быть вопреки всему и следовать сверхзадаче в ситуации кенотической пустоты и экзистенциального абсурда, и представляет собой дискретное ключевое истинное событие: что у Бердяева, что у Бадью. Оно порождает бессмертного субъекта как носителя самости, Супер-Эго и Символического Реального (единства подсознательного со сверхсознательным, бытия и языка). В этом статусе человек осуществляет кьеркегоровский прыжок в веру из ничего, делает перепрошивку личности и возвращается к Богу-Отцу (традиции) в качестве самоактуализированного субъекта.

Подобно отдельным представителям Люблянской школы психоанализа, в частности, Аленке Зупанчич, Бадью помещает кантианское понятие долга в подсознательное, интериоризируя категорический моральный императив, помещая его в глубь Реального, которое этизируется [2]. Долг и страсть не составляют больше противоречия, наоборот: долг и является последней страстью, предельным желанием, не снисходящим до наслаждения. Это значит, что служение долгу, которое и составляет основу традиции веры в коллективного трансцендентного Бога, осуществляется по ту сторону сознания, сущего, гипотетических императивов и любых внешних означающих. Сочетание учений Канта и Лакана, немецкой классики и критической теории приводит к индивидуализации традиции: общее осуществляется в глубинах индивидуальной субъектности, традиция становится внутренним моральным импульсом, этическим экзистенциалом, который не опирается на систему, своего рода «консервативной революцией», отличием, сингулярностью. Это одновременно и либерализация традиции как способа осуществления самости, и ее омоложение. Именно об этом задолго до Бадью говорили сторонники христианского персонализма, когда утверждали, что человек обоживается, а Бог очеловечивается в таинстве Софии. Для Бердяева понимание Бога через Сына предполагало умение сохранить верность уязвимой истине, смелость назвать ее и сохранить в истории, что бывает очень сложно, потому что история посредством времени разрушает событие. Влияние исторического событие есть влияние ложного имени на чудо. Идеология поглощает событие, политизация убивает экзистенциал.

Как только событие становится частью истории (а это неизбежно, учитывая роковую диалектику культуры), оно опустошается и теряет

свой освободительный потенциал. Неэкспрессивная диалектика Бадью строится в пику роковой диалектике Бердяева. Невыразимость (невозможность) события как метафизического разрыва не переводима на язык культуры (Символического), которая, хотя и поглощает при помощи исторического времени Реальное, но событие всегда остается потенциально возможной невозможностью (вспомните слова Петра Первого о том, что невозможное — возможно, или лозунг студентов Сорбонны 1968 года: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!», — подтверждающий вывод Карла Манхейма о предпочтительности утопии как образа научного будущего перед идеологией как тотальной шивкой ментальных клише). Событие Бадью осуществляется путем десублимации. Роковая диалектика Бердяева (то же самое, что экспрессивная диалектика у Бадью) — это ложная политика, которая поглощает истинное событие полностью, подобно тому, как у Лакана и Альюссера форма поглощает содержание без избытка, а остаток Реального, не подхваченный Символическим, кастрируется. Событие получает ложное имя со стороны двух сил Символического: консерватизма или либерализма.

Возвращаясь к гипотезе нашего исследования, отметим следующее: сопоставление православного персонализма в философии истории Бердяева как проявления модерна и фрейдомарксистского (лакановского) персонализма в философии истории Бадью как проявления постмодерна подвели нас к проблеме объективации — поглощения историческим процессом подлинного события, которое лишает его эмансипационной силы и новизны. Объективация события представляет собой процесс овеществления, опредмечивания экзистенции творческого акта в творческом продукте, его формализации, сопровождаемой удалением избытков — подлинных лиц, «лишних людей, пенсионариев, знающих и помнящих подлинную природу события и не желающих подчиняться внешним политическим силам, которые манипулируют событием ради получения богатства и власти. Объективация представляет собой бердяевскую трагедию творчества и связана с поглощением Реального Символическим, формы — содержанием, то есть, с апроприацией (присвоением властью протеста против нее как способом рециклирования гегемонии).

Овеществление осуществляется за счет фигуры Закона как выражения дисциплинарного общества, которое за счет математического метода представляет имена вещам и конвертирует бытие, включая подмножества во множества, сортируя его на классы, виды, роды и подклассы явлений. Событие есть то, что в силу своей ужасающей странности не обретает подлинное имя, поскольку чудо в нём есть одновременно чудовище и обладает амбивалентным характером притягательного и отталкивающего. То, что Закон не в силах назвать, он отменяет, запрещает, подавляет, вытесняет, выталкивает в подсознательное и стигматизирует в качестве Чужого/Иного/Другого/Монструозного. Модерные общества благополучия вытесняют, например, Женское и Смерть как запретные архетипические образы, которые следуют прятать

за пластиковыми стенами хосписа в глубинах Реального. Чужое и Женское воплощены в образах безумного поэта, Трикстера, юродивого, ведьмы и т.д.

Теодицея войны в русской философии состоит в том, что война как хтоническое начало является великой экзистенциальной проявительницей того скрытого зла, которое царит в ханжеском мире мнимого благополучия. Война есть месть долго игнорируемой смерти Другого. Реальное всё равно прорывается наружу, но уже в виде монстра и катастрофы, нависая над миром апокалиптической тенью, и в этом смысле война является следствием умалчивания правды, двойных стандартов, мещанской самоуверенности и сытости, лжи и несправедливости, царящей в тылу. Так, психологические травмы отдельных военных, прошедших СВО, их неврастения, психозы, тревожно-депрессивные расстройства и внутренние конфликты, как на уровне индивидуальных субъектов, так и на уровне сообществ, как внешние противостояния, так и внутри психологические, зачастую являются следствием длительного периода равнодушия обывателей к событиям в Донбассе, начиная с 2014 года. Травмы Реального являются взаимными и требуют интенсивного диалога фронта и тыла, где фронт избавляется от афганского синдрома, а тыл — от трусости и конформизма.

Онтологическая возможность события определяется не только степенью его радикальности или эмансипации, но и наличием верного субъекта как активиста истины, способного удержать свежесть события в истории и адекватную память о нем, выраженную в соответствующем имени. Почему большинство либеральных революций завершались крахом? Вспомним, например, восстание декабристов в России или постструктуралистские протесты студентов Сорбонны. Либеральные протесты против консервативного общества Закона завершились принудительной эстетикой и деспотией машины желаний, когда либерализм из революции превратился во власть. Дело в том, что сторонники буржуазных революций в большинстве своем не имеют позитивной программы освобождения всего общества, отвечая только на вопрос, «против» чего они восстали, но не «за что». Отсюда конечность результатов протеста и его обреченность на поражение, бытие-к-смерти, инерция и энтропия, разочарование и депрессия, возведение своего отличия в культ и растворение его во множестве других таких же отличий. Столкновение с трансгрессивной пустотой приводит либеральных протестующих к бегству от свободы, добровольному самокабалению, горизонтальной цензуре и глобальному контролю. Оппозиция, которая была протестом против власти, сама становится властью, привнеся на смену традиционного Отца образ гротескного Отца. Или же, оппозиция входит в старую систему власти вследствие договора между либералами и консерваторами, в результате чего консерватизм принимает скрытое либеральное содержание, а либерализм — явные консервативные формы. Система воспроизводится. Матрица рециклирует. Протест апроприруется. Замыкается бег по замкнутому кругу: Закон и Желание

входят в экспрессивную символическую спайку, табу измеряется грехом. Безусловной смертью события революции 1917 года стали репрессии на троцкистов, смерть полевых командиров анархического толка в гражданской войне, самоубийство Маяковского, гибель Есенина, развал раннего советского авангардизма на волне сталинской консервации. Та же судьба постигла на Западе в 1960-е годы так называемых «новых левых»: хиппи и битников, рок-культуру, пацифистские движения, ранние постмодернистские идеи, превращенные в часть гиперглобализма, в бунт на продажу, в послушный элемент либерально-консервативной системы. У западных экс-хакеров, равно, как и у первых советских авангардистов, не хватило независимых личностей, способных противостоять номинации со стороны гегемонии и хранить подлинную память о событии.

Совершенно иная ситуация сложилась в Великой Отечественной войне. В отличие от войны гражданской, где событие в силу своей политизации было превращено в террор и уничтожение избытков, в войне Великой Отечественной практически с самого начала не было сингулярного блуждающего элемента в виде самоуправных автономных анархистов. Коллективным субъектом данного события явился многонациональный советский народ под руководством составляющего с ним единое целое государства, что создало возможность длительного сохранения постсобытийного субъекта и адекватной номинации события как именно «Великой отечественной войны» и «Великой Победы». Этого вовсе не скажешь о европейском движении Сопротивления, когда, начиная с эпохи Холодной войны между США и СССР, русофобская неолиберальная политика Запада привела к деструктивным переименованиям памятных значимых фактов, ведущим к опустошению и выветриванию антифашистской героики сопротивленцев (большей частью, коммунистов, но также и людей иных убеждений: консервативных, классических либеральных, католических, протестантских и т.д.). Подобно тому, как искусство было заменено «креативной артосферой», наука — «технологиями», любовь — «сексом», а политика — «глобальным управлением», военный подвиг западных участников Сопротивления был превращён во «взаимную трагедию обеих сторон конфликта». На примере политики памяти событий Волынской резни и казни в Ардеатинских пещерах мы видим, как постепенно выветривался триумфальный момент Победы в пользу семиотики взаимной травмы, скорби, примирения и «тирании покаяния». Примирение стало пассивной толерантностью к нацистскому и неонацистскому злу, а страх перед конфликтом привел к постепенной легитимации фашизма в Европе и подвластной ей Украине, что и вызвало к жизни следующее дискретное событие постсоветской России — СВО, — длительность удерживания онтологического статуса которой в истории зависит сейчас от сохранения жизни бойцов и от предоставления социальных и культурных условий для самоактуализации её

живым участникам. Особенно важно помнить унастроения тех, кто стоял у истоков «Русской весны».

Когда либерализм из формы протеста превращается в форму власти, подлинным событием становится консервативная революция, связанная с эмансипацией традиции. Именно такой революцией и стала «Русская весна» 2014 года, в чем-то подобная Воскресению Христову, которое не вписывается ни в логику иудейского Закона, ни в логику эллинского Желания, поскольку лишает гегемонию Закона права на монопольное обладание долгом и традицией, а контргегемонию Желания — права на монопольное обладание личной свободой и пассионарностью. Снятие противоречия между долгом и страстью (точнее, превращение долга — в предельную страсть, а политики — в экзистенциальное состояние) позволяет омолодить традицию, что не может не вызвать сопротивления обеих систем: как консервативной, так и либеральной.

Этические субъекты «Русской весны» представляют собой плеяду военных, философов и поэтов, способных не только осуществить отрицательный протест, но и вернуться в Символическое, дать событию имя и сохранить истину в истории. В таких субъектах свободолюбие номадов сочетается с неприкаянным богоискательством, скитальчеством и отщепенством русской религиозной философии серебряного века в лицах, подвергавшихся двойному неприятию, как со стороны атеистически настроенных большевиков, так и со стороны православных монархистов. В нашем случае двойное гонение касается постсобытийного политического субъекта, слишком «либерального» для консерваторов и слишком «консервативного» для либералов. Их апроприация, маргинализация или передача «из лагеря в лагерь» свидетельствуют об опасности устранения всего невыразимого, невыносимого, неповторимого, избыточного, невысказанного. Так может произойти конец субъекта пассионарного типа в качестве активиста истины, чьи поступки во благо Родины следуют «не по целям» (вне соображений выгоды) и подчиняются категорическому императиву. Вот почему опыт пост-событийности ВОВ является позитивным образцом для современного российского постсобытийного субъекта СВО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. — М. — СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 1999. 95 с.
2. Бадью А. Бадью о Бадью. — М.: Metamorphoses, 2023. 170 с.
3. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. — М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание. — М.: Эксмо, 2021. 544 с.
5. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Азбука-классика, 2021. 256 с.
6. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Амрита-Русь, 2024. 448 с.
7. Мандельштам О. Э. Шум времени. М.: Эксмо, 2023. 320 с.

Воевода Дарья Викторовна,
Аспирант
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
учитель истории и обществознания ГБОУ СОШ № 237
Красносельского района Санкт-Петербурга
Daria_viktorovna1990@mail.ru

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье автор доказывает, что православная вера является важным культурным аспектом исторической памяти. В статье представлено развитие влияния православного христианства на культуру страны в целом со времен Средневековья до XX века включительно. Автор говорит о том, что обращение к истокам духовной традиции, к глубинам исторической памяти становится спасением для людей во время Великой Отечественной войны, приводит примеры из жизни великих старцев XX века: Архимандрита Кирилла (Павлова).

Ключевые слова: историческая память, православие, религия, национальная культурная традиция, личность.

Voevoda D. V.

ORTHODOXY AS A PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY

In the article, the author proves that the Orthodox faith is an important cultural aspect of historical memory. The article presents the development of the influence of Orthodox Christianity on the culture of the country as a whole from the Middle Ages to the 20th century inclusive. The author says that turning to the origins of the spiritual tradition, to the depths of historical memory, becomes salvation for people during the Great Patriotic War, and gives examples from the lives of great elders of the 20th century: Archimandrite Kirill (Pavlov).

Keywords: historical memory, Orthodoxy, religion, national cultural tradition, person.

Православие как национальная культурная традиция, является феноменом исторической памяти российского народа. Современное религиоведение поддерживает эту позицию. Религиовед И. Н. Яблоков пишет, что «Историческая память являет себя в контексте универсума духовной культуры, которая может быть и религиозной, и светской... но светская культура хранит архетипы той религии, которая исторически была укорена в данном этносе, данной нации» [10, с. 255]. М. Ю. Смирнов в монографии «Своевременное религиоведение» раскрывает особенности поправок в Конституции РФ. В 2020 году был включен текст о том, что вера в Бога была передана народу России предками, что «не означает отказа от светского характера Российского государства» [7, с. 149], а лишь подчеркивает необходимость учитывать историческую значимость религиозной составляющей российского народа.

Россия страна многонациональная и многоконфессиональная. Исторически культуры православия, ислама, иудаизма, буддизма, и других религий находились во взаимодействии, проявляли терпимость. Православие же играло и играет важную роль в формировании и развитии этнонациональных общностей [10, с. 255] и в становлении российской культуры.

Что же такое историческая память и почему православная вера может быть ее частью, неотъемлемым аспектом? Со времен античности до конца XIX века память рассматривалась как феномен индивидуального сознания, локализованного в голове человека и представляющий собой статичное хранилище «следов», информационных отпечатков. С начала XX века в работах социологов и культурологов (Эмиля Дюркгейма, Морис Хальбвакса (историк коллективной памяти), Л. С. Выготского, Фредерик Бартлетта, Дж. Г. Мида, А. Варбурга, А. Р. Лурии, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана) появляется новое, современное понимание памяти, как активной динамической системы, которая не может рассматриваться исключительно изнутри субъекта, такое понимание памяти включает в себя внешние измерения, мыслимые в социально — культурном аспекте.

Существует проблема соотношения памяти и истории. В концепции Мориса Хальбвакса память оппозиционна истории — «память утверждает сходство между прошлым и настоящим» [5, с. 196], а история, напротив, устанавливает различия между прошлым и настоящим. История восстанавливает прошлое с критической дистанции и стремится передать его так, чтобы его связи с настоящим были лишены эмоционального участия. Однако, Морис Хальбвакс, чувствовал, что память и история проникают друг в друга. Хаттон называет историю — искусством памяти. Морис Хальбвакс глубоко понимал природу традиции. Культура памяти создает предпосылки для истории культуры. Историческая интерпретация сохраняет концептуальную систему координат, навязанную памятью, так как сама от нее же и отталкивается [5, с. 241]. «Культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [2, с. 200]. Концепт исторической памяти связан с национальным и культурным самосознанием народа. Так национальное самосознание превращает историческое в культурную конструкцию. Историческая память является основным средством воспроизводства и трансляции духовных ценностей, знаний, опыта, традиции, психологических черт духовной культуры народов. «Историческая память» — это «способность сохранять информацию о событиях прошлого, имевших место в истории данного народа и сыгравших большую роль в его судьбах, воспроизводить их при необходимых условиях и вводить в активную сферу мышления и поведения людей» [4].

Исторически православие находится в основе России, формирование государственности и нравственных устоев страны связаны с православной верой.

Еще в IX веках из Византии проникает на Русь греческое наследие религиозного характера. Иоанн Мейендорф выделяет каналы влияния: это и переводы, и литургические формы, и паломничество, иконопись, дипломатическая и церковная деятельность. На Руси проводится строгий отбор византийской литературы и монашеской духовности. Прот. Георгия Флоровский подтверждает, что «научная, философская, литературная традиции Греции отсутствуют в древнерусском культурном запасе, но не славянский язык тому виной» [9, с. 16]. Все дело в переводах. Переводческая деятельность нуждается в творческом действии, в осмыслении, в переживании, изобретательности. Вместе с переводчиком осуществляется становление русского мышления, славянского языка, преобразование самой души, мысли и слова, невольно формируется душа народа, внутреннее воцерковление и христианизация общества. Лотман Ю. М. в статье «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении» говорит об особенностях русско-византийского диалога — интенсивное усвоение чужих текстов дает на следующем витке мощный выброс собственных в окружающее пространство. В конце Средневековья, в период Нового времени, в XIV–XV веках складывается аналогичная ситуация. Но в этот раз взятие Царьграда турками разрушило всю структуру культурного пространства, а концепция «Москва — третий Рим» [2, с. 127] определила принципиальную монологическую культурную ориентацию России, обосновала особое значение русского народа в сохранении истинной веры. Концепт исторической памяти связан с национальным и культурным самосознанием народа. Так национальное самосознание превращает историческое в культурную конструкцию.

Накопленная в результате русско-византийского диалога культурная энергия, сложно трансформируясь, вошла в дальнейшем как часть в культурный взрыв XVIII века [2, с. 125]. О высоком влиянии христианства на общество говорит и прот. Иоанн Мейендорф. Несмотря на то, что Церковь как учреждение была поставлена реформами Петра I в социальное униженное положение, но «христианская вера осталась в самом центре русского культурного сознания» [3, с. 181]. В XIX веке Россия породила литературу, которая является самой «христианской» из всех европейских литератур того же периода: Достоевский, Пушкин, Гоголь, Чехов, Толстой и другие великие писатели русской литературы в своих произведениях затрагивают богословские проблемы, раскрывают особенности поведения человека с позиции нравственности, христианской морали. «Культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [2, с. 200].

В XX веке Русская православная церковь пережила самые страшные моменты своей истории, после революции 1917 года борьба с религией становится важной программной установкой. В 1920-е гг. были организованы гонения на духовенство и мирян. Но, несмотря на гонения и забвения,

христианство было в умах людей. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению» [2, с. 201]. Православная вера не ушла в забвение во время действующего атеизма, даже более того, в сложные периоды жизни народа религия становилась объединяющим фактором, дающим надежду на жизнь и спасение.

Обращение к истокам, к глубинам отечественной памяти было спасением для Отечества в годы Великой Отечественной войны. Весь период войны продолжался значительный рост религиозного чувства среди людей. Тысячи людей со слезами раскаяния обращались к Господу и принимали крещение. Среди людей в тяжелой степени дистрофии, умиравших от голода, было много тех, кто перед смертью вспоминал слова Евангелия и призывал имя Господне. Известны факты обращения к вере во время войны (Отец Кирилл, Протоиерей Дмитрий Хмель, священник Федор Пузанов, Архимандрит Алипий, Архимандрит Нифонт (Николай Глазов)).

Исследователь военно-исторической антропологии Е. С. Сенявская пишет, что память аккумулирует человеческий опыт, сохраняет традиции. По памяти человек воспроизводит необходимое в человеческом опыте. Наиболее важные события человек запоминает в первую очередь, процесс запоминания связан с эмоциональной составляющей, эмоциональным восприятием событий. Поэтому одним из важнейших источников военного времени являются переписки и мемуары, дневники. Источники личного происхождения воссоздают «живой образ человека» в его неповторимости и индивидуальности, показывают внутренний мир человека. Влияние событий Великой Отечественной войны определило целый исторический период в развитии духовной атмосферы советского общества, оказало влияние на развитие индивидуального и массового сознания всего населения страны. Личные записи и воспоминания о войне формируют «живую» память и «живую» историю. Немаловажным является ценностные характеристики человека, пережившего войну: его отношение к войне, к некоторым проявлениям войны. Интерес представляет не только восстанавливаемые в памяти события, непосредственно исторические факты, но и возникающие у человека мысли и чувства, проблемы, влияние войны на его судьбу и личность. В свято-отеческой литературе память является органом души, наряду с вниманием и воображением. Основываясь на учении Иоанна Дамаскина христианский психолог М. Ю. Зенько, говорит, что память — это представление, оставшееся в душе после какого-нибудь ощущения» [1, с. 563].

Общеизвестен тот факт, что на войне неверующих нет. Е. С. Сенявская объясняет это явление с психологической точки зрения, человек в состоянии аффекта может совершить подвиг. Во время военных действий войско может охватить паника — «явление коллективного страха в высшей эволюционной форме ужаса, иногда совершенно необъяснимого» [6, с. 72]. В этот момент страха вера дает импульс к смене коллективного настроения. Е. С. Сенявская

приводит пример из Русско-японской войны, во время Мукденского сражения, когда некоторые русские части были окружены японцами, и разрозненные попытки вырваться из этой ловушки не имели успеха, тогда какой-то унтер-офицер выскочил наверх с большим крестом в руках со словами «Братцы, пойдем за крестом! За знаменем!», через минуту огромная колонна беспрепятственно ползла из рокового оврага» [6, с. 73]. Идет ли здесь речь о религиозной вере?

Религиовед И. Н. Яблоков выделяет веру религиозную и повседневную [10, с. 142]. Вера — это особое психологическое состояние уверенности в достижении цели, наступлении ожидаемого события [10, с. 133]. И. Н. Яблоков называет веру психологическим состоянием, которое возникает в ситуации, когда известна степень успешности действия и возможность благоприятного исхода и знание этой возможности. По мнению религиоведа, веру невозможно свести к чувству, это «сплав интеллектуального, эмоционального и волевого моментов» [10, с. 133]. Когда идет речь о вере религиозной, то здесь имеется в виду вера в истинность религиозных представлений, взглядов, текстов, присутствует религиозное общение как личная, эмоционально насыщенная взаимосвязь верующих [10, с. 135]. На войне возможны проявления веры как религиозной, так и повседневной. Безусловно, военные события могут менять человека, его мировоззрение и человек осознанно становится верующим, переживает религиозный опыт.

Например, Отец Кирилл (Павлов Иван Дмитриевич), духовник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, русский старец, прошел всю войну, от Сталинграда до Австрии. В воспоминаниях он рассказывал, как брали они в кольцо Сталинград и мерзли в заснеженных окопах. В это время в холодных траншеях под звездным небом он молился, уходил немного в сторону и читал «Отче наш». И это не вызывало не смеха, ни удивления — на передовой неверующих не бывает [8, с. 57]. События 1943 года определили весь дальнейший путь и служение отца Кирилла. В освобожденном Сталинграде, в развалинах одного из разбитых бомбежкой домов, Иван Павлов нашел Евангелие, это событие подтолкнуло его к новой жизни во Христе: «Был апрель, уже пригревало солнцу, — вспоминал отец Кирилл много лет спустя, — Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие! Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение! Собрал я все листочки вместе — книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему война, почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие — у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события» [8, с. 61]. Религиозный опыт субъективен: «Религия всегда является именно такой, как ее мыслят и чувствуют, понимают и переживают конкретные люди в конкретных обстоятельствах своей жизни» [7, с. 24]. Православная религия

дает человеку верующему ясное понимание смысла его жизни, помогает встать человеку на правильный путь, потому что это будет путь на основе христианских ценностей.

Православие способствовало созданию ценностей, сохранивших свою значимость на века: любовь к ближнему, патриотизм, смирение, семья. Православная культурная традиция, основана на приоритете духовного над материальным, соборности, общинности, самоограничении и самопожертвовании. В истории России православие играет и играло важную роль в развитии самосознания людей, передачи духовного опыта из поколения в поколение, поэтому православную веру можно считать частью исторической памяти. Сегодня православие входит в состав культурного Кода России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зенько Ю. М. Основы христианской антропологии и психологии. — СПб.: Речь, 2007. — 912 с.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Том I Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллин: Александра, 1992.
3. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Рим — Константинополь — Москва. Исторические и богословские исследования. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. — 320 с.
4. Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/termin/istoricheskaja-pamjat-naroda.html> (дата обращения: 27.06.2025).
5. Патрик Х. Хаттон История как искусство памяти. Перевод с английского В. Ю. Быстрова — Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2003.
6. Сенявская Е. С. Военно — историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века): учебно.-метод. Пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — 223 с.
7. Смирнов М. Ю. Своевременное религиоведение. Вопросы теории и методологии российских исследований религий: монография / М. Ю. Смирнов. — Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. — 188 с.
8. Сталинградское Евангелие архимандрита Кирилла (Павлова). — СТСЛ, 2021. — 364 с.
9. Флоровский Георгий. Пути русского богословия. (4е изд-е, репринт) Киев: Путь к истине, 1991.
10. Яблоков И. Н. *Studia religionis*. Статьи Разных лет / МГУ имени М. В. Ломоносова. Философский факультет. — М.: Издатель А. В. Воробьев, 2024. — 272 с.

Каптен Герман Юриевич,
Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
gkapten@rambler.ru

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В современную эпоху понятие «священная война» считается принадлежащим к давно прошедшим векам и безнадежно устарелым варварством. Исключением является, разве что только наша страна, для которой это понятие уже прочно связалось со знаменитой песней на стихи В. И. Лебедева-Кумача на музыку А. В. Александрова. Соответственно и первой ассоциацией станет знакомая большинству с детства цепь зрительных картин и словесных формулировок. Однако может ли быть священным конфликт государства светского, которое, по крайней мере официально, отрицает связь с сакральным началом и не нуждается в освящении своих действий отсылкой к каким-либо религиозным принципам? Представленная работа показывает, что для использования идеологемы священной войны не обязательно наличие какой-либо организованной религиозной традиции, достаточно чтобы ценности, признаваемые обществом в качестве основополагающих, были поставлены под действительную или, даже, мнимую, угрозу.

Ключевые слова: Священная война, идеология современных войн, конфликты XX века, мировые войны, холодная война.

Каптен G. JU.

HOLY WAR IN A MODERN SECULAR STATE

In the modern era, the concept of «holy war» is considered to belong to centuries gone by and to be hopelessly outdated barbarism. However, can a conflict in a secular state be sacred, which, at least officially, denies any connection with the sacred principle and does not need to sanctify its actions by referring to any religious principles? The presented work shows that the use of the ideologeme of holy war does not necessarily require the presence of any organized religious tradition; it is enough for the values recognized by society as fundamental to be put under a real or even imaginary threat.

Keywords: Holy war, ideology of modern wars, conflicts of the 20th century, world wars, cold war.

В современную эпоху понятие «священная война» считается принадлежащим к давно прошедшим векам и безнадежно устарелым варварством. Однако, как показывают даже поверхностные наблюдения, риторика священных войн в XX и XXI вовсе не исчезла, а встречается достаточно часто. Даже в самом привычном смысле, как обозначение конфликта носителей разных религиозных традиций, только за прошлый век риторика религиозного

противостояния использовалась в многочисленных арабо-израильских войнах, конфликтах в Африке и центральноазиатском регионе.

Не исключением стала и Европа, ведь помимо конфликтов 1991–2001 годов в бывшей Югославии, отчетливый религиозный аспект прослеживается и в противостоянии католиков и протестантов в Северной Ирландии. В отношении же нашей страны риторика противостояния «безбожным советам» играла важную роль как в Гражданской, так и Афганской войнах, лежащая в начале и конце истории советского периода соответственно. Звучит эта мысль и в устах фундаменталистки настроенных религиозных лидеров и сегодня.

Однако цель представленной работы несколько иная. Мы поставили себе целью исследовать появление мотивов священной войны в государствах принципиально светского характера, там, где, по крайней мере, формально заявляется о том, что власти не ставят перед собой решения каких-либо религиозных задач. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к конкретным проявлениям принципа светского государства в истории.

Начиная обзор примеров секулярного государства в истории Европы Нового времени, вполне естественно обратиться в первую очередь к революционной Франции. На ее примере можно без особого труда заметить, что декларируемая светскость не мешала ни объявлять новые войны даже за пределами «естественных границ», ни использовать религиозную, по сути, риторику.

Уже с 1794–1796 годов во французском обществе активно развиваются идеи «экспорта революции» и ее основных концепций. По сути, хрестоматийный лозунг «Свобода, равенство и братство» стал самостоятельным концептом, ради которого можно вести войну в Италии или Нидерландах. Отныне, по утверждениям идеологов, французская революционная армия не обслуживает амбиции и хищнические замыслы аристократов, но помогает иным нациям завоевать свободу и проделать тот же путь, что сама Франция.

Идея войны за веру совершенно преобразилось в концепцию борьбы за общечеловеческие ценности, воспринимаемые почти с религиозным восторгом. Вместо богоизбранного народа становится образ передовой нации, свергнувшей своих тиранов и помогающая своим соседям победить их угнетателей. Таков был пафос войн директории, а затем и наполеоновских войн, вот только в них на первый план вышел образ личности самого императора.

Весьма точно это подмечает О. В. Соколов:

«Несмотря на отдельные примеры организованного участия в религиозных церемониях, во французских полках так и не был учрежден институт полковых священников <...>. В общем же до самого падения Империи в армии сохранилось неприязненное отношение к религии <...>. Впрочем, сказать, что у наполеоновских солдат не было веры, будет не совсем правильно. Вера у них была, и вера глубокая, пылкая и преданная. Это была вера в одного бога — Наполеона. Когда-то в армии Древнего Рима существовал официальный культ

Императора, изображениям которого воздавались божеские почести. В наполеоновской армии, конечно, не было ничего подобного в качестве организованного культа. Однако отношение к Наполеону можно назвать не иначе как культ Императора. У генералов и маршалов он часто выливался в форму казенного восторга, у офицеров принимал вид поклонения тому, в ком видели надежду на фантазмагорическую карьеру, зато у солдат, и прежде всего, конечно, старых солдат, он был глубоко искренним и шел действительно от души» [8, с. 329].

После завершения наполеоновских войн на первый план снова вышла идея нации, вот только вместо общечеловеческих ценностей провозглашались задачи существования и благоденствия отдельного народа. Произошла так называемая миграция святости [11, с. 11] от Церкви к светской власти. Кульминацию такого подхода, в отношении к Франции можно увидеть в работах Жюль Мишле, который видел не только сакральное начало в существовании самой нации, но и ее особую роль в развитии всего человечества:

«Кто, кроме Франции, сохранил традиции права? Права и церковного, и общественного, и гражданского: кресло Папиниана и престол Григория VII? Где, как не здесь, сохранились традиции Рима? Начиная со времен Людовика Святого, где, как не здесь, ищет Европа правосудия, пап, императоров, королей? Кто может отрицать гегемонию Франции: по части богословия — в лице Жерсона и Боссюэ, по части философии — в лице Декарта и Вольтера <...>

Рим первенствовал в эпоху невежества, его владычество было эфемерно. Франция же главенствует в эпоху просвещенную. Это — не случайность истории, это достигнуто не революционным переворотом, нет, это — законное следствие традиций, связь которых между собою длится уже две тысячи лет <...> Наш народ продолжает великое развитие человечества <...> Лишь взяв историю Франции, вы узнаете историю всего мира <...> Франция продолжает дело Рима и христианства. Но то, что христианство лишь посулило, Франция привела в исполнение <...>». [6, с. 147].

Поэтому не удивительно, что защита такой страны становится священным долгом уже перед всем человечеством, поэтому неудивительно и следующее обращение к солдатам: «Если мир будет искать спасения в войне, вы одни сумеете спасти его. Святые штыки Франции, пусть ничто не омрачает вашего блеска, которого не может вынести ничей глаз!» [6, с. 66].

Аналогичные мысли примерно в это же время высказывали и Фихте с Гегелем о немецкой нации, а идеологи викторианской Англии о провиденциальной роли Британской империи. Примечательно, что даже гражданская война в США (1861–1865) имела некоторый аспект сакрализации. Так Авраам Линкольн в своих речах периодически ссылался на божественное предназначение и моральный долг, что позволяло оправдать борьбу за освобождение рабов как священное дело. С другой стороны, и южные штаты использовали

риторику естественности защиты «истинных ценностей» и «божественного права» на самоопределение.

Однако в XX веке в Европе эти идеи стали заметно ослабевать. Заметной вехой такой «внутренней секуляризации» стала Первая мировая или Великая война. Массовые армии, по сути армии гражданских людей, одетых в военную форму, требовали заметного увеличения идеологической работы. Их психология заметно отличалась от профессионального кодекса военных предшествующих эпох. Для этого использовались различные средства, предоставленные промышленной революцией: массовые газеты, кинематограф, радио. Плакаты, фильмы и литература активно использовались для формирования общественного мнения и создания образа врага. Так, плакаты с лозунгами о защите «святой земли» и «борьбе за правое дело» стали символами времени.

Свою роль по мнению власть имеющих должны были сыграть и национальные церкви. Если раньше, в эпоху Средних веков государства вели войны за наднациональную религиозную традицию, то теперь сакрализируется борьба за само государство, ее народ и ее религию, которую ведут, в той или иной форме, носители религиозной традиции. Священнослужители всех конфессий постарались поместить старый религиозный опыт в новые формы, чтобы их слова воодушевления и утешения соответствовали тому, что переживали солдаты на фронте.

Так в Британской империи, государство всерьез пыталось использовать потенциал англиканства, главой которого был правящий британский монарх, носивший титул «защитника веры». Однако следует помнить, что к началу XX века Великобритания представляла собой довольно пёстрое соцветие в конфессиональном плане. При этом далеко не всегда люди, связывающие себя с той или иной формой христианства, исправно посещали церковь. Так в Лондоне на 4,5 миллиона человек, чуть более 800 тысяч являлись регулярными прихожанами, хотя в Англии, в отличие от той же Франции не проводилось политика государственной секуляризации.

Настоятели приходов всех конфессий исполняли роль хранителей памяти общины, вели учёт призванным солдатам и были ответственны за поддержание памяти о них, а специальные монументы или памятные знаки в честь погибших обыкновенно сооружались на территории близ церкви или непосредственно внутри храмов. Попытка любого высказывания о бесполезности гибели солдат была бы очень негативно воспринята их родственниками и друзьями в приходе. Всё это просто вынуждало священников, причём не только англикан, становиться проводниками правительственной пропаганды, в которой Германия изображалась как варварская сила, угрожающую, в том числе, христианским ценностям.

Несмотря на светский характер государств, в риторике официальных заявлений и частной журналистики использовались религиозные аллюзии. Достаточно ожидаемо, что «свои» солдаты изображались как «рыцари

без страха и упрека», сражающиеся против «чужих», описываемых «темными силами». Это создавало у населения ощущение, что они участвуют в священной миссии, что способствовало мобилизации и повышению морального духа.

Для удовлетворения религиозных нужд армии ещё в XVIII веке было создано специальное «Управление религиозных культов» (Royal Army Chaplains' Department), в котором к августу 1914 году насчитывалось 117 священнослужителей трёх христианских деноминаций. В связи с резким ростом армии количество капелланов также резко выросло, и к ноябрю 1918 года было уже более 5000 военных священников, представлявших 11 религиозных направлений. 60% из них были англикане, 20% католики, 10% пресвитериане, а среди оставшихся мелких групп выделялись иудеи, как единственные нехристиане [по материалам 2, 13]. Религиозные интересы колониальных войск из Индии игнорировались, и потому у мусульман или индуистов священнослужителей не было.

Устав требовал от капелланов совершать необходимые религиозные церемонии и заботиться о погребении мёртвых. Согласно Женевской конвенции, священнослужители были приравнены к врачебному и вспомогательному персоналу госпиталей. Командование поначалу довольно прохладно относилось к капелланам, не замечая их, что, впрочем, многих вполне устраивало. Ситуация изменилась в конце 1915 года, когда их стали посылать непосредственно на линию фронта. Что естественно привело к заметному росту потерь среди них. К концу войны погибло 112 британских священнослужителей (59 англикан и 22 католика), при том, что до декабря 1915 их было не более четырех. Три капеллана были награждены крестом Виктории, многие получили более низкие награды, большинство — за оказание помощи раненым. С определёнными поправками подобная ситуация была и в армиях других воюющих стран.

Все это показывает, что участие военного духовенства было достаточно заметным, однако делает ли это о священном характере Первой Мировой войны? Следует признать, что этом конфликте капелланы выступали скорее как граждане своей страны, но не как люди, видевшие в военных действиях возможность развития влияния своей конфессии. Хотя в пропагандистских заявлениях попытки выставить своих врагов как врагов «истинного христианства» и «истинной гуманности» имели место, тем не менее они воспринимались с изрядной долей сомнения. Национальный, но не религиозный фундамент этого конфликта был слишком очевиден. Да и предшествующий период развития антиклерикальных и атеистических убеждений сыграл свою роль.

В той же британской армии выполнение капелланами своих непосредственных обязанностей не вызывало живой отклик у их подопечных. Если не принимать во внимание общие официальные фразы, самыми востребованными оказались их действия, которые сегодня связываются с психологическим консультированием и фельдшерской службой, а проведение

официальных богослужений (по крайней мере англиканами) встречало скорее безразличие. Так что сатирические упоминания о церкви и мессах в австро-венгерской армии у Ярослава Гашека были явлением интернациональным.

Теперь следует обратиться к опыту России и посмотреть, что в ее опыте соответствует общеевропейским тенденциям, а что является специфически национальным элементом. Как мы высказывались в своих работах [см. 3, 4.], на Руси отдельные элементы концепции священной войны стали появляться в первой половине XII века, возможно под влиянием идей крестоносного движения на Западе. Однако в полном объеме она была осознана лишь к 1480 году, когда архиепископ Ростовский Вассиан заявил о законном и оправданном начале военных действий, приведших к стоянию на Угре и окончательному освобождению Руси от татарского ига.

На протяжении всей истории России крупные войны почти всегда были связаны со становлением национального государства и велись, в основном против иноверцев. Поэтому не удивительно, что в конце концов произошло почти полное слияние национальных интересов нашей страны и задач православия как ее религиозной традиции. В позднее средневековье Церковь вполне понимала важность и поддерживала действия правителей Москвы в деле приобретения независимости от ханов Орды. Духовник Ивана Великого, архиепископ Вассиан подчеркивал, что православному правителю не пристало кланяться иноверцу и зависеть от него. Пусть и с оговорками, но религиозные деятели, в частности митрополиты московские, сочли необходимыми и многие не вполне нравственно безупречные действия великих князей по окончательному подчинению удельных княжеств.

Позднее, когда московские рати шли на юго-восток, захватывая земли Казанского и Астраханского ханств, деятели Церкви в лице митрополита Макария, соглашались с логикой государства о необходимости успокоения границ от набегов татар. Задачи сохранения жизни и свободы жителей оправдывали в их глазах и тяготы военного времени, и жестокость применения оружия.

Схожие соображения были и в XVII веке, когда Алексей Михайлович вполне осознанно принял на себя роль второго Константина и счел защиту православия как в самом Московском царстве, так и за его пределами перво-степенной задачей всей страны. Перед началом войны с Польшей, царь говорил, что «поход является ответом на «неправды» польских королей и их гонения на православную веру. В воззвании, адресованном православным жителям Польско-Литовского государства, царь подчеркивал, что его цель — защита от гонений «святой Восточной церкви греческого закона» и освобождение православных от власти иноверных правителей. Он призывал их взяться за оружие «противу сопостат Божиих». Поход должен быть стать своего рода «священной войной». [9, с. 9].

А. В. Малов вполне оправдано заявляет: «Алексей Михайлович придавал мессианское звучание до того более эсхатологической идее «Москва — Третий Рим». Как никто более из российских самодержцев до него или после, он соответствовал образу «нового царя Константина», коего почитал себя образцом правителя и своим прешественником в ответственности за судьбы всего православия... Подготовленности России к войне, мобилизационные возможности самодержавия... обеспечивали блистательный успех только что реформированной русской армии. Все это создало предпосылки для объединения под властью единственного православного царя, видевшего себя новым царем Константином Великим, наследия равноапостольного великого князя Владимира Святого — державы дома Рюрика» [5, с. 50, 58]. Отсюда и широкое использование крестов и икон на полковых знаменах.

Поэтому неудивительно, что именно в середине XVII века, когда русское государство созрело до создания полноценной идеологической системы, а процессы секуляризации общества еще не достигли определенного уровня, концепт «Москва — Третий Рим» приобретает свой максимальный размах. Отношение к российскому царству как единственной благословенной Богом державе, а к ее монархам, как к единственным законным государям правоверных стало не только уделом отдельных интеллектуалов, но стала определяющим в широких кругах общества. Неудивительно, что и участие в его войнах стало пониматься как священный долг как служилого сословия, так и тяглого населения, по крайней мере некоторой ее части [5, с. 240, 354–355].

Восприятие целей государства как религиозного долга граждан периодически выходило на первый план во времена серьезных испытаний, будь то эпоха Смуты или Отечественная война 1812 года. Даже секуляризация XVIII века не смогла пересилить эту тенденцию. Ее успех был лишь в снижении роли священства и переключения сакральности с Церкви в узком смысле как общности священнослужителей на императора.

Так что Россия вплоть до Революции, несмотря на ряд серьезных оговорок, двигалась в этом вопросе по общеевропейскому пути. С одной стороны, официальные тексты полны риторики, указывающие на провиденциальный и религиозно значимый характер Великой войны для русского народа. Им вторят и мысли консервативно настроенной интеллигенции, так хорошо известны и построения русских мыслителей об особой провиденциальной миссии России в мировой истории.

Протоиерей и будущий священномученик Иоанн Восторгов весьма патетично показывает это в своем восклицании: «Тысячу лет ты, Россия, была бедна... не ставила устройство царства земного, человеческого выше Царства Божиего. Но ты верила, что сие все само собою тебе приложится... и ты была и стала ловцом человеков и народов, и на тебя языцы уповали, и, верим, суд святых износил — тебе приговор хвалы!» [1].

В то же время известно, что после отмены обязательного участия военнослужащих в Евхаристии в 1917 году процент причастников на Пасху заметно снизился. Тем не менее, привычка к религиозной риторике осталась, равно как и представление о России как о единственной священной державе мира. Эта идея настолько въелась в национальное самосознание, что даже после крушения империи и установления государственного атеизма, она не исчезла, а продолжала появляться в годы особо больших опасностей. Не секрет, что в уже в годы Гражданской войны мотивы священного противостояния вдохновляли всех участников конфликта. Если «белые» прямо заявляли о религиозной правоте своего дела, используя классические образы, то «красные» причудливо сочетали атеистические установки марксизма и риторику привычных для народа сакральных образов.

В 20-е годы, в ходе развития антирелигиозной пропаганды в СССР использование сакральных образов светской идеологией заметно снизилось, однако в 30-е годы власти вновь вернулись к подобной практике, достигшей наибольшего расцвета в Великую Отечественную войну.

Во время Второй мировой войны риторика священной войны достигла своего апогея не только в СССР, но и в других странах. Нацистская Германия использовала идеологию арийского превосходства, чтобы легитимизировать свои действия. Для немецкой пропаганды война стала приобретать черты священного противостояния против европейского декаданса, американского стяжательства и большевистского безбожия. Учитывая идеологический характер этого конфликта, немцам было удобнее, чем в Первую Мировую оправдывать свои действия, ссылаясь на религиозную значимость войны.

В Вермахте официально служили до тысячи духовных лиц, протестантов и католиков. Как и их коллеги в других местах, они проповедовали, совершали таинства, утешали больных и раненых и хоронили мертвых. Однако сама идеология нацизма и враждебность в отношении христианства у таких вождей первой величины, как Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс, равно как многих прочих, делала капелланов Вермахта особенно уязвимыми.

Парадоксально, но эта уязвимость, возможно, даже повысила их эффективность как пособников немецкого вторжения в другие страны. С целью защитить самих себя от критики капелланы в Третьем Рейхе трудились над доказательством и подтверждением своей востребованности в войсках и способствовали поддержанию морали. И чем более успешно они это воплощали, что в особенно им это удавалось на Восточном фронте, тем более они способствовали легитимации войны на уничтожение, при том, что очень немногие были убежденными нацистами сами по себе.

Будущие капелланы получали одобрение от военных, церкви и офицеров гестапо. Все эти институты изо всех сил старались отсеять потенциально проблемные кандидатуры, хотя и вкладывали в это понятие разное. Так что, если для любого человека, имевшего в личном деле пометку об оппозиции

национал-социалистической политике, было невозможно получить назначение в капелланы, агрессивно пронацистские взгляды и даже резкий антисемитизм также могли быть причиной для отвержения кандидатуры. Желающие стать капелланами могли быть дисквалифицированы и за пораженчество. В 1940 г. один потенциальный полковой священник получил черную метку в отчете службы безопасности, и ему было четко отказано, так как однажды он сказал, что не верит в то, что Гитлер может выиграть войну [см. об этом 12].

Справедливо и обратное. Союзники по антигитлеровской коалиции всячески подчеркивали, что они ведут борьбу не против Германии как таковой, но именно против той идеологической системы, которая неприемлема с позиции современного гуманизма. В отношении Восточного Фронта ситуация была иной. Провозглашение тотальной войны и откровенно преступные действия против мирного населения сделали очевидным необходимость защиты всеми имеющимися способами. В глазах народа она превратилась в борьбу за свое физическое выживание.

Однако в самые первые месяцы войны еще были распространены мысли о том, что с немцами можно договориться. Многие советские граждане были убеждены предшествующим периодом пропаганды, что рядовые германские рабочие не хотят борьбы с их русскими коллегами. Поэтому надо лишь немного подтолкнуть немецкого солдата, чтобы он перестал подчиняться своему командованию и стал на сторону СССР. В этом ключе составлялись и листовки, которые разбрасывались над позициями Вермахта. Однако все это осталось бесполезным.

Поэтому подчеркивание священного характера войны стало необходимым для тех, кто еще питал подобные иллюзии. Если враг является носителем чистого зла, то его бесполезно уговаривать и вести к примирению. Его надо просто уничтожать, о чем и писали в газетах 42 и 43 годов:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял...
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей! [7, с. 38]

Сакрализация идеи защиты страны облегчалась тем, что для русской культуры была характерна принципиальная близость, практически до неразделимости светского и духовного начала. В Византии это единство ограничивалось мощным пластом высокого богословия, не допускавшего их отождествления.

Принцип «Кесарю — кесарево, а Божие — Богу» (см. Мф. 22:21, Лк. 20:25) не забывался обществом и был положен в основу права Юстиниана.

В России же такой сдерживающей силы долгое время не было, поэтому практически любая крупная угроза государству воспринималась как угроза Церкви и наоборот. Примечательно, что подобного разделения не произошло и после Революции 1917 года. ВКП(б) практически подменила собой Церковь, а ее идеология стала своеобразной «атеистической религией», поэтому неслучайно, что Великая Отечественная война практически сразу стала восприниматься именно как священная, поскольку речь шла об угрозе со стороны Третьего рейха не только как иного государства, но и носителя принципиально враждебной идеологии (также стремившейся занять место религии в Германии).

В некотором смысле коммунистическая идеология оказалась более предпочтительной для сознания, не разделяющего светское и духовное начало. Присущая христианству изначальная установка «царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36) мешала слиянию русского православия и государства. В советской же идеологии подобного препятствия не было, поэтому война, направленная на ее защиту от столь сильного врага как немецкий нацизм, несет в себе больше черт священной войны, чем любые другие войны, которые вела Россия.

Во время Холодной войны риторика священной войны вполне сохранилась, хотя в условиях невозможности прямого вооруженного столкновения ведущих стран друг с другом речь шла скорее о противостоянии, нежели о прямом столкновении и, в целом, использовались более мягкие выражения.

В первую очередь это касается конкуренция идеологий. Так Западные страны, особенно Соединенные Штаты, представляли себя как защитников свободы и демократии, в то время как Советский Союз изображался как угроза, стремящаяся к глобальному господству и подавлению индивидуальных прав. В свою очередь СССР считал социализм более справедливой формой устройства общества, а капитализм критиковался за бесчеловечное отношение имеющих власть и имущество к бедным слоям населения.

В этой связи объяснялась и международная политика, Запад объяснял свои действия как защиту свободу от тоталитарного режима коммунистов, а Советские лидеры использовали риторику борьбы за права трудящихся и против империализма, представляя себя как защитника угнетённых народов. Соответственно и оправдывались вмешательства в дела других стран: Кореи, Вьетнама или, например, Афганистана. Это создавало у населения ощущение, что они участвуют в глобальной борьбе за справедливость и свободу, воспринимаемыми как ценности абсолютной значимости.

Все это подводит нас к мысли, что концепт священной войны отнюдь не устарел, но активно использовался в современную эпоху даже формально светскими государствами. Причем это не является исторической случайностью или плохо забытым рудиментом предшествующих эпох. Если возникает угроза

провозглашаемым государством ценностям: национальным, гуманистическим (или признаваемым таковыми) или чисто идеологическим, политические лидеры постараются придать борьбе с ней характер священного противостояния.

С помощью этого они стремятся легитимизировать применение насилия, мобилизовать население и сделать труднодостижимыми любые компромиссы с врагом. Вероятность этого будет расти в случае объективной опасности этой угрозы, высокой роли элементов общественного сознания и наличия исторических прецедентов для конкретной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восторгов Иоанн, прот. Душа России // [Электронный ресурс] <http://www.consensuspatrum.ru/lib/> (Дата обращения 22.04.2025).
2. Голубинов Я. А. Провинциальное англиканское духовенство Британии в годы Первой мировой войны (по материалам т.н. «приходских журналов») // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина — СПб.: Издательство РХГА, 2015, с. 41–52.
3. Каптен Г. Ю. К вопросу о священном характере войн Новгородского и Псковского княжеств в XIII веке // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: сб. докл. СПб.: ГУАП, 2024, с. 13–17.
4. Каптен Г. Ю. Специфика сакрализации войны в древнерусской историографии // Бюллетень Центра этнорегиональных Исследований. С-Пб., 2016. № 4, с. 120–136.
5. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: «Древлехранилище», 2006.
6. Мишле Ж. Народ. М., 1965.
7. Симонов К. М. Стихи. М.: «Правда», 1946.
8. Соколов О. В. Армия Наполеона СПб.: «Империя», 1999.
9. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: «Индрик», 2010.
10. Bell S. Church of England // International Encyclopedia of the First World War (WW1) (<http://encyclopedia.1914-1918-online.net>) (Дата обращения 22.04.2025).
11. Savanaugh W. T. The Myth of Religious Violence. Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford University Press 2009.
12. Doris L. Bergen, «Totalitarianism: German Military Chaplains in World War II and the Dilemmas of Legitimacy.» Church History: Studies in Christianity and Culture 70, no. 2 (2001), pp. 232–247.
13. Snape M. Church of England Army Chaplains in the First World War: Goodbye to 'Goodbye to All That' // The Journal of Ecclesiastical History — 2011, T. 62, № 2, p.318–345.

Лысенко Елена Михайловна,
Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Балтийского государственного технического университета
«ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова»,
профессор кафедры социологии
Санкт-Петербургского государственного Технологического института
lem280662@mail.ru

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА: МЕЖДУ
ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ И АНАЛИТИКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
КНИГИ ЛЫСЕНКО Е.М., ТОРГАШИНА А.Ю.
«ЯЗЫК И РЕАЛЬНОСТЬ. ЧАСТЬ 1)**

В статье представлен оригинальный подход к предмету философии — задаче, осложненной множественностью школ. Мировоззрений и субъективных трактовок. В условиях неопределенности методология становится решающим условием определения предмета философии. Наша цель — выявить бесспорные утверждения, отрицание которых разрушает смысл представления или теории, которая их провозглашает. В отличие от Канта, мы ищем не априорные истины, а «дефолтные» (или «подножные») тезисы, формирующие базовый репер представлений о мире.

Ключевые слова: предмет философии, трансцендентальность языка, «дефолтные» тезисы, «остенсивная прецессия», квазиморфизм, методология философии, контекстная сложность, основания логики, пустые имена.

Lysenko E. M.

**THE TRANSCENDENCE OF LANGUAGE: BETWEEN PHENOMENOLOGY
AND ANALYTICS (BASED ON THE BOOK BY LYSENKO E.M., TORGASHINA
A.YU. «LANGUAGE AND REALITY. PART 1)**

The article presents an original approach to the subject of philosophy, a task complicated by the multiplicity of schools. Worldviews and subjective interpretations. In conditions of uncertainty, methodology becomes a crucial condition for determining the subject of philosophy. Our goal is to identify indisputable statements, the denial of which destroys the meaning of the idea or theory that proclaims them. Unlike Kant, we are not looking for a priori truths, but for «default» (or «false») theses that form the basic framework of ideas about the world.

Keywords: subject of philosophy, transcendence of language, «default» theses, «ostensive precession», quasi-morphism, methodology of philosophy, contextual complexity, foundations of logic, meaningless (empty) names.

В книге «Язык и реальность» очерчивается оригинальный предмет философии, и это «хирургическая операция на грани риска», потому что во многом этой задаче противостоит само видение современной философии из-за обилия школ, мировоззрений, мировосприятий, чтобы истина была именно такой, как хочется автору в силу необыкновенной размытости и даже невидимости

предмета, который нередко трактуют, ссылаясь на высказывание Пифагора о «любви к мудрости». Именно поэтому методология востребована в философии, как ни в одной науке, ибо она сама выступает как предельно обобщенная методология всех наук.

Наша цель выявить то, что не подлежит сомнению, в какой-то степени — это программа «Критики чистого разума», однако нам приходится подробно объяснять, что сам Кант постепенно уклонялся от этого требования. В отличие от него мы не ищем аналитического и априорного, а находим такие тезисы, утрата которых приводит к разрушению смысла мировоззрения, теории, системы или локального представления о чем-то. Безусловно, этими тезисами не исчерпывается все разнообразие мира, но они позволяют сделать первое базовое приближение к его пониманию, которое вообще возможно. Мы называем их «дефолтными», или по-русски «подножными» тезисами. Именно они определены как трансцендентальное. Все остальное может быть так или иначе любым.

Второй важный момент принципиальное избавление от философского предрассудка: «Описание обязывает объяснять описываемое», главное последствие которого — «философские системы» с их стремлением к анатомической полноте и тотальной оценке всего». Необходимо исключить опережающее конструирование и фантазии на тему, каким может быть мир. Синтетическая гипотеза имеет право на жизнь только в случае, если она следствие трансцендентально установленных положений. Система не должна навязывать свои свойства и заменять ими свойства мира» [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 46]. Истина должна проявиться сама, в какой-то степени так происходит в естественных науках. Мир не должен быть загроможден словами, извлекать свойства мира только из слов — заведомо бесперспективное занятие. В тексте мы приводим такой пример: «В кусочке карбида нет огня, в воде — тоже, вместе — огонь и взрыв». [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 191]. Любопытно, что слова, как скрывают истину, так и открывают его.

По указанным причинам философия должна быть больше похожа на раннюю физику, чем на математику. Это картина мира, возникающая из разрозненных положений, которые попали в один ракурс. Однако язык — это буквально единственный способ фиксации происходящего в мире, это положения вещей в максимально широком смысле. В пункте «Формализация» параграфа «Язык» мы строго доказываем очень простую теорему о том, что, во-первых, язык не имеет системных свойств, в том смысле, что он принимает свойства абсолютно любой системы. Во-вторых, мы даем новое определение контекстной сложности (она не совпадает ни с колмогоровской сложностью, ни с алгоритмической) и заключается в возможности выразить наиболее разнообразный смысл. Так вот, язык обладает максимальной контекстной сложностью. В процессе коммуникации он может произвольно

менять значения слов, вплоть до изменения «истинностного» значения предложений. Мы называем это «остенсивной прецессией».

Однако в любом тексте есть периоды, где значения установлены не менее строго, чем в логическом выводе. Мы называем эти периоды замыканиями, а условия истинности их предложений — контекстом. Наше понимание контекста практически совпадает с таковыми у Юрия Лотмана, но выражено другим способом. Примером замыкания может служить тот же текст в учебнике математики.

В отличие от Витгенштейна, в нашем понимании текст и язык очень сильно связан с материальным универсумом. В универсуме, с одной стороны, и в языке, с другой, есть участки практически изоморфно отображающиеся друг в друга. Например, если группе людей дать по очереди соотносить нумерованные гайки с нумерованными болтами и дать для обозначения ограниченный набор слов для обозначения тех гаек и болтов, которые соответствуют друг другу, и того, что с ними делать, — и списки слов для описания действий, и сами действия совпадут. Это эмпирически доказывает соответствие языка, и участку материального мира, и процессам, происходящим в нем, почти со стопроцентной вероятностью.

Почему же тогда такая простая и всем понятная интуиция не блокировала заявления о том, что язык не имеет никакого отношения к реальности и в плохом смысле живет своей жизнью. Потому что сравнению подлежал «весь язык целиком» со всем универсумом. Мы изменили подход и сравниваем релевантный фрагмент языковой практики с частью универсума, к которой он относится, и при таком сравнении их соотносимость друг с другом оказывается более, чем не случайной. И называем это отношение не изоморфизмом, а квазиморфизмом. Лучше всего объяснить на таком примере. Положим каким-то криминалистам приходится устанавливать связь двух семей, которые проживают в разных квартирах, возможно, в разных городах. При обыске ничего общего нет, но в обеих квартирах находят по одной фотографии с одной и той же группой людей и объяснить случайностью это невозможно. В этих квартирах может быть все разное — и дизайн, и качество отделки, и вещи, свидетельствующие о привычках обитателей, но фотографии заменяют все эти совпадения. Точно также, с одной стороны, коммуникация содержит модальности, фантазии, умствования, белиберду, с другой, реальность преимущественно невыразима. Ни о каком изоморфизме, как математическом отображении, речи быть не может. Но часть языковой практики функционально соответствует части реальности. Именно это постмодернисты не то, что игнорировали, а вряд ли понимали.

Поздний Витгенштейн использовал термин языковой игры. Однако эталонного и титульно серьезного использования языка не существует. Если языковая игра приносит практический или научный результат, — неважно игра она или нет. В конце концов, даже аксиоматика Евклида поддается

описанию как языковая игра. Более того, если бы не было метаигры, не возник бы сам концепт языковых игр, к ним нельзя было бы относиться как к «всего лишь играм», сравнивать друг с другом и «с чем-то серьезным», что «не игра».

Мы видим ситуацию по-другому — только весьма незначительное содержание универсума поддается выражению без привлечения языка. И язык настолько сложен, что в нем тонет любая самая сложная формальная система. Это следует из нашей теоремы о контекстной сложности. Таким образом, перефразируя Тертуллиана можно сказать, что человек от природы — логик и математик, а язык, — это природное исчисление, алгебраический фольклор, который возник раньше любого фольклора. Вероятнее всего, именно поэтому математика получила очень быстрое и естественное развитие. В этом месте с противоположного фланга мы обосновываем то же самое, что и Ноам Хомский в генеративной грамматике, только он сосредоточен на соответствии языка нейрофизиологии.

На самом деле люди постоянно занимаются поиском «дефолтных» тезисов, а язык представляет собой стихийное природное исчисление, отточенное тысячелетиями и приспособленное к избавлению от лишнего, и, в конце концов, к открытию практической истины.

Любопытно, что к сути этой идеи весьма близок Мартин Хайдеггер, — философ, трудно ассоциирующийся с математикой, и принципиально далек Людвиг Витгенштейн, которого воспринимают почти как математика. Хайдеггер крайне не любил искусственное и насильственное описание мира, называя это «захваченностью метафизикой», иными словами искал те слова, которые, действительно говорят о Бытии.

В нашей классификации наук, изложением которой пришлось пожертвовать ради изложения более важного, есть деление на хайдеггеровы и нехайдеггеровы науки. Хайдеггеровы науки — это те из них, которые имеют гуманитарное содержание, но не гуманитарный способ выражения. Например, в трудной проблеме сознания Дэвида Чалмерса, феномен сознания нельзя выразить с помощью описания нейрофизиологических процессов. Другой пример принадлежит самому Хайдеггеру — смерть всегда моя смерть, ее нельзя выразить только описанием прекращения метаболизма. Именно тот участок универсума, который не поддается никакой другой рецепции, кроме философской. И его нельзя увидеть методом инвентарной описи вещей и фактов. Даже описание физической реальности требует языка, без которого не может обойтись никакая формальная теория. В философии эта проблема ставит ее на грань декларированной в XX веке «смерти». Однако отсутствие номинальной связи порождает проблему словесной фальши, пустых слов и даже систем. «Философии строго противопоказано иметь в своем составе заведомо невразумительное, когда хватает просто невразумительного. Это роскошь, которую не может себе позволить даже наука с гораздо более эффективным «коллектором информационных стоков». Сохранение невразумительного в статусе

научного источника — безнравственно, оно обесценивает корректное, чаще всего добытое кровью и потом, и в конце концов, прививает смысловой нигилизм. Для гуманитарных наук это, как больному диабетом объедаться сахаром столовыми ложками. И вы еще удивляетесь, что философия зашла в тупик! Мы бы сказали, что это произошло по умышленной халатности» [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 48].

Ключевой методологический сдвиг — отказ от предрассудка, будто «описание обязывает объяснять», ведущего к догматическим системам, навязывающим реальности искусственные структуры. Истина должна проявляться естественно, как в науке. Философия, какая вообще возможна, ближе ранней физике — фрагментарной и жестко обоснованной, однако, в противовес позитивизму, без утраты метафизической проблематики».

«В основе философских систем заложена следующая идея: если мир начать сложно описывать, то обязательно договоришься до истины. Поэтому в философии наблюдался элемент доверия к системе как таковой с наивной верой в стихийную аксиоматику, в отвлеченные концепты, которые автоматически были обязаны быть содержательными и корректными. По аналогии с точными науками понятия воспринимались как самодостаточные в своем употреблении. В целом идея кантовской борьбы с метафизикой должна вызывать сочувствие до сердцебиения». [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 371–372]

Именно поэтому в основе нашей методологии — принятие только таких положений, отсутствие которых приводит к разрушению смысла. И интерпретация всего остального с опорой на них, как на раннем этапе естествознания. Это не «Седьмой день философии», но без этого она не состоится.

ЛИТЕРАТУРА

Лысенко Е. М., Торгашин А. Ю. — Язык и реальность — СПб, Реноме, 2025, 396 с.

Торгашин Алексей Юрьевич,
кандидат философских наук,
главный специалист отдела анализа данных
ООО «ПКР Аналитика»
at.pfa@yandex.ru

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА:
МЕЖДУ ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ И АНАЛИТИКОЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ ЛЫСЕНКО Е. М., ТОРГАШИНА А.Ю.
«ЯЗЫК И РЕАЛЬНОСТЬ. ЧАСТЬ 2)**

В статье представлен оригинальный подход к предмету философии — задаче, осложнённой множественностью школ, мировоззрений и субъективных трактовок. В условиях неопределённости методология становится решающим условием определения предмета философии. Наша цель — выявить бесспорные утверждения, отрицание которых разрушает смысл представления или теории, которая их провозглашает. В отличие от Канта, мы ищем не априорные истины, а «дефолтные» (или «подножные») тезисы, формирующие базовый репер представлений о мире.

Ключевые слова: предмет философии, трансцендентальность языка, «дефолтные» тезисы, «остенсивная прецессия», квазиморфизм, методология философии, контекстная сложность, основания логики, пустые имена.

Torgashin A. J.

**THE TRANSCENDENCE OF LANGUAGE:
BETWEEN PHENOMENOLOGY AND ANALYTICS (BASED
ON THE BOOK BY LYSENKO E.M., TORGASHINA A.YU.
«LANGUAGE AND REALITY. PART 2)**

The article presents an original approach to the subject of philosophy, a task complicated by the multiplicity of schools. Worldviews and subjective interpretations. In conditions of uncertainty, methodology becomes a crucial condition for determining the subject of philosophy. Our goal is to identify indisputable statements, the denial of which destroys the meaning of the idea or theory that proclaims them. Unlike Kant, we are not looking for a priori truths, but for «default» (or «false») theses that form the basic framework of ideas about the world.

Keywords: subject of philosophy, transcendence of language, «default» theses, «ostensive precession», quasi-morphism, methodology of philosophy, contextual complexity, foundations of logic, meaningless (empty) names.

В книге «Язык и реальность» очерчивается оригинальный предмет философии, и это «хирургическая операция на грани риска», потому что во многом этой задаче противостоит само видение современной философии из-за обилия школ, мировоззрений, мировосприятий, чтобы истина была именно такой, как хочется автору в силу необыкновенной размытости и даже невидимости предмета, который нередко трактуют, ссылаясь на высказывание Пифагора

о «любви к мудрости». Именно поэтому методология востребована в философии, как ни в одной науке, ибо она сама выступает как предельно обобщенная методология всех наук.

В дополнение к докладу Елены Михайловны, необходимо дать конкретные примеры трансцендентальных тезисов. Напоминаю, что они у нас определены как такие положения, без которых разрушается смысл мировоззрения, системы, теории, для которой они, собственно, трансцендентальны. Обратим внимание, что у нас трансцендентальность относительна и представляет собой техническое понятие, она не обязательно относится к чему-то «запредельному». Например, удаление одной из сторон треугольника приводит к разрушению его смысла. Почему трансцендентальное, а, скажем, не априорное или аналитическое? Потому что оно намного шире по объему и не привязано к формальным требованиям. Однако, применимо, и не менее эффективно. Ни один из приведенных ниже примеров не аналитичен и не априорен.

Первым примером трансцендентального служит логика. Почему тождественно истинное высказывание — всегда истинно? Это тема первого тома «Логических исследований» Эдмунда Гуссерля.

Возьмем, например, формулу «Если A и B , то A » или при восприятии на слух лучше «Если A и B , то точно A ». Наиболее примитивную и не вызывающую сомнения. Почему она всегда выполняется?

«В условиях эмпирической редакции логики мы не должны ей верить, если «практически» были «получены» какие-то иные, противоречащие ей данные. Эмпиристы скажут, что так и должно быть, необходимо «как следует разобраться» и с тем, и с другим, «ибо сухая формула не способна вместить в себя все разнообразие жизни», что «мир — не черно-белый», и нельзя точно сказать, что A — это A , а B — это целиком и полностью B .

Однако все эти наблюдения не отменяют того, что атомы A и B иногда бывают такими. И «богатый жизненный опыт» никак не относится к правоте формулы или неправоте. Спор вообще не касается ситуаций, когда не установлено действительно ли A — это A . Речь идет исключительно о ситуациях, когда, и мы ни в коей мере не покушаемся на «разнообразие мира», а лишь предпринимаем попытку его обогатить одной несложной закономерностью.

Нечто, которое «похоже на A , но не A », — никуда не денется, просто не будет попадать в формулу и «постоит в сторонке». У критиков логики наблюдается странное желание затолкать его туда, словно за пределами формализма не найдется свободного места с отоплением и удобствами. Затолкать, чтобы сию же минуту начать протесты на тему «Логика не учитывает всех особенностей того, о чем она говорит». Эти протесты легко удовлетворить «Не пользуйся логикой там, где она некомпетентна». А она бывает некомпетентна, как любая методика». [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 35–36]

Иными словами, всеобщая выполнимость этого или любого другого тождественно истинного положения возникает из-за того, что, если атом

(А или В в нашем случае) не тождествен себе, он не относится к области применения формулы. Это прагматика, которая работает не менее строго, чем синтаксис. Чем-то это напоминает фабулу доказательства вида «гауссовой горки» нормального распределения вероятностей случайной величины: «часто встречающееся бывает часто встречающимся, потому что часто встречается». Отбракованное кем-то А и отбракованное кем-то В в формуле «Если А и В, то А» не используется и не составляет проблемы.

У нас есть более общий методологический принцип — принцип доступности исследования. «У него исключительно примитивная формулировка: с помощью метода можно обработать ровно те данные, которые можно обработать с помощью этого метода». [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 38]

Когда Деррида бесконечно описывает «невозможность репрезентации», он просто перечисляет примеры испорченных сессий, их число никак не характеризует задачу репрезентации. С таких уже успехом можно опровергать арифметику демонстрацией черновики с арифметическими ошибками.

Второе трансцендентальное положение — особый характер естественного языка в качестве исчисления. Во-первых, в языке заменимо и переинтерпретируемо любое слово, даже если это изменяет истинностное значение предложения, в которое входит это слово. Из-за чего язык не имеет системных свойств, точнее это и есть его системное свойство. Кратко расскажем фабулу доказательства: нами формируется множество упорядоченных троек, на первом месте в которых синтаксическая конструкция, в частности, предложение, на втором — константа, в частности, слово или словосочетание, на третьем — истинностное значение. При этом остальные термы принимаются, как уже интерпретированные. Возникает вопрос о мощности такого множества, из-за его конечности она совпадает с натуральным числом троек. Из-за абсолютной «пластичности» интерпретации язык характеризуется максимально возможной мощностью такого множества. Например, теория первого порядка с привязкой к предметам материального мира, этим свойством не обладает, поэтому мы можем изучать нетривиальные системные свойства такой теории, чего нельзя сделать в случае языка.

Проще говоря, язык сложнее чего бы то ни было, что можно вообще представить. Нейронная сеть трансформер, специализирующаяся на генерации текстов, GPT-4 содержит 1.8 триллиона параметров, которые аналогичны нейронам мозга. Это оценка другого трансформера deepseek.

Любая другая сложность будь то математика или эмпирическая данность тут же входит в состав языка, потому что без него невыразима. Математика, физика, любая теория — это пристройка к языку.

Третье трансцендентальное положение касается позитивистской критики «бессмысленного». Мы даем окончательное решение этой проблемы.

Рассмотрим пропозицию «Пегас — летающая лошадь». Если оно не имеет смысла, тогда до 1492 года «не имели смысла» и предложения о сунсах

что «круглый квадрат» не имеет смысла, и, с другой стороны, выгораживает для него какой-то, очевидно, «смутный» смысл. В случае бессмысленных имен так происходит всегда.

Бессмысленное аутентично и *ad hoc*, то есть «по месту» интерпретируемо.

«Пегас — это летающая лошадь» — ложное осмысленное предложение, потому что предложение «Лошади не летают» тоже осмысленно». [Лысенко, Торгашин, 2025, с. 340–341]

В целом наш подход требует научных результатов прежде всего от нас. Постмодернисты и аналитики очень много предъявляли требований к философии других школ, но выдержат ли они сами этот критерий? Не окажется ли он страшнее «смерти философии»?

ЛИТЕРАТУРА

Лысенко Е. М., Торгашин А. Ю. — Язык и реальность — СПб, Реноме, 2025, 396 с.

Сурков Александр Георгиевич,
Магистр философии, Аспирант
Русской христианской гуманитарной академии
asurkov@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ И ПИСЬМО ПОСТМОДЕРНА

В данной статье раскрывается подход к внедрению классической концепции информации в контекст современного постмодерна. Такая деятельность актуальна вследствие обособленности осмысления бытия феномена информации от общего процесса становления современной философии (постмодерна). Для того, чтобы их сближение было возможно, необходимо наличие в концепции информации свойств, соответствующих специфике хотя бы одной из школ постмодерна. В качестве такой школы выбрано философское направление Ж. Деррида. В нем основными принципами являются деконструкция, различие (*différance*) и первичность письма (грамматология), в реализации которых (равно как и в концепции информации) заметную роль играет субъект. Поэтому мы начинаем наше исследование с анализа становления субъекта в постмодерне. Далее мы подвергаем деконструкции концепцию информации, и находим, что в ней (за исключением множества интерпретаций) не произошло существенных изменений. А информационный объект деконструкции не выдержал. Его заменили, с одной стороны, различие (как форма / метод) и след (как содержание). А с другой стороны, его функции принял на себя субъект. Информационный процесс стал метафорой чтения письма. В заключении показано, что информационная методология (в рамках грамматологии) оказывается полезной, как минимум, для повышения эффективности различия следа. Но есть сомнения в адекватности методологии в-себе-речи субъекта.

Ключевые слова: информационный процесс чтения письма, деконструкция информации, метафора человек-компьютер, информационный субъект постмодерна.

Surkov A. G.

INFORMATION AND POSTMODERN LETTER

The article presents an approach to imbed classical information concept into current postmodern context. This work is actual in spite of some distance existing between thinking of information phenomenon being and general line (postmodern) of philosophy evolving. To make them closer it is needed the existence within information concept some properties corresponding at least a single postmodern philosophic trend. We chose J. Derrida's way of philosophic thinking as such trend. One finds its base principles as deconstruction, *différance* and prime role of messaging developed into the grammatology science, where (and in the concept of information as well) significant part belongs to a subject. So we start our investigation with an analysis of a postmodern subject's emergence. At the next step we perform deconstruct over the information concept and find that no major changes happened (excluding variety of interpretations). The information object doesn't survive the deconstruction. It is replaced from one hand with

Keywords: information process of message reading, deconstruction of information, men-computer metaphor, postmodern information subject.

Субъект постмодерна. Специфика субъекта постмодерна в том, что он, как справедливо замечает А. Фоменко, перестает быть априорной «аксиоматической категорией» [9, с. 9] и становится самостоятельным предметом исследования. Исходя из этого, в постмодерне субъект именно строится (с нуля), тогда как в рамках классического подхода субъект «достраивается» на основе имеющегося (аксиоматического) субъекта. Поэтому возможности построения субъекта в постмодерне выше, так как они не связаны с необходимостью сохранения сущностных качеств априори данного аксиоматического субъекта. Последнее означает, что в постмодерне мы имеем этот единичный индивидуально созданный субъект в рамках некоторого процесса. Но и бытие такого субъекта существует лишь в рамках некоторого контекста. Он получается как «нечто сотворенное» или как ... «деталь процесса» и т.д. Тогда как в классике субъект — «аватар» субъекта вообще.

Когда же нечто можно считать субъектом и в классике, и в постмодерне? Пока это нечто имеет в себе исключительно бытийную положенность, оно — обычная вещь. Но когда совокупность идеи и бытия синтезирует смысл, соотносенный с бытием, мы говорим о субъектности. Носителя субъектности в ее становлении мы называем субъектом.

Считается, что в постмодерне «реальное (бытие, истина) полностью утрачено» [1, с. 30]. Иными словами, нарушена корреспонденция представления реального, в которой появляются сущности (симулякры), которым ничего не соответствует в реальной жизни («фейковые» новости, несуществующие события и т.д.). Поэтому субъект в своем — становлении должен сделать негативный и позитивный шаг. Негативный — это деконструкция симулякров, заменивших утраченное Реальное. Симулякры как определенность способствуют созданию неадекватной информации, утратившей какое-либо отношение с реальностью, и потому должны быть разрушены. Позитивный — принятие мира для-себя как он есть, в рамках своих способностей, желаний и новой явленности и определенности, позволяющей создавать адекватную информацию. Явленность нового традиционализма ещё постмодернистская, фрагментарно-ризоматическая. Она еще только начинает «конденсироваться» отдельными фрагментами вокруг «обретенных» частей Реального. Поэтому субъект — это то, что все время создается, всегда новое, становящееся. Но мы наблюдаем только явленность результатов его деятельности.

В процессе, содержащем контекст и формализм интерпретации (осмысления) явленных фрагментов Реального, не может не происходить создание информации интерпретирующим субъектом в виде информационного процесса как соотношение интерпретированного смысла и явленных фрагментов. Наличие такой способности «связывания ... информации и Бытия» в рамках своего восприятия мира и соответствующей воспринятому смыслу

деятельности позволяет назвать такого субъекта информационным субъектом [8, с. 68].

Основой становления субъекта считается обретение знания, имеющее социальный характер (информация «хранится» и «передается» от субъекта к социуму и наоборот). Здесь можно использовать «микросоциологический подход», в котором определяются традиции становления (познающего) субъекта в определенной социальной группе. Поэтому можно сказать, что знание — «результат особенной деятельности» [6, с. 22], например, научной. При этом «не только наука, но и другие типы познания способны предоставлять свои внутренние формы социальности для внешнего использования» [6, с. 32] становящимися субъектами.

Деконструкция информационного концепта. Все перечисленное обуславливает необходимость всестороннего обоснования наличия в производимых действиях достоверной связи с Реальностью, потому что мы уже отмечали её потерю в общем случае. Для «отбрасывания» симулякров и иных «образований», не связанных с Реальностью, используется Деконструкция. В ее рамках, изнутри, «она структурно ... заимствует у прежней структуры все стратегические средства ниспровержения» [5, с. 141] лишнего. Иными словами, предмет Деконструкции различается с выявлением (очерчиванием) его структуры, которая позволяет определить очертание границ, произвести элиминации оппозиций и т.д.

Проанализируем специфику деконструкции информации сообразно тому, как это сделал сам Ж. Деррида с методологией Фрейда [4, с. 254–290]. Задачей будет распознать в тексте ориентиры и элементы, которые «лишь с трудом удерживаются в логосном закрытии».

Вспомним, что у нас «природоу информации составляет различие как такое, восприятие актуализаций которого опосредовано сопутствующей понятийной формой» [7, с. 59]. В антропологическом контексте понятийная форма используется для раскрытия смысла, формально связанного с имеющейся определенностью различий. Следовательно, в основе структуры информации лежат: различие, некоторый семантический и/или семиотический формализм, контекст и нечто, связывающее все вышеперечисленное. Это нечто по своей функциональности должно иметь способность восприятия (внешнего мира и связанных с ним элементов) и быть способно проявлять определенную деятельную активность как в-мире, так и в со-бытии с элементом.

Это нечто образует центр информационной структуры: оно воспринимает различия (читает текст), фиксирует (идентифицирует след), соотносит их с когнитивными формами и синтезирует результат (проводит различие прочитанного). Это нечто, фактически, есть то, что лежит в основании каждого действия, описанного выше. А «то, что лежит в основании» принято называть субъектом. Таким образом, субъект необходимо участвует в создании

информации. Этому выводу соответствует тезис постмодерна, что смысл создается в момент прочтения, он уникален и зависит от читающего.

Бинарные оппозиции суть феномены познающего рассудка. В поздней классической европейской философии их снимала диалектика. В тексте нашего определения информации бинарных оппозиций не выявлено.

Если рассматривать становление информации как информационный процесс, связанный с вычитыванием нового текста, то у нас возникают бинарные противоречия способности работы с информацией (это / то содержание различий, есть / нет смыслопорождающей формы и т.п.). Они могут быть разрешены прочтением текста, относящегося (по смыслу и / или позиционирования субъекта к последней известной позиции во времени предмета наблюдения).

Мы в соответствии с «best practice» деконструкции можем удалить центр структуры (связь с субъектом). Тогда мы теряем возможность доступа к целому (информации), но сохраняем возможность доступа к ее частям. Но части эти сами по себе не представляют особого значения: различие воспринимается всегда в рамках какой-либо формы и в рамках какого-либо контекста. Без них различие не имеет смысла. Форма без контекста будет обеспечивать создание абстрактных (не существующих в реальности) смыслов, так как означающие находятся именно в контексте. Контекст сам, без семантической формы и содержания, ничего не создаст. В результате мы видим, что отсутствие любого элемента информационной структуры приводит к тому, что полученная на основе редуцированной структуры сущность информацией не является. Таким образом получается, что деконструкция определения информации приводит нас к ее исходному концепту.

Информация и метафора. Одной из основных задач своей философии Ж. Деррида видел в уходе от логоцентричности, где под логоцентричностью понимается контекст «западной метафизики», ее умопостигаемость. Но, используя как средство коммуникации текст, мы не можем избежать роли слова как «объективной истины». А «объективная истина слова» входит в логоцентризм, от которого Ж. Деррида хочет уйти.

Выходом из этого «замкнутого круга» предлагается использование метафор, которые имеют свой метод передачи смысла, отличный от логоса. Для этого мы должны обосновать применимость таких метафор. Сначала мы должны найти, что в информации есть такого, чтобы она могла быть представлена как текст, так как текст считается первичной данностью. Затем, нужно обосновать смысловую тождественность информации и соответствующего ей текста. И, наконец, нужно определить, каким должно быть соотношение между информацией, письмом и разнесением, чтобы появилась возможность метафорических переходов (от информационной машины письма к информации и наоборот) в междисциплинарном дискурсе.

В научном дискурсе широко используются метафоры «человек-машина» и «человек-компьютер». Конструирование метафоры «человека-машины» можно отнести, как минимум, к Декарту, который описывает тело человека как аналог часового механизма. Финальное (на момент написания статьи) развитие этой метафоры мы видим у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, что «больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины» [3, с. 14], обеспечивая желания человека («желающей машины машин»).

Метафора «человек-компьютер» появилась в когнитивной психологии как неуклонное, буквальное следование действий субъекта заданной программе. Поскольку компьютер — это машина, то данная метафора — уточнение предыдущей. Она отражает рациональность человека, выводимость и последовательность его суждений и действий. В качестве суждения здесь может быть истолкована воспринятая информация.

Метафора «человек-компьютер» также полагает обмен информацией. Обмен использует некоторую априорную тождественность контекста и смыслополагающих форм у взаимодействующих «компьютеров». Указанная тождественность и принцип «выводимости» метафоры делают возможным передачу информации и содержащегося в ней смысла на основе определенности различий (трактуемых как знаки) используемого материального субстрата.

Определённость субстрата — это след. Совокупность следов, образующая смысловое целое, это письмо. Сложные случаи, связанные с идентификацией следа(-ов) в Бытии мира — предмет науки data mining. Идентификация и интерпретация (осмысление) выявленных в письме знаков (текста) — это, фактически, чтение письма, «адресованное компьютеру», метафора которого должна без искажения передать смысл. Здесь мы вступаем в кажущееся противоречие с полисемантическим подходом постмодерна, в котором смысл создается при прочтении письма и полученный результат зависит от читателя. Противоречие разрешается тем, что метафора опирается на контекст создания смысла. Человек-компьютер имеет детерминированный контекст, который не является единственно возможным для человека. Да, человек в рамках «компьютерного» контекста воссоздает смысл письма, но он вправе затем сменить контекст и создавать собственные смыслы.

Здесь мы находим обоснование применимости вышеуказанных метафор. Они применяются тогда, когда требуется максимальная точность передачи смысла (например, используются контекст логического мышления и этапы «становления» мыслимого содержимого). В рамках этой метафоры («человек-компьютер») предъясняется «программа», которая должна быть «выполнена» на человеке, функционирующем как компьютер (отсюда происходит название этой метафоры). Находящегося в контексте этой метафоры человека мы называем «человеком информационным» [8, с. 68].

Информация и след. Ж. Деррида считает, что «смысл должен дожидаться, пока его выскажут или запишут, чтобы в себе поселиться и стать тем, чем в отличие от себя он является: смыслом» [4, с. 14–15]. Постижением смысла письма занимается субъект письма. Функционально, «субъект письма есть система отношений между слоями — волшебного блокнота, психического, общества, мира» [4, с. 288]. Выше мы определяли информационного субъекта как нечто, связывающее определенность явленного, формы его осмысления в некотором контексте. Связи и система отношений здесь синонимичны. Общество и мир — это контекст, а психическое соответствует форме осмысления. Волшебный блокнот — это «внешняя память» как субстрат хранения определенных знаков, которые могут быть использованы для воссоздания определенной информации. Получается, что наш информационный субъект [8, с. 68] пригоден для роли грамматологического субъекта письма.

Письмо имеет в своей основе след. Но след не существует в обыденном смысле, он не сущее, а посредник, «условие наличия сущего и раскрытия феномена» [5, с. 192]. След — запечатленное бытие: след и идеален, и реален. То же самое мы можем сказать и об информации. Информация, как она определена выше, и идеальна, и имеет реальный субстрат, без которого она немыслима. Она также условие наличия сущего, о-чем она есть как аспект его раскрытия. Но мы не можем их непосредственно отождествить. След необходимо различать: он скрыт в ткани бытия. Определенность различий, используемая при создании информации уже идентифицирована и представлена. Информация использует априори заданный набор форм и контекст для своего осмысления. Различающий субъект письма свободен от этих ограничений.

Диахронически, составленные в определенном формальном порядке определённости бытия в своей запечатленности формируют след. И обратно, «все эти различия в производстве следа могут быть перетолкованы как моменты различания» [4, с. 258]. Различание следа — «обратная» процедура: по «проложенному» следу, используя известную форму его построения, мы «находим» (различаем) некоторую определенность бытия, которой придаем смысл по имеющемуся формализму и контексту с созданием информации.

Информационный процесс и письмо. Письму предшествует протоили археписьмо. Археписьмо делает возможным чтение письма. Его наличие обусловлено тем, что «традиционные» методы восприятия не адекватно «работают» с письмом. «Модерн не замечает отличия и идентифицирует след с предметом и понятием, репрессирова чистый знак. Ни эмпиризм, сосредоточенный на культе предметности, ни трансцендентализм, сосредоточенный на культе мысли, не способны уловить само Письмо: первый обращает внимание на релевантность истины опыту, ища ее в предмете, второй ищет истину в сознании, но истина заключена в Письме» [2, с. 14]. Заметим, что способностью к работе с письмом владеет только человек, в связи с чем

Е. Бильченко полагает, что «археписьмо заложено в человеке в качестве структуры его ментального кода» [2, с. 15–16].

Методологией здесь служит различание. Различание можно уподобить формотворчеству, отсекающим лишнее и упорядочивающее оставшееся. Его также можно понимать как восполнение, которое отвечает на вопрос как (создается форма). Восполнение «находит недостаток формы», который следует заполнить, и определяет как это следует сделать с привлечением доступных необходимых ресурсов.

Одним из ресурсов является время. «Время письма, это структура как раз того, что мы в данный момент описываем» [4, с. 284]. Временность мы понимаем как разнесение не только через прерывистость в системе знаков, но и как письмо, восстанавливающее контакт разнуровневых глубин психологических пластов» [4, с. 287]. «Различия сами порождают элементы, выявляя их как таковые и слагая из них тексты, цепочки, системы следов» [5, с. 191].

Таким образом мы видим письмо как определенное сочетание знаков, составляющих «физическую явленность» письма. Создание письма представляет собой непрерывный процесс отсроченного «освоения себя», т.е. вслушивания-в-свою-речь, произносимую собой, с одной стороны, и ее создания, с другой.

Вышеуказанное «освоение себя» видится как информационный процесс, совмещающий информационного субъекта и объекта в единое целое в пространстве и «разнесенных» во времени (говорящий находится в прошлом слушающего). Данный монолог по своей сущности есть реструктуризация прочитанной и воспринятой информации в соответствии с наличными смыслообразующими формами и созданием референсных связей создаваемой структуры информации к информационной структуре субъекта. В результате информация приобретает субъективный оттенок: информацией субъект будет считать не то, что ему пытались передать, а то, как он ее воспринял.

Письмо содержит завершенное становление смысла. В этом оно соотносится с информационным процессом, который фактически есть становление информации, что есть по сущности становление смысла. В какой-то степени, это подобие может служить основой метафоры, описывающей информационный процесс как чтение некоторого письма. Мы уже описывали метафору «человек-компьютер» выше, и оттолкнемся от нее для определения метафоры «информационного процесса», которая является ее диахронным аспектом. Информационный процесс показывает, как становится информация по мере обработки входных данных. Или, что тоже самое, что и как попадает в-свою-речь говорящего субъекта. Вторая часть — слушающий субъект — к данной метафоре уже не относится.

Временность, как прерывистость в системе знаков, означает паузу для коррекции структурных элементов информационного процесса (смена формы и/или контекста). Она соответствует контакту (синхронизации)

вышеупомянутых выше «разноуровневых глубин психологических пластов». Иными словами, разрыв потока входящих знаков понимается как нехватка, требующая восполнения содержания. А восполненное содержание требует соответствующей ему корректировки форм (как следствие вышеупомянутого контакта). Таким образом контекст и форма оказываются адаптированными под новые условия. И, в результате, информационный процесс оказывается подходящей метафорой для чтения письма.

Выводы и замечания. Человек остался в качестве субъекта постмодерна. Письмо производит смысл в процессе чтения в качестве своего следствия. Смысл является человеку как понимание, или «пере-живание», которое означает «повторную жизнь» читателя в контексте, создаваемым письмом [4, с. 205]. Осмысленная определенность контекста и отдельных моментов этого пере-живания, а также письма в целом, составляет его «информационную тень», или очередной след.

Для слушающего субъекта его говорящее alter ego воспринимается как Другой, что искажает исходный смысл письма и усиливает роль читающего субъекта в создании смыслов. Здесь, к смыслу своей-речи, отражающей воспринятую субъектом информацию, добавляются моменты, связанные с памятью и рефлексиями субъекта. Фактически, мы получаем себя в качестве посредника во взаимодействии с Реальностью, необходимость которого обусловлена только предложенным методом актуализации прошедшего. Если мы говорим о «возвращении к Реальности», то этот путь выглядит странным: мы убираем лишнее деконструкцией, с одной стороны, и создаем дополнительные звенья в отношении с Реальностью, с другой стороны. При повторении этот метод в итоге создает Я как ее симулякр. Да, мы получаем новые смыслы, но они фактически являются фантазмами и потому ни на что не годны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бильченко Е. В. Антропологический идеал будущего: знаковые и нравственные черты радикального субъекта метамодерна // XXVII Всероссийская научно-практическая конференция «Бог. Человек. Мир». Сборник докладов. — СПб.: РХГА, 2025. — с. 24–40.
2. Бильченко Е. В. Категории «модерн» и «постмодерн» в современной философской мысли: перекомбинация и деструкция оппозиции // *Личность. Культура. Общество*. — 2024. Том 26, № 3–4, с. 7–18
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Краlechкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2008. — 672 с.
4. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. А. Гараджи и др. / Под ред. В. Лапцкого. — СПб.: Академический проект, 2000. — 432 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. Статья Н. Автономовой. — М.: «Ad Marginem», 2000. — 512с.
6. Касавин И. Т. Понятие знания в социальной гносеологии / *Познание*

в социальном контексте. — М.: ИФРАН, 1994. С. 6–37

7. Сурков А. Г. О природе информации и информационных процессов // Вестник РХГА. — 2023. том 24, вып. 1. — СПб.: РХГА, 2023. — с. 57–65.
8. Сурков А. Г., Лебедев С. П. Об информационном субъекте // Вестник РХГА. — 2024. том 25, вып. 1. — СПб.: РХГА, 2024. — с. 63–73.
9. Фоменко А. П. Проблема субъекта в философии постмодернизма // Ценности и смыслы. 2016 № 2(42), с. 8–18

Чистяков Николай Владимирович,
студент

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского
ssdecontrol@list.ru

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН БАПТИСТОВ НЕЗАВИСИМОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В 1960–1970-Х ГГ.

В данной работе рассматривается история Совета церквей евангельских христиан-баптистов в 1960–1970 гг. в перспективе развития его позиции по вопросу независимости церкви и отделения от государства. Описаны основные хронологические этапы развития взаимоотношений СЦЕХБ и ВСЕХБ: от возникновения Инициативной группы по созыву съезда до становления Совета церквей самостоятельной религиозной организацией. А также этапы изменения позиции СЦЕХБ по вопросу государственной регистрации: от попыток добиться регистрации общин до полного отказа от легализации. Автор стремится продемонстрировать те причины и обстоятельства, при которых СЦЕХБ стал независимой религиозной организацией как от официального союза ВСЕХБ, так и от государственной власти.

Ключевые слова: баптизм в СССР, Совет церквей евангельских христиан-баптистов, СЦЕХБ, инициативная группа, оргкомитет.

CHISTYAKOV N. V.

THE FACTORS OF THE FORMATION OF THE COUNCIL OF CHURCHES OF EVANGELICAL CHRISTIANS BAPTISTS AS AN INDEPENDENT RELIGIOUS ORGANIZATION IN THE 1960S AND 1970S.

This paper is about the history of Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists in 1960–1970's in perspective of the development of its position on the independence of the Church and the separation from influence of soviet government. The main chronological stages of the development of the relationship between the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists and the Union of the Evangelical Christians-Baptists are described: from the foundation of the initiative group to convene the congress to the formation of the Council of Churches as an independent religious organization. As well shows the stages of changing the position of the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists in relation of state registration of religious organization: from attempts to achieve the registration of own communities to a complete refusal of legalization. The author seeks to demonstrate the reasons and circumstances in which the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists became an independent religious organization both from the official union of Baptists and from state control.

Keywords: soviet Baptism, Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists, Unregistered Baptists.

Религиозная организация Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ) сформировалась в период 1960-х г. из отделившейся части общин официального объединения Всесоюзного совета евангельских христиан баптистов (ВСЕХБ) по причине назревших духовных и управленческих

противоречий. Это разделение можно отсчитывать с 1961 г., когда в разгар хрущевской антирелигиозной кампании была основана Инициативная группа по созыву всесоюзного съезда ЕХБ. Однако события 1961 г. нельзя рассматривать как преднамеренный раскол в сообществе ЕХБ. Первоначальной мотивацией деятельности Инициативной группы было предложить альтернативный способ организации отношений общин ЕХБ и государства, который будет соответствовать закону Конституции СССР о свободе совести и установлениям Декрета 1918 г. «Об отделении церкви от государства». Это было стремлением к последовательной реализации основных евангельско-баптистских принципов, а именно: независимости местной церкви и отделения церкви от государства. Существующий религиозный центр ВСЕХБ не мог осуществить эти принципы по ряду причин. В первую очередь потому, что ВСЕХБ это было объединение, выполнявшее партийно-государственные нужды. Главным образом, это учёт и контроль религиозных общин евангельских христиан-баптистов и других протестантских деноминаций. Также Совет делам религий и культов предполагал использовать ВСЕХБ как средство для реализации антирелигиозной политики [1, с. 429]. Показательным примером этого служат два документа, принятые в декабре 1959 г. на пленуме ВСЕХБ: «Положение о Союзе ЕХБ в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам», которые ставили ограничение на проповедь Евангелия, приём новых членов и ограничивали деятельность поместных общин только совершением богослужений для членов общины. Также эти документы официально утверждали отстранение ВСЕХБ как религиозного центра от общин, не имеющих государственной регистрации [10] [12, с.322–327].

Члены Инициативной группы полагали, что изменение в характере деятельности религиозного центра и во взаимодействии государства с общинами, даст возможность преодолеть возникшие ограничения религиозной жизни, которые устанавливали Инструктивное Письмо и Положение. Первым шагом в эту сторону было послание Инициативной группы о созыве Всесоюзного Чрезвычайного съезда церкви ЕХБ от 13 августа 1961 г. В нем была высказана критика в адрес ВСЕХБ по поводу его полномочий единолично решать все церковные вопросы и подавлять самостоятельность поместных церквей. В частности, это касается принятия и принудительного утверждения Инструктивного письма и Положения. Данное послание также негативно оценивало индифферентное отношение ВСЕХБ к незарегистрированным общинам, которые по причине политики государства не могли получить регистрацию и вынуждены были находиться на нелегальном положении. Также в данном послании говорилось о необходимости пересмотреть вопрос о легитимности руководства ВСЕХБ, которое не было избрано церковным консенсусом [12, с. 347]. Из вышесказанного можно отметить, что первая акция инициативников не была направлена к призыву на формирование альтернативного центра руководства общинами ЕХБ. В данном случае видна потребность в реформировании существующего

органа управления церковью в рамках Конституции СССР и Декрета 1918 г. Также в 1961 г. Инициативная группа также предлагала руководству ВСЕХБ вместе ходатайствовать за проведение съезда [12, с. 350]. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что члены Инициативной группы стремились сохранить консолидированные отношения с ВСЕХБ и не ставили себе целью выработку тактики отделения. Однако ВСЕХБ не поддержал инициативу проведения съезда.

В феврале 1962 г. состоялось расширенное совещание Инициативной группы, на котором она была преобразована в Оргкомитет по подготовке Чрезвычайного Всесоюзного Съезда в СССР. Характерным отличием Оргкомитета было то, что он принял на себя руководство общинами, не имеющими регистрации. С этого момента можно считать, что в стране появился альтернативный центр влияния среди евангельских христиан-баптистов. Хотя нужно отметить, что Оргкомитет не задумывался его создателями как оппозиционная организация. Изначально Оргкомитет своей целью, как и до этого, ставил организацию Чрезвычайного съезда законными средствами. Призывал руководство ВСЕХБ присоединиться к их делу и предоставить им материальные и технические средства для осуществления своей деятельности [12, с. 328]. На это ВСЕХБ ответило открытым письмом, в котором деятельность Оргкомитета была раскритикована [13, с. 188]. В ответ на это, 23 июня 1962 г. Оргкомитет утвердил «Протокол № 7». Этим документом был отлучён от церкви весь состав ВСЕХБ, а также Оргкомитет объявлялся руководящим органом незарегистрированных общин вплоть до съезда [12, с. 331]. На этом этапе мы уже можем наблюдать первые шаги будущего СЦЕХБ к становлению самостоятельной религиозной организацией. Во-первых, это утверждение себя как органа, ответственного за деятельность незарегистрированных общин. Во-вторых, через отлучение руководства официального союза Оргкомитет не просто становится в оппозицию, но и сепарируется от ВСЕХБ как самостоятельное объединение, намеренное добиваться собственных целей.

15–17 октября 1963 г. с разрешения властей ВСЕХБ организовал Всесоюзный съезд евангельских христиан-баптистов. Главным поводом к его созыву стал вопрос преодоления разделения в братстве. Были отменены Инструктивное письмо, Положение и вместо них принят новый устав ВСЕХБ. Но на заседание съезда не была допущена большая делегация от Оргкомитета, члены которого считали, что являются одними из инициаторов данного съезда [11, с. 227–230]. В частности, это обстоятельство сыграло роль в будущем непризнании данного съезда Оргкомитетом. С точки зрения председателя СДРК А. А. Пузина, съезд должен был подорвать позиции Инициативного движения, отменив документы, являвшиеся, по его мнению, главной причиной недовольства [7, с.428]. Однако преодолеть разлад в сообществе ЕХБ данные меры не помогли.

В феврале 1965 г. в ответ на письмо о примирении ВСЕХБ лидеры Оргкомитета изложили своё отношение к официальному совету. Главная критика ВСЕХБ была по всей совокупности зависимых отношений ВСЕХБ от государственной власти [3, с. 337]. Оргкомитет критиковал новый устав 1963 г. ВСЕХБ, принятый на замену Инструктивного письма и Положения, за то, что в нём была также отвергнута проповедь Евангелия, которая по представлению комитета является главной задачей церкви [11]. Михаил Неволин считает отношения с государственной властью той проблемой, по которой лидеры Оргкомитета и ВСЕХБ не имели консенсуса не только в политическом плане, но и в теологическом. «Обе стороны делали акценты на разные места Писания, обосновывая свою позицию», — отмечает М. Т. Неволин. Лидеры Инициативников основывают свою позицию на том, что церковь в первую очередь должна подчиняться Богу, а не властям. Взаимоотношения церкви и государства для СЦЕХБ изначально были главной темой во всей истории христианства. Для них идеалом выступали первые века апостольского христианства, когда соединение христианства с государственной властью в эпоху императора Константина считали отступлением от истинного пути. Руководители ВСЕХБ обосновывали свои отношения с властью следующими словами из Послания к Римлянам: «Существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13 1–2) [8, с. 106–108]. Также Г. К. Гартфельд указывал на разные подходы к евангелизации у обоих объединений. ВСЕХБ пытался интегрировать проповедь и жизнь верующих в рамки существующего культурного окружения. В коммунистической идеологии ВСЕХБ видел осуществление Царства Божьего и пытался встроить евангельские принципы в строительство социализма. СЦЕХБ считал такой путь неприемлемым и видел свой идеал в уподоблении Христу, отвергая влияние внешнего мира. Главным образом опасное влияние исходило от коммунизма, который противопоставлялся Евангелию и представлял угрозу существованию христианства [3, с. 346].

В этом же послании Оргкомитета от февраля 1965 г. обсуждалась возможность примирения и объединения Оргкомитета с ВСЕХБ. Такая возможность была отклонена инициативниками. Причиной этого было обвинение в тесной связи ВСЕХБ с властями и осуществлении разрушительной деятельности в церкви [11]. Единственным вариантом решения создавшейся проблемы для Оргкомитета был роспуск ВСЕХБ как руководящего органа. Этим лидеры Оргкомитета ещё раз утвердили своё решение, изложенное в протоколе № 7, в соответствии с которым было отлучено от церкви все руководство ВСЕХБ. Такая позиция свидетельствует о претензии Оргкомитета не только на упразднение существующего, но и на образование нового религиозного центра ЕХБ. Так, 18–19 сентября 1965 г. на Совете Оргкомитета было принято решение о преобразовании Оргкомитета в Совет церковью ЕХБ, позиционировавший себя как духовный центр, имеющий подлинные отношения с церковью [6].

Фактически уже с 1962 г. Оргкомитет принял на себя руководство незарегистрированными общинами и, можно сказать, действовал как независимый руководящий орган ряда общин ЕХБ. А данная процедура переименования Оргкомитета в СЦЕХБ была неким актом легитимизации, переходом из статуса временного органа в статус самостоятельной религиозной организации и альтернативного духовного центра ЕХБ. В пользу этого также говорит разработанный СЦЕХБ в 1965 г. Устав [2, с.41–48], который является неотъемлемым атрибутом самостоятельной религиозной организации.

В октябре 1966 г. состоялся Всесоюзный съезд ВСЕХБ, на котором было дано слово представителям СЦЕХБ. В обращении съезду было сказано, что Совет церквей в дальнейшем отказывается принимать участие в совещаниях, конференциях, съездах под руководством ВСЕХБ, а также будет считать их недействительными [12, с. 240].

Последние попытки к примирению были предприняты со стороны ВСЕХБ в 1969 г. В ходе нескольких встреч представители СЦ и ВСЕХБ пытались достичь компромисса путём взаимного покаяния, но острота противоречий не позволила прийти к желаемому результату и усугубила непримиримость позиций каждой из сторон [5, с. 270–272]. С этого момента ВСЕХБ оставил всякие попытки к диалогу о примирении с руководством СЦ и перешёл к тактике привлечения общин инициативников к себе [5, с. 291]. Таким образом, оба объединения продолжили существовать параллельно как две конкурирующие религиозные организации.

К началу 1970-х гг. СЦЕХБ успел сформироваться как полноценная религиозная организация. У него имелись собственные общины, администрация, устав, налажен выпуск духовной литературы и даже возникли характерные религиозные практики «очищения» [4]. Поскольку это развитие происходило независимо от ВСЕХБ, в условиях подпольной автономности, к концу 1960 гг. отпала всякая необходимость сотрудничества с официальным религиозным центром. Таким образом, полный отказ СЦЕХБ идти на примирение с ВСЕХБ и встроиться в его структуру, а также самостоятельная деятельность его руководства и общин позволяют рассматривать Совет Церквей как независимую религиозную организацию. Из главных причин этого можно обозначить то, что СЦЕХБ не принял модель, по которой ВСЕХБ выстраивал отношения с государством, предполагая выстраивать данные отношения самостоятельно, как альтернативное представительство сообщества ЕХБ, и стремиться реализовать принцип независимости церкви от государства по собственному видению.

Основным пунктом реализации отношений СЦЕХБ и государственной власти был вопрос регистрации, который определял статус легальности СЦЕХБ как руководящего духовного центра и подведомственных ему общин. В условиях антирелигиозной кампании начала 1960 гг. вопрос о регистрации нелегальных общин ЕХБ не стоял. Власти отказывались регистрировать

религиозные организации. Но к середине 1960-х гг. власти пришли к осознанию безуспешности методов хрущевской антирелигиозной кампании. Отказ в регистрации вёл не к снижению религиозности населения, а к повсеместному возникновению нелегальных религиозных общин и подпольной деятельности, таким образом только усложняя работу СДР [9, с. 240]. И в октябре 1965 г. СДР утвердил специальное положение, которое постановляло, что любая община может получить регистрацию, при этом не находясь под руководством ВСЕХБ, т.е. на автономных началах. Изначально, в 1965 г. руководство Совета церковью высказало своё недоверие к этому новшеству. По убеждению СЦЕХБ, регистрация религиозного общества должна происходить в соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства» 1918 г. По этому документу, регистрация в органах власти происходит на основании устава религиозной организации, по которому она будет осуществлять свою деятельность. В действительности власти требовали реализовывать деятельность общины по закону «О религиозных объединениях» 1929 г., который противоречил Декрету 1918 г. и Конституции СССР. Такие условия для СЦЕХБ были неприемлемы, поскольку ограничивали религиозную жизнь [2, с. 97–98].

Затем, в 1969 г. лидеры СЦЕХБ Г. К. Крючков и Г. П. Винс после освобождения из заключения призывали общины к автономной регистрации. Данная перемена в отношении к регистрации объяснялась со стороны СЦЕХБ так: «Это было время, когда вырабатывалась новая конституция, были изъяты из публикации некоторые статьи законодательства 1929 г. и Советом по ДР в центре и на местах давались заверения, что факты вмешательства в дела церкви, имевшие место в прошлом, впредь не повторятся» [2, с. 381]. Регистрация общин была также важна для того, чтобы развеять ложное убеждение, что общины Совета церковью намеренно избегают государственной регистрации.

К середине 1970-х гг. Совет церковью начал менять своё отношение к регистрации. Произошло это по причине негласных условий, которые СДР ставил перед общинами, претендующими на регистрацию. К ним относятся, в частности: отказ от признания СЦЕХБ как руководящего центра, запрет на взаимодействие с другими религиозными общинами, поддержку издательства «Христианин» и т.д. [2, с.257–258]. Такие условия для Совета церковью оказались неприемлемыми, потому он предостерегал свои общины от регистрации на подобных условиях.

Во второй половине 1970-х общины Совета церковью массово отказываются от имеющейся регистрации и отзывают ранее поданные заявления. Итогом всего этого стало то, что, не видя перспектив к изменению отношений с властью, в 1979 г. СЦЕХБ принял решение полностью отказаться от регистрации своих общин [2, 381]. С этого момента Совет церковью продолжит своё существование как полностью автономная религиозная организация, независимая как от официального духовного центра ВСЕХБ, так и от взаимодействия с государственной властью.

И так, резюмируя, отметим факторы, которые стали определяющими в становлении СЦЕХБ независимой религиозной организацией. Во-первых, это отношения с официальным религиозным центром ВСЕХБ. Несогласие с политикой руководства ВСЕХБ и его способом реализации взаимоотношений с государством, а также долгий опыт автономной деятельности руководства и общин СЦЕХБ стала результатом того, что отпала необходимость подчинения и сотрудничества с ВСЕХБ как официальным религиозным центром и более приемлемым оказывается формат существования как отдельное религиозное объединение евангельских христиан-баптистов, которое будет по своему усмотрению решать духовные и управленческие вопросы и самостоятельно выстраивать отношения с государством. Во-вторых, это отношения с государственной властью. Невозможность добиться от государства приемлемых условий по регистрации общин без вмешательства во внутренние дела церкви и опыт автономной деятельности руководства и общин СЦЕХБ без регистрации в результате дало осознание возможности продолжать автономную деятельность руководства и общин СЦЕХБ без необходимости легализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Н. А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов — продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг.: материалы XI Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2019, С. 418–429.
2. «Братский листок» Совета церквей ЕХБ: сборник 1965–2000. М.: Издание Совета церквей ЕХБ, 2001. – 576 с.
3. Гартфельд Г. К спору между ВСЕХБ и СЦ ЕХБ // Альманах по истории русского баптизма. Вып. 3. — 2004. — С. 334–348
4. Глушаев А. Л. Исповедальные практики «очищения» в движении баптистов-инициативников (1960-е — начало 1980-х годов): историко-культурные аспекты // Технологос. 2020. № 1. С. 47–56.
5. Заватски В. Евангелическое движение в СССР после второй мировой войны: [Перевод]. — М.: ИЦ-Гарант, 1995. – 559 с.
6. Извещение о всесоюзном совещании служителей церкви евангельских христиан- баптистов/ Братский листок № 9–10, 1965 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/dop/sceb/izvesz.htm> (дата обращения 20.12.2024)
7. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). — СПб.: РХГИ, 1997. — 480 с.
8. Неволин М. Т. Конфликт в Союзе ЕХБ 1959–1963 годов. — Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2006. № 7. — С. 101–116
9. Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 353 с.
10. Положение о союзе евангельских христиан-баптистов / Архив РСЕХБ/ Энциклопедия евангельских христиан-баптистов URL: <http://baptistru.info/index.php/>

Инструктивное_письмо_и_Положение_ВСЕХБ#cite_note-8 (дата обращения 23.11.2024)

11. Послание Оргкомитета президиуму ВСЕХБ/ Братский листок № 2–3, 1965 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/dop/scecb/poslan.htm> (дата обращения 20.12.2024)
12. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2: 1917–1967. — СПб.: Библия для всех, 2001. — 421,[6] с.
13. Филатов, С. Б., Лункин, Р. Н. (2003). Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. М.: Логос, 2003. — 480 с.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 159.922

Пырьев Евгений Александрович,

кандидат психологических наук,

педагог-психолог ГБУ ЦППМСП Выборгского района Санкт-Петербурга,

evgpyrev@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ МОТИВЫ ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В статье представлено исследование эмоциональной учебной мотивации подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации. В качестве теста диагностики эмоциональных учебных мотивов предлагается тест «Цветовые ассоциации», построенный на установлении взаимосвязи эмоции и учебного предмета. Тест позволяет определить эмоциональное отношение подростка к разным сторонам своей учебной деятельности, что показывает характер эмоциональной учебной мотивации.

Ключевые слова: эмоциональная мотивация; уровень эмоциональной учебной мотивации; трудная жизненная ситуация

Pyriev E.A.

EMOTIONAL LEARNING MOTIVES OF TEENAGERS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

The article presents a study of the emotional learning motivation of teenagers in difficult life situations. As a test for diagnosing emotional learning motives, the «Color Associations» test is proposed, based on establishing the relationship between emotion and the subject matter. The test allows you to determine the emotional attitude of the teenager to different aspects of his or her learning activity, which shows the nature of emotional learning motivation.

Keywords: emotional motivation; level of emotional learning motivation; difficult life situation

Введение. Целью исследования является определение уровня эмоциональной учебной мотивации подростков 12–15 лет, переживающих трудную жизненную ситуацию.

Трудная жизненная ситуация для подростка заключена в конфликтных внутришкольных и внутрисемейных ситуациях. Такими ситуациями являются болезни и уход из жизни близких людей, конфликты с родителями и другими членами семьи, психологическая травля в среде одноклассников и многое другое. Трудная жизненная ситуация доставляет подростку беспокойство, объективируемое в низкой учебной мотивации, а также в различных психических расстройствах, таких как стресс, депрессия, аффективные расстройства,

переживание одиночества и безнадежности, нарушение пищевого поведения, а также другое, что требует вмешательство специалистов — психологов.

Для целей определения эмоциональной учебной мотивации подростков предлагается проективный тест «Цветовые ассоциации», созданный и стандартизированный Е. А. Пырьевым [5]. Тест изучает эмоциональную мотивацию на уровне неосознаваемого, что делает исследование более достоверным, чем с помощью опросников, обладающих высокой субъективностью. Также с помощью ассоциативного теста можно определить источник психологической травмы, связанный с учебной деятельностью.

Постановка проблемы. В научной литературе диагностика эмоций представлена в двух направлениях: исследование осознаваемых и неосознаваемых эмоций. Опросники изучают осознаваемые человеком эмоции. Такими методиками являются: «Диагностика стрессового состояния» (А. О. Прохоров [4]), «Тест-анкета эмоциональной направленности» (Б. И. Додонов [2]), «Шкала дифференциальных эмоций» (К. Изард [3]), тест «Цветовой выбор» (модификация Л. Н. Собчик [7] и многие другие.

Диагностика эмоциональных мотивов построена на идее немецкого поэта И. В. Гете, отраженная в книге «Учение о цвете», где доказывается связь эмоции и цвета [1]. В свою очередь, ассоциативная диагностика связи эмоции с учебными предметами принадлежит к проективным методам исследования и построена на концепции Е. А. Пырьева [6]. Так, низкий уровень эмоциональной учебной мотивации представлен в ассоциациях эмоций группы «разрушающие связи» (печаль, страх, отвращение), тогда как высокий уровень в ассоциациях эмоций группы «созидательные эмоции» (радости и интереса).

Диагностика эмоциональной учебной мотивации проводилась на базе ГБУ ЦППМСП Выборгского района при обращении родителей (законных представителей) за кризисным психологическим консультированием. В свою очередь процедура измерения трудной жизненной ситуации основывалась на данных специалистов службы сопровождения общеобразовательных школ Выборгского района, имеющих список кризисных подростков, рекомендованных на кризисное психологическое консультирование.

Диагностика уровня эмоциональной учебной мотивации подростков основана на следующих положениях:

- исследование касается базовых эмоций, таких как страх, печаль, радость, интерес, удовольствие, отвращение, гнев, равнодушие;
- ассоциация цвета с учебными предметами позволяет получить неосознаваемое эмоциональное отношение подростка к учебному процессу. Если устанавливается ассоциация с черным цветом (эмоция страха), серым (эмоция печали), коричневым (эмоция отвращения), то это свидетельство негативной (или низкой) эмоциональной учебной мотивации, если ассоциация с эмоциями синего цвета (эмоция удовольствия), зеленого цвета (эмоция интереса), желтого (эмоция

радости), то это благоприятная (или высокая) эмоциональная учебная мотивация.

- эмоции, полученные в тесте, составляют мотивационную основу подростка, свидетельствующую о характере его психологического состояния под воздействием трудной жизненной ситуации.

Методика исследования. Испытуемому подростку предлагается изучить (посмотреть) на цвета, размещенные перед ним (карточки восьми цветов представлены в монографии Е. А. Пырьева и несколько отличаются по цветности от известных в психофизиологии [6].

Инструкция к тесту: «Перед тобой цветные карточки основных цветов: синий, красный, зеленый, желтый, фиолетовый, коричневый, серый и черный, которые необходимо соотнести со школьными учебными предметами. В каком цвете ты видишь уроки математики, русского языка, литературы и т.д.»

Стимульный материал для исследования по диагностике уровня эмоциональной учебной мотивации подростков 7, 8, 9 классов, выглядит следующим образом:

1. Уроки математики (цвет)
2. Уроки русского языка (цвет)
3. Уроки иностранного языка
4. Уроки литературы
5. Уроки химии
6. Уроки истории
7. Уроки биологии

Критерии оценки: степень выраженности эмоциональной учебной мотивации определяется, исходя из 60% цветов одной из категорий. Высокая эмоциональная мотивация отражается в цветах: желтый, зеленый, синий; низкая — в цветах: черный, серый, коричневый.

В таблице 1 представлены результаты диагностики подростков по данным теста «Цветовые ассоциации». Настоящее исследование уровня эмоциональной учебной мотивации подростков выполнено на учащихся подросткового возраста — 12–15 лет, обратившихся в ГБУ ЦППМСП (Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи) Выборгского района за психологическим консультированием за два последних учебных года. Выборка составила 54 подростка. По гендерному признаку подростки не дифференцировались.

Важно отметить, что в психологическом консультировании учитывались подростки, направленные специалистами служб сопровождения общеобразовательных школ Выборгского района. Причиной прихода/привода подростка в Психологический центр выступает школьная неуспешность, конфликтное общение в семье, уходы из семьи, плохой сон подростка, низкий аппетит, многочасовое сидение в инете и т.д.

Математическим методом анализа данных стал угловой преобразователь Фишера, переводящий процентные доли в величины центрального угла.

Таблица 1. Данные теста «Цветовые ассоциации» по диагностике эмоциональной учебной мотивации⁴

Эмоции в адрес учебных предметов	Синий (удовольствие)	Зеленый (интерес)	Жёлтый (радость)	Серый (печаль)
Уроки математики	1/3%	3/9%	2/4%	12/22%
Русского языка	2/4%	4/7%	1/3%	12/22%
Иностранного языка	2/3%	2/4%	1/3%	12/22%
Эмоции в адрес учебных предметов	Чёрный (страх)	Коричневый (отвращение)	Красный (гнев)	Фиолетовый (равнодушие)
Уроки математики	9/16%	7/14%	11/21%	9/16%
Русского языка	11/21%	8/15%	13/24%	3/5%
Иностранного языка	9/16	11/21	8/15%	9/16%

В таблице 1 представлены только три учебных предмета (математика (алгебра), русский язык, иностранный язык), по которым устанавливался уровень асоциальной мотивации.

В исследовании оценивались процентные доли двух групп независимых переменных: «высокий уровень эмоциональной учебной мотивации (синий, зеленый, жёлтый цвета)» и «низкий уровень эмоциональной учебной мотивации (серый, чёрный, коричневый цвета)». Сравнивались переменные по урокам математики (алгебра), русского языка, иностранного языка.

Подростки, находясь в трудной жизненной ситуации, в адрес уроков математики переживают эмоции группы «разрушающие связи» (печали (12 подростков из 54), страха — 9, отвращения — 7); (сумма — 28 подростков). Тогда как эмоций группы «созидательные» (эмоция удовольствия — 1 (один

подросток), эмоция интереса — 3, эмоции радости — 2); сумма — 6 подростков). По другим учебным предметам ситуация похожая. Например, по русскому языку (31–7) и по иностранному (32–5) соотношение в пользу эмоций «разрушающие связи».

Данные коэффициентов Фишера говорят о статистически достоверных различиях «высокий» и «низкий» по всем изучаемым учебным предметам. Так, по урокам математики между группами эмоций: «разрушающие связи» и «созидательные эмоции», коэффициент составил — 3,549; между «низкими» и «высокими» по урокам русского языка — 3.605; между «низкими» и «высокими» по урокам иностранного языка (английский язык) — 4,259.

Кризисные подростки демонстрируют низкую эмоциональную учебную мотивацию, что свидетельствует о неспособности к усвоению учебных предметов, о разрушении связей с учебной деятельностью. Находясь в трудной жизненной ситуации, подростки переживают эмоциональное неблагополучие в ситуации учебной деятельности, что отражается в диагностике теста «Цветовые ассоциации».

Психологическое значение цветов, представленное в тесте «Цветовые ассоциации», позволяет изучить характер эмоциональной учебной мотивации подростков. Психологическое содержание низкого уровня эмоциональной учебной мотивации выглядит следующим образом:

- ассоциация коричневого цвета в адрес учебных предметов — это неосознаваемое переживание подростком эмоции отвращения. Этому цвету свойственно переживание тревоги и беспокойства. Ассоциация подростка в адрес учебного предмета с коричневым цветом показывает неудовлетворенность своей учебной деятельностью. Для устранения этого состояния подросток неосознанно стремится к уходу от учебной работы, разрыву связей с учебным предметом;
- черный цвет является показателем эмоции страха. Ассоциация чёрного цвета с учебным предметом говорит о пассивной агрессивности, носящей защитный характер. Эмоция страха — это показатель протеста и негативизма в адрес учебной деятельности;
- серый цвет в ассоциации свидетельствует о переживании в адрес учебного предмета эмоции печали, горя и страдания. Подросток, выбирающий серый цвет в ассоциации, утомлен, замкнут. Резкое снижение усилий в учебе свидетельствует о наличии сильного психологического кризиса.

Психологическое содержание высокого уровня эмоциональной учебной мотивации выглядит следующим образом:

- синий цвет свидетельствует о наличии эмоций удовольствия и безмятежности. Ассоциация с синим цветом говорит о переживании подростка в адрес своей учебы эмоций покоя и удовольствия;

- зеленый цвет показывает, что подросток переживает положительные эмоции в адрес своей учебы. Это символика открытости внешнему миру, состояние легкости, свободы, веселого настроения. Эмоция интереса показывает стремление к расширению связей с учебной деятельностью;
- жёлтый цвет — это эмоция радости. Данный цвет ассоциируют с учёбой в том случае, когда она вызывает приятные эмоции. Эмоция радости — это демонстрация надежной и устойчивой связи с учебными предметами.

Фиолетовый цвет можно признать нейтральным. В свою очередь, красный цвет говорит о переживании эмоций злости и гнева. Данные эмоции являются свидетельством конфликта, который доставляет беспокойство подростку. Вместе с тем, это конфликт, который подросток в состоянии преодолеть. Эмоция злости в ассоциации свидетельствует об активности подростка по преодолению препятствий, стоящих на пути усвоения учебными знаниями.

Выводы. Тест «Цветовые ассоциации», обладая способностью открыть неосознаваемое, позволяет достоверно определить, как уровень эмоциональной учебной мотивации, так наличие трудной жизненной ситуации. Например, высокая эмоциональная учебная мотивация говорит об отсутствии трудной жизненной ситуации. Тогда как наличие низкой эмоциональной учебной мотивации свидетельствует о трудной жизненной ситуации, в которой находится подросток. Неблагоприятная социально-психологическая атмосфера в семье, в школе, в межличностных отношениях — это и есть трудная жизненная ситуация, которая выступает независимой переменной, создающей психологический кризис, отражающейся в разрушении связей подростка с учебой, его нежелании ходить в школу, поддерживать благополучные отношения со сверстниками и учителями.

Подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, имеют ограничения в полноценном восприятии учебного материала, что отражается в низкой эмоциональной учебной мотивации, которая диктует подростку определенные формы девиантного поведения, предусматривающего целенаправленную психологическую помощь со стороны специалистов — психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гете И. В. Учение о цвете. Теория познания. М.: Ленанд, 2015. 195 с.
2. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
4. Прохоров А. О., Габдреева Г. Ш. Практикум по психологии состояний. СПб: Речь,

2004. 480 с.

5. Пырьев Е. А. Эмоциональная мотивация учебной деятельности: стандартизация теста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2021. № 202. С. 129–143. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-202>
6. Пырьев Е. А. Эмоциональные мотивы в жизненных ситуациях человека: монография. М.: Директ-Медиа, 2024. 232 с.
7. Собчик Л. Н. Метод цветowych выборов — модификация восьмицветового теста Люшера. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2012. 128 с.

Лашук Александра Степановна,
Студентка
Русской Христианской Гуманитарной Академии имени Ф. М. Достоевского
alexandra.lashchuk@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКИМИ ПРАКТИКАМИ

В условиях современного мира, которые включают в себя как социальную, так и экономическую нестабильность, а также высокий уровень стресса, многие люди обращаются к эзотерическим и оккультным практикам как к способу поиска внутреннего покоя, понимания себя и решения жизненных проблем. По мнению некоторых людей, данные системы могут дать ощущение контроля над жизненными обстоятельствами, что может оказаться особенно значимо в кризисные периоды. Целью нашего исследования было выявление личностных особенностей людей, занимающихся эзотерическими практиками. А также проведение сравнения личностных характеристик людей, занимающихся эзотерическими практиками с характеристиками людей, которые такими практиками не занимаются. В исследовании приняли участие 40 человек обоих полов в возрасте от 20 до 45 лет, которые были поделены на две группы: в одной группе были участники, занимающиеся эзотерическими практиками, в другой — не занимающиеся. В ходе работы было подтверждено наличие у людей, занимающихся эзотерическими практиками преимущественно замкнуто-углубленного и мозаичного типов характера. Также было доказано наличие повышенной ситуативной и личностной тревожности у испытуемых, занимающихся эзотерическими практиками, а также были выявлены более высокие показатели веры в паранормальное. Субъективная значимость эзотерических практик включала в себя получение ощущения контроля над сложными ситуациями, ощущение уверенности и поддержки от использования практик, а также возможность самопознания и самосовершенствования.

Ключевые слова: эзотеризм, характер, тревожность, вера в паранормальное

Lashchuk A. S.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE ENGAGED IN ESOTERIC PRACTICES

In the modern world, which includes both social and economic instability, as well as high levels of stress, many people turn to esoteric and occult practices as a way to find inner peace, understanding themselves and solving life problems. According to some people, these systems can give a sense of control over life circumstances, which can be especially important in times of crisis. The purpose of our study was to identify the personality traits of people who practice esoteric practices. We also compared the personality traits of people who practice esoteric practices with those of people who do not practice such practices. The study involved 40 participants of both genders aged between 20 and 45, who were divided into two groups: one group consisted of participants who practice esoteric practices, while the other group consisted of participants who do not practice such practices. The study confirmed that people who practice esoteric practices tend to have a predominantly introverted and mosaic personality type. It was also found that subjects who practice

esoteric practices have higher levels of situational and personal anxiety, as well as higher levels of belief in the paranormal. The subjective significance of esoteric practices included a sense of control over difficult situations, a feeling of confidence and support from using the practices, and the opportunity for self-discovery and self-improvement.

Keywords: esotericism, character, anxiety, paranormal belief

Прежде чем мы перейдем к психологическим особенностям людей, занимающихся эзотерическими практиками, нам необходимо определиться с тем, что мы будем понимать под термином «эзотеризм», «эзотерические практики», «окультистские практики». Среди исследователей эзотеризма существуют разные мнения по поводу того, как определять это понятие, какие феномены в него включать. Эзотеризм в определении, данном С. В. Пахомовым, представляет собой комплекс специфических интерпретаций реальности, которые претендуют на тайный характер и подтверждаются особыми психодуховными практиками [9]. Следует также особо отметить, что в данной работе мы также будем включать в это понятие окультистские практики, которые многими учёными выделяются в отдельную область изучения. Сам термин «окультизм», предположительно, появился во Франции в первой половине XIX века [8]. Это понятие включало в себя набор идей и практик, относящихся к так называемой «окультистской философии» или «окультистской науке». Объектом интереса этих дисциплин было изучение тех сил и свойств природы, которые оставались недоступными для обычных человеческих чувств. К окультистским практикам традиционно относят различные предсказательные или мантические системы (астрологию, нумерологию, таро), а также алхимию, магию, спиритизм [5].

Когда мы ведем речь об эзотерических или окультистских верованиях, неизменно упоминается такой конструкт как «магическое мышление». Различные авторы по-разному определяют сущность этого термина. Часть учёных считает, что магическим мышлением является убеждение или вера в силу собственной мысли, то есть способность человеческого разума или желания влиять на объективный мир [4]. Другое определение магического мышления — умственные действия по обработке сверхъестественных событий, которые нарушают законы физики, биологии и психологии [10].

В научной среде преобладает мнение, что магическое мышление возникло у людей еще в древние времена как механизм адаптации к изменяющемуся и полному неизвестностям миру. Предполагается, что магическое мышление, в том числе отражающееся в разнообразных ритуалах, а также основанные на нем другие механизмы поведения являются средством успокоения, а также представляют собой попытки контролировать природу и объяснять случайности. Такой тип мышления, представляющий из себя веру в нематериальные силы, имеющие власть над реальностью, и возможность влияния на эти силы посредством различных практик, называется палеомышлением или пралогическим мышлением.

Во многих работах отмечается, что пралогическое мышление является формой, которая предшествует развитию логического мышления [7, 12]. То есть в сознании человека, по мере развития цивилизации, культуры и научного знания, различные нематериальные силы стали заменяться наблюдаемыми закономерностями, причинно-следственными связями и научными открытиями. В то же время, нельзя сказать, что палеомышление полностью исчезло, преобразовавшись в мышление логическое, научное. Вера в сверхъестественное не исчезла, а приобрела более сложные формы, найдя отражение в других формах верований (эзотеризм, оккультные практики), приметах, суевериях, речи.

Также следует обратить внимание на тот факт, что у детей наличие магического мышления является нормой развития. Также данный тип мышления, как считают некоторые авторы, необходим для существования и функционирования воображения у взрослых людей [11, 14]. З. Фрейд в своей работе «Тотем и табу» отмечал, что магическое мышление может быть как основанием для анимизма и суеверий, но также являться источником творчества и искусства, в том числе и для современного человека. Э. Э. Байрамова, С. Н. Ениколопов в одной из своих работ [1] рассматривали магическое мышление и веру в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий. Следует указать, что авторы, ссылаясь на работы Е. В. Субботского, считают необходимым разделять магическое мышление и веру в магию. Они утверждают, что магическое мышление способствует позитивному фантазированию, помогает в создании новых рациональных конструкций, тем самым позволяет преодолевать сложные жизненные ситуации. Вера в магию, носящая онтологический, а не абстрактный характер, наоборот, нарушает контакт человека с реальностью и приводит к дезадаптации.

Одной из ведущих причин актуализации магического мышления и веры в магию является высокий уровень стресса [15, 16]. В качестве стрессоров, стимулирующих обращение человека к магической реальности, могут выступать как реальные события, так и те, возникновение которых лишь вероятно. Исследователи отмечают, что психологические защиты человек использует неосознанно, в то время как копинг-стратегии являются механизмом, который человек применяет сознательно для того, чтобы преодолеть те или иные возникшие трудности. Поэтому они определяют веру в магию как один из вариантов копинг-стратегии.

Также следует особо отметить, что авторы указывают на то, что в отсутствии использования других копинг-стратегий вера в магию будет приводить к снижению адаптивности личности и усилению физического и психического неблагополучия индивида, так как вера в магию позволяет лишь временно снизить отдельные проявления стресса, но не решить проблемную ситуацию. Также хотелось бы упомянуть представляющее интерес исследование [6], в котором рассматривались взаимосвязи когнитивной

и эмоционально-волевой сфер личности клиентов эзотерических услуг. Данная работа позволила выявить, что когнитивные ошибки связаны с как волевыми качествами личности, так и с выраженностью эмоциональной направленности личности. Причем характер выявленных взаимосвязей с эмоциональной направленностью личности был прямым, а с волевыми качествами — обратным.

Наибольшее количество связей во всех трех возрастных группах было обнаружено для когнитивных ошибок мышления, которые провоцируют высокую тревожность, при этом основные корреляции выявлены между катастрофизацией и волевыми качествами личности. То есть преувеличение масштаба возникающей проблемы у людей, пользующихся эзотерическими услугами, в сочетании с недостаточной развитостью решительности, целеустремленности, настойчивости, способствует стремлению найти объяснение трудностям в сфере эзотерического. Данная закономерность особенно характерна для лиц, входящих в группу испытуемых моложе 25 лет и для лиц, входящих в группу испытуемых старше 40 лет. В средней возрастной группе когнитивные ошибки связаны с эмоциональной направленностью. Примечательно, что у представителей среднего и старшего возраста обнаружены корреляции между когнитивными ошибками и склонностью получать положительные эмоции от помощи окружающим. Это позволяет предположить, что мотивация обращения к оккультным практикам в данной группе имеет иное содержание: такие клиенты заинтересованы не только в личном благополучии, но и в благополучии своих близких.

Выборка нашего исследования представляет собой 2 группы участников по 20 человек в каждой (экспериментальная и контрольная группы). Испытуемые из экспериментальной группы занимаются одним из видов эзотерических практик, что было подтверждено в личной беседе. Испытуемые из контрольной группы никаким видом эзотерических практик не занимаются. Участники в группах обоих полов, в возрасте от 20 до 45 лет. Средний возраст участников экспериментальной группы 29,4 года, контрольной группы — 28,7 года. Испытуемые обеих групп имеют среднее или высшее образование: в экспериментальной группе высшее образование у 75% участников, среднее — у 25%; в контрольной группе высшее образование — у 60%, среднее — у 40%.

В работе с респондентами использовались следующие методики:

1. «Краткий характерологический опросник» М. Е. Бурно [2], который предлагается для работы со взрослыми душевно здоровыми соматическими пациентами и является приложением к книге психиатра Марка Бурно «О характерах людей», в которой дается классификация-описание устоявшихся в естественно-научной характерологии типов характера (здоровых и патологических).
2. «Шкала тревоги» Ч. Спилбергера- Ю. Л. Ханина [13], предназначенная для самооценки как уровня тревожности в данный момент

(реактивная тревожность как состояние), так и личностной тревожности (устойчивая характеристика человека).

3. «Шкала веры в паранормальное», J. Tobacyk, G. Milford [3], которая включает в себя семь субшкал: традиционная религиозная вера, способности, колдовство, суеверия, спиритизм, экстраординарные формы жизни, предсказания; и является психометрически обоснованным инструментом для измерения степени веры в паранормальное.
4. Авторская модификация методики «Незаконченные предложения», разработанная нами для оценки субъективной значимости и ценности эзотерических практик для испытуемых.

Математико-статистическая обработка данных была выполнена с помощью программы MS Excel и непараметрического U-критерия Манна-Уитни, который позволил оценить статистическую значимость различий между экспериментальной и контрольной группами по изучаемым параметрам.

Для большинства испытуемых из экспериментальной группы характерен эклектичный подход к своей практике, в том числе к мантическим (гадательным) системам. Это проявляется в одновременном использовании нескольких взаимодополняющих предсказательных методик или оккультных практик. Наиболее популярными среди респондентов оказались такие системы как «Таро» и «Астрология». Первую практику отметили как используемую 15 из 20 респондентов, вторую — 10 человек.

На основании результатов, полученных по методике «Краткий характерологический опросник М. Е. Бурно», мы пришли к следующим выводам относительно характерологических особенностей испытуемых, использующих эзотерические практики:

1. Наиболее выраженными типами характера в данной группе оказались:
 - Замкнуто-углубленный тип, для которого характерны такие качества как интровертированность, рефлексивность, склонность к символизму, творческому самовыражению, а также концептуально-теоретическое отношение к окружающему миру.
 - Мозаичный или смешанный тип, проявляющийся в эклектичности мировоззрения; сочетании в характере противоречивых качеств; а также преобладании черт различных характеров в различных жизненных ситуациях.
2. Вовлечение человека в систему эзотерических концепций и оккультных практик предположительно имеет определенные характерологические предпосылки, среди которых наиболее значимыми являются:
 - Выраженная замкнуто-углубленная характерологическая структура, которая обуславливает склонность к символическому, мистическому мировосприятию, потребность в духовно-нравственном самосовершенствовании, а также в трансцендентном опыте.

— Недифференцированный (мозаичный) характерологический рисунок, который способствует принятию новых идей и концепций, даже если они противоречат тем, что были усвоены ранее.

3. Особый интерес, по нашему мнению, представляют данные об испытуемых, у которых был выявлен авторитарный тип характера. Мы полагаем, что использование этими людьми эзотерических практик позволяет им реализовать потребность в доминировании и контроле, а также использовать «тайное знание» как инструмент воздействия и влияния. Однако данный аспект нуждается в дальнейшем изучении.

Более разнообразная характерологическая картина была выявлена в контрольной группе, где были выявлены практически все основные типы характера, что свидетельствует о большей вариативности личностных особенностей среди данной группы испытуемых.

Особую важность, по нашему мнению, приобретает тот факт, что замкнуто-углубленный тип характера, несмотря на различия между экспериментальной и контрольной группами, проявляет устойчивую представленность в обеих выборках. Мы полагаем, что полученные результаты могут быть связаны культуральными особенностями и национальной идентичностью испытуемых. Поэтому данный аспект, по нашему мнению, нуждается в дальнейшем изучении.

Методика «Шкала тревоги» позволила нам получить данные о ситуативной и личностной тревожности испытуемых из обеих групп. Состояние ситуативной тревоги возникает у человека при попадании в стрессовую ситуацию и характеризуется субъективным ощущением дискомфорта, напряженностью, беспокойством и вегетативным возбуждением. Личностная тревожность представляет собой конституциональную черту, обуславливающую склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций.

По результатам данной методики, личностная тревожность в меньшей степени выражена у испытуемых из контрольной группы. Низкие показатели личностной тревожности имеют 30% испытуемых из контрольной группы. Во второй группе, наоборот, у 95% испытуемых была выявлена умеренная или высокая личностная тревожность, а низкие показатели данной характеристики были получены только у одного человека. Однако ситуативная тревожность у испытуемых обеих групп достаточно явно выражена: в первой группе умеренные и высокие показатели были выявлены у 50% испытуемых, а во второй группе — у 55%.

В результате расчёта U — критерия Манна-Уитни были получены результаты, свидетельствующие об отсутствии достоверных различий между выборками испытуемых: для ситуативной тревожности $U_{\text{эмп}} = 182,5$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$); для личностной тревожности $U_{\text{эмп}} = 149$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$).

По методике «Шкала веры в паранормальное» в обеих группах наименьшие значения были выявлены по шкале «Суеверия». Практически в равной степени среди респондентов обеих групп выражена шкала «Традиционная религиозная вера». Результаты по шкале «Экстраординарные формы жизни» $U_{\text{эмп}} = 136$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$) находятся в зоне неопределённости, поэтому мы не можем однозначно принять решение о достоверности различий между выборками. Статистически значимые различия в группах испытуемых были выявлены по шкалам «Колдовство»: $U_{\text{эмп}} = 81,5$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$); «Спиритизм»: $U_{\text{эмп}} = 78$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$); «Предсказания»: $U_{\text{эмп}} = 74$ ($p \leq 0,01 = 114$; $p \leq 0,05 = 138$). Полученные результаты демонстрируют чёткое соответствие с основными направлениями оккультной деятельности, которой занимаются испытуемые экспериментальной группы. Следует особо подчеркнуть, что выявленные нами различия носят выраженный и устойчивый характер, что подтверждается значениями критериев статистической значимости.

Другие шкалы, которые могут быть отнесены к религиозным и культурным компонентам жизни, статистически значимых различий не показали. Этот факт позволяет нам сделать вывод о специфической избирательности вовлечённости испытуемых именно в эзотерические формы активности, что подчёркивает особый характер их мировоззрения.

Ответы, данные респондентами на авторскую модификацию методики «Незаконченные предложения», были проанализированы при помощи контент-анализа. Субъективная значимость эзотерических и оккультных практик для испытуемых заключается в том, что эти методы позволяют им ощутить контроль, получить чувство уверенности и спокойствия в различных жизненных ситуациях. Причиной обращения к эзотерическим практикам половина испытуемых отметила интерес, в том числе возникший из-за популярности различных шоу. Среди другой половины испытуемых часть респондентов указали, что обратились к эзотерическим практикам для самопознания и самосовершенствования, а часть прибегла к данным инструментам в поисках опоры и поддержки ввиду сложной жизненной ситуации.

Половина испытуемых отмечает, что знания, получаемые в процессе практики никогда им не мешали. Однако чуть больше трети респондентов отметили, что могут испытывать больше тревоги и страха после используемой практики из-за получения противоречивой или пугающей информации.

Мы считаем, что данная работа поможет глубже понять личностные особенности людей, увлечённых эзотерическими учениями и занимающихся оккультными практиками. Это позволит специалистам помогающих профессий более грамотно и эффективно выстраивать с ними работу, учитывая их характерологические и личностные особенности. Результаты проведённого нами исследования могут быть полезны не только психологам, но также

психотерапевтам, социальным работникам, культурологам, а также исследователям эзотерической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Э. Э., Ениколопов С. Н. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. 2021. № 4.
2. Бурно М. Е. О характерах людей: (психотерапевтическая книга) / М. Е. Бурно; Профессиональная Психотерапевтическая Лига. — Изд. 6-е. — Москва: Академический проект, 2014. — 639 с.: ил.; — (Психотерапевтические технологии). ISBN 978-5-8291-1599-9
3. Григорьев Д. С. Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика // Социальная психология и общество, 2015. № 2.
4. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. 2-е изд. М.: Джангар, 2012. 864 с.
5. Ибрагимова З. З. Эзотерические и мистические учения. Конспект лекций / З. З. Ибрагимова. — Казань: Казан. федеральный ун-т, 2015, с. 34.
6. Капустина В. А., Проскорякова Е. А. Особенности связи когнитивной и эмоционально-волевой сферы личности клиентов эзотерических услуг разного возраста // ОмГ У. 2024. № 3.
7. Леви-Брюль Л. «Сверхъестественное в первобытном мышлении» (перевод с французского Б. И. Шаревской). — Москва: Академический проект, 2022. — 426, с.
8. Носачев П. Г. Эзотерика. Основные моменты истории термина // Вестник ПСТГУ. 2011. Вып. 2 (34), с. 52.
9. Пахомов С. В. К вопросу о демаркации понятия «эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: Сб. материалов / Под. ред. С. В. Пахомова, Ю. Ю. Завгороднего, С. В. Капранова. СПб., 2008, с. 11.
10. Субботский Е. В. Невидимая реальность: Сознание в зеркале магического мышления // Психолог. 2015. № 3. С. 33–67. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.3.14198 URL:
11. Фрейд З. «Бессознательное» (1915) // Фрейд, З. Психология бессознательного. — М., 2006. — С. 129–186.
12. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Джемс Джордж Фрэйзер; [пер. с англ. М. К. Рыклина]. — Москва: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). — 958, с.
13. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976.
14. Человек и его символы: пер. с англ. / Карл Густав Юнг, Мария-Луиза фон Франц, Джозеф Хендерсен и др.; [введ. Д. Фримана]. — Москва: Серебряные нити; СПб.: АСТ, 1997. — 367 с.
15. Friedland N., Keinan G., Regev Y. Controlling the uncontrollable: Effects of stress on illusory control // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. № 63. P. 923–931.
16. Serban G. The tyranny of magical thinking. N.-York: Dutton, 1982. 256 p.

Милер Марина Александровна,

Аспирант

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского
преподаватель фармацевтического техникума ФГБОУ СПХФУ
m.miler888@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ФАРМАЦЕВТОВ

В статье рассматриваются вопросы область медицины и фармации является именно той сферой, где действия специалиста оказывают особое влияние на жизнь людей, а значит это требует рассмотрения с позиции профессиональной этики. С учетом особенностей профессиональной деятельности в сфере лекарственного обслуживания специалисту с фармацевтическим образованием следует обладать определенными социально-психологическими свойствами личности, отвечающими потребностям общества, принципам фармацевтической этики и деонтологии.

Ключевые слова: фармация, профессиональная этика, фармацевтическая этика, профессиональное становление.

Miler M.A.

PROFESSIONAL ETHICS IN THE SYSTEM OF PHARMACIST TRAINING

The article examines the issues of the field of medicine and pharmacy is exactly the area where the actions of a specialist have a special impact on people's lives, and therefore this requires consideration from the standpoint of professional ethics. Taking into account the specifics of professional activity in the field of drug services, a specialist with a pharmaceutical education should have certain socio-psychological personality traits that meet the needs of society, the principles of pharmaceutical ethics and deontology.

Keywords: pharmacy, professional ethics, pharmaceutical ethics, professional development.

Время социально-экономических преобразований и смены смыслов в любой сфере актуализирует вопросы морали и этики, рассматриваемые далеко не в первую очередь, в отличие от вопросов прибыли или рентабельности. Однако область медицины и фармации является именно той сферой, где действия специалиста оказывают особое влияние на жизнь людей, а значит это требует рассмотрения с позиции профессиональной этики. С учетом особенностей профессиональной деятельности в сфере лекарственного обслуживания специалисту с фармацевтическим образованием следует обладать определенными социально-психологическими свойствами личности, отвечающими потребностям общества, принципам фармацевтической этики и деонтологии [1]. Этика (ethos — обычай, нрав, характер) — это учение о нравственности, нормах поведения, морали [2].

Вектор взаимодействия естественных и гуманитарных дисциплин сферы фармацевтического образования актуализирует знания морали и нравственности, накопленные тысячелетиями и являющимися для сфер медицины и фармации фундаментальными, поскольку связаны напрямую с сохранением здоровья людей. Тенденция на импортозамещение последних лет в фармацевтическом производстве, создание и продвижение отечественных лекарств подразумевает особые требования биоэтики, а отношение к обслуживанию населения в соответствии с позицией «не навреди» повышает уровень фармацевтического информирования населения, возвращение доверия к отечественным препаратам. Отсутствие знаний этики в своей профессиональной сфере осложняет работу фармацевта, и требует дополнительной образовательной подготовки по вопросам фармацевтической этики в процессе фармацевтического информирования и консультирования.

Фармацевтическая этика является частью этики. Как прикладная наука она изучает морально-этическую культуру фармацевтического работника, нормы поведения и этико-психологические аспекты взаимоотношений всех участников фармацевтического взаимодействия. Милосердие, исключительная терпимость, желание помочь и понять пациента — основы профессии фармацевта, как человека видящего глаза в лицо.

Фармацевтическая этика тесно связана с медицинской этикой, поскольку деятельность врача и фармацевта направлена на сохранение и укрепление здоровья человека. Фармацевтическая этика, как самостоятельный курс, входит в состав комплексной программы этико-психологической подготовки провизора на уровне высшего образования. На уровне средне-профессионального образования фармацевтическая этика изучается не комплексно, а в комбинации социально-гуманитарных дисциплин. Особое место в ней занимает формирование этической компетентности фармацевтического работника как субъекта фармацевтической деятельности. Это вызвано тем, что объектом профессиональной деятельности фармацевта является человек и его жизнь как ценность. Актуальность этико-психологической и нравственно-профессиональной подготовленности будущего фармацевта определена необходимостью осуществлять социальный контроль в вопросах потребления лекарств человеком, которые порождают новые морально-этические и психологические проблемы во взаимодействиях: «фармацевт — потребитель лекарства», «фармацевт-биотехнолог», «фармацевт — техник». Качество и своевременность оказания фармацевтического консультирования и информирования тесно связана с проблемой обилия средств, не зарегистрированным в качестве лекарственного средства, «наводнением» рынка небезопасными и некачественными фармацевтическими продуктами, и неспособностью контрольно-разрешительной системы в полной мере гарантировать защиту потребителей от негативных последствий этих лекарственных средств.

Профессиональная этика освещает вопрос оказания профессиональных услуг или производства фармацевтических продуктов, что особенно важно учитывать при работе с такой абсолютной ценностью как жизнь и здоровье. Профессиональная фармацевтическая этика раскрывает вопросы применения многообразия нравственных истин, нравственно-профессионального императива во взаимодействии фармацевта и потребителей лекарственных препаратов и пара фармацевтики. Фармацевтическая этика является областью биоэтики, изучающей профессионально-нравственные, правовые, социальные проблемы, актуальные на всех этапах получения лекарственного препарата от создания до доведения до потребителя. Специалист, создающий препарат и отдающий его в руки покупателю тесно связаны аспектом заботы о здоровье нуждающегося в лекарстве. Жизненный цикл лекарственного средства включает создание активной субстанции, проверку эффективности лекарства в отношении болезни, процесс доклинических и клинических испытаний, связанный с людьми (испытуемыми), процедуре регистрации лекарства, производства, доведении до потребителя и утилизации.

Акцент на актуализацию естественнонаучных дисциплин не позволяет реализовать концепцию синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания, и как вариант решения этой задачи нами предлагается дисциплины социально-гуманитарной направленности, корректирующее «обучение на навыки». Фармацевтический и этический подход в сфере обращения лекарств формирует вызов, состоящий в обновлении содержания образования и введения элективной гуманитарной дисциплины «фармацевтическая этика в современном профессиональном пространстве». Отсутствие специализированной направленной подготовки является серьезным барьером в подготовке фармацевтов в аспектах профессиональной направленности, морального облика, личностных и гражданственных идеалов.

Основы данной дисциплины предполагают определить базовые принципы обучающимся первого курса представление о том, чем он будет заниматься в будущей профессиональной жизни, какие ждут его задачи, какие биоэтические проблемы он будет решать в своей профессиональной жизни. При разработке подходов к созданию учебно-методических комплексов сформулированы основные задачи дисциплины: рассмотрение основных этапов становления и развития фармацевтической этики как самостоятельной дисциплины; анализ основных направлений фармацевтической этики с усвоением практических вопросов основной проблематики; выработка представлений о смысле деятельности фармацевтического специалиста на современном фармацевтическом рынке в рамках этических составляющих профессии [2].

Ввиду сокращения подготовки фармацевтов до двух и трехгодичной программы по ФГОС «Фармация», учебный план предполагает реализацию данной дисциплины в полном объеме только на уровне высшего образования,

но отдельные элементы профессионально-этической подготовки возможно реализовать на уровне СПО на предметах психология общения и конфликтология в профессиональной деятельности. С 1 июня 2025 года аптеки в России официально станут частью системы здравоохранения, а фармацевты, получат доступ к льготам и социальным гарантиям, которые предусмотрены для медработников. Это означает, что фармацевты будут иметь право на льготные отпуска, медицинский стаж и другие преференции, как и врачи. Кроме того, это повысит престиж профессии, так как провизоры и фармацевты будут официально признаны частью системы здравоохранения, чей статус преимущественно определяется, как специалистов сферы торговли [3]. Подобное «повышение» в преференциях неотъемлемо сопровождается повышением требований нравственно-этических профессиональных компетенций к фармацевтическим работникам, и уровню оказываемых ими услуг населению.

Основы профессионального и нравственно-этического становления, формирование мышления высококультурного специалиста фармацевтической сферы, системы ценностей и смыслов, профессионального образа и «Я-концепции» современного фармацевта требует серьезного пересмотра программы обучения по специальности «Фармация» на уровне среднего и высшего профессионального образования [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина. Н. С. Фармацевтическая этика в системе подготовки провизоров. Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии. 2016. С. 241–243 (URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27548703_70642831.pdf дата обращения 22.05.2025)
2. Церковский А. Л. Ц 44 Фармацевтическая этика. Курс лекций: Учеб, пособие / А. Л. Церковский. — Витебск: ВГМУ, 2007. –143 с.
3. В Госдуме рассказали об изменениях в работе аптек с 1 июня. / РИА Новости: [информационный ресурс] –2025. (URL: <https://ria.ru/20250527/apteka-2019247199.html> дата обращения 22.05.2025)

Воронкин Алексей Николаевич,

Аспирант

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского

voron.alik@yandex.ru

АНАЛИЗ СПОСОБОВ/МЕХАНИЗМОВ ИЗМЕНЕНИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ И ПСИХОТЕРАПИИ.

В статье даётся теоретический анализ механизмов изменений через призму психологической работы индивидуально и в группах. Представлен исторический обзор с включением принципа актуальности, краткости и преемственности. Акценты в теоретическом анализе делаются с учётом практической ориентации материала. Основы философской антропологии и философии культуры дают прочный фундамент для трансформационных и психологически — ориентированных помогающих идей, которые способны служить людям в актуальное время.

Ключевые слова: диалектика, Фридрих Гегель, концепция развития, осознание, методы, теория изменений.

Voronkin A. N.

ANALYSIS OF METHODS/MECHANISMS OF CHANGE IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING AND PSYCHOTHERAPY.

The article provides a theoretical analysis of the mechanisms of change through the prism of psychological work individually and in groups. A historical review is presented with the inclusion of the principle of relevance, brevity and continuity. The emphasis in the theoretical analysis is made taking into account the practical orientation of the material. The foundations of philosophical anthropology and philosophy of culture provide a solid foundation for transformational and psychologically oriented helping ideas that can serve people in today times.

Keywords: dialectics, Friedrich Hegel, concept of development, awareness, methods, theory of change.

Сама жизнь представляет собой синоним измерения. Люди меняются сами, изменяют вокруг себя мира, порождая непрерывный поток трансформаций, создающих новое. Надежда на изменения представляет собой важную причину посещения кабинета психолога, и неважно, рождается изменение внутреннее или изменение внешнее. Поиск выхода из тупика, облегчение страдания или возможности стать новым человеком в любом случае так или иначе приводят человека к акту преобразования. Однако этот вопрос не столь линейно очевиден, как может показаться извне. Старое и знакомое с боем уступает место новому, однако нам не всегда ясны законы принципы, по которым это происходит.

Как неудивительно, ответ на вопрос о том, почему в одних случаях изменения происходят легко и просто, а в других случаях требуют

значительных усилий, лежит в самой природе этих противоречий. Фундаментальный закон развития, сформулированный Гегелем, гласит: «Противоречие есть корень всякого движения и жизненности...» [2, с. 67]. Некое исходное состояние (тезис) неизбежно встречается с некой своей противоположностью (антитезис). Это столкновение двух противоположностей порождает третье: синтез, качественно новый виток развития. Интересно отметить, что этот принцип верен как для истории философии, так и для жизни людей, борющихся с внутренним конфликтом или ищущих семейные компромиссы [3].

Задачи психотерапии и психологического консультирования в своей сущности связаны с тем, чтобы провести человека осознанно и продуктивно сквозь этот диалектический путь. Разные подходы психотерапии предлагают различные инструменты для встречи со своим «антитезисом», чтобы пациент смог совершить творческий акт, фактически найти тот самый уникальный «синтез», который разрешит его проблему и будет ответом на задачу об изменениях, которая и привела его в психотерапию. Эта статья представляет собой попытку проследить различные маршруты рождения третьего, «синтеза», рассматривая различные теоретические подходы и то, как они выливаются в практику, а также то, как практика обогащает теорию в бесконечном круге развития науки о человеческой душе [4, с. 93].

Несмотря на то, что идея Гегеля о относительности того, что любое развитие происходит через борьбу и синтез противоположностей, неподготовленному читателю может показаться отвлечённой философской идеей, именно она предлагает наиболее точную и наиболее глубокую метафору психологических изменений, происходящих во время психотерапевтического процесса [4]. Любая личностная трансформация начинается с возникновения внутреннего противоречия, своего рода «антитезиса» к «тезису», который представляет собой уже устоявшаяся состояние. В рамках психологического консультирования или психотерапии таким «тезисом» может быть привычная, но нежелательная или разрушающая модель поведения (например, тенденция избегать конфликтов или, напротив, включаться в конфликт там, где интересы личности этого не требуют), неудовлетворяющая роль в парных отношениях или некоторые устаревшее, потерявшее актуальность убеждения о себе («я не способен ни на что», «я слишком мал и слаб для этого»). В таком случае «антитезисом» становится понимание и осознание того эмоционального дискомфорта, который приносит модель поведения или убеждение, некоторые новые знания о себе, вызывающие противоречие, или новое знание о себе, полученное в рамках самой психотерапии. Также случается, что таким «антитезисом» становится некоторое внешнее событие, которое столь велико по силе своего воздействия, что игнорировать его не представляется возможным. Возникновение этого противоречия порождает напряжение и внутренний кризис, и эта ситуация обычно вызывает

у человека значимый дискомфорт. Несмотря на то, что мы привыкли считать эмоциональное напряжение и дискомфорт чем-то самим по себе представляющим проблему, именно в этой точке дискомфорта и недовольства и заключён необходимой для психотерапии потенциал для роста [4].

В рамках психологической практики целесообразно рассматривать сопротивление клиента изменениям как некоторую борьбу между «тезисом» и «антитезисом». Тенденция, стремящаяся сохранить целостность уже существующей системы, даже если она утратила свою эффективность, сталкиваются с новой силой, толкающей человека к развитию. В этой ситуации задача психотерапевта или психолога не сломать сопротивление, как можно было бы ожидать в более линейном подходе, а помочь клиенту выдержать связанное с ним напряжение и преобразовать его в творческий поиск третьего, то есть «синтеза». Результатом этого процесса становится не компромисс, а качественно новое решение, которое интегрирует в себе всё ценное и значимое из старого состояния и также энергию нового состояния. Например, «синтезом», появляющимся в результате работы с конфликтом между позицией «я должен быть сильным» (тезис) и «я чувствую истощение» (антитезис) может стать принципиально новое убеждение «я могу быть сильным, но имею право на отдых».

Таким образом, диалектическая модель переводит психотерапию в новое измерение из плоскости простого исправления проблемы или устранения недостатков в плоскость естественного и закономерного развития человека. Она легитимизирует внутренний конфликт, превращая его из проблемы или временного кризиса в двигатель к необходимому на пути развития изменению, к большей целостности личности и большей её адаптированности. Этот взгляд позволяет увидеть в сопротивлении клиента не угрозу, а точку приложения сил и возможности в работе психолога. Для этого взгляда основной задачей будет создание условий, в рамках которых возможно рождение нового.

В то время как диалектический подход описывает общий план и механизм изменения, конкретная сцена, где разворачиваются эти изменения, представляет собой границу контакта между внутренним миром личности и окружающей её внешней реальностью [6]. Стабильная и структурированная система личностных конструктов, убеждение, взглядов и привычек (т.е. «внутреннее») здесь сталкивается с динамично изменяющейся средой, неожиданными событиями, идущими вразрез устоявшегося мнениями высказываниями решениями других людей, общими требованиями среды, которые могут существенно меняться в зависимости от различных обстоятельств (т.н. «внешнее»). В этом контексте, безусловно, возникает вопрос: что первично в запуске изменения и внутреннего конфликта — внутренний импульс человека или внешний стимул? Парадокс этой ситуации состоит в том, что эти два явления неразделимы и обусловлены наличием друг друга. Любое внешнее событие может обрести свою силу лишь в ситуации, когда оно находит определённый

отклик во внутреннем мире личности, с другой стороны, любая назревшая внутренняя потребность или проблема ищет своего выражения вовне [6, 8].

Непрерывный процесс обмена между внутренним и внешним можно сравнить с биологическим процессом дыхания. Человек как будто «вдыхает» новые впечатления и опыт из внешнего мира, ассимилирует и включает их в собственный внутренний мир, и «выдыхает» — действует, активно меняет окружающую среду, выражает и проявляет себя. Случай, когда устоявшийся ритм между этими двумя процессами по какой-либо причине оказался нарушен, например, если человек закрывается от внешних влияний или, напротив, чрезмерно подчиняется им, теряя оригинальность и гомеостаз внутренней среды, возникают различные психологические трудности. В данном случае обращение к психологу будет отвечать стремлению найти помощь в восстановлении здоровой проницаемости этих границ. В зависимости от конкретной ситуации оно может быть направлено как на повышение проницаемости границ между внутренним и внешним, знакомство клиента с внешним опытом, ранее отвергаемым, так и наоборот в поддержке осознания и выражения этих внутренних импульсов, которые по каким-либо причинам были подавлены и не находили своей реализации [8].

Обобщая эту мысль, необходимо констатировать, что изменения представляют собой нелинейный путь от одной точки к другой, а сложный и непрерывный диалогический процесс. Консультирование и психотерапия в рамках развития этого диалога могут выступать в качестве анестезии и проводника в одно и то же время: это помогает как сделать встречу с новым менее пугающей и менее травматичной, обеспечивая поддержку и понимание механизмов происходящего, и также направляют процессы, поддерживая клиента на его пути и не позволяя ему окончательно заблудиться в лабиринте собственных противоречий сознания. Как философия, однажды возникшая для того, чтобы человек смог осмыслить устройство окружающего мира и облегчить страдания собственного неведения, так и современная психология возникла для того, чтобы сопроводить человека в акте сам становления через взаимодействие с окружающим миром [1, 7].

Однако, что может означать это сопровождение изменений в реальной психологической практике? Чтобы не заблудиться вместе с клиентом в лабиринте его противоречия, хорошего специалисту нужно не только эмпатия и способность сопереживать, но и своего рода «карта» процессов изменений. Целесообразно рассмотреть некоторые универсальные понятийный маршрут, который описывает наиболее важные элементы и точки, через которые проходят изменения практически любого человека, ставшего на путь трансформации. Верно понимая последовательность этих шагов, терапевт может точно определять, где находятся его клиенты и какие вмешательства могут помочь ему в его трансформации [1].

Первым пунктом является мотив или смысловое обоснование изменений. Это основной толчок, главный двигатель процесса, без которых любые изменения могут остаться лишь абстрактной идеей. Это причина, запускающие изменения и дающие энергию движению к новому. Без личного смысла и без осознанного желания любая попытка измениться будет фактически бессмысленной, сводясь ко внешним усилиям, лишённым внутреннего импульса для начала движения.

После возникновения этого первого импульса неизбежно запускается сопротивление новому. Следует рассматривать его не как затаённого врага любой терапии, а как естественную и здоровую реакцию психики на что-то, угрожающую её целостности и стабильности уже существующей системы. Сопротивление сообщает нам, что затронуто нечто важное, однако часто не осознаваемое. Таким важным может становиться страх перед неизвестностью, наличие некоторых вторичных выгод от текущего состояния, или, как часто бывает, защита от потенциальной боли, связанной с переменами. Адекватная работа с таким сопротивлением является не силовым его преодолением, а нежным и аккуратным исследованием причин и корней возникающего сопротивления. Важно не только разобраться, но и помочь осознать клиенту, что именно представляет собой это сопротивление.

Следующим этапом на пути к изменениям является осознание своего точного места или статуса на момент проведения такой оценки. Неизбежная смена баланса сил [6] провоцирует этап честной и беспристрастной проверки происходящего. Речь идёт о глубоком осознании отправной точки любых изменений. Любые эмоции, мысли, телесные ощущения и модели поведения составляют ту текущую реальность клиента, от которой необходимо оттолкнуться и понимание которой даёт возможность запуску всех остальных изменений. Это своего рода диагностический взгляд на опорную точку отсчёта, который необходим самому пациенту для возможности построить путь изменения к желаемому будущему. Следует отметить, что это также позволяет корректно оценить масштаб предстоящего пути.

После того, как исходная точка была сформулирована, следующим необходимым шагом является формулирование конечной цели запланированного маршрута. Следует понимать, что такая точка должна быть не абстрактной, а конкретной, осязаемой и экологично вписывающейся в жизнь клиента. Хорошая формулировка цели терапии раскрывает, как можно понять, что необходимая цель достигнута, что именно должно измениться в действиях, восприятии и ощущение пациента. Это превращение туманного желания в конкретный и достижимый образ результата, который начинает притягивать и направлять соответствующие действия.

Далее в терапевтическом процессе должно произойти присвоение авторства: переход от пассивного ожидания некоего чуда активной позиции творца собственных изменений. Этот этап отвечает на вопрос «как?»

и передаёт клиенту ответственность за формулирование и прохождение его пути. Это фактически этап планирования, поиска первых шагов и конкретизации не только результатов, но и действий. На этом этапе работы клиент становится активным действующим лицом в собственной жизни.

В следующую ступеньку работы представляет собой выбор конкретного метода. Общий план обрабатывает конкретизацией, приобретает необходимые инструменты. В зависимости от подходов различных терапевтических школ конкретные методы и техники могут существенно различаться. Выбора необходимых действий зависит от особенностей клиента, сущности его проблемы и этапы пути, на котором он находится. Хорошей терапевт обладает достаточной гибкостью при выборе методов в рамках своего подхода.

Основным инструментом воздействия является психологическая интервенция. Это некоторое конкретное действие терапевта, осуществляемое в рамках выбранной ранее стратегии и направленное на запуск какого-то конкретного ожидаемого сдвига. Интервенция может быть очень точным словом, вопросом или техникой, которую психотерапевт или психолог предлагают клиенту в конкретные моменты терапевтического процесса. Цель такой интервенции — прервать некий автоматический шаблон, расширить сознание, проверить некоторую терапевтическую гипотезу на практике или поддержать некий новый опыт, превратив в терапевта в катализатор изменения.

Хотя описанный выше процесс изменения универсален в своей основе, однако различные школы психологии и психотерапии предлагают несколько разное понимание как динамики, так и инструментов движения по описанному пути. Каждое психологическое направление концентрируется на различных механизмах и этапах изменения человека. Это позволяет терапевту быть более гибким выборе подхода в соответствии с потребностями и запросами его клиента. Разнообразие методов целесообразно рассматривать не как противоречие, а в качестве расширения и обогащения возможной практики, опции для выбора различных углов зрения для одной и той же проблемы одной и той же человеческой личности.

Так, например, психоаналитическая традиция фокусируется на осознании бессознательного. Её центральная идея представляет собой работу с материалом, вытесненным из сознания. Сюда попадают неосознаваемый конфликты, детские травмы, защитные механизмы. Работа терапевта здесь не столько прямое обучение новому поведению, сколько медленные, последовательные и аккуратные действия по изучению прошлого через анализ свободных ассоциаций, сновидений, ошибочных действий и феномены переноса. Наиболее успешная терапия в рамках этого подхода не просто разрешает конкретную проблему, которая привела человека в кресло в кабинете всех терапевтов, фундаментальная перестройка клиента. По мере того, как ранее сознание становится сознательным, человек получает свободу выбора там, где ранее действовал автоматический паттерн, не всегда приводящий

к удовлетворительным результатам. Работая в психоаналитическом подходе, психотерапевт или психолог имеет дело с наиболее глубокими и коренными уровнями изменения личности [9].

Гештальт-подход и гуманистическая парадигма в психологии сходны в том, что концентрируются на настоящем моменте и на целостности личности клиента. Для психолога или психотерапевта, работающего в гештальт-подходе, изменения происходят не через глубокий анализ и обращение к прошлому, а через углубление контакта с актуальными переживаниями, происходящими «здесь и сейчас». Работа в рамках этой парадигмы строится на осознании того, как прерывается естественный цикл удовлетворения потребности, и на экспериментирование с новыми способами решения проблем в рамках безопасных условий терапевтического кабинета [7]. Это роднит гештальт-подход с гуманистическим направлением, основанным Карлом Роджерсом. Следует отметить, что гуманистическое направление ставит в центр своей работы саму актуализацию и обретение подлинности. Изменения в рамках этого подхода рассматриваются не как исправление некоторого недочёта или своего рода психической поломки, а раскрытие глубинного внутреннего потенциала человека. Оно возможно только в ситуации безусловно принятия, эмпатии и конгруэнтности терапевтов. О последнем Роджерс пишет: «Было обнаружено, что развитие человека ускоряется, когда терапевт являет себя ему таким, каким он есть в действительности, когда его отношения с клиентом искренни, без «маски» или «фасада», когда он выражает чувства и отношения, которые в настоящий момент им переживаются. Чтобы обозначить это условие, мы воспользовались новым словом «конгруэнтность» [8, с. 96]. Это отчасти сходно с гештальт-подходом, однако оставляет свои собственные содержательные акценты. Основное направление изменений здесь адресовано тому, как человек может быть ближе к самому себе и более корректно соответствовать актуальной ситуации [8, 10].

Наиболее структурированный подход к изменениям предлагает когнитивно-поведенческая терапия [1]. В её рамках рассматриваются вопросы того, как мысли определяют эмоции и поведение. Любое изменение, рассматриваемое в рамках этого подхода, лежит в плоскости работы с мышлением. Психотерапевт или психолог в рамках данной парадигмы занимается выявлением, оспариванием и модификации различных дезадаптивных убеждений и когнитивных искажений, касающихся себя и окружающего мира. Здесь терапевт и клиент работают как товарищи или коллеги, имеющие общую проблему. Работа ведётся через поведенческие эксперименты (что роднит этот подход с гештальт-парадигмой), а также через отработку новых навыков. В отличие от психоанализа, когнитивно-поведенческая терапия фокусируется не на корне проблемы и её причинах, а на процессе и механизмах актуальных изменений. Здесь важнее не то, что породило трудности клиента, а то, что непосредственно в настоящий момент мешает ему измениться и устранить

проблему. Этот взгляд на психотерапию считается наиболее эффективным для работы с конкретными симптомами и проблемами, например, депрессией, тревогой и конкретными фобиями [1, с. 27].

Можно сделать очевидный вывод, что подходы, несмотря на своё большое теоретическое различие, не столько конкурируют за одну и ту же проблему, сколько дополняют друг друга, работая с разными уровнями психики и клиентских проблем. В современной психологии терапевт, работающий в интегративном подходе и понимающий описанный выше неизбежный маршрут любого изменения, может обогатить свою практику, используя инструментарий различных школ, чтобы наиболее корректно помочь своему клиенту пройти путь от осознания нарушенной глубинной потребности до выработки конкретных новых стратегий жизни [7, с. 338].

Следует понимать, что переход к реальной практике требует конкретных практических рекомендаций. Универсальный маршрут, описанный выше, может найти своё воплощение в практическом цикле динамики изменений. Это своего рода последовательность стадий, через которые проходит пациент. Следует понимать, что цикл описывает не столько то, что человек должен думать, сколько то, что с ним фактически происходит.

На первом этапе работы обычно происходит сопротивление. Это встреча с новым (антитезисом) и защита старого (тезиса). Это активный процесс, который хотя и выглядит как отсутствие некоторого движения, тем не менее подразумевает распознавание психикой нового и возникновение естественной реакции, направленной на поддержание гомеостаза. Проявляться у разных пациентов оно может по-разному, через отрицание, интеллектуализацию, гнев и даже отказ от терапии. Важно понимать, что задача терапевта здесь не столько ломать защиту, сколько помочь клиенту корректно её распознать и понять скрывающиеся за ней процессы. Это позволяет включить сопротивление в терапевтическую работу [8, с. 112].

Следующий этап представляет собой своего рода застревание в мыслях. Оно выглядит как чрезмерно длительное обдумывание и уход в рассуждения, однако представляет собой по сути фазу активного внутреннего диалога. Клиент начинает взвешивать возможные аргументы за и против, начинает планирование, рассматривает возможные сценарии. То, что со стороны может показаться нерешительностью, на самом деле является поиском информации и направления дальнейших действий. Психотерапевтическая работа на этом этапе должна включать в себя поддержку этого процесса: переструктурирование мыслей, поддержку исследования альтернатив и поиска дополнительных личностных ресурсов для потенциальных изменений [1].

Вслед за этими фазами, после завершения обдумывания наступает этап подготовки и мобилизации. Клиент переходит от обдумывания к действию, начинает собирать свои внешние внутренние ресурсы, определяет точку своего нахождения и дальнейший маршрут. Роль терапевта здесь сводится

к поддержке, но также и к проверке реалистичности выстроенных клиентом планов [1, 7].

Следующий этап неизбежно подразумевает осуществление задуманного. Это наиболее заметная и наиболее энергозатратная фаза. Сформированное намерение воплощается в реальное действие. Клиент может активно менять модели и паттерны поведения, пробовать новые стратегии, выходить из зоны комфорта. Следует понимать, что именно на этой фазе наиболее вероятны срывы, нарушения плана, фрустрация и прочие проявления старой системы привычного сопротивления. Здесь терапевту необходимо поддерживать и помогать анализировать возникающий опыт, в том числе и неудачный [8]. Важно не дать клиенту потерять фокус на своей цели и помочь ему гибко корректировать стратегию, особенно в случаях, когда она оказывается неэффективной. Говоря словами самого К. Роджерса, «Во всем том, что далее будет говориться о процессе изменения, я предлагаю, что его постоянным фактором, самым благоприятным и наилучшим условием служит принятие» [8, с. 192].

Активной фазой наступает этап обработки и присвоения опыта. Своего рода интеграция. Никакие изменения нельзя считать состоявшимся, как пока оно не закрепилось как новый, естественный способ функционирования. Здесь происходит ассимиляция полученного опыта, обучение жизни с новыми навыками, ролями и убеждениями, переструктурирование личности клиентов. Задача терапевта на этом этапе — поддержать процесс, сохраняя его осознанным. Кроме того, целесообразно уделить внимание предотвращению рецидивов и разработке осознанных стратегии самоподдержки [8].

Следует понимать, что описанный цикл изменений представляет собой не столько линейную прямую, сколько некоторую спираль, где прохождение последнего этапа, интеграция, открывает новый виток развития. «Синтез», выполненный на более раннем этапе развития, открывшей более сложную точку зрения для того жизненного этапа, в котором находился клиент, неизбежно со временем превращается в «тезис», который встречает свой «антитезис» и запускает новый цикл изменений. Понимание этой цикличности позволяет как клиенту, так и терапевту относиться к трудностям и затруднениям, возникающим на терапевтическом пути, как к закономерным этапам бесконечного пути развития [2, 7]. «Психотерапия — это процесс циклического движения от изоляции к отношениям», говоря языком И. Ялома [10, с. 251].

Обобщая вышесказанное, необходимо констатировать, что процесс психологического изменения представляют собой нелинейный путь исправления неполадок, а сложный диалектический процесс между внутренним миром личности и внешней реальностью. Успешность продвижения этого процесса определяется не столько техникой, сколько качеством контакта пациента с самим собой и с окружающей реальностью, в частности в лице психотерапевта. Важным условием успешности терапевтического процесса является внутренняя готовность клиента к столкновению с изменениями. Без этой

фундаментальной готовности, основанной на осознанном желании и понимании смысла изменений, любые попытки типы терапевтического процесса останутся лишь поверхностным воздействием, встречающим бездумное подчинение или тотальное сопротивление.

Следует понимать процесс изменений в рамках психотерапии как экзистенциальный феномен [10]. Так или иначе, мы сталкиваемся с осознанием конечности жизни, что может как парализовать, так и служить мощной мотивационной точкой. Концепция дел, которые останутся после смерти человека, открывает путь к смысловому наследию и позволяет выйти из тупика страха перед небытием и изменением. Ялом в своей работе «экзистенциальная психотерапия» пишет об этом очень ясно: «Если ничто изначально не предназначено — значит, каждый из нас должен сам творить свой жизненный замысел. Но может ли это собственное творение быть достаточно прочным, чтобы выдержать нашу жизнь? Этот экзистенциальный динамический конфликт порожден дилеммой, стоящей перед ищущей смысла тварью, брошенной в бессмысленный мир» (с. 27). В этом контексте само по себе изменение представляет собой не просто решение некоторой проблемы, а глубинный творческий акт самоосуществления, шаг кто версии себя, которая способна оставить свой полноценный уникальный свет. Это вызов для каждого, заключающийся в обретении своего дела, продающего жизни смысл и превращающего саму жизнь в бесконечный поток значимых трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, Д. Когнитивно-поведенческая терапия: от основ к направлениям / Джудит Бек. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — 416 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — Москва: Мысль, 1970. 480 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики в 3 ч. Часть 2. Учение о сущности / Г. В. Ф. Гегель; пер. Б. Г. Столпнер. — Москва: Юрайт, 2025. — 169 с. — (Антология мысли).
4. Корнилова, Т. В. Методологические основы психологии: учебник для вузов / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. — Москва: Юрайт, 2021. — 489 с.
5. Левин, К. Теория поля в социальных науках / Курт Левин. — Санкт-Петербург: Речь, 2000. — 368 с.
6. Перлз, Ф. С. Внутри и вне помойного ведра; Практикум по гештальт-терапии / Ф. С. Перлз, Р. Хефферлин, П. Гудмен. — Санкт-Петербург: Петербург-XXI век, 1995. — 352 с.
7. Прохазка, Дж. Системы психотерапии: пособие для специалистов в области психического здоровья / Дж. Прохазка, Дж. Норкросс; пер. с англ. — 6-е междунар. изд. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2018. — 448 с.
8. Роджерс, К. Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / Карл Р. Роджерс. — Москва: Эксмо-Пресс, 2001. — 416 с.
9. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции / Зигмунд Фрейд. — Москва: АСТ, 2025. — 478 с.
10. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / Ирвин Ялом. — М.: Римис, 2008. — 576 с.

ЛИЧНОСТНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА

УДК: 159

Демидова Ирина Александровна,
психолог-консультант,
магистрант, кафедра психотравматологии
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
demidova-irina@mail.ru

АВТОРСКАЯ ПРОГРАММА БИБЛИОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА ДЛЯ ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ЛИЧНОСТНОГО КРИЗИСА

В статье представлена авторская программа библиотерапевтического тренинга, направленная на психологическую поддержку женщин, находящихся в состоянии личностного кризиса. Обоснована актуальность исследования в контексте психологических трудностей, с которыми сталкиваются женщины в кризисные периоды. Приведены результаты эмпирического исследования, подтверждающие перспективность применения программы в консультативной практике.

Ключевые слова: личностный кризис; женщины; библиотерапия; арт-терапия; психокоррекционная программа; библиотерапевтический тренинг.

Demidova I. A.

AUTHORIAL PROGRAM OF BIBLIOTHERAPY TRAINING FOR WOMEN EXPERIENCING PERSONAL CRISIS.

The article presents an author-developed bibliotherapeutic training program designed to provide psychological support to women experiencing a personal crisis. The relevance of the study is substantiated in the context of the psychological challenges faced by women during crisis periods. The paper reports empirical findings that indicate the promise of implementing the program in counseling practice.

Keywords: personal crisis; women; bibliotherapy; art therapy; psychocorrectional program; bibliotherapeutic training.

Постановка проблемы. Жизнь современной женщины постоянно усложняется, ставит перед ней все новые и новые задачи, такие как необходимость ориентироваться в большом объеме информации, меняться, подстраиваться, изучать новое и при этом сохранять душевное равновесие и стабильность. Стремительные социально-политические перемены, пандемии, наряду с стихийными бедствиями и войнами вызывают увеличение напряжения и стресс, становятся причиной повышения уровня общей тревожности, возрастания таких переживаний, как страх за будущее, одиночество, бессмысленность существования.

В обычной жизни у женщины также могут возникать кризисные состояния — на почве межличностных (семейные, дружеские, рабочие) и внутриличностных разногласий. Кризис может быть вызван ухудшением состояния здоровья, возрастными проявлениями, болезнью, разводом, вынужденной сменой места жительства, ухудшением материального положения и другими факторами.

Для женщин, переживающих личностный кризис, не последнюю роль играют также и социокультурные факторы, например, внутренние конфликты, связанные с невозможностью соответствовать ожиданиям окружающих, противостоянием давлению общества относительно ролей жены, матери, профессионала. Эти факторы также могут усиливать стресс и ощущение несостоятельности.

Важно учитывать, что личностный кризис при неблагоприятном течении способен перерасти в психическую травму: продолжительное пребывание в состоянии дистресса и беспомощности может стать основой для посттравматического стрессового расстройства [9].

В связи с этим становится очевидно, что своевременное распознавание и преодоление кризисных состояний является задачей первостепенной важности в консультативной практике.

Понятие личностного кризиса рассматривается в психологии как особое состояние, возникающее при столкновении человека с жизненными ситуациями, требующими перестройки мировоззрения, ценностей и образа жизни. Кризис характеризуется ощущением тупика, невозможностью жить «по-старому» и непониманием, как жить дальше; он часто сопровождается сильным эмоциональным напряжением, тревогой, дистрессом и потерей чувства устойчивости. Сущностной особенностью любого кризиса является разрыв привычного хода жизни: человек не может функционировать как ранее, а новый путь еще не найден. Кризис — это «поворотный пункт человеческой судьбы, в котором рушатся основы предыдущей жизни, а новой еще не существует...» [11].

Способность справляться с кризисом во многом определяется набором используемых стратегий совладающего поведения (копинг-стратегий). Кризис может носить адаптивный (нормативный) характер и тогда через преодоление трудностей личность приобретает новый опыт, развивается и расширяет репертуар совладающих стратегий [14].

К конструктивным копинг-стратегиям относят активное решение проблем, поиск социальной поддержки, положительную переоценку ситуации, принятие ответственности за изменения. Неконструктивные (дезадаптивные) копинги включают избегание и бегство от проблем, вытеснение чувств, агрессивное конфронтационное поведение, отказ от ответственности. Исследования показывают, что у переживающих кризис женщин нередко доминируют

стратегии дистанцирования (эмоционального отстранения от проблемы), бегства-избегания (ухода от ситуации) [12].

Одновременно отмечается, что у женщин в кризисе несколько снижена уверенность в себе и асертивность — способность отстаивать свои границы конструктивно: они чаще демонстрируют неуверенное поведение в коммуникации либо, напротив, чередуют его с вспышками агрессии [14]. Эти особенности свидетельствуют о дефиците конструктивных ресурсов совладания, что обосновывает необходимость психологической поддержки женщин в период жизненного кризиса.

В то же время у женщин имеется серьезный потенциал для преодоления трудностей: эмпирически установлено, что женская аудитория гораздо чаще, чем мужская, обращается к ресурсам воображения и символической деятельности для эмоциональной саморегуляции. Чтение художественной литературы, ведение дневников, просмотр вдохновляющих историй относятся к распространенным женским способам переживания стрессов. Мужчины, напротив, реже используют обращение к книге или психологу как способ совладания [2]. Этот факт особо подчёркивает перспективность библиотерапии как метода помощи женщинам: опора на литературные образы и истории является для них более естественным и приемлемым путём самопознания и эмоциональной разрядки. Кроме того, библиотерапия не вызывает тревоги и дискомфорта (как, например, прямое обращение к психотерапии), что важно для части женщин, предпочитающих сначала искать поддержку в самостоятельной работе над собой.

Библиотерапия как метод поддержки. Термин сформировался на стыке психологии и библиотечной практики и в настоящее время трактуется как разновидность арт-терапии.

Согласно определению А. Е. Алексейчик, библиотерапия представляет собой «лечебное воздействие с помощью литературы, целью которого является нормализация или оптимизация психического состояния клиента» [1] Похожее определение дает А. А. Осипова, подчёркивая коррекционный аспект: библиотерапия — это «специальное воздействие на человека посредством чтения подобранной литературы с целью оптимизации его психологического состояния» [9].

Иными словами, данный подход подразумевает, что правильно выбранная книга может выступать в роли «лекарства для души», помогая человеку переосмыслить ситуацию, найти эмоциональную опору, снизить уровень тревоги.

В зарубежной и отечественной практике выделяются разные формы библиотерапии: клиническая библиотерапия (в медицинских учреждениях), развивающая и поддерживающая (в рамках работы психологов, социальных служб, образовательных организаций), а также самопомощь посредством чтения.

Общий механизм воздействия литературы основан на нескольких эффектах. Во-первых, это эффект идентификации — читатель соотносит себя с персонажем, проживает схожие эмоции, что дает ощущение «не я один такой» и нормализует переживание. Во-вторых, происходит катарсис — эмоциональная разрядка через сопереживание герою. В-третьих, чтение может стимулировать инсайт — новое понимание своей ситуации, подсказанное поступками или мыслями литературных персонажей.

Наконец, библиотерапия предоставляет богатый материал для переключения внимания и появления новых смыслов: погружаясь в историю, человек временно дистанцируется от собственных тревог, что снижает остроту эмоциональных реакций и открывает пространство для размышлений над альтернативными способами действий.

Актуальность применения метода библиотерапии для преодоления кризиса. Чтение и последующее обсуждение книг позволяет достичь сразу нескольких терапевтических целей. Во-первых, через литературу клиент получает поддержку и утешение: видя, как героиня переживает похожие трудности, женщина ощущает сопричастность, что ее чувства естественны и понятны. Это способствует снижению уровня тревоги и отчаяния. Во-вторых, библиотерапия повышает осознанность и самопонимание: анализируя поступки героев, читательница проецирует их на свою жизнь, лучше понимает мотивы собственных переживаний, выявляет глубинные причины кризиса. В-третьих, через книгу можно обучать человека новым моделям совладания: многие произведения (будь то художественная проза или популярная психология) прямо или косвенно предлагают стратегии преодоления трудностей. Увидев на примере героя альтернативные способы действий, женщина расширяет свой репертуар копинг-стратегий, учится находить выбор там, где раньше его не замечала. В-четвертых, чтение нередко даёт импульс к личностному росту: вдохновляющие истории пробуждают в человеке ресурсы, мотивацию к изменениям, возвращают оптимизм и веру в собственные силы.

Наконец, библиотерапия может быть организована в формате групповых встреч (книжных клубов или терапевтических групп), что обеспечивает эффект сообщества — взаимодействие участниц друг с другом, обмен мнениями о прочитанном. Для женщин, находящихся в состоянии кризиса, ощущение поддерживающего женского сообщества особенно ценно: оно снижает чувство одиночества, повышает уверенность, дает пример взаимной эмпатии.

В контексте роста интереса общества к саморазвитию его граждан через литературу важно отметить, что, по данным опросов, за последние годы увеличилось количество женщин, читающих психологическую и мотивационную литературу. Библиотерапия выступает актуальным и востребованным подходом [18].

Подводя итог, можно сказать, что применение библиотерапии в консультативной работе с женщинами, переживающими кризис, весьма обосновано: этот метод опирается на естественную склонность многих женщин искать ответы в книге, обеспечивает мягкую, экологичную поддержку и способствует развитию адаптивных механизмов совладания с жизненными трудностями.

Общие сведения о программе. На основе теоретических положений нами была разработана и апробирована оригинальная программа психологической помощи женщинам, переживающим личностный кризис, посредством библиотерапии.

Программа представляет собой цикл из шести тематических занятий (модулей), проводимых с участницами экспериментальной группы. Занятия проходили в малой группе по 5–7 человек, один раз в неделю; продолжительность каждого сессии составляла ~4 часа. Структура занятий сочетала в себе групповую дискуссию прочитанного материала, выполнение психологических упражнений и индивидуальные творческие задания под руководством психолога.

Каждый модуль посвящен отдельной теме, отражающей ключевой аспект кризисного переживания, и связанный с определённой книгой, выбранной в качестве библиотерапевтического средства. Книги подбирались с учетом близости сюжетов к проблемам участниц, доступности языка и присутствия позитивного развивающего посыла.

В начале каждого занятия ведущий предлагал участницам поделиться впечатлениями от чтения, обсудить главных героев и события книги, после чего переходил к выполнению специальных упражнений (письменных или изобразительных), направленных на осмысление собственного опыта через призму сюжета.

В завершении сессии подводились итоги: участницы формулировали новые понимания о себе, делились эмоциональным состоянием, получали небольшое домашнее задание для закрепления результата (например, продолжить вести дневник наблюдений или перечитать понравившиеся отрывки). Ниже приводится содержание модулей программы, с указанием используемых литературных произведений и целей каждого этапа.

Модуль 1. Осознание и принятие своей точки старта

Литературная основа: Элизабет Гилберт «Ешь, молись, люби» [8]. Данный автобиографичный роман рассказывает о женщине, пережившей развод и эмоциональное опустошение, которая отправляется в путешествие в поисках себя. Сюжет отражает начало пути героини от чувства потерянности к обретению внутреннего баланса.

Цели модуля: помочь участницам осознать свое текущее эмоциональное состояние и принять факт нахождения в кризисе как отправной точки для изменений. Через обсуждение истории героини (которая честно признается себе

в неудовлетворенности жизнью и решается на перемены) женщины учатся признавать собственные чувства и потребности.

Практики: после обмена мнениями о книге участницы выполняли упражнения на саморефлексию. В частности, им предлагалось ответить письменно на вопросы: «Где я сейчас? Что я чувствую?», «Что я потеряла? Что и Кто всегда со мной?». Эти вопросы побуждают прямо взглянуть на свою ситуацию, назвать те изменения и потери, которые привели к кризису.

Для визуализации своего состояния применялась техника «Личный остров»: каждая участница рисовала или описывала метафорическое изображение своего внутреннего мира в текущий момент (например, пустынный остров, штормовое море или, наоборот, тихую гавань) — это позволило осознать доминирующие чувства и настроение. Завершалось занятие написанием письма себе: «Ты выстояла, потому что...». В этом упражнении женщина обращалась к самой себе от лица воображаемого поддерживающего персонажа (мудрой наставницы или собственного будущего «Я»), перечисляя свои скрытые ресурсы и причины, по которым она смогла выдержать испытания. Модуль 1 таким образом заложил основу для дальнейшей работы, способствуя принятию себя и мобилизации внутренней опоры.

Модуль 2. Границы, злость и конфронтация

Литературная основа: Фредрик Бакман «Здесь была Бритт-Мари» [4]. Главная героиня этого романа — женщина средних лет, которая после распада брака переезжает в незнакомый городок. По ходу сюжета она сталкивается с раздражением, гневом от накопившихся обид и одновременно учится выходить из привычной роли тихой домохозяйки, отстаивая своё право на новую жизнь.

Цели модуля: проработка темы подавленной агрессии и умения экологично выражать свои чувства, установления личностных границ. История Бритт-Мари демонстрирует, что злость сама по себе не разрушительна — при правильном обращении она становится источником энергии для перемен. На занятии участницы обсуждали, что злило героиню и как изменение окружения позволило ей переосмыслить свою жизнь.

Практики: Участницам было предложено проанализировать собственное отношение к гневу: «Когда и в каких ситуациях я обычно подавляю свою злость? Что происходит, когда эмоция «уходит вглубь»?». Далее, опираясь на образ героини, женщины формулировали, какие личные границы им хотелось бы начать отстаивать, чтобы чувствовать уважение к себе. Полезным упражнением оказалась техника завершения фраз: «Я злюсь, когда...», «Мне важно, чтобы...», «Моя злость — мой помощник, потому что...». Участницы заполняли эти фразы применительно к себе, учась переводить разрушающий гнев в конструктивное русло (через осознание своих потребностей и прав). В конце модуля группа обсудила, как героиня смогла не сломаться перед лицом трудностей и какой новый опыт она получила, позволив себе проявлять

твёрдость. В результате модуля женщины лучше осознали роль здоровой агрессии, приобрели навыки более асертивного (уверенного) поведения и отметили для себя границы, которые им необходимо защищать в жизни.

Модуль 3. Утрата и выживание

Литературная основа: Рэйнор Винн «Солёная тропа» [5]. Это документальная история семейной пары, внезапно потерявшей дом и узнавшей о смертельном диагнозе, после чего супруги отправляются в пешее путешествие вдоль морского побережья. Книга проникновенно описывает преодоление утраты, физические лишения и одновременно — силу духа героев, которые шаг за шагом заново обретают смысл жизни.

Цели модуля: исследование темы потерь и способов адаптации к новым обстоятельствам, укрепление надежды на будущее. Данная книга была выбрана, чтобы показать участницам примеры стойкости перед лицом серьезных потерь, научить их искать опоры в себе и окружении даже когда прежняя жизнь «сгорает дотла».

Практики: после обсуждения впечатлений от истории Рэйнор, каждая участница выполняла творческое упражнение «Жизненная тропа». На большом листе нужно было нарисовать символическую линию пути своей жизни — от прошлого через настоящее к будущему. На этом пути отмечались важнейшие события, развилки, утраты и достижения, которые случились с человеком. Это упражнение помогло интегрировать прожитый опыт — увидеть, что несмотря на потери, жизненный путь продолжается, и впереди могут быть позитивные возможности. Далее участницы отвечали на вопросы рефлексии: «Что (или кто) помогает мне держаться в трудные моменты? Что во мне самой осталось прочным, несмотря ни на что?». Эти вопросы акцентировали внимание на сохранившихся ценностях и внутренних ресурсах.

По итогам третьего занятия участницы отметили, что эмоционально тяжелая тема утраты стала им более понятна и перестала восприниматься как бессмысленный конец: они увидели, что даже из потерь может возникнуть новый жизненный сюжет, а значит — появился заряд оптимизма и смысла для дальнейшей работы над собой.

Модуль 4. Женская сила и идентичность

Литературная основа: Бонни Гармус «Уроки химии» [6]. Действие этого романа происходит в начале 1960-х годов; главная героиня — талантливый химик Элизабет Зотт, которой приходится бороться с предубеждениями и сексизмом в науке. Неожиданно она становится ведущей телевизионного шоу, где обучает готовке через призму химии, вдохновляя тысячи домохозяек верить в себя и заниматься наукой.

Цели модуля: актуализировать в участницах чувство собственной компетентности и силы, разобрать влияние гендерных стереотипов на самооценку, помочь каждой найти источники гордости за себя. История

Элизабет показательна тем, что героиня, несмотря на давление общества, не отказывается от своей индивидуальности и в итоге добивается успеха, оставаясь верной себе.

Практики: В начале занятия участницы перечисляли, с какими несправедливостями и социальными ожиданиями сталкивалась героиня, и сравнивали с собственным опытом (например, требование «женщина должна быть прежде всего хранительницей очага, а не строить карьеру» — знакомо ли это нашим участницам?).

Затем женщины выполнили упражнение «Мои сильные стороны»: каждому было без ложной скромности составить список 5 своих ключевых достоинств и достижений, которыми она гордится. Групповое обсуждение этих списков позволило участницам увидеть, насколько разнообразны их таланты и сколько значимых ролей они реализуют (мать, профессионал, творческая личность и т.д.). Далее в малых подгруппах разбирались вопросы: «Какие стереотипы или ожидания окружающих мешают мне быть собой?», «Какая женщина-героиня (литературная или реальная) меня вдохновляет и почему?». Второй вопрос отсылал к образам из прочитанной книги: многих впечатлил пример стойкости и остроумия Элизабет, и участницы выделили, что делает ее сильной (вера в науку, любовь к дочери, непоколебимость перед лицом критики). На основе этого каждая сформулировала, что помогает сильной быть именно ей самой — «вопреки и благодаря». Таким образом, модуль 4 укрепил у женщин чувство собственной идентичности, позволил им осознать свои преимущества и по-новому оценить опыт преодоления трудностей как источник силы.

Модуль 5. «альтернативные сценарии жизни»

Литературная основа: Мэтт Хейг «Полночная библиотека» [13]. В центре сюжета этого произведения — молодая женщина Нора, охваченная сожалениями о несостоявшихся возможностях. Попав в мистическую Библиотеку между жизнью и смертью, она получает шанс прожить альтернативные варианты своей жизни, основанные на иных выборах. Проживая множество вариантов судеб, героиня понимает ценность того, что у нее есть в реальной жизни.

Цели модуля: проработать чувство сожаления о прошлом и помочь участницам переосмыслить свой жизненный путь не как череду упущенных возможностей, а как оптимальный для них сценарий; развить умение принимать сделанные выборы и видеть новые варианты будущего.

Практики: Обсудив впечатления от необычного сюжета книги, женщины приступили к упражнению по написанию альтернативных сценариев. Каждой участнице предложили придумать и кратко описать два варианта своей жизни «если бы...» — например, если бы в прошлом она выбрала другую профессию, вышла замуж за другого человека или совершила какой-то упущенный поступок. Требовалось вообразить, как сложилась бы жизнь в том

сценарии: где живет героиня, чем занимается, счастлива ли. После творческого описания «жизней, которые могли быть» участницы ответили письменно на вопросы: «Что бы я сказала себе той, из альтернативной реальности? Есть ли у меня послание или совет самой себе, сделавшей иной выбор?» — этот прием позволил перевести фокус с сожаления на принятие, увидеть, что даже в воображаемой идеальной жизни есть свои сложности. Далее обсуждалось: «Что мешает мне делать выбор и менять жизнь сейчас, в настоящем?». Так группа вышла на осознание страховых убеждений (страх неудачи, ответственность перед близкими и т.д.), которые удерживают от перемен.

Заключительный этап упражнения — план действия: каждая назвала один конкретный шаг, который она готова сделать в ближайшее время для улучшения своей реальной жизни (пусть даже небольшой, но реальный). Благодаря модулю 5 участницы заметно снизили уровень сожалений о прошлом — они увидели, что любую возможность нельзя прожить безусловно идеально, а главное, что настоящее предоставляет им шансы, которые еще можно реализовать. Возросла мотивация к активным изменениям, поскольку женщины ощутили себя автором своей жизни, способным переписать сценарий к лучшему.

Модуль 6. Интеграция и новые смыслы

Литературная основа: Элизабет Гилберт «Большое волшебство» [7]. Эта книга представляет собой нон-фикшн размышления о природе творчества, смелости самовыражения и преодоления страхов, мешающих жить полной жизнью. Автор убеждает, что творчество доступно каждому и может проявляться в любом деле, если отказаться от перфекционизма и страха оценки.

Цели модуля: подвести итог терапевтического пути, интегрировать полученный опыт и сформировать у участниц оптимистичный взгляд на будущее, основанный на раскрытии их творческого потенциала. Выбор книги обусловлен тем, что после преодоления кризисных переживаний женщинам важно наполнить свою жизнь новым смыслом, творчески отнестись к построению дальнейшей судьбы.

Практики: В финальном занятии основное внимание уделялось символическому закреплению изменений, произошедших с участницами за время тренинга.

Первое упражнение — арт-терапевтическое: каждая нарисовала символ своего преобразования. Это мог быть какой-либо образ (животное, цветок, некий предмет или фантастический персонаж), который олицетворяет личностный рост и новые качества, приобретенные женщиной. Участницы представили очень разные символы — от феникса, восставшего из пепла, до распустившегося бутона или горящей лампочки идеи — и объяснили их значение.

Далее было предложено написать «Письмо себе в будущее» с обращением к самой себе через год: «Ты справилась, ты сильная, ты идёшь дальше...». В этом послании женщины закрепили те позитивные установки, которые хотят

сохранить после завершения программы, и выразили надежды на будущее, поддерживая сами себя.

Кроме того, было групповое задание: вспомнить и собрать пять вдохновляющих фраз или цитат, услышанных за время обучения (из книг или собственных открытий), которые участницы хотят оставить себе как личные лозунги. Обсуждение этих цитат наполнило встречу атмосферой воодушевления. Наконец, в формате свободной беседы женщины ответили на вопросы рефлексии: «Что изменилось во мне за этот путь? Какое самое главное открытие я сделала? Что я беру с собой как ресурс? Какое напутствие себе даю?». Эти заключительные размышления показали, что каждая участница прошла значимый путь: многие отметили рост уверенности в себе, появление новых целей, улучшение эмоционального состояния.

Модуль 6 завершил тренинг на положительной ноте, подчеркнув, что, хотя кризис и вызвал потрясения, преодоление его открыло для женщин новые смыслы жизни.

Результаты эмпирического исследования эффективности программы. Исследование проводилось по классической схеме «до/после с контрольной группой».

На предварительном этапе была сформирована экспериментальная группа из женщин, испытывающих выраженный личностный кризис ($n=15$), которым предстояло пройти описанный выше тренинг, и равная по численности контрольная группа из женщин с аналогичным уровнем кризисных переживаний ($n=15$), которые не получали психологической помощи в период исследования.

Все участницы прошли первоначальную диагностику, включавшую: авторский опросник признаков личностного кризиса, методику оценки совладающего поведения (опросник WCQ Р. Лазаруса в адаптации Т. Л. Крюковой) [17], шкалу личностной готовности к переменам (PCRS Н. А. Бажанова и Г. Л. Бардиер) [3] и опросник ассертивности (А-26 В. П. Шейнова) [16].

Данные первичной диагностики подтвердили, что обе группы сопоставимы по исследуемым параметрам: различий между экспериментальной и контрольной выборкой до начала тренинга не обнаружено ($p>0.05$ по всем показателям).

После этого экспериментальная группа в течение 6 недель участвовала в программе библиотерапевтических встреч, тогда как контрольная группа в этот период не была подвержена никакому вмешательству. По завершении тренинга была проведена повторная психодиагностика с использованием тех же методик, результаты которой сравнивались как внутри каждой группы (до и после), так и между группами. Ниже представлены ключевые результаты, отражающие динамику психологических характеристик под влиянием библиотерапии.

Динамика кризисного состояния. Наиболее ощутимые позитивные изменения зафиксированы по показателю выраженности личностного кризиса. В экспериментальной группе после прохождения тренинга наблюдается значимое снижение выраженности кризисного состояния относительно контроля ($p < 0,001$). Качественно это проявлялось в том, что по завершении программы многие женщины из экспериментальной группы сообщали о снижении чувства безысходности, появлении конкретных планов и надежд, тогда как в контроле подобной позитивной динамики не наблюдалось.

Изменения в совладающем поведении. Предполагалось, что участие в тренинге поспособствует перестройке копинг-стратегий женщин в сторону более адаптивных. Полученные данные частично подтверждают эту гипотезу. В целом по опроснику WCQ (Р. Лазарус) значимых различий между экспериментальной и контрольной группами после тренинга не обнаружено по большинству стратегий ($p > 0,05$). Это означает, что в краткосрочной перспективе базовая структура совладающего поведения осталась близка к исходной. Тем не менее, наметились положительные тенденции: участницы, прошедшие библиотерапию, несколько чаще, чем контрольные, стали использовать проблемно-ориентированный копинг. В частности, зафиксирован рост использования стратегии «планирование решения проблемы» ($p = 0,006$) в экспериментальной группе. Кроме того, в экспериментальной группе прослеживается умеренное снижение показателей по неадаптивным копингам — таким как «бегство-избегание» — хотя эти изменения статистически не достигли значимости, их все же можно рассматривать как положительную динамику на уровне тенденции.

Изменения личностных характеристик, оптимизма и ассертивности. Существенным результатом является позитивная динамика ряда личностных переменных, связанных с кризисом. По шкале готовности к переменам (PCRS) в группе, прошедшей библиотерапию, выявлено единственное статистически значимое изменение: достоверное повышение уровня оптимизма ($p = 0,035$). Это свидетельствует о развитии способности к позитивному прогнозированию будущего под влиянием интервенции. Параллельно отмечаются выраженные тенденции к улучшению по показателю смелости/предприимчивости ($p = 0,073$), не достигшего порога значимости, но указывающего, на позитивную динамику. Вероятно, чтение вдохновляющих историй и обсуждение успешного выхода героев из кризисов стало для участниц источником надежды, что отразилось в росте их жизненного оптимизма. В контрольной группе никаких существенных личностных изменений не зафиксировано — их показатели до и после остались на прежнем уровне.

Кроме оптимизма, внимания заслуживает динамика ассертивности. После прохождения тренинга средний балл по опроснику ассертивности в экспериментальной группе несколько повысился (примерно с 66–68 до 70–71 балла из 100), тогда как в контрольной остался практически без изменений

(~64– 68 баллов). Однако статистический анализ не выявил значимого превосходства экспериментальной группы над контрольной ($p > 0.1$). Вероятно, шести недель недостаточно для формирования новых поведенческих навыков, либо требуются специальные тренинги коммуникации помимо основной программы.

Обобщение результатов. Проведенное эмпирическое исследование подтвердило эффективность библиотерапии как метода совладания с личностными кризисами у женщин.

Участницы, прошедшие авторский тренинг, продемонстрировали явное улучшение своего психологического состояния по сравнению с теми, кто не получал поддержку. Важно подчеркнуть, что ни у одной участницы экспериментальной группы не наблюдалось ухудшения показателей. Более того, субъективно все женщины высоко оценили участие в программе, отмечая, что оно помогло им взглянуть на свои проблемы под новым углом, почувствовать поддержку и поверить в возможность благоприятных изменений.

Учитывая позитивные результаты апробации, программу можно обоснованно рекомендовать для консультативной и психокоррекционной практики в групповой и индивидуальной форме работы с женщинами, пребывающими в состоянии личностного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексейчик А. Е. Библиотерапия // Руководство по психотерапии / Под ред. В. Е. Рожнова. — Т.: Медицина, 1985. — С. 304–319.
2. Бабиянц К. А., Позднякова Е. А. Проживание кризиса середины жизни и стратегии совладания с ним у мужчин и женщин // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2020. — № 2. — С. 77–91.
3. Бажанова Н. А., Бардиер Г. Л. Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена «ожидания» (Перевод и апробация опросника «Personal change-readiness survey») // Acta eruditorum: научные доклады и сообщения. — 2005. — № 2. — 25 с.
4. Бакман Ф. Здесь была Бритт-Мари. — М.: Синдбад, 2016. — 416 с.
5. Винн Р. Солёная тропа. — М.: Альпина, 2020. — 288 с.
6. Гармус Б. Уроки химии. — М.: Бомбора, 2022. — 480 с.
7. Гилберт Э. Большое волшебство. — М.: АСТ, 2017. — 320 с.
8. Гилберт Э. Ешь, молись, люби. — М.: АСТ, 2010. — 448 с.
9. Заширинская О. В. Преодоление травматического стресса. Рабочая тетрадь. — СПб.: Питер, 2024. — 160 с.
10. Осипова А. А. Общая психокоррекция: учебное пособие. — М.: Сфера, 2022. — 510 с.
11. Ромек В. Г., Конторович В. А., Крукович Е. И. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. — СПб.: Речь, 2004. — 256 с.
12. Тенн О. Р. Особенности совладающего поведения женщин переходного возраста (30–35 лет), переживающих экзистенциальный кризис // Психология. Психопсихология. — 2010. — № 17. — С. 93–98.

13. Хейг М. Полночная библиотека. — СПб.: Азбука, 2021. — 352 с.
14. Шарапов А. О. Кризисная психология: учебное пособие для вузов / А. О. Шарапов, Е. П. Пчелкина, О. И. Шех. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 538 с.
15. Шейнов В. П. Ассертивное поведение: преимущества и восприятие // Социальная психология. — 2014. — № 2. — С. 107–120.
16. Шейнов В. П. Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности // Вопросы психологии. — 2014. — № 2. — С. 112–132.
17. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. — New York: Springer Publishing Company, 1984. — 246 p.
18. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samaja-chitajushchaja-strana-monitoring> (дата обращения: 20.03.2025).

Рыбак Маргарита Юрьевна,
магистрант, кафедра психотравматологии,
Русская Христианская Гуманитарная Академия имени Ф. М. Достоевского,
margarita.rybak@rambler.ru

АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯРНЫЕ ПРОФИЛИ АЛКО-АДДИКТОВ

В статье представлены результаты оригинального исследования содержания полярных (позитивных и негативных) представлений о себе в состоянии опьянения и трезвости у алкозависимых и алконезависимых мужчин. Метод исследования — ассоциативный эксперимент. По результатам исследования анализируются сходство и различия ассоциативных полярных профилей представлений о себе алко-аддиктов и мужчин, не страдающих алкогольной зависимостью. Полученные в исследовании данные способствуют лучшему пониманию внутреннего мира алко-аддиктов и открывают перспективы для разработки новых подходов к профилактике и терапии алкогольной аддикции.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, алко-аддикты, интоксикация (опьянение), трезвость, представления о себе в трезвом и нетрезвом состоянии, ассоциативные полярные профили.

Rybak M. Y.

ASSOCIATIVE POLAR PROFILES OF ALCOHOL ADDICTS

The article presents the results of an original study of the content of polar (positive and negative) ideas about oneself in a state of intoxication and sobriety in alcohol-dependent and alcohol-independent men. The research method is an associative experiment. Based on the results of the study, the similarities and differences in the associative polar profiles of self-ideas of alcohol addicts and men who do not suffer from alcohol addiction are analyzed. The data obtained in the study contribute to a better understanding of the inner world of alcohol addicts and open up prospects for the development of new approaches to the prevention and treatment of alcohol addiction.

Key words: alcohol dependence, alcohol addicts, intoxication (intoxication), sobriety, self-image in a sober and intoxicated state, associative polar profiles.

Проблемы алкоголизма неоднократно оказывались в фокусе внимания исследователей, и это вполне понятно, так как каждый год регистрируются новые случаи данного заболевания. Только ежегодная потеря населения от причин, связанных с употреблением наркотиков и алкоголя, экспертами Федерального проекта «Трезвая Россия», оценивается в 800 тыс. человек, из них 500 тыс. — вследствие употребления алкоголя [8]. Такая статистика указывает на необходимость объединения усилий представителей различных дисциплин для разработки эффективной профилактики этих заболеваний. Причем начинать профилактическую работу надо как можно раньше [4].

В настоящее время Всероссийская Организация Здоровья (Далее — ВОЗ) изъясла термин «алкоголизм» из перечня заболеваний в международном

классификаторе и заменила на «синдром зависимости». Заболеванию по МКБ-10 присвоен код F10.2. Алкоголизм относят к «психическим расстройствам личности». Потребление этилового спирта и специфическое поведение больного человека — это маркеры алкогольной зависимости. Употребление спиртного постоянно увеличивается. ВОЗ прогнозирует, что к 2050 году на земном шаре будет зафиксировано 0,5 млрд. больных [1].

Алкоголизм, как хроническое заболевание, влияет не только на физическое и психическое здоровье алкозависимого человека, но и на все его социальные связи, разрушает семьи, провоцирует на хулиганские действия, вовлекает в криминальные сообщества. Эмоциональное истощение, стресс и депрессия становятся частыми спутниками тех, кто борется с этой зависимостью, порождающей замкнутый круг страданий и проблем. Первые упоминания о зависимом поведении можно встретить в трудах Гиппократа и Аристотеля, которые перечислили клинические проявления неумеренного употребления алкоголя [4]. В России наиболее употребительный до настоящего времени является классификация алкогольной зависимости, предложенная А. А. Портновым и И. Н. Пятницкой [9], в основу которой положена синдромология зависимости от алкоголя:

1. Синдром зависимости (болезненного влечения)
 - Обсессивное (психологическое) влечение
 - Комппульсивное (физическое) влечение
2. Синдром изменённой реактивности.
 - Беспорядочно частое употребление алкоголя.
 - Систематически частое употребление алкоголя.
 - Перемежающееся пьянство.
 - Запойное пьянство.
3. Систематически частое дробное употребление алкоголя.
4. Симптом утраты защитного рвотного рефлекса.
5. Симптом утраты количественного контроля.
6. Симптом утраты ситуационного контроля.
7. Симптом изменения толерантности.
8. Симптом изменения формы потребления алкоголя.
9. Изменение формы опьянения.
10. Астенические состояния.

Аддикция рассматривается как значимое жизненное событие, способное как изменить жизненный путь человека в целом, так и сформировать у него типовые специфические жизненные стратегии, ориентированные на его причастность к феномену зависимости [2].

При всем многообразии имеющихся подходов к анализу проблем алкоголизма по-прежнему остается ряд вопросов, которые еще ждут своего изучения.

Смысловые и образные ассоциации составляют неотъемлемую и очень важную часть сознания людей. Собственно ассоциации, условия и механизмы

их образования, результаты их проявления исследуются в различных науках. В психологии, например, сформировалось особое направление — ассоцианизм, использующее ассоциации в качестве объяснительного принципа всей психической жизни человека [3].

Ассоциативный метод находит широкое применение в психологии, лингвистике, философии, междисциплинарных исследованиях. Психологи посредством ассоциаций выявляют эмоции, чувства, ощущения [5].

Наиболее глубоко ассоциации исследованы в психологической науке. «Большой психологический словарь» определяет ассоциацию как «соединение» смыслов и обозначает «закономерную связь между двумя содержаниями сознания, которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого» [2].

Формирование ассоциаций тесно связано с процессом социализации человека, усвоения индивидом социальных норм и системы ценностей общества, социальной группы, семьи. Таким образом, ассоциации отражают не только случайные ситуативные взаимосвязи, но и социальные ценности, представляющие собой «наиболее глубокие основания культуры», служащие «мерилом того, что люди считают важным, значимым» [10].

Основываясь на теории индивидуальных и коллективных представлений Дюркгейма, Московичи показал, что индивид при выборе способов действия опирается не на стимулы объективной реальности, а на то, как он их себе представляет. Социальные представления, по С. Московичи, — это канал между человеком и реальностью, к которой он обращен; это общественное обыденное сознание, в котором на уровне здравого смысла сложно взаимодействуют различные убеждения, идеологические взгляды, знания, которые раскрывают и во многом составляют социальную реальность. Под социальными представлениями подразумевается набор понятий, убеждений, объяснений, которые возникают в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Они являются эквивалентом мифов и верований традиционных обществ, это своего рода современная версия здравого смысла.

Московичи полагает, что поскольку оценки и мнения по поводу различных социальных явлений организованы по-разному в различных классах, культурах и группах, то, значит, они должны рассматриваться как характеристики самих групп, а не отдельных их членов. Эти мнения и представления составляют своеобразные системы, которые обладают своим особым языком, структура и логика которого определяется условиями социальной жизни. Такие социальные представления автор рассматривал как своего рода «визитные карточки» социальных групп, в которых группа отражает свое отношение к социально значимым объектам, при этом данным представлениям всегда соответствует общая позитивная или негативная установка, отражающая готовность субъекта высказывать то или иное суждение. Это способы

осмысления и интерпретации повседневной реальности, особая форма социального познания [7].

Принимая во внимание феномен бытового пьянства как распространенную форму алкоголизации в обществе, изучение специфики самоидентичности и самооценки у лиц, страдающих алкогольной зависимостью, представляет собой значимый научный интерес. Сопоставительный анализ самовосприятия индивидов, страдающих алкогольной зависимостью, и контрольной группы лиц без данной зависимости, расширяет перспективы углубленного изучения психологических особенностей зависимой личности, что создает предпосылки для оптимизации профилактической и коррекционной интервенции.

Наша задача заключается в том, чтобы проанализировать специфику обыденных представлений о типичном пьяном и типичном трезвом человеке у алкозависимых и алконезависимых мужчин.

Цель исследования заключается в выявлении и сравнительном анализе ассоциаций к образу «Я трезвый» и «Я пьяный» у алкозависимых и алконезависимых мужчин.

Объектом исследования выступали мужчины в возрасте 25–44 года. Было опрошено 50 респондентов.

Предметом исследования был ряд ассоциаций к образам «Я пьяный» и «Я трезвый».

Гипотеза исследования — в представлениях мужчин с алкогольной зависимостью будет выявляться полярный ассоциативный профиль.

Метод исследования — опрос в форме анкетирования. Использовался метод свободных ассоциаций: респондентам предлагалось высказать ассоциации со стимульными понятиями «Я пьяный» и «Я трезвый».

Описание и анализ результатов исследования. После проведенного тестирования был проведен анализ полученных данных, который позволил выявить психологические портреты типичного пьяного человека и типичного трезвого человека у мужчин с и без алкогольной зависимости.

Типичный пьяный у мужчин без алкогольной зависимости — это общительный, веселый, энергичный, компанейский, радостный и добрый человек.

Типичный трезвый у мужчин без алкогольной зависимости — это работоспособный, энергичный, спокойный, веселый, здравомыслящий, ответственный, сосредоточенный, радостный, здоровый и общительный человек.

Анализ полученных данных, также позволил выявить общие характеристики, которые свойственны как пьяному, так и трезвому мужчине. Это исключительно позитивные характеристики — общительный, веселый, счастливый.

В ассоциациях к образу «Я пьяный» преобладают позитивные ассоциации, это указывает на то, что в выборке людей состояние опьянения чаще связывается с позитивными чувствами и поведением.

Ключевые позитивные ассоциации:

- Общительный (24): самая частая ассоциация, указывающая на то, что опьянение часто воспринимается как облегчающее социальное взаимодействие.
- Веселый (15): подчеркивает аспект удовольствия и развлечения.
- Энергичный (10): указывает на восприятие повышенной энергии и активности.
- Добрый (10): интересная ассоциация, возможно, указывающая на повышенное чувство эмпатии или доброжелательности.
- Радостный (6): подчеркивает позитивные эмоции.

Негативные ассоциации отсутствуют, что может быть связано с особенностью выборки или склонностью предоставлять социально одобряемые ответы. В ассоциациях к образу «Я трезвый» позитивные ассоциации преобладают, негативные также присутствуют, в отличие от состояния опьянения.

Ключевые позитивные ассоциации:

- Энергичный (12): самое частое упоминание.
- Спокойный (10): указывает на ощущение умиротворения и контроля.
- Работоспособный (9): связывает трезвость с продуктивностью и способностью работать.
- Веселый (6): по-прежнему является положительной ассоциацией, но с меньшей частотой, чем в состоянии опьянения.
- Радостный (5): аналогично «веселый», снижение по сравнению с состоянием опьянения.
- Общительный (4): все еще присутствует, но значительно меньше, чем в состоянии опьянения.

Негативные ассоциации: «Не такой активный, как пьяный» (1): указывает на возможное снижение уровня энергии или мотивации в состоянии трезвости для некоторых людей. Это ключевой негативный аспект.

Таким образом, состояние опьянения у мужчин без алкогольной зависимости в первую очередь ассоциируется с общительностью, что может указывать на то, что люди используют алкоголь для облегчения социального взаимодействия. В трезвом состоянии общительность значительно снижается. Интересно, что и состояние опьянения, и состояние трезвости ассоциируются с энергией. Однако, возможно, имеется разница в типе энергии (например, возбужденная энергия в состоянии опьянения и устойчивая энергия в состоянии трезвости). Ассоциации с трезвостью, такие как «работоспособный» и «здравомыслящий», указывают на ориентацию на продуктивность и рациональность. Полученные данные указывают на то, что люди часто связывают состояние опьянения с позитивными социальными и эмоциональными переживаниями. Это может быть одним из факторов, способствующих употреблению алкоголя.

Далее рассмотрим результаты исследования ассоциаций у мужчин с алкогольной зависимостью.

Типичный пьяный у мужчин с алкогольной зависимостью это веселый, любящий, общительный, счастливый, добрый, смешной, радостный, любвеобильный, смелый, щедрый и активный человек. В то же время респонденты с алкогольной зависимостью давали и негативные характеристики мужчины, находящегося в алкогольном опьянении. Это агрессивный, отчаявшийся, раздавленный, разочарованный, опустошенный, вонючий, грязный, раздражённый, плохой, безответственный, грустный, глупый, неуправляемый, бесстрашный и безумный человек. Также они указывали на чувство страха, падения, смерти и душевной боли. Диаметально противоположные характеристики, вероятнее всего связаны с постинтоксикационным состоянием вследствие злоупотребления алкогольными напитками, сопровождающимся неприятными психологическими и физиологическими эффектами.

В ассоциациях к образу «Я пьяный» у мужчин с алкогольной зависимостью наблюдается многообразие позитивных ассоциаций, касающихся эмоций, социальных связей и личных качеств.

Частые ассоциации: Веселый (10), Общительный (12), Добрый (5), Радостный (5), Любящий (3), Смелый (3), Щедрый (3), Активный (3). Эти ассоциации отражают чувства счастья, любви, социальной вовлеченности, смелости и щедрости. Некоторые ассоциации, такие как «Я не алкоголик, я кайфарик» и «Мне хорошо», указывают на положительное отношение к состоянию опьянения.

Негативные ассоциации касаются агрессии, депрессии, страха, отчаяния, физического дискомфорта, моральной деградации и социального отторжения.

Частые ассоциации: Агрессивный (17), Грустный (7), Безумный (7), Неуправляемый (8), Плохой (5), Отчаявшийся (4), Раздавленный (4), Разочарованный (4), Опустошенный (4), Грязный (4), Боль (3), Безответственный (3), Бесстыжий, Глупый (3).

Ассоциации отражают как эмоциональные, так и физические негативные последствия опьянения. Ассоциации, такие как «Животное» и «Нечестный», указывают на потерю контроля и моральных принципов.

Сходные ассоциации:

Позитивные: Любящий, Счастливый, Надежда, Добрый, Смешной, Радостный, Лювеобильный, Красивый, Целостный, Продуктивный, «Все хорошо», Щедрый, Активный, Смешной.

Негативные: Депрессивный, Страх, Одинокий, Боль.

Эти ассоциации указывают на чувства и состояния, которые могут присутствовать как в состоянии опьянения, так и в состоянии трезвости.

В ассоциациях к образу «Я трезвый» мы обнаружили многообразие позитивных ассоциаций, касающихся надежды, радости, спокойствия, активности,

доброты, здоровья, способности, свободы, любви, духовности, мудрости, надежности и других позитивных качеств.

Частые ассоциации: Здоровый (8), Светлый (8), Заботливый (8), Счастливый (6), Активный (5), Чувство покоя (4), Целеустремленный (4), Надежный (4), Красивый (4), Любящий (3), Честный (3), Развивающийся (3), Жизнелюбивый (3).

Ассоциации отражают улучшение физического и психического здоровья, а также развитие позитивных личностных качеств.

Ассоциации, такие как «Жизнь», «Семья», «Деньги», «Саморазвитие» и «Образование», указывают на ориентацию на позитивные жизненные цели и ценности.

Негативные ассоциации касаются чувства потери, закрытости, депрессии, одиночества, бессмысленности, бессилия, тревоги, разочарования, напряжения, несосредоточенности, зависти, недовольства, стеснительности, грусти, нерешительности, навязчивых мыслей, боли и страха.

Частые ассоциации: Стеснительный (5), Нерешительный (5), Навязчивые мысли (4), Одинокий (4), Потерянный (3), Несосредоточенность (3), Грустный (6).

Ассоциации указывают на трудности, связанные с управлением эмоциями, социальными взаимодействиями и принятием решений в состоянии трезвости.

Сравнивая представления о типичном пьяном и типичном трезвом человеке у мужчин из двух обследованных групп можно сделать выводы о том, что типичный пьяный человек характеризуется одинаково позитивными характеристиками у всех респондентов. В состоянии опьянения представители обеих групп становятся более общительными, веселыми, радостными, ощущают себя счастливыми и раскрепощенными.

Негативные характеристики пьяного мужчины присутствуют только у респондентов с алкогольной зависимостью. Данный факт связан с постинтоксикационным состоянием вследствие длительного злоупотребления алкоголем.

Состояние «я трезвый» также совпадает по позитивным характеристикам у всех обследуемых. В трезвом состоянии мужчины из обеих групп чувствуют себя здоровыми, работоспособными, ответственными, активными и заботливыми в отношении других людей. Но в случае мужчин с алкогольной зависимостью наличествуют и негативные характеристики состояния «я трезвый», что, в свою очередь связано с тем, что поведение алкоголика в период трезвости отличается тревожностью и психической нестабильностью.

Таким образом, мы обнаруживаем ассоциативный полярный профиль у мужчин с алкогольной зависимостью.

Программа психологической помощи. Программа психологической помощи для мужчин с алкогольной зависимостью должна идти по нескольким направлениям в зависимости от выявленных проблем человека:

1. Поддержание ремиссии (наличие трезвости — это первое и главное условие терапии).
2. Работа с руминациями (мы обнаруживаем много ассоциаций, связанных с навязчивыми мыслями).
3. Поиск и обретение новых смыслов (многие алкоголизированные мужчины сообщают о бессмысленности жизни и существования или затрудняются в поиске смысла в повседневной жизни).
4. Работа с травматическим опытом прошлого (достаточно часто мужчины с зависимостью сообщают о пережитых травматических событиях в жизни).
5. Налаживание коммуникации в социуме (многие мужчины с зависимостью констатируют факт утраты социальных связей, потерю контакта с семьей и друзьями).
6. Ресурсирование (необходимый этап для любой терапии).
7. Работа с аффективными состояниями (подавленный гнев или открытая агрессивность — частый спутник алкогольной зависимости).

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы возрастной наркологии: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Н. Е. Буториной, Е. Н. Кривулина; ГОУ ДПО УГМАДО и др.. — Челябинск, 2007. С.149.
2. Бардиер Г. Л. Типовые жизненные стратегии развития личности начинающих аддиктов. / Acta Eruditorum. 2019. № 30. С. 89–90.
3. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харвест, 1998. — 57 с.
4. Гофман А. Г. Клиническая наркология / А. Г.Гофман. — 2-е изд. — М., 2017. — С. 8
5. Иванова, Н. А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях / Н. А. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2013. — № 3. — С. 116–122. — EDN PINZRO.
6. Мещерякова Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2003. — С. 18
7. Московичи С. От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 83–95.
8. О демографической ситуации в Российской Федерации. 2020 г. Федеральный проект «Трезвая Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alkogolunet.ru/demografija-2020.pdf?ysclid=170ocz2x1p636938209> (дата обращения: 20.06.2025).
9. Портнов А. А., Пятницкая И. Н. Клиникаалкоголизма. Л.: Медицина. —1973. — 368с.
10. Савин С. Д. Культура как фактор динамической стабильности российского общества // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2010. Вып. 2. С. 106–107.

Антонюк Алла Владимировна,
магистрант
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
allava@rambler.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена;
Русская Христианская Гуманитарная Академия имени Ф. М. Достоевского,
кафедра психотравматологии
sa-kotova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ В ПОСЛЕРОДОВОМ ПЕРИОДЕ

Статья посвящена анализу специфики эмоциональных проявлений молодых матерей в послеродовом периоде, результатам исследования психоэмоционального состояния матерей в контексте ухода за детьми. Авторами отмечается высокий уровень поддержки семьи, материнства и детства на уровне государства. Рассматриваются проблемы физического и психологического состояния молодых матерей в послеродовой период. Приводятся данные эмпирического исследования по выбранным методикам, а также анализ полученных результатов по диапазону психических отклонений в этот период. Отмечается значимость раннего выявления психоэмоциональных нарушений, подчеркивается актуальность и значимость психологического перинатального сопровождения и определения мишеней дальнейшей психологической работы.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние, молодые матери, послеродовой период, психологическая поддержка и реабилитация.

Antonyuk A. V., Kotova S. A.

FEATURES OF THE PSYCHOEMOTIONAL STATE OF YOUNG MOTHERS IN THE POST-PARTUM PERIOD

The article is devoted to the analysis of the specifics of the emotional manifestations of young mothers in the postpartum period, the results of a study of the psychoemotional state of mothers in the context of childcare. The authors note the high level of support for families, motherhood, and childhood at the state level. The article discusses the problems of the physical and psychological state of young mothers in the postpartum period. The article presents the results of an empirical study using selected methods, as well as an analysis of the results obtained on the range of mental disorders during this period. The article highlights the importance of early detection of psychoemotional disorders,

emphasizes the relevance and significance of psychological perinatal support, and identifies targets for further psychological work.

Keywords: psychoemotional state, young mothers, postpartum period, psychological support, and rehabilitation.

Природное предназначение женщины как матери заключается в продолжении рода и формировании будущих поколений. Материнское здоровье напрямую влияет на то, каким образом будет развиваться подрастающее поколение и формироваться индивидуальность каждой личности. Еще в 2010 году Л. А. Грицай, отмечая кризис традиционного материнства в России, обращает внимание на важность государственной и правовой поддержки материнства [1]. И действительно, в стране в последнее десятилетие были расширены государственные меры поддержки семейных институтов, материнства и детства. Государство поддержало целый комплекс программных инициатив и практических действий, ориентированных на сохранение здоровья женщин и детей, укрепление семейных уз, стимулирование рождаемости и создание оптимальных условий для детского развития в физическом, умственном и моральном аспектах. В настоящее время власти продолжают поддержку материнства через различные каналы — от финансовых инструментов (включая материнский капитал) до духовно-нравственных инициатив. Подтверждением государственного внимания к вопросам семьи и детства служит Указ Президента РФ № 875 от 22.11.2023 года «О проведении в Российской Федерации Года семьи», [5] согласно которому 2024 год получил статус Года семьи. Данная инициатива была направлена на поддержание ценностного приоритета семейных традиций и ценностей.

Наблюдается также усиление внимания к психологическим аспектам материнства в целом, так и отдельных его проблем на разных этапах жизни. Часто материнство становится ключевым фактором и предпосылкой развития личности, а также ценностного самоопределения человека во всех жизненных сферах. Несмотря на усиление политики поддержки семьи и детства вопросы материнства представляют собой одну из недостаточно изученных сфер научных исследований. Данная проблематика обусловлена трансформациями в общественном устройстве, ростом количества работающих матерей, а также пониманием значимости психического здоровья для общего семейного благополучия. Общество все более осознает значимость всего процесса становления материнства для сохранения семейного института и социализации нового поколения, поскольку от успешности решения молодой матерью задач данного переходного этапа во многом зависит семейное благополучие и стабильность развития ребенка в перспективе. Научные данные свидетельствуют о том, что эмоциональное состояние молодой матери способно существенно воздействовать на детское развитие, поведенческие модели и социальную адаптацию ребенка. В современный период отмечается рост интереса к изучению психоэмоционального состояния матерей в процессе раннего детского воспитания,

поскольку молодые женщины проходят сложный путь становления в материнской роли, сопряженный с многочисленными трудностями физиологического и психоэмоционального характера, а также разнообразными культурными и социальными факторами.

Современная психология рассматривает материнство как отдельный междисциплинарный феномен, требующий научного подхода для его изучения. В этом направлении интересен подход Н. А. Корнетова, [3] который отмечает значимость послеродового периода и уделяет особое внимание распознаванию послеродовых депрессий: «Для матерей наиболее частыми последствиями родов являются нераспознанные и нелеченные депрессии, которые следует рассматривать в спектре аффективных расстройств в пиковый период репродуктивного периода женщин. Послеродовые депрессии могут увеличивать возможность наступления рецидивов депрессивного расстройства, а также переходов в хронические состояния» [3, с.6]. Обнаружив на ранних сроках такие нарушения, возможно своевременно оказать специализированную помощь женщинам. М. А. Коргожа [2] подчеркивает, что диапазон тревожности и страхов в послеродовой период достаточно широк. Это и страх потери физической привлекательности после родов, и страх потери контакта с супругом, страх за здоровье ребенка, страх потери работы, карьеры. Негативные эмоциональные состояния этого периода могут варьироваться от легких кратковременных тревожно-депрессивных проявлений, связанных с переживанием стрессовых ситуаций во время и после беременности, до выраженных психотических полиморфных нарушений и достигать уровня аффективных расстройств.

Уделяя внимание физическому состоянию женщин в послеродовом периоде, и влиянию его на эмоциональное состояние необходимо учитывать и процесс гормональной перестройки в женском организме, которая существенно изменяет чувствительность нервной системы. В условиях роста нервно-психической нагрузки и ответственности за жизнь и здоровье новорожденного молодая мать становится крайне уязвимой. О. Г. Полуэктова [4] подробно раскрывает почему физическое состояние после родов может рассматриваться как один из факторов эмоционального нестабильного состояния, Ею отмечаются такие факторы как наличие швов, кровопотеря, тяжелые роды, общая усталость, трудности с туалетом, принятием пищи, отсутствие комфорта в палате. С физическим состоянием связано и принятие образа тела после родов. Молодые матери переживают за состояние фигуры, болезненно воспринимают появление обвисшего живота, переживают, что не удастся восстановить прежние формы. При этом О. Г. Полуэктова обращает особое внимание и на то, что грудное вскармливание ребенка позволяет стабилизировать гормональный фон в женском организме, тем самым способствуя выравниванию ее эмоционального состояния.

В рамках данного вопроса было проведено экспериментальное эмпирическое исследование, цель которого заключается в изучении психоэмоциональных состояний матерей в период ухода за ребенком, а также в выявлении факторов, способствующих или препятствующих их эмоциональному благополучию. Объектом исследования выступают молодые матери, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком. Предметом исследования является эмоциональный статус молодых матерей в послеродовом периоде (тревожные, астенические, истерические, фобические, депрессивные эмоциональные состояния). Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что у молодых матерей в послеродовом периоде может наблюдаться в разной степени выраженности:

- расстройства настроения, повышенная тревожность;
- неудовлетворенность супружеской и личной жизнью;
- изменение самооценки.

Экспериментальное исследование проводилось на базе специального созданного чата для молодых мам на этапе периода беременности и продолжающего активно функционировать и после рождения детей. Участие в исследовании проводилось на основе принципа добровольности. Личные данные были обезличены в целях этики и тайны личности. Численность экспериментальной группы составила 25 человек, численность контрольной группы — 25 человек. Возрастная группа от 28 до 40 лет. Охват общего количества исследуемых — 50 человек. Участницы исследования проживают в Москве и Московской области.

Для целей исследования в данной работе были выбраны основные следующие методики:

1. Эдинбургская шкала послеродовой (постнатальной) депрессии (англ. Edinburgh Postnatal Depression Scale) [6]. Данная шкала является клинической скрининговой методикой в виде самоопросника и предназначена для выявления депрессивных расстройств в предродовом и послеродовом периодах. Шкала разработана в 1987 г. в Эдинбурге и Ливингстоне. исследователями L. Cox, J. M. Holden и R. Sagovsky. В основе шкалы лежат: шкала депрессии Цунга, шкалы тревоги и депрессии Snaith, Bedford и Foulds. Отличительная особенность Эдинбургской шкалы послеродовой депрессии — отсутствие пунктов, указывающих на соматические (физические) симптомы депрессии. Эдинбургская шкала постнатальной депрессии представляет собой тест из 10 вопросов, на каждый из которых предлагается один из 4 вариантов ответа. За каждый ответ начисляется определенное количество баллов, на основании суммы которых делает вывод о вероятности наличия послеродовой депрессии. Отвечать необходимо самостоятельно, основываясь на своих ощущениях в течение последних 7 дней. Общее время на прохождение теста — не более 5 минут.

Опросник позволяет выявить следующие психопатические состояния: чувство вины, тревогу и беспокойство, панику, неспособность смеяться, копинг-дефицит, нарушения сна из-за сниженного настроения, грусть, плаксивость, мысли о нанесении себе вреда.

2. Скрининговая шкала перинатальной тревоги, PASS-R Автор: S. Somerville et al. (2013) Адаптация: М. А. Коргожа, А. О. Евмененко (2021) [7]. Скрининговая шкала перинатальной тревоги представляет собой опросник для самооценки симптомов тревоги у женщин в дородовом периоде и в течение 12 месяцев после родов. PASS-R состоит из 31 вопроса и имеет 5 субшкал. Вопросы шкалы охватывают различные симптомы тревожных расстройств, включая генерализованное тревожное расстройство, паническое расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство. Вопросы также включают симптомы расстройства адаптации и диссоциативных состояний. Методика содержательно отличается от других методов выявления тревожных расстройств тем, что охватывает специфические симптомы тревоги, характерные только для гестационного и послеродового периодов (например, «Беспокойство о ребенке / беременности», «Страх, что ребенку будет причинен вред» и пр.).

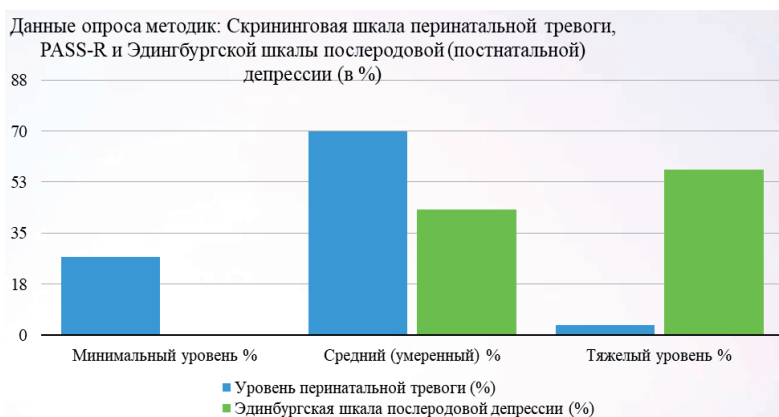

Рис. Данные опроса методик: Скрининговая шкала перинатальной тревоги, PASS-R и Эдинбургской шкалы послеродовой (постнатальной) депрессии (в %)

Результаты исследования. Данные, полученные по Эдинбургской шкале показывают, что уровень послеродовой депрессии у большинства участниц находится в зоне умеренного и выраженного риска. В умеренную группу риска входят 43% опрошиваемых респондентов, тяжелый уровень составляет

больше 50%. Анализ данных по этой методике по t-критерию показал статистически высоко значимый показатель $p < 0.01$. Необходим индивидуальный подход к оценке состояния и поддержке участниц, находящихся в высокой группе риска.

Данные, полученные в ходе опроса по Скрининговой шкале перинатальной тревоги, PASS-R, показывают средний уровень перинатальной тревоги (28 – 29 баллов) и представляет собой умеренную степень тревожности, однако экстремально широкий диапазон (10–71 баллов) также оказался представлен. что указывает на наличие в группе женщин с клинически значимым уровнем тревоги. Группа среднего риска составила 70% опрашиваемых участниц, минимальный уровень перинатальной тревоги испытывают 27% респондентов, на тяжелый приходится 3%.

Таким образом, сформулированная в начале исследования гипотеза подтвердилась. Психоэмоциональное состояние молодых матерей в послеродовом периоде представляет собой сложный феномен, требующий комплексного подхода к пониманию и поддержке. На основе полученных данных можно уверенно утверждать, что молодые матери нуждаются в специализированной психологической поддержке и сопровождении не только в период беременности, но и в послеродовой период жизни.

Эффективная помощь молодым матерям должна включать раннее выявление факторов риска, своевременную диагностику нарушений, комплексную поддержку (медицинскую, психологическую и социальную) и профилактические мероприятия. Особое внимание следует уделять формированию реалистичных ожиданий от материнства, обучению навыкам ухода за ребенком и созданию надежной системы поддержки. По результатам проведенного анализа необходимым является оказание не только профилактической помощи, но и индивидуальной поддержки молодым матерям в послеродовой период. В перинатальном периоде важно проводить обучение женщин методам самопомощи, поддержки психического здоровья и снижения симптомов тревоги, в том числе на основе способов снятия острого стресса, представление рекомендации об обращении к врачу-психиатру по месту жительства за консультативной помощью в случае ухудшения эмоционального состояния женщины. В индивидуальном консультировании необходима дифференцированная психологическая поддержка, так как имеется разнообразие внешних и внутренних факторов, отягощающих состояние женщин.

Понимание особенностей психоэмоционального состояния в послеродовом периоде позволяет более эффективную помощь молодым матерям, способствуя их успешной адаптации к новой роли и формированию здоровых отношений с ребенком. Это, в свою очередь, создаст основу для гармоничного развития семьи и благополучия будущих поколений. Исследование имеет высокий потенциал для разработки программ психологической поддержки

молодых матерей и может внести значительный вклад в понимание материнства как комплексного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицай Л. А. Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект. Журнал практической психологии и анализа. 2010; № 3 [Электронный ресурс] URL: <https://psyjournal.ru/articles/krizis-tradicionnogo-materinstva-v-sovremennoy-rossii-socialno-psihologicheskii-aspekt> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Коргожа М. А. Динамика эмоциональных состояний у женщин в послеродовом периоде: диссертация канд. психол. наук. — СПб., 2019. — 205 с.
3. Корнетов Н. А. Послеродовая депрессия — центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства. Бюллетень сибирской медицины. 2015; 6(14). — С. 5–24.
4. Полуэктова О. Г. Психологические особенности послеродового состояния женщин. Вестник новых медицинских технологий/ Электронный журнал 2013; № (1), [Электронный ресурс] URL: <http://vnmt.ru/Bulletin/E2013-1/4543.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013>
6. L. Cox, J. M. Holden и R. Sagovsky. (1987). Эдинбургская шкала послеродовой депрессии (EPDS) [Электронный ресурс] URL: <https://psytests.org/depr/epds.html>
7. S. Somerville et al. (2013) Адаптация: М. А. Коргожа, А. О. Евмененко (2021) [Электронный ресурс] URL: <https://psytests.org/anxiety/passr-run.html>

Бегунская Анна Валентиновна,
магистрант, кафедра психотравматологии,
Русская Христианская Гуманитарная Академия имени Ф. М. Достоевского,
navna85@mail.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена,
Русская Христианская Гуманитарная Академия имени Ф. М. Достоевского,
кафедра психотравматологии
sa-kotova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

В данной статье рассматривается специфика процесса адаптации женщин к пенсионному статусу и особенности их защитного поведения. Для решения поставленных задач проведено эмпирическое исследование 60 женщин пенсионного возраста с применением методик Дж. Амирхана и Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова. Анализ уровня психологического дискомфорта обследуемых выявил доминирование среднего уровня дезадаптации в группах работающих и неработающих пенсионерок, а также более низкие показатели адаптированности и наличие признаков депрессивного расстройства у неработающих пенсионерок. Сравнительный анализ уровней использования копинг-стратегий выявил более низкие показатели использования стратегии разрешения проблем в группе неработающих пенсионерок. По результатам анализа уровней применения психологических защит обследуемых обнаружилось доминирование среднего уровня большинства защит и более высокие показатели зрелых, или адаптивных, защит в сравнении с остальными.

Ключевые слова: пенсионный возраст, кризис дезадаптации, психологический дискомфорт, копинг-стратегии, психологические защиты

Begunskaja A. V., Kotova S. A.

THE FEATURES OF THE PROTECTIVE BEHAVIOR OF WOMEN OF RETIREMENT AGE

The article examines the specifics of the process of women's adaptation to retirement status and the features of their protective behavior. To solve the assigned tasks, an empirical study of 60 women of retirement age was conducted using the methods of J. Amirkhan and E. R. Pilyugina, R. F. Suleymanov. The analysis of the level of psychological discomfort of the surveyed revealed the dominance of the average level of maladaptation in the groups of working and non-working retired women, as well as

lower rates of adaptation and the presence of signs of depressive disorder in non-working retired women. A comparative analysis of the levels of use of coping strategies revealed lower rates of problem-solving strategies in the group of unemployed retired women. According to the results of the analysis of the levels of application of psychological defenses of the subjects, the dominance of the average level of most defenses and higher rates of mature, or adaptive, defenses were found in comparison with the rest.

Keywords: retirement age, maladjustment crisis, psychological discomfort, coping strategies, psychological defenses

Достижение пенсионного возраста — важное событие в жизни человека. Если оно сопровождается прекращением трудовой деятельности, это влечёт за собой изменения не только в социальном статусе, но и в материальном благосостоянии, в круге контактов, ритме жизни и т.п. В связи с этими переменами меняется и самовосприятие человека, и то, как его воспринимают другие [12]. Таким образом, выходя на пенсию, люди вынуждены решать множество адаптационных задач, таких как: приспособление к новым социальным ролям, поиск новых сфер приложения активности, структурирование времени, задачи аутоадаптации и т.д. [3, 11, 12].

Ряд исследователей, таких как Н. С. Гилева, Э. Ф. Зеер, В. Н. Скрыль, С. Ю. Тумакова, отмечают, что этот период является кризисным, однако данный кризис необходим для решения возрастных задач развития. М. Т. Ахильгова, И. О. Прокопец, Н. Г. Фирсова, указывают на то, что некоторые люди оказываются психологически не готовыми к пенсионному статусу и связанным с ними переменам, и для них это событие может стать психотравмирующим. Даже выход на пенсию по собственному желанию часто становится стрессовым событием, требующим задействования целого ряда адаптационных механизмов [1; 5; 9, 14]. С. Б. Капидинова и Д. С. Закусило выявили, что пожилые люди, переживающие кризис дезадаптации, характеризуются низким уровнем психологического комфорта, высоким уровнем тревоги, проблемами со здоровьем и т.д. [6].

Современная демографическая ситуация в стране отражает растущий процент людей пожилого и старческого возраста; при этом число женщин пенсионного возраста над мужчинами преобладает [13]. Следовательно, всё большую значимость приобретает исследование психологических параметров, характерных для женщин, достигших пенсионного возраста, и в частности, особенностей защитного поведения в ходе адаптации к пенсионному статусу. Данная проблематика важна для развития и совершенствования работы психологических служб поддержки пожилых людей.

С этой целью было проведено эмпирическое исследование, выборку для которого составили 60 женщин, достигших пенсионного статуса, в возрасте от 58 до 76 лет. Респонденты были разделены на две группы. Первую группу в количестве 30 человек составили женщины, по достижении пенсионного возраста прекратившие трудовую деятельность не ранее 2020 года, в другую — включены 30 работающих женщин пенсионного

возраста, продолжающих трудовую деятельность. В содержание констатирующего этапа исследования были включены следующие методики:

- авторская анкета;
- методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана, адаптированная В. М. Ялтонским и Н. А. Сиротой [10];
- методика измерения психологической защиты (МИПЗ) Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова 2020 г. [8].

Для статистической обработки были применены таблицы сопряженности с использованием хи-квадрата Пирсона; критерий Колмогорова-Смирнова для определения соответствия выборки закону нормального распределения; Т-критерий Стьюдента для сравнения двух выборок и определения статистически значимых различий между ними. Статистический анализ данных осуществлен с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 23.00. На начальном этапе обработки нами были проанализированы данные, полученные при анкетировании обследуемых. Сравнение двух выборок производилось по таким показателям, как: возраст по ВОЗ, место жительства (город / пригород / сельская местность), вариант проживания (своё жилье / съёмное жилье), семейное положение, члены семьи, проживающие с обследуемыми, уровень образования и субъективная оценка материального благосостояния. Согласно данным, полученным в результате математической обработки с применением критерия хи-квадрат Пирсона, статистически значимых различий в показателях не наблюдается, соответственно, выборки можно рассматривать как идентичные.

Далее нами было произведено исследование с помощью методики «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана. Согласно данным, полученным в ходе статистической обработки с помощью Т-критерия Стьюдента, статистически значимых различий между группами не обнаружено, вследствие чего мы можем предположить, что изменение трудового статуса не оказывает существенного влияния на сложившиеся ранее копинг-стратегии. Однако анализ сводной таблицы сопряженности позволяет отметить, что по сравнению с контрольной группой в группе неработающих женщин больший процент обследуемых демонстрировали низкий уровень применения стратегии разрешения проблем. Стратегия поиска социальной поддержки в обеих группах была представлена примерно одинаково — наибольший процент обследуемых демонстрировали средний уровень ее использования. И в отношении стратегии избегания между неработающими и работающими пенсионерками также почти не было отличий, обе группы характеризовались в основном низким и очень низким уровнями использования этой копинг-стратегии (см. рис. 1 и 2).

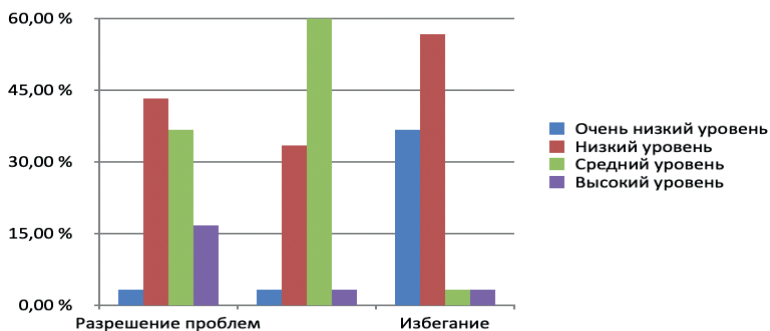

Рис. 1. Диапазон копинг-стратегий в поведении неработающих пенсионерок, в %.

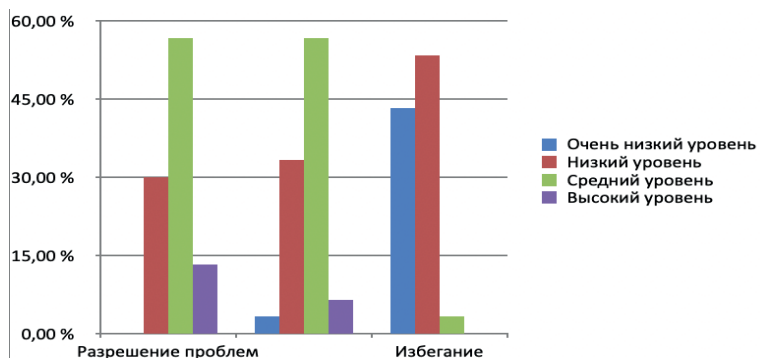

Рис. 2. Диапазон представленности копинг-стратегий в поведении работающих пенсионерок, в %.

Также была проведена методика «Методика измерения психологической защиты» Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова (см. рис. 3–4).

Механизмы психологической защиты — это специфические бессознательные приемы переработки переживаний, нейтрализующих негативное влияние, которое могут оказывать на человека эти переживания [7]. Е. Р. Пилюгина и Р. Ф. Сулейманов выделяют в своей работе 20 механизмов психологической защиты, подразделяя их на четыре группы разной степени адаптивности, от более низкого к более высокому уровням:

1. Психотические защиты: диссоциация, регрессия, ипохондрия, изоляция, вытеснение;
2. Инфантильные защиты: замещение (перенос), проекция, компульсивное поведение, пассивная агрессия, отрицание;

3. Невротические защиты: рационализация, избегание, реактивное образование, компенсация, всемогущий контроль;
4. Зрелые, или адаптивные, защиты: сублимация, альтруизм, подавление, предвосхищение, юмор [8].

Анализ данных этой методики по Т-критерию также не показал статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами, и это позволяет предположить, что изменение трудового статуса не оказало существенного влияния на психологические защиты обследуемых. Согласно данным, представленным в таблице сопряженности, по большинству показателей методики у обследуемых женщин преобладает средний уровень применения психологических защит. Исключения составляют такие показатели, как:

- изоляция (обе группы характеризуются преобладанием низкого уровня представленности этой защиты, что указывает на то, что обследуемые не склонны создавать барьер между содержанием негативного события и связанными с ним эмоциями);
- замещение / перенос (в группе работающих женщин преобладает низкий уровень, что свидетельствует о том, что для обследуемых не характерна замена неприемлемых действий приемлемыми либо перенос реакции с недоступного на более доступный объект);
- всемогущий контроль (группа неработающих пенсионерок демонстрирует преобладание низкого уровня данной защиты, следовательно, женщинам данной группы скорее не свойственна гиперответственность и убежденность в своей способности все контролировать; в контрольной группе низкий и средний уровни представлены почти в равной степени).

Также заслуживает внимания то, что в обеих группах обследуемых в среднем психотические, инфантильные и невротические защиты представлены только на среднем и низком уровнях, тогда как зрелые, или адаптивные, защиты, такие как сублимация, альтруизм, подавление, предвосхищение и юмор, — на среднем и высоком, что в целом говорит нам о способности обследуемых к зрелой адаптации к психотравмирующим ситуациям, устойчивости к стрессу и отражает их потенциал осознанно справляться с переживаниями, поддерживая психоэмоциональное равновесие и формируя здоровые поведенческие стратегии.

Опираясь на вышеприведенные данные, мы можем сделать следующие предварительные выводы.

У всех обследуемых обнаруживается высокое напряжение психологических защит и их значительный диапазон. Несмотря на то, что в целом анализ уровней психологического дискомфорта, проведенный нами ранее с помощью опросника «Признаки психологического дискомфорта» О. В. Заширинской [2, 4] выявил доминирование среднего уровня выраженности защитного

поведения у обследуемых, группа неработающих пенсионерок все же продемонстрировала более низкие показатели адаптированности. Это может быть свидетельством того, что женщины пенсионного возраста, прекращающие трудовую деятельность, теряют психическое здоровье быстрее, нежели женщины, продолжающие работать на пенсии.

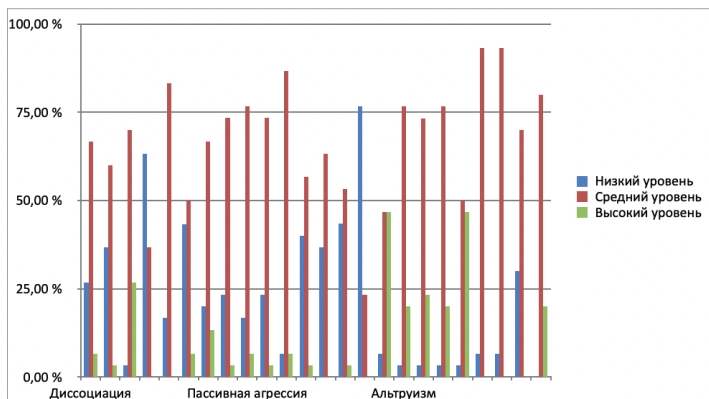

Рис. 3. Диапазон выраженности психологических защит в поведении неработающих пенсионерок, в %

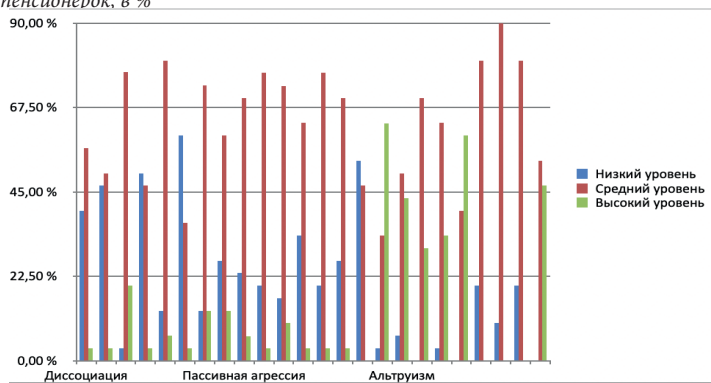

Рис. 4. Диапазон выраженности психологических защит в поведении работающих пенсионерок, в %.

Сравнительный анализ уровней использования копинг-стратегий показал, что обе группы, с небольшими отличиями, характеризуются преобладанием среднего уровня использования стратегии поиска социальной поддержки и низкого и очень низкого уровней применения стратегии избегания. При этом выявлены более низкие показатели использования стратегии разрешения проблем в группе неработающих пенсионерок.

По результатам методики измерения психологических защит в обеих группах выборки доминирует средний уровень по большинству показателей, однако обращает на себя внимание то, что психотические, инфантильные и невротические защиты представлены только на среднем и низком уровнях, тогда как адаптивные защиты, в частности, такие как сублимация, альтруизм и т.д. — на среднем и высоком. Это может указывать на психологическую зрелость обследуемых и их способность справляться с психотравмирующими переживаниями.

Проведенное исследование позволяет не только уточнить наличие проблемности защитного поведения женщин пенсионного возраста, но и определить мишени психологической работы с ними. В частности, такими мишенями в психологической профилактике кризиса дезадаптации могут стать оптимизация внешних и внутренних психологических ресурсов с помощью творчества, повышения социальной активности, а также вовлечения обследуемых в такие практики, как волонтерство и общественные движения, что должно способствовать повышению жизнерадостности и оптимизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахильгова, М. Т. Формы преодоления стресса, вызванного выходом на пенсию // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2018. № 3. С. 87–92.
2. Бегунская А. В., Котова С. А. Особенности психологического дискомфорта у работающих и неработающих пенсионеров // Сб. мат-ов научной конференции с международным участием «Психология труда: от истоков до современности». 18–19 июня 2025 г. МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва. — М.: изд-во МГУ, 2025. С. 87–94.
3. Гилева Н. С. Гендерные различия жизненного кризиса в пожилом возрасте // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 2 (28). С. 93–98
4. Заширинская, О. В. Преодоление травматического стресса. Рабочая тетрадь. — СПб.: Питер, 2024. — 160 с.
5. Зеер, Э.Ф., Сыманюк Э. Э. Профессиональное самоопределение личности в поздней зрелости // Инновационные процессы в профессиональном и высшем образовании и профессиональном самоопределении. — М.: изд-во Экон-Информ, 2020. С. 299–312
6. Капидинова, С. Б., Закусило Д. С. Гериатрический пансионат: социально-психологические особенности людей пожилого возраста // Форум молодых учёных. 2018. № 3 (19). С. 207–214
7. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология: Учебник для вузов. 4-е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского. — СПб.: Питер, 2011. — 864 с.
8. Пилюгина Е. Р., Сулейманов Р. Ф. Методика измерения психологической защиты // Экспериментальная психология, 2020. Т. 13, № 2. С. 194–209.
9. Прокопец, И. О. Исследование проблем эмоционального состояния лиц пенсионного возраста, связанных с разными вариантами дальнейшего жизнеустройства // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2016. № 5. С. 64–69

10. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. // Совладающее поведение личности: психодиагностический практикум: учеб. пособие для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / [авт.-сост.: Л. И. Бершедова, Т. Ю. Морозова, Э. Н. Рычихина, Л. П. Набатникова; рец. Л. Ю. Овчаренко]. — М., 2018. — Гл. 3.2. — С. 164–169
11. Скрыль В. Н. К исследованию психологических проявлений предпенсионного кризиса развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2. С. 89–93
12. Тумакова С. Ю. Критерии завершенности посттрудовой адаптации пенсионеров // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 301–306
13. Тумакова, С. Ю. Семья как фактор посттрудовой адаптации российских пенсионеров // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2017. № 3. С. 70–74
14. Фирсова, Н. Г. Особенности самооценки людей пожилого возраста после выхода на пенсию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). Выпуск 16. С. 218–224

Бутенко Мария Александровна,
магистрант кафедры психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
marijanetsk@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ОПЫТА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ У ЖЕНЩИН НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ С МУЖЧИНАМИ

Сексуальное насилие остается одной из серьезных социальных проблем, затрагивающих миллионы женщин по всему миру. В статье приводятся статистические данные о количестве женщин, подвергшихся сексуальному насилию во всем мире и в России, отмечается, кем оно, как правило, совершается. В психологическом аспекте рассматривается влияние опыта пережитого сексуального насилия на последующие отношения пострадавших женщин с мужчинами: у женщины снижается уровень уважения к себе, ей трудно доверять другим, происходит нарушение психики, наблюдается комплексная психотравматизация. Опыт пережитого сексуального насилия влияет на психику в целом, а также на процесс выстраивания здоровых долгосрочных отношений.

Ключевые слова: Сексуальное насилие, проблема психотравматизации, отношения с мужчинами.

Butenko M. A.

THE IMPACT OF SEXUAL VIOLENCE EXPERIENCE IN WOMEN ON SUBSEQUENT RELATIONSHIPS WITH MEN

Sexual violence remains one of the serious social problems affecting millions of women around the world. The article provides statistical data on the number of women who have been subjected to sexual violence around the world and in Russia, and notes who usually commits it. In the psychological aspect, the influence of the experience of sexual violence on subsequent relationships of female victims with men is considered: a woman's level of self-respect decreases, she finds it difficult to trust others, her mental health is impaired, and complex psychotraumatization is observed. The experience of sexual violence affects the psyche as a whole, as well as the process of building healthy long-term relationships.

Keywords: Sexual violence, the problem of psychotraumatization, relationships with men.

Проблема сексуального насилия и его последствий существует несколько веков, но предметом научного исследования стала только в 70-е годы двадцатого столетия в США, а затем в Европе. В России до последнего времени данный вопрос не являлся предметом широкого обсуждения, а тем более глубоких научных исследований. Только в 90-е годы XX века появились первые научные монографии на эту тему [1]. От констатации факта существования проблемы насилия общество перешло к серьезному научному анализу.

На сегодняшний день есть отечественные работы, посвященные проблемам сексуального насилия и проблемам его последствий, но, в основном,

это юридические, медицинские и криминологические труды. Лишь малая часть научных исследований затрагивает психологические аспекты данной проблемы.

Вместе с тем, на сегодняшний день сексуальное насилие является одной из серьезных социальных проблем, затрагивающих миллионы женщин по всему миру. Согласно общим оценкам, 736 миллионов женщин — почти каждая третья в мире — подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера, со стороны посторонних людей или тому и другому — хотя бы один раз в жизни. При этом среди пострадавших женщин 30 процентов приходится на подростковый возраст — от 15 лет и старше. И эти цифры не включает сексуальные домогательства.

Большая часть насилия в отношении женщин совершается мужьями или интимными партнерами. Более 640 миллионов или 26 процентов женщин в возрасте от 15 лет и старше подвергались насилию со стороны интимного партнера. Из тех женщин, которые состояли в отношениях, почти каждая четвертая девочка-подросток в возрасте 15–19 лет (24%) подвергалась физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера или мужа, 16% молодых женщин в возрасте от 15 до 24 лет подверглись такому насилию за последние 12 месяцев. В 2024 году в России только зарегистрированы 3104 изнасилования и покушения на изнасилование, что на 0,3% больше по сравнению с 2023-м годом. Такие данные приводятся в отчете МВД РФ [5].

Менее 40% женщин, подвергшихся насилию, обращаются за какой-либо помощью. В большинстве стран, по которым имеются данные, женщины чаще всего обращаются за помощью к семье и друзьям, лишь немногие обращаются в учреждения, такие как полиция или службы здравоохранения. Менее 10% обратившихся за помощью обратились в полицию [5].

Сексуальное насилие над женщинами — сложная проблема, обусловленная множеством факторов, включая культурные нормы, гендерные стереотипы, социальную изоляцию, экономическую зависимость и слабую правовую защиту. Остроту проблеме придает то, что она в настоящее время приобретает не только психологический, но также и социальный, медицинский, юридический характер.

Сексуальное насилие — это нарушение границ; под сексуальным насилием подразумевается любое сексуальное действие, которое совершается с человеком или в присутствии человека противоположного пола, против его воли, либо человек не может осознанно дать согласие на такое действие из-за своей физической или языковой слабости [8].

Отрицание и замалчивание — составная часть сексуальной травматизации. Это полная потеря доверия к миру [8].

Случаи сексуального насилия наносят вред, прежде всего, психическому здоровью женщины. Произошедшее может глубоко задеть ее самооценку, нарушить самоидентификацию. У пострадавшей женщины понижается

уровень уважения к себе, ей становится трудно доверять другим людям, в особенности — мужчинам. Нередко травмафактором является не ожидаемая помощь, а проявление негативных стереотипов со стороны окружающих (дескать, сама спровоцировала, сами и виновата...).

Как показывают немногочисленные исследования, у женщин, подвергшихся сексуальному насилию, отмечаются негативные изменения в психике, происходит комплексная психотравматизация, кардинальным образом меняется жизнь, искажаются представления об окружающей действительности и о себе. Возникает трудность в построении близких взаимоотношений. Отмечается ухудшение здоровья, поскольку запускается процесс саморазрушения [1].

Все это влияет на дальнейшую жизнь женщины. Сложность появляется и во взаимоотношениях с мужчинами, теряется базовое доверие как к миру в целом, так и к мужчинам, в частности. Женщина чувствует опасность, так как воспроизведение переживаний, связанных с травмирующими событиями, постоянно держит ее в напряжении. Проявление вспышек воспоминаний, неприятные телесные ощущения, отдельные запахи, звуки, даже вкус во рту — всё это затрудняет межличностные отношения с мужчинами.

Многие женщины чувствуют себя виноватыми в том, что не сказали «нет» достаточно ясно, и поэтому в произошедшем насилии обвиняют себя. Но независимо от того, какие чувства или мысли возникают после произошедшего, вина всегда остается на стороне насильника. Женщины не всегда это ясно осознают и принимают.

Испытывая стыд и отвращение к произошедшему насилию, женщины испытывают большие трудности, даже принимая решение кому-то об этом рассказать. В результате возникает чувство одиночества и сомнения в собственном опыте. Может возникнуть беспокойство, тревожность, депрессия, стресс, проблемы со сном, вспышки гнева и даже суицидальные мысли [2]. У некоторых женщин перечисленные симптомы проявляются сразу после происшествия, в то время как у других только по прошествии некоторого времени. Для женщин, переживших сексуальное насилие, характерно избегающее поведение — женщина испытывает страх перед близкими контактами с мужчинами, что мешает созданию отношений с ними [2].

Пережитое сексуальное насилие в зависимости от степени травматизации, личностных особенностей самой женщины, наличия или отсутствия психологической поддержки влияет на применяемые женщинами стратегии совладания с травмирующей ситуацией. Травматичный опыт оказывает влияние на межличностные отношения с мужчинами, проявляясь в виде нарушения доверия, повышенной тревожности, повышенной возбудимости, избегания близости, в том числе сексуальной. В некоторых случаях такой опыт, наоборот, способствует формированию чрезмерной зависимости от партнера, что также не является конструктивным.

В целях оказания психологической помощи женщинам, пережившим сексуальное насилие, важно понять, как именно формируется у них комплексная психотравматизация, как пережитое сексуальное насилие влияет на их самооценку и самоидентификацию, на выстраивание ими близких отношений в дальнейшем, на общее доверие к мужчинам. Важным компонентом переживания женщинами этого травматичного опыта является, как уже было отмечено, еще и отношение к факту сексуального насилия со стороны окружающих.

«Она сама виновата, кто её просил в юбке вечером по городу ходить!» — именно эту фразу чаще всего слышат следователи на допросе маньяков и насильников. То же можно услышать и от самых обычных людей. Эта проблема поднимается в книге Ю. М. Антоняна, который задается вопросом — есть ли доля правды в таких оценках? [1].

Насильники часто рассматривают женщину как низшее существо, которое обязано подчиняться им и выполнять любое желание мужчины. Многие сводят отношения мужчины и женщины к простому физиологическому акту. У таких людей не сформировано представление о женской свободе, ценности, достоинстве и неприкосновенности. Изнасилование является исключительно мужским преступлением, но женщины все-таки могут осознанно или невольно быть подстрекательницами и пособницами. Как правило, насильник груб, жесток, циничен, разнуздан, крайне примитивно смотрит на взаимоотношения полов, считает женщину объектом полового наслаждения, не умеет сопереживать ей. Он подвержен импульсам, не принимает социальные нормы, обладает высоким уровнем тревожности и аффективности, дезадаптирован. Преступник бессознательно ощущает ущербность, не уверен в себе, не умеет выбирать партнера, стремится к доминированию. Женщина, которая указывает ему на эти недостатки, только усиливает их и фактически толкает грубияна на переход к физическим действиям.

Автор также выделяет следующие типы поведения потерпевших [1]:

1. С провоцирующим характером. Таких примерно 10–15% от общего числа жертв сексуального насилия.
2. С создающим объективные предпосылки для совершения изнасилования. Эти жертвы составляют 35–40%.
3. С положительным или нейтральным характером поведения (дети и пожилые женщины, примерно 45–60%).

Обращая внимание на эту типологию, автор, тем не менее, делает вывод о том, что все же потерпевшая женщина не может рассматриваться как главная виновница. Виктимность жертвы — это ее незащищенность от преступных посягательств и субъективная предрасположенность стать жертвой, которая утрачивает способность противостоять насилию. Отсутствие ощущения защищенности со стороны общества и государства — это первая причина виктимности, причем, не зависящая от самой женщины. Вторая причина

сложнее. Предполагается, что у жертвы есть психологические личностные «дефекты», которые приводят к ее виктимогенной деформации. Также это обусловлено ее биофизиологическими свойствами и психопатологическими особенностями [1].

Социум в значительной степени оказывает психологическое давление на женщин, подвергшихся насилию. Интересный эксперимент был проведен в рамках выставки *What Were You Wearing?* («Во что ты была одета?»), посвященной проблемам сексуального насилия. На выставке были представлены комплекты одежды — платья, юбки, блузки и брюки, которые носили реальные люди в момент нападения. Авторы выставки привлекли внимание к тому, что сексуальное насилие происходит независимо от одежды. Каждый комплект одежды символизирует реального человека, пережившего сексуальное насилие, а вся экспозиция — 1,3 миллиарда человек, ставших жертвами.

Важно отметить, что реакция самой жертвы очень важна. Реакции на травмирующее событие описывает Франц Рупперт в своей книге «Любовь, страсть и травма» [7]. В процессе сексуального насилия возникающие чувства, такие как боль, страх, отвращение, ярость, стыд невыносимы для жертвы, и она вынуждена их отщеплять от себя. В результате происходит притупление чувствительности в определенных зонах тела или во всем теле. Во время эпизодов насилия тело цепенеет или ослабевает и коллабирует. Жертва мысленно пытается покинуть тело «сбежать» в цветок на окне или картину на стене [7].

Также автор описывает позиции травмированной жертвы, которые непременно влияют на межличностные отношения с мужчинами, «переворачивание» фактов внутри себя: «Я сама виновата в том, что это произошло со мной», «Мне должно быть стыдно за это», «Мне самой было это приятно», «Я плохая, грешная, испорченная», «Я это заслужила», «Мое тело для этого и создано» [7].

Жертва и агрессор очень тесно связаны, это утверждает автор и описывает их позиции, которые хорошо сочетаются друг с другом, что и делает возможной скрытую сексуальную травматизацию. Некоторые жертвы жалеют, что агрессоры отворачиваются от них, находя себе новых жертв. Их внутренние части чувствуют, что их отвергли и больше не любят. Их постигает разочарование, когда они узнают, что агрессор начал делать то же самое с другими, поскольку они думали, что для насильника они какие-то особенные. Травматические стратегии выживания преступников и жертв сцепляются друг с другом с непостижимым для обыденного понимания упорством и таким образом препятствуют остановке этого кошмара [7].

Отсутствие связи с телом может иметь разные причины. Об этом рассуждают Франц Рупперт и Харальд Банцхаф в своей книге «Мое тело, моя травма, мое Я» [8]. Авторы описывают первопричины связей между телом, травмой и Я, утверждая, что переживания прошлого являются главным источником нарушения. Отсутствие связи со своим телом или пренебрежительное отношение к нему и к своей сексуальности зачастую являются следствием

травмирующего опыта из детства. Из-за такого опыта теряется связь с собой и своим телом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что насилие во взрослом возрасте, в результате травмирующего события в прошлом, чаще всего сексуального характера, повторится в будущем, а это окажет влияние на выстраивание отношений с мужчинами и на их восприятие, женщина сливается с партнером и происходит подчинение [8].

В результате насилия нарушается идентичность, так как сексуальная травматизация сопряжена с сильными чувствами страха, бессилия, беспомощности, стыда и отвращения. Тело парализуется, и невыносимые эмоции замораживаются, что приводит к глубокому внутреннему расщеплению. Приходится отказаться от своего «Я» [8].

У жертвы формируется связь реакции на сексуальное насилие с нарушением психологических (или даже социальных) границ. В результате нарушения границ, у женщины расплываются варианты «можно» и «нельзя» «как со мной можно обращаться и как нельзя», это приводит к сложности выстраивания отношений. Женщина не может выбрать и/или выстраивать критерии построения благополучных отношений с мужчинами. Она не осознает свою систему ценностей, и фраза «этот вроде нормальный» становится для нее основой, что зачастую приводит к печальным последствиям.

Сексуальное насилие оставляет у жертвы неизгладимый след. Серьезность последствий зависит от многих факторов: от возраста жертвы, особенностей её психики, ситуации, типа и формы насилия, частоты и тяжести насильственных действий, от того, знала ли жертва насильника. «Травматический синдром изнасилования является особым случаем посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), когда жертва насилия страдает из-за симптомов, вызванных пережитым сексуальным насилием» [6]. Синдром травмы изнасилования является формой посттравматического стрессового расстройства, которое развивается у пострадавших от сексуального насилия. Он включает в себя физические, эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции, развившиеся вследствие столкновения с угрожающим жизни событием. [6].

Симптоматика травматического синдрома изнасилования подобна остальным случаям ПТСР и включает следующие проявления [6]:

- рекуррентное, постоянное и беспокоящее переживание травмы через неприятные воспоминания, сны, навязчивые действия и чувства, как будто бы события повторяются (повторные переживания травмы, иллюзии, галлюцинации), «флэшбэки» — внезапные, яркие и реалистичные, вспышкообразные возвращения травмирующих переживаний;
- постоянное избегание стимулов, которые напоминают об изнасиловании, например, пациент избегает мысли и чувства, ассоциирующиеся с местом насилия, насильником, самой ситуацией; избегает

ситуации и сферы деятельности, которые пробуждают травматические воспоминания насилия;

- психогенная амнезия;
- снижение интереса к значимым сферам жизнедеятельности, появление отчужденности от других людей, чувства отсутствия будущего, снижение эмоциональных реакций;
- регулярные симптомы повышенного возбуждения с раздражительностью и вспышками гнева, нарушение концентрации, которое включает в себя раздражительность и вспышки гнева, нарушение концентрации внимания, гиперактивность, неадекватность и др.
- в результате вышеперечисленных расстройств появление значительного дистресса или дезадаптации в социальной, профессиональной и других областях жизнедеятельности.

При продолжительности этих симптомов в течение не менее 1 месяца, диагностируется травматический синдром сексуального насилия. Признаки травматического синдрома изнасилования тесно связаны с процессом диссоциации. В литературе, посвященной этому вопросу, можно отметить довольно устойчивую тенденцию рассматривать диссоциацию, как «основной патогенетический механизм возникновения и развития ПТСР» [9].

В результате пережитого сексуального насилия женщина нуждается в квалифицированной помощи терапевта, который специализируется на проблемах сексуального насилия. В книге Ван дер Харта «Призраки прошлого: структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы» представлена теория структурной диссоциации как основа для понимания и лечения хронической психической травмы. Предлагаемая теория для достижения психического восстановления пациента включает комплексную модель, охватывающую этапы терапии, работу с фобиями, развитие коммуникативных навыков и преодоление последствий травматических воспоминаний [3]. Автор представляет организацию личности при диссоциации как разделенную на различные части. Описывается трехэтапная терапия: каждый из этапов которой нацелен на преодоление определенных страхов, связанных с травмой, включая страх привязанности, страх ментальных действий и страх перед возвращением к нормальной жизни.

Основная задача терапевта — повысить уровень психического функционирования пациента, улучшить его коммуникативные навыки, а также помочь интегрировать травматические воспоминания, чтобы пациент мог вернуться к нормальной жизни. Особое внимание уделяется работе с фобиями, которые поддерживают диссоциацию и мешают нормальной жизни. Рассматривается преодоление страха воспоминаний, ментальных действий и даже страха самих диссоциативных частей личности [3].

Автор раскрывает сложность во взаимоотношениях клиента и терапевта. Сложность в том, что клиент при желании приблизиться к терапевту

и выстроить близкие доверительные отношения, испытывает страх. Это касается и отношений в социуме, и отношений с противоположным полом. Улучшение коммуникативных навыков благоприятно сказывается на адаптации после пережитого насилия и способствует возвращению к нормальной жизни.

Жертвы сексуального насилия нуждаются, в первую очередь в безопасности, вспоминании и оплакивании, в восстановлении связей с другими людьми. Подробные стадии восстановления представлены в книге Джудит Герман “Трава и исцеление”. Безопасность, как считает автор, включает в себя: именование проблемы, восстановление контроля, создание безопасной среды [4]. Вспоминание и оплакивание: реконструкция истории, трансформация травматических воспоминаний, оплакивание травматической утраты. Восстановление связей: научиться бороться, примирение с собой, восстановление связей с другими людьми, поиски миссии выживших (это найти смыслы жить дальше). Общность: группы для обеспечения безопасности, группы для вспоминания и оплакивания, группы для восстановления связей. Прохождение всех этих стадий существенно влияет на возможность вернуться к нормальной жизни [4].

В целом, подводя итог, хочется отметить, что вовремя оказанная квалифицированная помощь специалистов, в том числе, и обращение в кризисные центры помощи женщинам, может существенно ускорить процесс восстановления и помочь создать отношения с мужчинами в доверии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю. М. Быть жертвой. Природа сексуального насилия. — М.: Алгоритм, 2017. — 368 с.
2. Бессел Ван Дер Колк. Тело помнит все: какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают нн преодолеть. — Москва: Эксмо, 2022. — 464 с.
3. Ван дер Харт О., Нейенхюс Э. Р. С., Стил К. Призраки прошлого: структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. — М.: Когито-Центр, 2013. — 576 с.
4. Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора/Джудит Герман. — Москва: Эксмо, 2023. — 640 с.
5. МВД: [Официальный сайт] // Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>
6. Невярович Н. Е. Процессуальная психотерапия женщин-жертв сексуального насилия: дисс.канд.психол.наук. — СПб, 2004. — 186 с.
7. Рупперт Ф. Любовь, страсть и травма-М.: First Step, 2021. — 224 с.
8. Рупперт Ф., Банцхар Х.. Мое тело, моя травма, мое Я. — СПб: ООО “Меридиан-С”, 2019. — 388с.
9. Bandura A. Aggression: A Social Learning Process. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973. URL: <https://nasiliu.net/pronasilie/statistika-domashnego-nasiliya-v-rossii-i-v-mire/>

Гнатко Ольга Владимировна,
Магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
gnatkoo@yandex.ru

Бардиер Галина Леонидовна,
Доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
galinabardier@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС»

В статье проводится сравнительный анализ определений, феноменологического описания и содержательного наполнения понятия «травматический стресс», представленные в отечественной и зарубежной англоязычной научной литературе. Предлагается авторская модель поэтапного формирования травматического стресса, в основе которой лежат два вида стресса — острый и хронический. Этапы формирования травматического стресса соотносятся с механизмами перехода от психических процессов (стресс) к психическим состояниям (травматический стресс) и далее — к психическим свойствам (посттравматическая стрессовая реакция и её признаки — расстройства личности и соматоморфные расстройства). В качестве главного регулятора поэтапных переходов предлагается рассматривать субъективную значимость травмафакторов для личности самого травмирующего агента.

Ключевые слова: острый стресс, хронический стресс, общая стрессовая реакция, травматический стресс, психическая травма, посттравматическое стрессовое расстройство.

Gnatko O. V., Bardier G. L.

PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO THE DEFINITION AND CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF «TRAUMATIC STRESS»

The article provides a comparative analysis of the definitions, phenomenological description and substantive content of the concept of «traumatic stress» presented in domestic and foreign English-language scientific literature. The author's model of the stage-by-stage formation of traumatic stress is proposed, which is based on two types of stress — acute and chronic. The stages of traumatic stress formation are related to the mechanisms of transition from processes (stress) to states (traumatic stress) and then to properties (post-traumatic stress reaction and its signs — personality disorders and somatomorphic disorders). As the main regulator of stage-by-stage transitions, it is proposed to consider

the subjective significance of trauma factors for the personality of the traumatizer himself.

Keywords: acute stress, chronic stress, general stress reaction, traumatic stress, trauma, post-traumatic stress disorder.

Введение. Травматический стресс представляет собой сложное психическое явление, которое до сих пор не имеет единого, общепринятого определения в научной литературе. Феноменологический анализ этого понятия позволяет рассмотреть его через призму субъективного переживания, механизмов формирования и связи с другими психическими проявлениями.

В данной статье мы предприняли попытку систематизировать существующие подходы к определению травматического стресса, опираясь на работы отечественных и зарубежных исследователей, а также предложить своё авторское видение данного понятия.

Субъективная природа травматического стресса, стресс как субъект-объектно ориентированный эмоциональный процесс. Ключевым аспектом понимания травматического стресса является его субъективная природа. Как отмечается в работе The Oxford Development Centre, которая в свою очередь опирается на труды Claudia Herbert, травматический стресс рассматривается как субъективно переживаемый разрыв в нормативном восприятии реальности [9, 10]. Этот разрыв возникает, когда событие угрожает базовым убеждениям индивида о безопасности, контроле и справедливости.

Важно подчеркнуть, что травма конструируется через личное смыслообразование — то, как человек интерпретирует произошедшее и интегрирует этот опыт в свою жизненную историю. Таким образом, пусковым механизмом формирования травматического стресса становится не столько объективная тяжесть события, сколько глубина его воздействия на индивидуальную систему ценностей человека и его идентичность. В этом контексте особо важно подчеркнуть, что поскольку первой реакцией на травмафактор является эмоция, а, как известно, эмоциональные процессы действительно носят субъект-объектный характер. Акцент на субъективной значимости стимулов позволяет понять, почему одни и те же события могут вызывать травматический стресс у одних людей и оставаться нейтральными для других. Таким образом, получается, что начальной стадией формирования травматического стресса является субъект-объектно ориентированный эмоциональный процесс.

Травматический стресс как состояние. В отечественной литературе травматический стресс часто определяется через категорию состояния. Так, Полякова О. Б. описывает его как «переживание особого рода; результат особого взаимодействия человека и окружающего мира; нормальная реакция на ненормальные обстоятельства; состояние, возникающее у человека, который пережил нечто, выходящее за рамки обычного человеческого опыта» [4]. Интенсивность переживаний при травматическом стрессе крайне высока: он сопровождается сильным страхом, ужасом и чувством

беспомощности. Важной характеристикой является временная неопределённость этого состояния. Травматический стресс может носить как острый, так и хронический характер. В первом случае он проявляется как кратковременная, но интенсивная реакция, во втором — как пролонгированное состояние, которое аккумулируется со временем. Сущностной основой формирования травматического стресса являются два вида стрессовых реакций: острый и хронический. Эти реакции могут сочетаться, создавая сложную картину переживаний и влияя на адаптационные возможности человека.

Механизмы перехода от стресса к травматическому состоянию.

Переходным моментом от стресса как процесса к травматическому стрессу как состоянию является общая стрессовая реакция (ОСР). Биктина Н. Н. рассматривает травматический стресс как особую форму общей стрессовой реакции (ОСР), которая возникает, когда стресс перегружает психологические, физиологические и адаптационные возможности человека, разрушая его защитные механизмы [1]. В этом определении акцент делается на процесс перехода от обычного стресса к травматическому, где ключевую роль играет неспособность психики справиться с нагрузкой.

Одновременно с этим, Тарабрина Н. В. связывает травматический стресс с его последствиями, а именно с развитием посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [8]. Она определяет ПТСР как «непсихотическую отсроченную реакцию на травматический стресс (такой как природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования и др.), способный вызвать психические нарушения практически у любого человека». Таким образом, травматический стресс феноменологически описывается как явление, которое при определенных условиях приводит к более тяжелым психическим нарушениям.

Временной аспект и динамика развития травматического стресса.

Ромек В. Г., Конторович В. А. и Крукович Е. И. делают акцент на временном факторе при определении травматического стресса [5]. Они рассматривают его как переходную форму от стресса как кратковременного процесса к более протяженному психическому состоянию. Механизм этого перехода связан с формированием общей стрессовой реакции (ОСР), которая возникает в ответ на критический инцидент.

Согласно предлагаемой авторами модели, травматический стресс развивается во время или сразу после травмирующего события (до 2 суток), затем может перейти в острое стрессовое расстройство (от 2 суток до 4 недель), а в дальнейшем — в ПТСР (спустя более месяца). В наиболее тяжелых случаях формируется посттравматическое расстройство личности, которое сохраняется на протяжении жизни. Эта динамика подчеркивает процессуальный характер травматического стресса и его связь с временными параметрами.

Защиринская О. В. предлагает более детализированную модель, в которой травматический стресс представлен как процесс, имеющий четкие границы

начала и окончания. Автор выделяет несколько этапов психотравматизации: стресс → дистресс → травматическая реакция (аналог ОСР) → травматический стресс → ПТСР [2, 3].

Переход от обычного стресса к травматическому осуществляется через дистресс — состояние, при котором организм реагирует на конфликтные ситуации, нарушающие нормальные физиологические функции [6, 7]. Далее формируется травматическая реакция, которая знаменует переход от естественного переживания психологических проблем к пограничным психическим состояниям. Завершающей стадией является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое характеризуется уже патологическими изменениями соматоморфных и физиологических характеристик, а также расстройством личностных свойств.

Сравнительный анализ определений. Сравнение различных подходов к определению травматического стресса позволяет выделить несколько ключевых аспектов. В англоязычной литературе (The Oxford Development Centre) акцент делается на внутренний процесс и субъективное восприятие реальности. Полякова О. Б. рассматривает травматический стресс как состояние, Биктина Н. Н. — как особую форму стрессовой реакции, а Тарабрина Н. В. — как явление, ведущее к ПТСР. Ромек В. Г. и соавторы выделяют временной фактор, а Защиринская О. В. описывает поэтапный процесс психотравматизации.

Несмотря на различия, во всех определениях подчеркивается субъективная значимость стимулов, которые выступают в качестве факторов травматического стресса. Это объединяет различные подходы и позволяет рассматривать травматический стресс как многогранное явление, требующее дальнейшего изучения.

Проблема определения травматического стресса в современных исследованиях. Современные исследования сталкиваются с существенной проблемой в изучении травматического стресса, связанной с отсутствием четкого и общепринятого определения этого феномена. Существующие определения и феноменологические описания оказываются недостаточными для исследовательских целей, поскольку не позволяют провести четкую дифференцировку при формировании референтных выборок. Основная сложность заключается в том, что различные авторы по-разному определяют содержательное наполнение понятия «травматический стресс», что создает методологические трудности как при организации исследований, так и при сравнении результатов исследований, проводимых разными авторами.

Особую проблему представляет отсутствие единой системы количественного измерения травматического стресса и общепризнанного методического инструментария для таких измерений. Как было продемонстрировано выше, большая часть представленных в литературе определений недостаточно раскрывает механизмы формирования травматического стресса,

а дополнительные параметры часто отражаются через смежные понятия. Важным аспектом является также необходимость четкого понимания взаимосвязей травматического стресса с другими психическими явлениями, такими как тревога, депрессия и расстройство личности, что важно как для определения последовательного, так и параллельного течения этих состояний.

Авторская модель формирования травматического стресса. Авторская модель формирования травматического стресса представляет собой целостную систему, описывающую динамику развития этого состояния от начальных проявлений до клинически выраженных форм

Рис. 1. Авторская модель формирования травматического стресса

В основе модели лежит разделение двух исходных видов стрессовой реакции — интенсивного/острого стресса и хронического/продолжительного стресса, каждый из которых представляет собой психический эмоциональный процесс со специфическими особенностями, обеспечивающими его субъект-объектный характер.

Критическим переходным звеном в этой модели выступает общая стрессовая реакция (ОСР), которая понимается как ответная реакция организма на конфликтные ситуации, негативно влияющие на нормальные физиологические функции. Этот этап представляет собой переходную ступень от психического процесса к психическому состоянию. Механизм такого перехода обусловлен сочетанием двух факторов: временной протяженности и/или чрезмерной интенсивности стрессовой реакции, с одной стороны,

и неспособности психологических защитных механизмов адекватно справиться с нагрузкой — с другой.

Следующая стадия модели — собственно травматический стресс или психическая травма, которая характеризуется как устойчивое психическое состояние. Переход к этому состоянию происходит под влиянием временной протяженности и/или интенсивности стрессовой реакции, достигающей уровня необратимости (что связано с феноменом неотрагированности травмы). Дополнительным фактором выступает неэффективность копинг-стратегий и неконструктивность стратегий совладания, которые не позволяют личности адаптивно переработать травматический опыт.

Завершающим звеном авторской модели является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР или ПТСС), которое понимается как комплексное состояние, включающее диссоциативные процессы, дезадаптацию и устойчивые расстройства соматоморфных, физиологических и личностных свойств. Эта стадия представляет собой клинически выраженную форму последствий травматического стресса, требующую специализированного психологического и, в ряде случаев, медицинского вмешательства.

При подготовке данной модели, мы поставили перед собой ряд вопросов, которые помогли нам при систематизации и анализе существующих материалов. Первый фундаментальный вопрос касается психических проявлений, лежащих в основе формирования травматического стресса, и его последствий.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в основании формирования травматического стресса лежат два вида стрессовых реакций — острый (характеризующийся высокой интенсивностью) и хронический (отличающийся пролонгированным характером). Последствием травматического стресса, понимаемого как содержательное наполнение психической травмы, при условии ее неотрагирования становится развитие посттравматического стрессового синдрома (ПТСС), или, в более точной формулировке, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Второй ключевой вопрос посвящен механизмам формирования и поэтапной динамике развития травматического стресса. Авторская модель выделяет три основных этапа этого процесса.

Первый этап характеризуется развитием двух видов стресса (острого и хронического) как эмоциональных психических процессов. Механизм перехода к следующему этапу связан с неспособностью психологических защит справиться с нагрузкой, что приводит к формированию общей стрессовой реакции (ОСР).

На втором этапе развивается собственно травматический стресс как психическое состояние, переход к которому обусловлен неэффективностью копинг-стратегий и неконструктивностью стратегий совладания, что препятствует адекватному отреагированию травмы.

Третий этап представляет собой формирование ПТСР, которое проявляется через диссоциацию и дезадаптацию, сопровождающиеся комплексным расстройством соматоморфных, физиологических и личностных свойств.

Третий важный вопрос касается возможности количественного измерения травматического стресса и выбора референтного методического инструментария.

Авторский подход предполагает, что для измерений травматического стресса наиболее релевантными являются методики диагностики психических состояний, включенных в существующие перечни симптоматики травматического стресса. При этом в динамических исследованиях целесообразно включать в систему измерений методики, референтные для оценки стресса как эмоционального процесса, а также инструменты, направленные на измерение характеристик ПТСР как расстройства сомато-физиологических и личностных свойств.

Заключительные положения и перспективы исследования. Феноменологический анализ понятия «травматический стресс» выявил его сложную и многомерную природу. Основные подходы к его определению можно разделить на те, которые акцентируют внимание на субъективном переживании, состоянии, процессе или последствиях. Общим для всех является понимание того, что травматический стресс возникает в результате взаимодействия внешних событий и внутренних психических процессов, приводя к глубоким изменениям в восприятии реальности и функционировании личности.

Проблема отсутствия единого определения остается актуальной, так как это затрудняет формирование референтных выборок для исследований. Однако именно феноменологический подход, учитывающий субъективный опыт и динамику развития, позволяет наиболее полно раскрыть сущность травматического стресса и его место в системе психологических понятий.

Представленная авторская модель позволяет интегрировать различные аспекты понимания травматического стресса, выделяя его процессуальную природу и этапность развития. Важным достоинством модели является её динамический характер, позволяющий проследить трансформацию стрессовой реакции от первоначальных проявлений до клинически выраженных форм.

Особую ценность представляет выделение критических точек перехода между этапами, что имеет важное значение для разработки профилактических и коррекционных программ. Понимание механизмов, обуславливающих переход от одного состояния к другому (таких как неэффективность психологических защит или копинг-стратегий), открывает возможности для своевременного вмешательства и предотвращения развития тяжелых последствий травматического стресса.

Перспективными направлениями дальнейших исследований в этой области могут стать: уточнение критериев дифференциальной диагностики

различных этапов развития травматического стресса; разработка комплексного методического инструментария для оценки динамики состояния; изучение факторов, способствующих или препятствующих переходу между этапами; а также разработка дифференцированных подходов к психологической помощи в зависимости от стадии развития травматического стресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биктина, Н. Н. Практикум по психологии посттравматического стресса: учебное пособие / Н. Н. Биктина; Оренбургский государственный университет. — Оренбург: ОГУ, 2011. — 166 с.
2. Заширинская, О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. — 172 с.
3. Заширинская, О. В. Преодоление травматического стресса: рабочая тетрадь. — Санкт-Петербург: Питер, 2024. — 160 с.
4. Полякова, О. Б. Психология посттравматического стресса: учебник / О. Б. Полякова, Т. И. Бонкало. — Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. — 292 с. URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/metodicheskie-posobiya/> (дата обращения: 12.03.2024).
5. Ромек, В. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / В. Г. Ромек, В. А. Конторович, Е. И. Крукович. — Санкт-Петербург: Речь, 2004. — 256 с.
6. Социальный стресс и психическое здоровье / под ред. Т. Б. Дмитриевой, А. И. Воложина. — Москва: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. — 100 с.
7. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / В. Л. Марищук, В. И. Евдокимов. — Санкт-Петербург: Издательский дом «Сентябрь», 2001.
8. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 272 с.
9. Herbert, C. Overcoming Traumatic Stress: A Self-Help Guide Using Cognitive Behavioral Techniques. — Hachette UK, 2012. — 288 p.
10. The Oxford Development Centre. Stress and Trauma [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxforddevelopmentcentre.co.uk/stress-and-trauma/> (дата обращения: 22.05.2025).

Зосименко Элла Владимировна,
Магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского
ellavz@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПСИХОТРАВМАТИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

В статье в формате интеллект-карты (mind-map) рассматриваются факторы психотравматизации подростков при их общении в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Коммуникации посредством Интернета стали неотъемлемой частью жизни современного человека, в особенности среди подрастающего поколения. В рамках проведенного анализа выделены различные формы интернет-коммуникаций, способствующих возникновению психической травмы. Современные формы взаимодействия могут оказывать значительное влияние на поведение и мотивацию подростков. Изучение механизмов формирования у подростков стратегий преодоления цифровых ловушек и выработки жизненных целей в условиях влияния цифровой среды являются актуальными в области психологии.

Ключевые слова: психическая травма, интеллект-карта, интернет-коммуникация, кибербуллинг, киберсталкинг, коммуникативные практики.

Zosimenko E. V.

COMMUNICATIVE PRACTICES OF VIRTUAL SPACES AS A FACTOR IN TEENAGER'S PSYCHOTRAUMA

The article in the mind-map format examines the factors of adolescent psychotraumatization during their communication in the information and telecommunications network Internet. Communication via the Internet has become an integral part of modern life, especially among the younger generation. As part of the analysis, various forms of Internet communications that contribute to the emergence of mental trauma are identified. Modern forms of interaction can have a significant impact on the behavior and motivation of adolescents. The study of the mechanisms of formation of strategies in adolescents to overcome digital traps and develop life goals in the context of the influence of the digital environment are relevant in the field of psychology.

Keywords: mental trauma, mind map, psychotrauma, cyberbullying, cyberstalking, Internet communication, communicative practices.

За последние десятилетия развитие и распространение современных коммуникативных технологий, в число которых уверенно вошли Интернет-технологии, изменили различные аспекты жизни современного человека: в онлайн-режим вступили обучение, общение, многие профессиональные активности, досуговое времяпрепровождение, шопинг и т.д.

С каждым годом количество пользователей Интернета увеличивается вне зависимости от возраста (количество пользователей сети Интернет в России

в 2025 году — 129,8 млн. чел. или 89%), интернет-активность всё чаще осуществляется посредством мобильного интернета (в 2015 году доля мобильного интернета составляла 37% от общего трафика, к 2025 году показатель достиг 74,3%) [8].

Данная тенденция связана с тем, что Интернет — это не только платформа для поиска и обмена информацией, но и средство общения, которое не ограничивается мессенджерами и социальными сетями, но и происходит, например, в онлайн-играх, основными пользователями которых являются дети и подростки. Онлайн-игры позволяют создавать команды и общаться во время игры. Более у 80% российских подростков есть профиль в социальной сети, у каждого шестого из них более 100 интернет-друзей, 4% детей имеют более 300 таких друзей в социальной сети [3]. Однако, современные коммуникативные практики могут способствовать психотравматизации личности, и тем самым способствовать развитию психических расстройств.

Поскольку взаимодействие посредством сети Интернет не имеет устоявшегося общепринятого термина, в данной статье будем обозначать его термином «интернет-коммуникация». При помощи интеллект-карты далее попытаемся наполнить конкретным содержанием понятие «интернет-коммуникация».

Рис. 1. Виды речи в интернет-коммуникации.

Интернет-коммуникация — это, как правило, разговорная или упрощенная речь, опосредованная, но при этом обладающая свойствами непосредственной речи (рис. 1), осуществляемая с помощью специализированных технически сложных устройств (гаджетов), подключенных к сети Интернет (рис. 2).

Интернет-коммуникация используется для достижения разнообразных целей, например, для обмена информацией, выстраивания отношений, развлечений (рис. 3).

При этом интернет-пользователи практикуют разные стратегии общения (кооперативные и некооперативные) (рис. 4) [2] и стили общения (монологический и диалогический) (рис. 5).

Рис. 2. Устройства, с помощью которых происходит интернет-коммуникация.

Рис. 3. Цели интернет-коммуникаций.

Рис. 4. Стратегии общения в интернет-коммуникации.

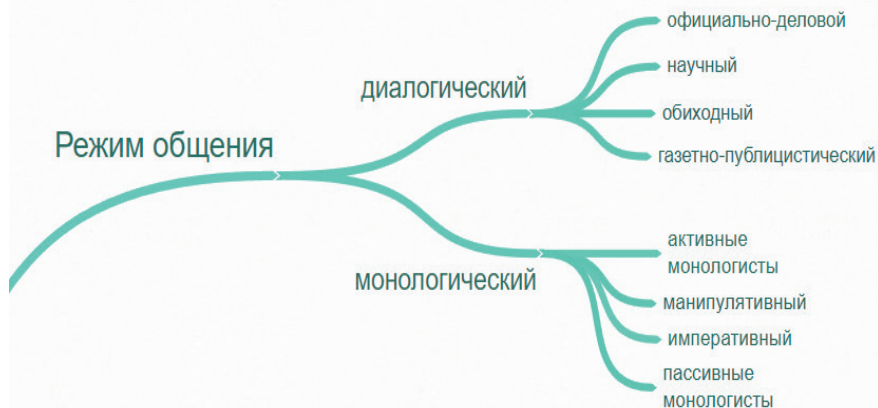

Рис. 5. Стили (режимы) общения в интернет-коммуникации.

Например, в сети Интернет много активных монологовистов (блогеров) — это те, кто много и подробно говорит, не ожидает мгновенной активной реакции слушателей, развивают тему самостоятельно. Бывают и пассивные монологисты — это те, кто мало говорит, коротко пишут и не ожидают активной реакции от слушателей.

Интернет-коммуникация происходит в разных формах: общение в чатах, форумах, мессенджерах, социальных сетях, онлайн-играх, на различных интернет-платформах, многих приложениях (рис. 6). Благодаря социальным сетям возникла новая форма общения — групповая [5].

Рис. 6. Формы общения интернет-коммуникаций.

Особенность интернет-коммуникаций состоит в том, что присутствует эффект «реальной жизни» и «иллюзия близости», так как мы можем в любой момент написать и (или) позвонить, присутствует ощущение постоянной связи (присутствия) другого человека (рис. 7). В интернет-пространстве не существует единых правил поведения, которые обязаны соблюдать пользователи. Такие правила могут устанавливаться в определенных сообществах (чатах, приложениях, хостингах и т.д.), причем у каждого сообщества правила будут различаться, в остальном пространстве нет ограничений для регуляции поведения пользователей.

При взаимодействии в сети Интернет пользователи выбирают анонимное присутствие — такой вид коммуникативной практики позволяет создавать свой образ (аватар), приписывать ему определенные качества и роли, что позволяет быть более уверенным. Интернет-коммуникация «аватаров» снижает барьеры общения — позволяет быть более искренним, высказывать свои эмоции, но не только «положительные», но и проявлять агрессию.

В подростковом возрасте формируется самооценка и самосознание личности, происходит поиск смысла жизни, предназначения, жизненных целей, самоидентификация и отождествление себя с каким-либо сообществом.

Интернет-среда предоставляет возможность для развития личности, позволяет подросткам причислять себя к каким-либо сообществам. Однако, помимо самоидентификации может происходить процесс разделения на «свой» и «чужой», появляется вероятность попадания в деструктивную среду, есть возможность приписывать качества своему собеседнику, не свойственные ему.

В связи с отсутствием вербальных сигналов в виртуальном пространстве существует эмоциональная дистанция, и для выражения эмоций используют дополнительные инструменты — эмодзи, неологизмы (в основном англицизмы), сокращения, мемы и другие обозначения, которые образно дополняют смысл высказывания и уточняют его экспрессивно-интонационную [1]. При этом одно и то же выражение может восприниматься двойственно [4], особенно, различными поколениями, культурами. Одно и то же выражение, написанное разным регистром, различными метатекстовыми знаками, будет восприниматься по-разному. Например, эмоция «радость» выражалась по-разному в разное время и разными поколениями (рис. 8).

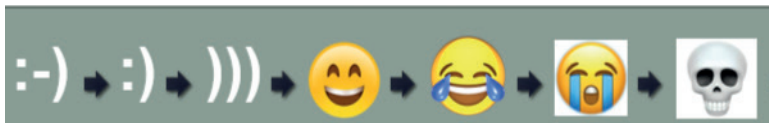

Рис. 8. Выражение эмоции «радость» различными поколениями.

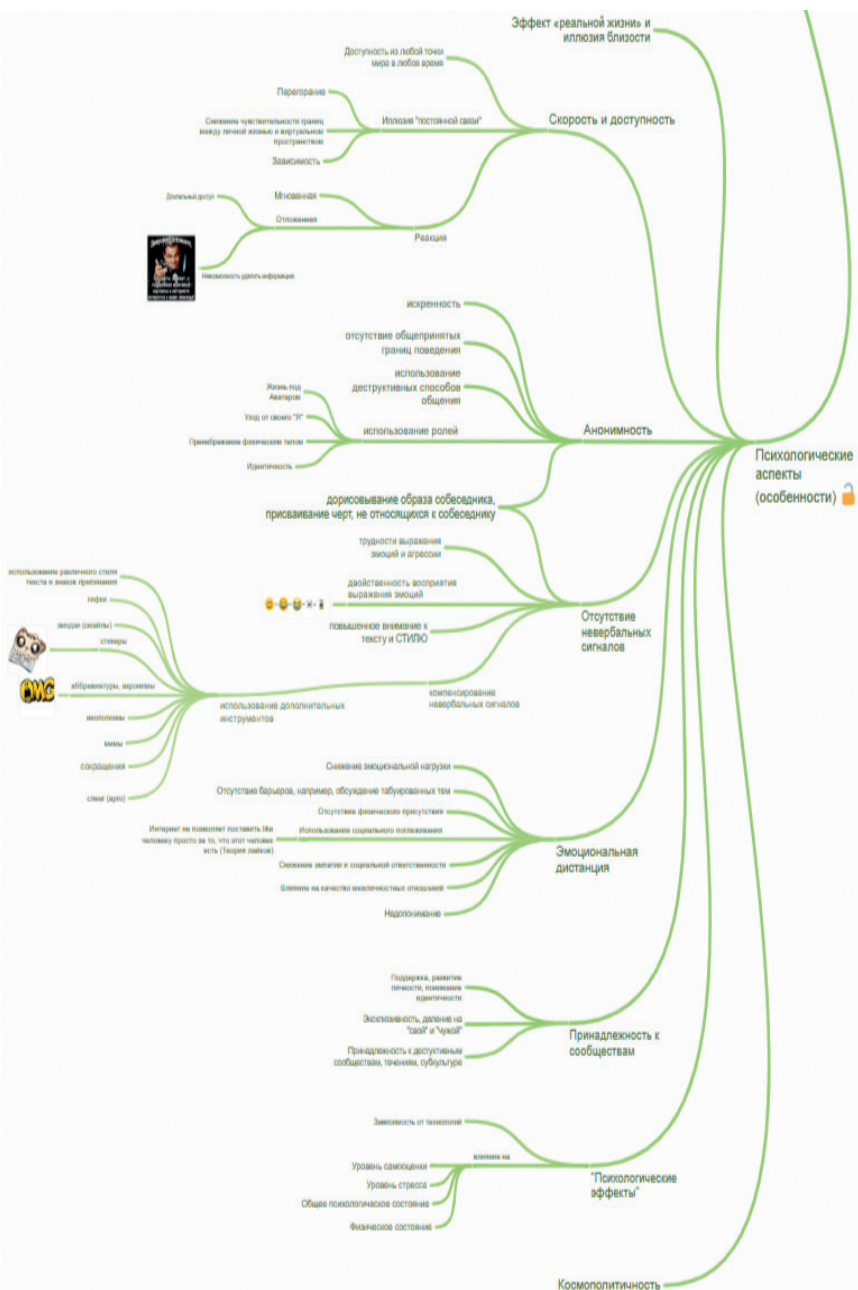

Рис. 7. Психологические аспекты (особенности) интернет-коммуникации.

Учитывая приведенные выше психологические особенности интернет-коммуникаций, рассмотрим факторы, способствующие психотравматизации личности, при взаимодействии в интернет-пространстве (рис. 9).

В данном исследовании выделены четыре большие группы форм взаимодействия, способствующих возникновению психической травмы: «токсичные отношения», киберсталкинг, потребление «токсичного контента» и интернет-зависимость.

В интернет-среде подростки чаще всего сталкиваются с киберсталкингом. Киберсталкинг — преследование человека вне зависимости от социально-демографических характеристик в онлайн-формате, которое может перейти в офлайн. Например, выслеживать местоположение преследуемого могут по фотографиям из социальных сетей, геолокации.

Киберсталкинг — это не обязательно выслеживание и угрозы, существует такое явление как «лавбомбинг» — стратегия манипуляции в отношениях, когда один человек демонстрирует чрезмерную заботу, внимание и обожание. Однако, киберсталкинг может принимать и радикальную форму насилия — «хэппислепинг», когда жертву вычисляют, избивают (издеваются), фиксируя процесс на камеру мобильного телефона, а затем выкладывают запись в интернет или шантажируют.

В интернет-пространстве существует мало ограничений для потребления контента, хотя он может быть небезопасным: это и «токсичная позитивность» (когда все хорошо и проблем не существует), и треш-стримы, и просто новости про теракт. Под «токсичным» контентом понимают различные виды негативной информации, оказывающей деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы и общество в целом [10]. Такой контент всегда позволяет собирать множество просмотров, но может и наносить вред психическому здоровью.

Следует отметить, что долгое нахождение в интернете может способствовать различным девиациям в поведении, например, подростки начинают «флудить», т.е. выдавать много бессмысленных сообщений (поток), тем самым сбрасывая или высказывая свой негатив, фокусируя внимание других пользователей на себе.

Еще одним фактором психотравматизации является манипуляции в интернет-пространстве. При интернет-коммуникации, как уже говорилось выше, за «аватаром» собеседника может скрываться любой человек, например, злоумышленник или мошенник, который путем манипулятивных техник может получать необходимую информацию о банковских картах для кражи денег, «выуживать» информацию, которую можно в дальнейшем использовать для шантажа.

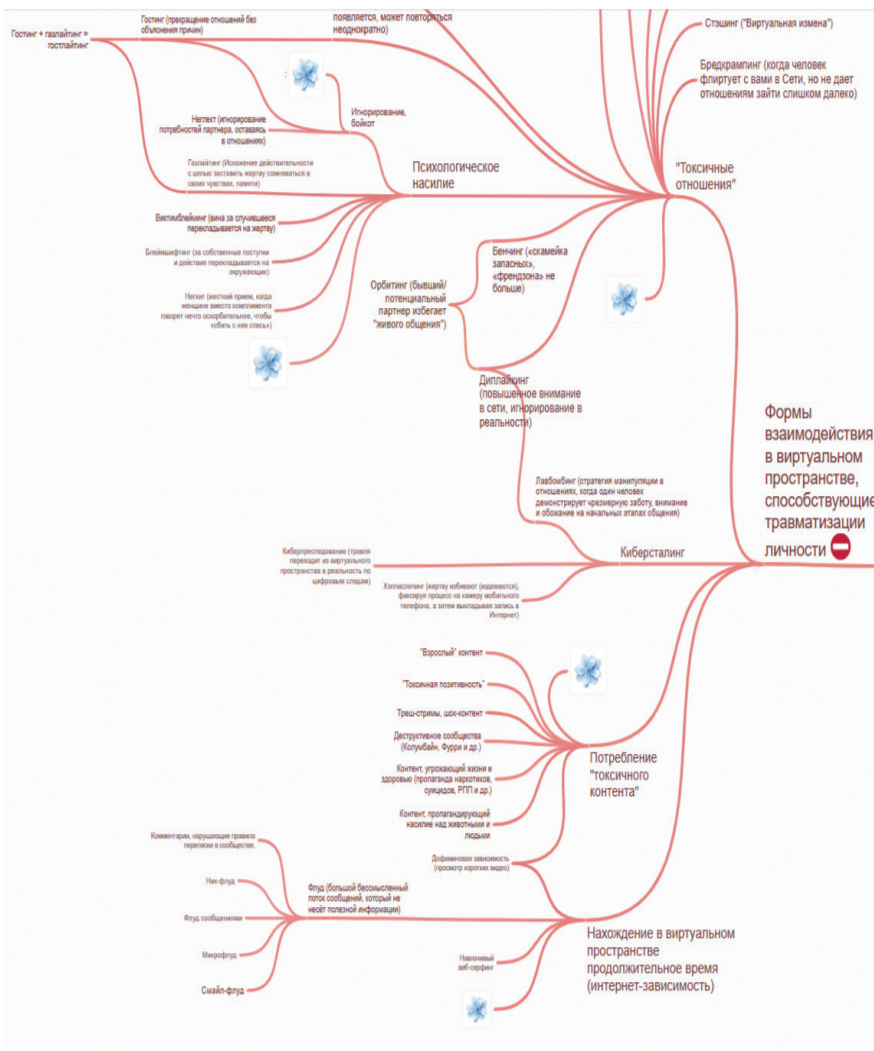

Рисунок 9. Формы интернет-коммуникаций, способствующих травматизации личности.

Активно-применяемая форма коммуникативной интернет-практики — кибербуллинг в форме троллинга (способ сетевого поведения, в основе которого лежит создание провокационных, издевательских, оскорбительных сообщений с целью нагнетания конфликтной атмосферы [6]). Чаще всего кибербуллингу подвергаются дети и подростки, так как они являются в онлайн-пространстве наиболее уязвимыми и легко поддающимися агрессии [12].

Кибербуллинг характеризуется принципом трех «А»: анонимность (anonymous), доступность (accessible), «низкая цена» (affordable). Принцип «низкой цены» означает, что киберагрессору не важна реальная реакция жертвы.

В январе 2025 года опубликовано исследование «Российские школьники: о карьере, патриотизме, буллинге и кибербезопасности» [8]. По результатам этого исследования были сделаны выводы о том, что каждый пятый (19%) опрошенный школьник сообщил, что подвергался кибербуллингу. В 54% случаев агрессия проявлялась в виде троллинга и оскорблений, 40% столкнулись с угрозами, треть (31%) подверглись клевете, каждый четвертый сталкивался с вымогательством (26%) или публикацией «отфотошопленных» фото в соцсетях (23%), столько же подвергались бойкоту и игнорированию.

Почти половина жертв (44%), заявили, что не рассказали об этом никому. Остальные поделились проблемой, в первую очередь — с родителями или друзьями-ровесниками не из класса. Каждый десятый отметил, что в некоторых случаях сам поддержал агрессора во время кибербуллинга. 7% участников опроса признались, что сами выступали инициаторами кибербуллинга.

Примерно в одинаковом числе случаев никто не вмешивался в цифровую травлю в чатах или соцсетях (40%) или произошло вмешательство взрослых (39%). В 15% случаев с кибербуллингом пытались бороться модераторы.

Одной из опасных тенденций в интернете стало распространение такого явления как «шейминг» (публичное осуждение в форме высмеивания, унижения и травли лица за поведение или поступок, признаваемый некоторым сообществом неподобающим или недопустимым). Зашеймить могут за любой поступок, например, фэтшейминг — это высмеивание и оскорбление за чрезмерный вес тела, ожирение, а скинни-шейминг — это критика за недостаточный вес.

Использование современных технологий позволяет создавать дипфейки (фото и видео где имитируют реальную личность и выдают ее в неподобающим виде), заниматься кэтфишингом или импсонализацией — создавать фейковый аккаунт для введения в заблуждение знакомых человека, фото и видео которого используются.

Подростки часто участвуют в таком явлении как «культура отмены», которая, как правило, направлена на известную личность (бренд, компания и др.), которая совершила неприемлемый поступок, противоречащий

взглядам общества. Такое явление опасно своим внезапным возникновением из-за непроверенных (недоказанных) фактов и карательными целями, и, если даже эта личность будет оправдана, за публичное осуждение никто не понесет ответственности, но и останутся люди, которые будут не согласны с оправданием и могут продолжать травлю.

Интернет ускоряет происходящие процессы и порождает новые формы взаимодействия, в том числе токсичные, деструктивные. Подросток, не имея еще достаточного опыта в выстраивании копинг-стратегий и конструктивных стратегий совладания, может столкнуться с негативными последствиями токсичных форм взаимодействия. Это и развитие различных фобий (социофобия, тредофобия, фофофобия), и изменение поведения (социальная изоляция, проблемы со сном, уход от действительности). Подросток также может столкнуться и с серьезными психологическими травмами, психическими расстройствами, развитием зависимостей (игромания, дофаминовая зависимость и другие) [9] (рис. 10).

Интернет-коммуникация — это сложный и многогранный процесс, который требует понимания, внимательности пользователей и разработчиков платформ, знание рисков и способов уменьшения неблагоприятных факторов.

Рис. 10. Последствия «токсичных» форм коммуникативных интернет-практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов К. И. Обухова И. А. Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмодиконов и эмодзи в процессе речевой коммуникации. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2019. — Том 11. — Выпуск 3. — С. 5–19. — URL: <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/vliyanie-pola-i-samootsenki-polzovateley-sotsialnoy-seti-na-ispolzovanie-
emotikonov-i-emodzi-v-protseste-rechevoy-kommunikatsii (Дата обращения
27.05.2025)
2. Гущина Г. И. Стратегии речевого поведения участников интернет-коммуникации. // Язык и культура (Новосибирск). — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-rechevogo-povedeniya-uchastnikov-internet-kommunikatsii> (Дата обращения 23.05.2025)
 3. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-profilaktika-kiberbullinga> (дата обращения 21.05.2025)
 4. Лю Цици. Эмодзи как средство проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 2 (870). — С. 66–70. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emodzi-kak-sredstvo-proyavleniya-rechevoy-agressii-v-internet-kommunikatsii-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov> (Дата обращения 15.05.2025)
 5. Некоз Я.О., Игнатович С. С. Влияние социальных сетей на агрессивное поведение подростков // Педагогика: история, перспективы. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-agressivnoe-povedenie-podrostkov> (дата обращения 27.05.2025)
 6. Немыка А.А., Ушаков А. А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет- // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. — 2012. — № 4. — С. 68–72. — URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/viewFile/2229/1702> (Дата обращения 23.05.2025)
 7. Новикова Л. А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2013. — Выпуск 2. — С. 126–134 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-fenomen-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-seti-internet> (Дата обращения 23.05.2025)
 8. Фонд развития интернета: [официальный сайт]. URL: <http://www.fid.su/>
 9. Клуб заботливых родителей «Где мои дети?»: [сайт] / ГМД-Медиа. URL: <https://gmd.live/>
 10. Сундиев И.Ю., Смирнов А. А. «Токсичный» контент в сети интернет и его влияние на радикализацию молодежи. // Научный портал МВД России. — 2020. — № 4(52). — С. 5–15. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toksichnyy-kontent-v-seti-internet-i-ego-vliyanie-na-radikalizatsiyu-molodezhi> (Дата обращения 24.05.2025)
 11. Фролова Т. А. Психологическое влияние социальных сетей на подростков // Наука, техника и образование. — 2024. — С. 1–3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vliyanie-sotsialnyh-setey-na-podrostkov> (Дата обращения 27.05.2025)
 12. Шайкова М. В. Защита М. В. Шайкова // Виктимология. — 2024. — Том 11. — № 2. — С. 267–277. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-nesovershennoletnih-v-onlayni-oflayn-prostranstve-dilemma-kiberbullinga> (Дата обращения 27.05.2025)

Игнатенко Марина Степановна,
кандидат психологической наук, доцент Института психологии
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена
mariignstos@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ И НАУЧНОЙ МЫСЛИ В МОНАСТЫРСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются психологические аспекты зарождения научной мысли в монастырях как духовных, образовательных центрах средневековой России. Представлен анализ роли монастырской традиции в развитии и сохранении духовной и научной мысли в период средневековья: в переводческой деятельности трудов православных первосвященников, создании собственных рукописных трактатов, священных текстов, сочинений, ведения летописей и жития святых, подготовка наставлений и поучений для образовательной и просветительской деятельности, сохранение светских и религиозных документов в созданных фондах монастырских библиотек. Описаны психологические аспекты монастырской традиции «первых психологических лабораторий», оказавших значительное влияние на развитие философско-религиозной и естественно-научной мысли России. Мистическое учение и духовная практика в православной традиции: «умной молитвы», «умного сердца», практика «умного делания»; аскетические практики покаяния и исповеди; духовного наставничества, практика «откровения помыслов», роль старчества в развитии психологической культуры.

Ключевые слова: психологические аспекты, монастырские традиции, монастыри как первые психологические лаборатории, старчество как форма духовного наставничества.

Ignatenko M. S.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF SPIRITUAL AND SCIENTIFIC THOUGHT IN THE MONASTIC TRADITION

The article examines the psychological aspects of the emergence of scientific thought in monasteries as spiritual and educational centers of medieval Russia. An analysis of the role of the monastic tradition in the development and preservation of spiritual and scientific thought during the Middle Ages is presented: in the translation of works of Orthodox high priests, the creation of their own handwritten treatises, sacred texts, writings, keeping chronicles and lives of saints, preparing instructions and teachings for educational and enlightening activities, preserving secular and religious documents in the created funds of monastic libraries. The psychological aspects of the monastic tradition of the «first psychological laboratories» are described, which had a significant impact on the development of philosophical, religious and natural scientific thought in Russia. Mystical teaching and spiritual practice in the Orthodox tradition: «smart prayer», «smart heart», the practice of «smart doing»; ascetic practices of repentance and confession; spiritual guidance, the practice of «revelation of thoughts», the role of eldership in the development of psychological culture.

Keywords: psychological aspects, monastic traditions, monasteries as the first psychological laboratories, eldership as a form of spiritual guidance.

Развитие психологической мысли в России имеет глубокие исторические корни, уходящие в период средневековья. В книге В. А. Кольцовой анализируются взгляды православных подвижников, психологические идеи в русской богословско-философской мысли, а также философско-психологическое знание в первых Российских научных центрах: Академии наук и Университете (XVII–XXIII вв.) [6]. О. В. Клыпой разработана «модель исследования генезиса русской психологической мысли периода средневековья, представляющая собой сложную внутренне связанную систему в непрерывности, преемственности временных (хронологических), информационно-содержательных характеристик» [5, с. 20–21]. В монографии М. Я. Дворецкой содержится анализ святоотеческого учения, в котором представлены интегрированные модели психической организации человека, рассматриваемые в рамках философско-религиозного учения о человеке в период Средневековья [2]. В процессе систематизации, структурирования философско-религиозных и богословских трудов, представленных в святоотеческой литературе и научных публикациях исследователей, нами были выделены детерминанты и этапы становления психологической мысли средневековой Руси [3, 4].

По мнению В. А. Кольцовой «Развитие научных знаний о психике и обыденных психологических представлений образуют в совокупности целостную систему психологического познания, составляющую предметную область истории психологии» [7, с. 64]. Модзалевский Л. Н писал, что христианская идея покорила старый мир возвышенностью именно нравственного учения. Христианство в какой-то мере было необходимой духовной реакцией против «неукротимой, грубой чувственности и крайнего эгоизма» [8, с. 17]. Однако, русская философско-религиозная, богословская мысль, которая формировалась и в контексте монастырской традиции, и развивались психологические воззрения остается еще недостаточно изученной и осмысленной в исследованиях современных отечественных авторов. Поэтому, представленная статья актуальна по заявленной теме и ее содержанию.

Особую роль в становлении философско-богословской и научной психологической мысли сыграли монастыри, которые на протяжении нескольких столетий являлись центрами духовности, образования и культуры (XI–XVII вв.). Монастыри на Руси начали появляться вскоре после принятия христианства в 988 году. Первые монастыри возникли в XI веке и ключевую роль в этом процессе сыграл Киево-Печерский монастырь, основанный в 1051 году преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, стал центром распространения монашеской традиции на Руси. В XII–XIV веках происходит активное основание монастырей по всей территории Древней Руси, как в отдаленных местностях, так и в крупных городах, что способствовало распространению христианства и культуры на новых территориях. Среди открытых можно выделить наиболее значимые: Троице-Сергиеву лавру (1337 г.), Соловецкий

монастырь (1429 г.), Кирилло-Белозерский монастырь (1397 г.), Валаамский монастырь (предположительно XII век).

Монастыри играли ключевую роль в сохранении и развитии культуры на Руси, особенно в период монголо-татарского нашествия и феодальной раздробленности. Основные аспекты их культурной деятельности включали: создание монастырских библиотек, которые служили хранилищами рукописных книг и документов, религиозных и светские текстов. Крупнейшие библиотеки находились в Киево-Печерском, Троице-Сергиевом, Соловецком монастырях. Монашествующие занимались переводческой деятельностью греческих и латинских текстов на церковнославянский язык, книгописанием (переписыванием книг), созданием новых экземпляров священных текстов и других произведений, развивали искусство книжной миниатюры и каллиграфии. Монастыри были центрами летописания, где создавались и хранились важнейшие исторические документы. Написание житий святых способствовало развитию агиографического жанра. Летописи и жития служили источниками исторических, культурных и психологических знаний о жизни древнерусского общества. В монастырях открывались школы, в которых осуществлялось обучение грамоте, чтению, письму и счету, а также изучались основы христианского вероучения и богословия, что способствовало формированию нравственности, духовной культуры, способствовало воспитанию грамотного образованного общества. Монастырские школы выполняли важную образовательную и просветительскую функцию подготовки церковных кадров, обращаясь как к античным философским сочинениям, используя переводные тексты. Тем самым формировали интеллектуальную элиту древнерусского общества, готовили священнослужителей для приходов и епархий, обучали будущих монахов и монахинь. Постепенное развитие монастырских школ привело к формированию системы образования, разных уровней: включая начальное и более углубленное обучение. В некоторых крупных монастырях появились прообразы высших школ, где изучались риторика, философия, медицина, что стало основой создания будущих духовных семинарий и академий.

Психологические аспекты в монастырской традиции, первых психологических лабораторий, в которых монахи обращались к мистическому учению и духовной практике. Благодаря проникновению исихазма на Русь в XIV веке через афонских монахов, (исихазм-от греч. ἡσυχία — «покой, тишина, уединение»), ставшего православной традицией, оказавшей значительное влияние на развитие психологической мысли в монастырской среде [1, 9, 10]. Григория Палама (1296–1359 гг.) разработал учение о божественных энергиях: различении сущности Бога и Его энергий. Согласно этому учению, человек может соединиться с Богом через Его энергии, но не может постичь Его сущность, однако, подчеркивал возможность непосредственного богопознания через мистический опыт. Практика «умного делания» — это метод

непрестанной внутренней молитвы и её психологические аспекты: контроль над дыханием и концентрацию внимания на сердечной области, развитие самоконтроля, концентрации внимания, управления эмоциональным состоянием. Цель практики — достижение состояния безмолвия (исихии) и созерцания божественного света. Развитие традиции «умной молитвы» в русских монастырях оказало влияние на формирование концепции «умного сердца» в отечественной духовности и нашло отражение идей исихазма в творчестве Нила Сорского, Паисия Величковского и других средневековых подвижников.

Еще один психологический аспект: концепция борьбы со страстями (аскетическая практика), её психологический аспект: осознание и управление эмоциональными и поведенческими паттернами. Психологическое содержание: выделение восьми основных страстей (по Евагрию Понтийскому): чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость и разработка методов противодействия страстям через развитие противоположных добродетелей. Это методы самонаблюдения и самоконтроля: практика «трезвения» — постоянного внимания к своим мыслям и чувствам, ведение дневников для фиксации духовного опыта и самоанализа, регулярная исповедь как форма самоотчета и самоанализа, что способствует развитию рефлексии, самосознания и эмоционального интеллекта.

Не менее важен и психологический аспект покаяния и исповеди: покаяние как процесс осознания и признания своих ошибок и недостатков, исповедь как форма вербализации внутренних конфликтов и переживаний; эффект исповеди: эмоциональная разрядка, переосмысление опыта, получение поддержки, развитие навыков самоанализа и критического мышления.

Важный психологический аспект (психологические основы взаимоотношений старца и послушника) — старчество как одно из наиболее ярких проявлений русской религиозности, как форма духовного наставничества, основанная на личном опыте и мудрости старцев: старец как духовный авторитет и носитель мудрости, послушание как форма доверительных отношений и преодоления эгоцентризма, что способствует формированию доверия, развитию эмпатии, преодолению психологических защит.

Методы духовного руководства и их психологическое значение: индивидуальный подход к каждому послушнику с учетом его личностных особенностей, использование притч, метафор и аллегорий для передачи духовного опыта, практика «откровения помыслов» — регулярного раскрытия своих мыслей и переживаний старцу, что способствует развитию самопонимания, формированию навыков рефлексии, преодолению внутренних конфликтов.

Значима роль старчества в развитии психологической культуры: формирование традиции глубокого понимания человеческой души, развитие методов психологической поддержки и коррекции, влияние на формирование концепций пастырской психологии и духовного консультирования.

Следует обратиться и к развитию психологических идей в монастырской литературе. Прежде всего, это «Поучение» Владимира Мономаха (первая редакция произведения включена в Лаврентьевскую летопись за 1096 г., по другим данным, в 1106 г. (в те годы Мономах был князем Переяславским, окончательная редакция — 1118–1119 гг., когда Владимир Мономах был великим князем Киевским) — психологические аспекты нравственного воспитания: формирование моральных качеств личности, призыв к самоконтролю и сдержанности в эмоциях, важность развития эмпатии и сострадания к ближним, роль примера старших в формировании характера молодого поколения; идеи самопознания и самосовершенствования: необходимость постоянного самоанализа и рефлексии, призыв к непрерывному обучению и саморазвитию, важность осознания собственных недостатков и работы над ними, концепция личной ответственности за свои поступки и их последствия.

«Киево-Печерский патерик» (первая треть XIII века, сборник рассказов об истории Киево-Печерского монастыря и его монахов) — содержит психологические портреты монахов: детальное описание характеров и личностных качеств подвижников, анализ мотивации их поступков и духовных стремлений, отражение внутренних конфликтов и борьбы с искушениями, примеры трансформации личности под влиянием духовной практики; описание духовных практик и их влияния на психику: методы достижения изменённых состояний сознания через молитву и пост, феномены визионерского опыта и их интерпретация, психологические эффекты длительного уединения и молчания, описание случаев «прозорливости» как проявления интуиции и эмпатии.

Сочинения Нила Сорского (1433–1508 гг.) — учение о «мысленной брани»: концепция внутренней борьбы с негативными мыслями и образами, методы распознавания и противостояния «прилогам» (навязчивым мыслям), техники управления вниманием и концентрации, роль воображения в духовной практике и методы его контроля; психологический анализ страстей и помыслов: классификация страстей и их влияние на поведение человека, описание механизмов формирования и развития страстей, анализ взаимосвязи между мыслями, эмоциями и поступками, методы преодоления негативных эмоциональных состояний; методы самонаблюдения и самоконтроля: практика «трезвения» как постоянного внимания к своему внутреннему состоянию, техники медитативного самонаблюдения и анализа собственных мыслей, развитие навыков эмоциональной саморегуляции, практика ведения духовного дневника для отслеживания прогресса.

«Домострой» (сборник наставлений, советов и правил по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы; первоначальный вариант возник в XV веке в Великом Новгороде как результат работы нескольких анонимных авторов,

в середине XVI века московский церковный деятель, духовник и сподвижник Ивана Грозного протопоп Сильвестр обобщил и представил обновленный вариант) — психологические аспекты семейных отношений: анализ ролей и обязанностей членов семьи, описание механизмов формирования семейной иерархии, методы разрешения конфликтов и поддержания гармонии в семье, психологические основы взаимоуважения и взаимопонимания между супругами; методы воспитания и формирования личности: концепция поэтапного развития ребенка и соответствующих воспитательных подходов, роль наказания и поощрения в формировании характера, важность трудового воспитания и развития практических навыков, методы формирования религиозного мировоззрения и нравственных ценностей; психология управления домашним хозяйством: принципы организации труда и распределения обязанностей, методы мотивации домочадцев и слуг, психологические аспекты экономного ведения хозяйства, роль личного примера главы семейства в управлении домом; социально-психологические аспекты: анализ взаимоотношений семьи с внешним миром (соседями, гостями, властями), психология гостеприимства и правила поведения в обществе, методы поддержания репутации семьи и ее членов, психологические основы социальной адаптации и успеха в обществе [1, 3, 5, 6].

В XI–XVII веках в Древней Руси религиозно-философские воззрения были тесно связаны с античной философской мыслью, византийским наследием и православным богословием.

Монастыри как духовные и образовательные центры России в этот период играли ключевую роль в сохранении, развитии и распространении культуры и образования на Руси. Они создали основу для формирования русской культуры и науки, включая и психологическую мысль.

Исихазм — это духовное учение, которое сосредоточено на внутреннем мире человека, его духовной практике и созерцании Бога. Исихасты считали, что через молитву и аскетическую практику человек может достичь единения с Богом. Это течение оказало большое влияние на духовную жизнь людей того времени.

Нестяжательство — движение монахов, которые выступали против накопления церковью материальных богатств. Они считали, что церковь должна сосредоточиться на духовной жизни и помощи нуждающимся. Нестяжатели оказали влияние на формирование духовных ценностей и социальной позиции общества части населения.

Религиозный мистицизм — направление, в котором акцент делается на личном опыте общения с божественным. Мистики искали глубокого духовного понимания и часто использовали для этого различные практики, такие как медитация или пост. Это течение способствовало развитию индивидуальной духовной практики.

Православное богословие — систематическое изложение основ христианской веры. Богословы разрабатывали сложные теологические концепции и объясняли их простым людям. Это помогало формировать общую картину мира и укреплять веру.

Религиозно-философские идеи формировали систему ценностей, которая определяла поведение людей.

Монастырская традиция внесла значительный вклад в развитие психологической мысли, развивая методы самопознания, саморегуляции и духовного развития личности. Многие из этих идей и практик оказали влияние на современные подходы в психологии и психотерапии, такие как гуманистическая, педагогическая, социальная психология и психолингвистика. Работы выдающихся монахов, таких как Максим Грек, Иосиф Волоцкий, Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий и др. способствовали формированию целостного подхода к пониманию человеческой психики, в котором учитывались как духовные, нравственные так и социальные аспекты личности.

Литература Древней Руси содержит богатый материал по различным аспектам психологии личности, межличностных отношений и духовного развития. Это свидетельствует о высоком уровне психологической культуры в монастырской среде того времени и предполагает продолжение исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М, МГУ1990. — 289 с.
2. Дворецкая М. Я. Концепция человека в религиозно-философском учении восточно-христианской церкви эпохи средневековья: психологический аспект. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. — 2004. — 250 с.
3. Игнатенко М. С. Из истории психологической мысли в России (XI–XVIII вв). Становление личности в условиях развивающейся среды инновационной школы/ Коллективная монография. Швалева Н. М. и др; науч. ред. Тырсиков Д. В., Швалева Н. М. Федеральное агентство по образованию, Пятигорский гос. лингвистический ун-т. — Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 177–204.
4. М.С. Игнатенко. Этапы становления психологической мысли в средневековой России // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2025. № 2 (февраль). ART 3479. –URL: <http://emissia.org/offline/2025/3479.htm>
5. Клыпа О. В. Генезис Русской психологической мысли в средневековый период. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва — 2017. — 54 с.
6. Кольцова В. А. Психологическая мысль России: век Просвещения. — Санкт-Петербург: Алетейя. — 2001. — 376 с.
7. Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — 510 с. (Методология, теория и история психологии)

8. Модзалевский Л. Н. Историческое значение Христианства (Отрывок из истории воспитания и обучения) / Л. Н. Модзалевский. — СПб.: Изд-е Н. Г. Мартынова, 1892. — 61 с.
9. Рабинович В. Л. Средневековый рецепт как форма познания природы // В кн.: Методологические проблемы историко-научных исследований. — М., 1982, С. 213–238.
10. Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов: Сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т философии; [Отв. ред. В. С. Горский]. — Киев: Наук. думка, 1987. — 158 с.

Константиновская Ольга Вадимовна

Психолог-консультант, магистрант, кафедра психотравматологии
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,

Lola.konst@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ

В статье обсуждается феноменология понятия «творческое самовыражение», ставится проблема формирования методического подхода к организации психологического исследования и подбору (разработке) диагностического инструментария в ситуации обращения к такому труднодоступному предмету исследования, каковым является творческое самовыражение профессиональных художников, в том числе, художников с признаками психотравматизации.

Ключевые слова: художественное творчество, актуальные (современные) художники, творческое самовыражение, психотравматизация, посттравматический рост.

Konstantinovskaya O. V.

METHODOLOGY AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF CREATIVE SELF-EXPRESSION OF PROFESSIONAL ARTISTS

The article discusses the phenomenology of the concept of «creative self-expression», poses the problem of forming a methodological approach to organizing psychological research and selecting (developing) diagnostic tools in the situation of addressing such a hard-to-reach subject of research as creative self-expression of professional artists, including artists with signs of psychotraumatization.

Keywords: artistic creativity, current (contemporary) artists, creative self-expression, psychotraumatization, post-traumatic growth.

Постановка проблемы. Внимание психологов к особенностям профессиональной деятельности людей, чей труд квалифицируется как творческий, неоднократно привлекалось как в отечественной, так и в зарубежной науке [7, 23, 27, 12]. Ориентируясь на этот предмет исследования, психологи традиционно обращались к изучению психологического портрета творческой личности. В литературе отмечается, что его содержательное наполнение включает разные личностные свойства — толерантность к неопределенности, эмоциональность, высокий энергетический потенциал, открытость, эмпатию, ассертивность, мужество [28, 24, 25, 26, 11, 32, 20]. Вместе с тем, авторы в психологическом портрете творческой личности выделяют и такие характеристики, как повышенная тревожность, импульсивность, низкий уровень

стрессоустойчивости и жизнестойкости, интровертированность, интернальность, высокий уровень психологического дискомфорта, возможной психотравматизации, ранимости [19, 16, 15].

Творчество — это сложный, не линейный феномен, включающий не только когнитивные стратегии и эмоциональные компоненты, но и социальное взаимодействие. «Творчество все больше и больше начинает рассматриваться уже не как процесс и даже не как деятельность, но как характеристика личности, образ или стиль жизни, способ отношений с миром» — отмечает Леонтьев Д. А. [14, с. 214].

В связи с этим становится очевидно, что для более полного описания психологических особенностей творческой личности требуется структурная характеристика и самого творческого процесса, который является не просто важной частью жизни художника, но и его насущной потребностью. Именно в процессе творческого самовыражения максимально раскрываются перечисленные выше личностные свойства творца. Но при этом в одном случае эти свойства способствуют творчеству, которое приводит к накоплению профессионального социального капитала и далее к самоактуализации и развитию личностного благополучия. В другом случае творческое самовыражение может усугублять личностную проблематику и в ситуациях наличия психотравматизации в анамнезе даже способствовать хронификации травматического процесса.

Ряд авторов отмечают, что в исследовании творчества важно избегать определения его как исключительно спонтанного процесса, представляющего собой радостный полет вдохновения. Творческое самовыражение часто влечет за собой необходимость не только преодолевать собственные страхи и слабости, но и выдерживать социальное давление, поскольку творец, создавая в своей сфере деятельности нечто новое, нарушает общепринятый статус-кво [8, 17, 31, 14]. «Человек, выбирающий творческий образ жизни, обрекает себя на постоянную и иногда мучительную борьбу с сидящим внутри него страхом, экзистенциальной тревогой, на то, чтобы быть открытым миру, жить без психологических защит» — отмечает Полуэктова Н. М. [19, с. 49]. Леонтьев Д. А. выделяет два пути зрелого творческого самовыражения: «творчество ценой нарушения адаптации» и «интегрированное творчество» [14, с. 214–223].

В первом случае речь идет о ситуации, когда творческий человек, будучи более уязвимым в силу своей тонкой организации, жертвует собственным благополучием ради творчества. Он может достигать высокого уровня мастерства в своей деятельности, но иметь низкое качество жизни и неудовлетворенность собственной реализацией, эмоциональной и ценностно-смысловой сферой, социальным взаимодействием. С другой стороны, «интегрированное творчество» представляет собой пример, когда творческое самовыражение становится источником, благотворно питающим не только креативную деятельность, но целостно саму личность и все значимые её проявления в этом мире.

Наши пилотажные интервью с актуальными художниками — представителями современного искусства — подтверждают это: творчество профессиональных художников может не только помогать справляться с психоэмоциональными трудностями и личными кризисами, но и способствовать развитию неврозов и ретравматизации.

Актуальные художники — это художники, чьи работы отражают текущие тенденции и вызовы современного общества. Актуальные художники часто используют нестандартные материалы и техники, затрагивая острые социокультурные, политические темы. Творческие муки, большие физические и эмоциональные нагрузки во время подготовки к выставочным проектам, публичность, которая ставит авторов в уязвимое положение зависимости от оценки зрителя и профессионального сообщества — всё это может рассматриваться как серьезные потенциальные стресс-факторы.

Возникает вопрос: какие методические подходы можно предложить для психологического исследования такого труднодоступного для изучения предмета, каковым оказывается феномен творческого самовыражения? В особенности, если речь идет об актуальных художниках? Как определить этот феномен? Можно ли его структурно типологизировать? Как его связать с личностными особенностями, опытом психотравматизации, с возможными стратегиями психотерапевтической помощи и психологической поддержки? Какие психологические характеристики и свойства личности следует измерять, если речь идет о новых направлениях современного искусства, в частности, если объектом исследования являются актуальные художники, а предметом исследования — психологические особенности их творческого самовыражения?

Феноменологическая специфика творческого самовыражения актуальных художников. Поскольку творческое самовыражение представляет собой сложный и труднодоступный предмет исследования, целесообразно начать его рассмотрение в связи с конкретным объектом (субъектом) творческого самовыражения. В качестве такого субъекта далее мы будем рассматривать профессиональных художников, являющихся представителями актуального искусства.

Актуальное искусство — это современные художественные практики, основанные на творческом эксперименте, направленном на субъективное отражение реальности [22]. Это новое направление в искусстве характеризуется нарушением привычных канонов и форм, поиском и созданием новых идей, смыслов, техник, образов, включая дематериализацию объектов (например, хеппенинги и перформансы). Актуальное искусство возникло как ответ на разочарование в безусловной власти разума, свойственной прежним эпохам, поэтому оно обращается к чувственному, субъективно-личностному восприятию. И делается это посредством абстрактных концептов, завуалированных метафоричных посланий, неоднозначных сюжетов, требующих

самостоятельной зрительской трактовки. Актуальное искусство — бунтарское и протестное — не предлагает готовых решений и эстетического любования формой, как это было, например, в классическом искусстве, его задача — вырвать человека из зоны комфорта стереотипного восприятия, гипноза массовой культуры, столкнуть лицом к лицу с несовершенством мира и таким образом побудить к поиску смысла.

«Я верила, что искусство должно беспокоить, искусство должно задавать вопросы, искусство должно предугадывать будущее... Мне интересно только то искусство, которое меняет идеологию общества... Искусство, которое лишь воспроизводит эстетические ценности, неполноценно», — пишет в своей книге «Пройти сквозь стены. Автобиография» одна из самых влиятельных художниц актуального искусства Марина Абрамович [1].

Всё это в значительной степени определяет специфику творческого самовыражения актуальных художников. Выделим несколько принципиально важных отличительных аспектов этого направления современной художественной практики.

Экспериментаторство и инновации. Одна из ведущих особенностей творчества актуальных художников заключается в их способности быть новаторами, нарушать границы привычного, быть проводниками ультра-современных идей и ценностей, а также в их стремлении к созданию искусства, которое не только отражает мир, но и создает его. Соответственно, эта созидательная, проактивная позиция требует смелости, толерантности к неопределённости, доверия себе, ассертивности.

Социальная вовлеченность. Многие актуальные художники обращаются к насущным социальным, политическим и экономическим проблемам, создавая произведения, которые провоцируют дискуссии и рефлексию. Их творческое самовыражение направлено на стирание границ между искусством и жизнью, часто оно выходит за пределы выставочных площадок и сцены. Оно вовлекает зрителя в активное взаимодействие с произведением, превращая его из пассивного наблюдателя в соучастника, а жизнь обывателя — в акт творчества. Преследование таких целей, конечно, требует от художника открытости, коммуникативных навыков, готовности к диалогу и отстаиванию своей позиции.

Эмоциональная открытость. В актуальном искусстве, как, возможно, никогда прежде, первостепенным оказывается выражение эмоционального состояния художника, уникальность его восприятия несовершенной, ранящей действительности. Предельная откровенность, уязвимость, душевная, а иногда и буквально телесная нагота — откровенность автора важнее, чем сюжет и, тем более, форма. Актуальные художники не боятся балансировать на грани, рассказывая о своей боли, что роднит некоторые арт-высказывания с рискованным поведением. Это может быть шокирующим, как например,

работы гениальной Марины Абрамович [1], Тейчин Сьё [10] или Яна Марусича [29, 21], с его погружением обнаженным в ванну с битым стеклом.

Перечисленные характеристики и описанная феноменологическая природа творческого самовыражения актуальных художников, его «инсайт-ориентированный» характер как различные грани предмета психологического исследования требуют особого отношения к подбору методов исследования. Но если для диагностики перечисленных свойств личности еще можно использовать референтные количественные методы, например, психологические тесты, то для поискового исследования самого феномена творческого самовыражения целесообразно обратиться к качественным методам, в частности, к методу пилотажного полуструктурированного интервью.

На основе ряда таких пилотажных интервью нами были выделены принципиально важные отличия свободного творческого самовыражения актуальных художников от творческого самовыражения клиентов арт-терапевтических сеансов. Проведенные пилотажные интервью также помогли нам попытаться типологизировать приведенные выше характеристики творческого самовыражения художников.

Творческое самовыражение актуальных художников и клиентов арт-терапевтических сессий: сходство и различия. Сегодня достаточно хорошо известно о возможности творчества мобилизовать внутренние механизмы саморегуляции, самоисцеления и самоактуализации. Также известно, что изобразительные средства за счет художественной экспрессии и символического образного языка позволяют выражать и безопасно трансформировать травматический материал. [9] Действительно, в процессе творческого самовыражения человек принимает креативные решения, взаимодействуя с художественными материалами, создаёт нечто новое, что расширяет его картину мира, способствует осознанию собственного опыта и способов проявления себя во внешнем мире. [5]

Творческий стиль жизни предполагает способность испытывать радость целительного творческого вдохновения, которое укрепляет уверенность в себе, помогает замечать хорошее даже в трудные времена [6]. Метод арт-терапии строится на триаде «психолог — продукт творческой деятельности — клиент». А когда мы говорим о творческом самовыражении профессиональных актуальных художников, целенаправленно создающих проекты для галерей и выставок, мы имеем дело с триадой «художник — произведение искусства — зритель». В этой триаде появляются другие взаимосвязи и развивается другая психологическая динамика. Выделим основные отличия.

Отсутствие безопасного пространства и поддержки психолога/психотерапевта. Многие авторы отмечают основополагающую значимость безоценочного поддерживающего контакта, который обеспечивает психолог клиенту во время арт-терапии. В отличие от арт-терапевтических сеансов, художники одиноки в своем творческом самовыражении. Они самостоятельно

справляются со своими сомнениями, страхами, сопротивлением, аффективными состояниями. Художники в интервью часто говорят не только о вдохновении, но и о трудностях творческого процесса. «Иногда я чувствую совершенное бессилие, думаю, что всё, что я делаю — полная ерунда, стыдобища просто. Злюсь на себя, руки опускаются» — делится в ходе наших интервью одна из художниц. Тем не менее, большинство из опрошенных выставляются на известных площадках, а это говорит о том, что они создают достаточно большие и востребованные проекты. Для того, чтобы доводить такие проекты до конца, несмотря на фрустрацию, многим художникам, как они сами отмечают в интервью, требуется активировать волевую компоненту.

Высокая значимость творческого переживания. В профессиональном искусстве в отличие от арт-терапии большую роль играет переживание «искры творчества», которая сконцентрирована «на процессе, на результате и на художественном развитии творчества» [5, с. 163]. Это своеобразное «топливо» — необходимая составляющая творческого самовыражения художника, позволяющая ему быть эффективным в своей деятельности. В арт-терапии катарсическая функция терапевтически ценна, но главным остается понимание личности клиента через продукт его творчества. «Иногда я испытываю высшее удовлетворение от этого процесса, как будто становлюсь частью чего-то большего, всё становится ясным что ли... Очень страшно, когда это состояние исчезает» — отмечает художница. В комментариях художников мы видим, что переживание «творческой искры» дихотомично и может задавать большую амплитуду пиковых эмоциональных состояний: от восторженных и деятельных до депрессивных и апатичных.

Роль зрителя. В творческом самовыражении художника всегда незримо присутствует зритель, именно к нему обращается творец. Художник ориентирован вовне, открыт миру. Это ставит его перед необходимостью справляться с собственной уязвимостью, особенно, когда своим искусством он рассказывает о собственном психотравмирующем опыте. «Я думала, что умру, чувствовала себя совершенно голой. Сумасшедшая, зачем ты это сделала...» — рассказывает о вернисаже и пресс-конференции своей выставки одна из художниц, чей проект посвящен различным навязчивым состояниям. Работы востребованных художников публично обсуждают, и это далеко не всегда комплиментарно. Здесь может возникать опасность ретравматизации, в других случаях напротив — происходит мощное преодоление травмы и посттравматический рост.

Ответственность. Говоря о роли зрителя в творческом самовыражении художника, необходимо также отметить ответственность, которую художник чувствует перед своей аудиторией. Её нет у клиентов арт-терапии в силу интимности процесса. Одна из художниц, рассказывая о своем желании сделать проект, посвященный селфхарму, от которого сама страдает, отмечает: «Я понимаю, что этот проект нужно очень хорошо продумать, чтобы

правильно прозвучать. Чтобы это не стало своего рода пропагандой, такой «модненькой» темой для молодежи. Я здесь чувствую ответственность перед зрителем». И тут мы уже можем говорить о задействовании ценностно-смысловой сферы, значимость которой сложно переоценить в переработке психотравматизации.

Общественная польза. В отличие от арт-терапии творческое самовыражение художников предполагает достаточно высокую общественную значимость того, что они делают. Их вдохновляет, дает опору то, что они приносят пользу своим искусством. В некоторых случаях, как выяснилось в ходе интервью, это рассматривается как способ перевести внимание с руминаций, интрузий, инкапсуляции и заикливания на психотравме и внутренних переживаниях на то, что «я могу дать этому миру, кто еще заинтересован во мне, как я могу послужить». В частности, показателен пример художницы, недавно представившей проект, который посвящен дестигматизации психических, личностных расстройств: «Я надеюсь, что это будет полезно людям, страдающим психическими проблемами. Многие этого стесняются и скрывают, от этого еще страшнее. А так кто-нибудь увидит и подумает: оказывается, я не один такой. Может это не так уж ужасно? А может осмелеет и обратиться за помощью».

Попытка типологизации социально-психологических маркеров творческого самовыражения актуальных художников. Творческое самовыражение профессиональных художников в социально-психологическом плане логично рассматривать в контексте триады «аффективных-когнитивных-конативных» компонентов человеческой активности [30, 13, 2, 18]. В соответствии со степенью выраженности этих компонентов в творчестве и личностном профиле того или иного художника можно выделить аффективно (эмоционально-чувственно), когнитивно (концептуально-знанийный) и конативно (мотивационно-деятельный) ориентированные психологические типы (профили). Опираясь на данные наших пилотажных интервью с актуальными художниками, попытаемся содержательно наполнить каждый из перечисленных типов (профилей).

Эмоционально-чувствующий тип (ярко выражен аффективный компонент). Предположительно аффективный компонент будет превалировать у художников эмоционально-чувственной ориентации. Это люди, для которых эмоции являются движущей силой творчества и жизни. Отвечая в интервью на вопрос о том, что для них значит творческое самовыражение, такие художники в первую очередь говорят о возможности выразить в работах свои чувства. Вот несколько примеров высказываний:

— «Когда я рисую всё эти пугающие образы, я кажется могу немного избавиться от части своей боли, грусти и злости».

— «В творчестве я могу не притворяться и быть на сто процентов собой таким, какой я есть в этом моменте».

— «Для меня искусство — это способ лучше понять свои чувства. А ещё другим дать возможность ощутить то, что трудно выразить словами»

Кроме того, художники с выраженным аффективным компонентом особенно чувствительны к оценке и критике, от чего чаще бывают склонны вести более интровертированный образ жизни в отличие, например, от когнитивно- или конативно-ориентированных. Выбор техник и художественных материалов у них обусловлен тем, насколько они способны передать чувства, тактильность. На вопрос, «почему вы вяжете крючком свои работы?» художница отвечает: «Это мне напоминает маму, бабушку, что-то такое теплое, уютное».

Концептуально-знаниевый тип (ярко выражен когнитивный компонент). Художники с акцентированной когнитивной компонентой — это те, кто творчески самовыражаются в первую очередь с помощью сложных концептуальных посланий. Их стиль подчеркнуто интеллектуален, часто подкрепляется вербальными описаниями. Композиционные решения и медиумы тщательно продуманы и символичны. Работы активно вовлекают зрителя в размышления и, как ребусы, требуют разгадки. На вопрос «что для вас значит творческое самовыражение?» они, например, отвечают:

— «Творчество — это возможность исследовать скрытые смыслы и взаимосвязи, которые помогают понять сложность мира».

— «Искусство для меня — это постоянный диалог между внутренним и внешним миром. А я такой себе переводчик» (смеется).

Судя по проведенным интервью, художники этого типа более устойчивы к зрительской оценке и критике, потому что склонны всё рационализировать и видеть в любой обратной связи стимул для роста: «Конечно, всегда с волнением ждешь, что скажут про твои работы. Страшно облажаться. Но бывает, что говорят полезные вещи, которые потом можно использовать». Когнитивно-ориентированные художники в социальном плане достаточно активны, но избирательны. Они не склонны к публичному выражению своих чувств, не ищут популярности ради самой популярности, а ориентируются на качество взаимодействия и перспективы развития своих идей и концепций. Они же умеют создавать пространства для совместного поиска новых смыслов.

Мотивационно-деятельностный тип (ярко выражен конативный компонент). Конативно-ориентированные художники — это высокомотивированные личности, для которых важно признание, они активно участвуют в деятельности профессиональных сообществ, социальных акциях, фестивалях, часто выставляют свои произведения, продвигают себя в социальных сетях и посещают выставки. Художники этого типа в качестве медиумов часто отдают предпочтение перформансам, инсталляциям и другим полимодальным формам, предполагающим участие аудитории. Их творческое самовыражение нередко служит социальным или политическим целям, побуждая к переменам, они верят в силу искусства как способа преобразования мира. В их

работах важна не только идея или чувство, но и способность мотивировать на внутренние изменения и действия. На вопрос, «что для вас творчество?» они отвечают:

— «Искусство — это внутренний голос, который помогает доносить мои ценности, делиться своей правдой».

— «Я люблю творчество за то, что благодаря ему я могу трансформировать свой личный самый ужасный или глупый опыт и, уже преобразованным в искусство, воздействовать на мир. И иногда даже получать отклик. Это круто».

Творческое самовыражение художника с акцентированным конативным компонентом можно описать как активное, страстное и социально ориентированное использование искусства как инструмента собственной внутренней и внешней трансформации.

Возможные стратегии психотерапевтической помощи и психологической поддержки. Типологизация творческого самовыражения профессиональных художников в соответствии с триадой «аффективных-когнитивных-конативных» компонентов человеческой активности может быть полезна для того, чтобы более эффективно и целенаправленно подбирать форматы психотерапевтической помощи актуальным художникам, жизненный (в том числе — творческий) опыт которых не лишен признаков разной степени психотравматизации.

Так, конативно-акцентированные художники заметно ориентированы на практические стратегии преодоления психологических трудностей, поэтому навыковые тренинги — один из наиболее эффективных способов психологической помощи для мотивационно-деятельностного типа. Это могут быть психотерапевтические группы, направленные, например, на профилактику эмоционального выгорания. Активная социальная позиция, высокая потребность в коммуникативном взаимодействии и осознанной внутренней мотивации, свойственные конативно-ориентированным художникам, позволяют предположить, что им хорошо подойдут ролевые игропрактики с телесно-ориентированными элементами. В личном консультировании можно рекомендовать когнитивно-поведенческий подход.

Для аффективно-акцентированных могут быть полезны тренинги, направленные на развитие эмоциональной саморегуляции и работу с внутренним критиком. «Тут я вас вряд ли удивлю. Мне, как и всякому художнику, самое главное нужно, чтобы негативные чувства и постоянные сомнения в себе не мешали творчеству» — делится в интервью один из художников. Также можно отметить, что художники эмоционально-чувствующего типа в проведённых пилотажных интервью продемонстрировали большую склонность к личной терапии. «Я создаю свои работы в основном для того, чтобы быть услышанным. Потому что многие вещи невозможно вот так взять и рассказать напрямую людям, большой аудитории. Но потребность

быть услышанным никуда не денешь. Если бы ещё можно было делиться с тем человеком, которому ты абсолютно доверяешь... Это немного страшно, конечно, но в то же время иногда очень хочется». В личном консультировании им, например, подойдет эмоционально-фокусированная терапия или терапия принятия и ответственности.

Для когнитивно-ориентированных художников, у которых преобладает рациональная, мыслительная сфера, важны стратегии, направленные на работу с убеждениями, мышлением и когнитивными схемами. В их запросах на психологическую помощь часто звучат формулировки: «хотелось бы понять, прояснить», «разобраться с этими мыслями». Художникам концептуально-знаниевого типа можно порекомендовать психологические группы, посвящённые осознанию внутренних конфликтов, работе с негативными убеждениями с использованием элементов психоэдукации. И в групповой работе, и в личном консультировании им подойдут нарративные практики, когнитивно-поведенческая терапия, схема-терапия, терапия принятия и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович М. Пройти сквозь стены. — М: АСТ, 2019. — 484 с.
2. Бардиер Г.Л., Сугоняко Д. Ю. Социальные представления о психологически благополучной личности. / В сборнике: Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. Сборник докладов и сообщений. — СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2023. — 316–324 с.
3. Бардиер Г.Л. К вопросу о множественной теории социального капитала личности / В сборнике: Комплексный характер устойчивого развития и безопасность в основных сферах человеческой деятельности. Развитие и стабильность. Материалы Международной научной сессии. — СПб, 2022. — 93–98 с.
4. Бардиаер Г. Л. Социальный арт-капитал личности / В сборнике: Сборник материалов XXII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. Сборник докладов и сообщений. // Отв. редактор В. А. Егоров. — СПб.: Русская гуманитарная христианская академия, 2022. — 73–79 с.
5. Бетенски М. Что ты видишь. Новые методы арт-терапии. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 256 с.
6. Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением: клиническая терапия творчеством, духовной культурой. — М.: Московский психотерапевтический журнал № 1, 1999. — 19–42 с.
7. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. — М.: Педагогика, 1987. — 344 с.
8. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995. — 527 с.
9. Копытин А. И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. — М.: Когито-Центр, 2014. — 208 с.
10. Крылова Е. Жизнь как пожизненное заключение / Художественный журнал № 81. Под ред. В. Мизиано. — М.: Учеб.-науч. центр по изуч. рус. культуры XX века фак. истории искусства РГГУ, 2011. — 96 с.

11. Лазурский А. Ф. Классификация личностей / под редакцией М. Я. Басова, В. Н. Мясищева. — М.: Юрайт, 2019. — 274 с.
12. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства / Избранные психологические произведения: в 2 т. — М.: Педагогика, 1983. Т. 2. — 232–239 с.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность: учебное пособие / А. Н. Леонтьев. — М.: Издательство политической литературы, 1975. — 304 с.
14. Леонтьев Д. А. Пути развития творчества: личность как определяющий фактор / Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности. Материалы чтений памяти Л. С. Выготского: Четвертая Международная конференция. — М.: РГГУ, 2004. — 214–223 с.
15. Мелик-Пашаев А. А. Мир художника / А. А. Мелик-Пашаев. — Москва: Прогресс-Традиция, 2000. — 273 с.
16. Минде О. Искусство как архитектор души: искусство, безумие и терапия / Осе Минде [пер. с норв. Элеоноры Панкратовой]. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. — 194 с.
17. Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества / Перевод с английского. — Л.: Инициатива; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001 г. — 128 с.
18. Почебут Л. Г. Социальная психология [учебное пособие] / Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. — СПб.: Питер, 2010. — 665 с.
19. Полуэктова Н. М. Проблемы и противоречия творческого образа жизни // Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь / под ред. В. Н. Келасьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — 33–50 с.
20. Психология процессов художественного творчества / Отв. ред. Б. С. Мейлах и Н. А. Хренов. М., 1980. 13–15 с.
21. Решетникова И. Blue pieta / Диалог Искусств. Журнал Московского музея современного искусства. М.: 2013. — № 6. — 52–53 с.
22. Тейлор Б. Art today. Актуальное искусство 1970–2005. — М.: Слово, 2006. — 19 с.
23. Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер. с нем. Р. Ф. Додельцева // Фрейд, З. Художник и фантазирование (сборник работ). — М.: Республика, 1995. — 265 – 281 с.
24. Eysenck HJ. Creativity and personality: Suggestions for a theory Psychological Inquiry, 1993. 4: 147–178 p.
25. Eysenck HJ. Creativity and Personality: An Attempt to Bridge Divergent Traditions Psychological Inquiry, 1993. 4: 238–246 p.
26. Eysenck H. J. Creativity as a product of intelligence and personality. In D. H. Saklofske & M. Zeidner (Eds.), International handbook of personality and intelligence. Plenum Press, 1995. 231–247 p.
27. Gardner H. Creating minds: An anatomy of creativity seen through the lives of Freud, Einstein, Picasso, Stravinsky, Eliot, Graham, and Gandhi. NY: Basic Books, 2011. 464 p.
28. Gardner H. Creative lives and creative works: A synthetic scientific approach. In R. J. Sternberg (Ed.), The nature of creativity. N-Y: Cambridge University Press, 1988. — 298–321 p.
29. Кр.ru. Швейцарца Яна Маруссича в Петербурге завалили 600 кг битого стекла. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26649/3669302/> (дата обращения 10.07.2025)
30. Lazarus, R. S. Emotion and Adaptation. — N-Y: Oxford University Press, 1991. 519 p.
31. Maddi S. Creativity is strenuous /The University of Chicago Magazine, 1973, vol. 66, #2, 18–23 p.
32. McCrae R. Creativity, divergent thinking, and openness to experience /Journal of Personality and Social Psychology, 1987, vol. 52, 6, 1258–1265 p.

Краснова Татьяна Евгеньевна,
магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
pr.krasnova@gmail.com

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ

Статья представляет собой исследование теоретических основ феномена домашнего насилия, оформленное в формате ментальной карты (mind-map). Целью работы стало структурирование ключевых научных представлений о природе и механизмах домашнего насилия, его участниках и психологических последствиях. В рамках анализа выделено семь взаимосвязанных блоков.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, семейное насилие, насилие над женщинами, мужчинами и детьми, психическая травма, виктимность, психотравматизация, психологические последствия домашнего насилия, интеллект-карта, структурный анализ насилия в семье, гендерно-обусловленное насилие.

Krasnova T. Yev.

MIND-MAPPING AS AN INSTRUMENT FOR STRUCTURING AND PRESENTING KNOWLEDGE ABOUT DOMESTIC VIOLENCE

The article is a study of the theoretical foundations of the phenomenon of domestic violence, designed in the format of a mind-map. The aim of the work was to structure the key scientific ideas about the nature and mechanisms of domestic violence, its participants and psychological consequences. Seven interrelated blocks were identified within the framework of the analysis.

Key words: domestic violence, family violence, victimisation, psychotraumatism, psychological consequences of domestic violence, mind-map, structural analysis of domestic violence.

Домашнее насилие является общественно значимой и актуальной темой в современном российском обществе, поскольку охватывает широкий спектр социальных, психологических и правовых проблем.

Домашнее насилие затрагивает не только непосредственных участников насильственного взаимодействия, но и оказывает долговременное влияние на психическое здоровье, поведенческие паттерны и жизненные перспективы всех членов семьи, включая детей — свидетелей домашнего насилия. Комплексность и многомерность явления требуют системного подхода в его изучении и описании.

В рамках данной работы термины «домашнее насилие», «семейное насилие» и «семейно-бытовое насилие» используются как равнозначные синонимы, отражающие насильственные действия, совершаемые одним

членом семьи по отношению к другому в контексте устойчивых межличностных иерархий. Это объединение обусловлено тем, что в российской и международной литературе данные термины применяются взаимозаменяемо, обозначая одну и ту же категорию феноменов.

Ввиду широты понятийного поля, отсутствия законодательно зафиксированной терминологии, разрозненности знаний и подходов в разных научных дисциплинах, нами была разработана ментальная карта (интеллект-карта), визуализирующая структуру феномена домашнего насилия.

Структура интеллект-карты построена по логике смыслового движения от общего к частному: от понятийного и теоретического уровня — к конкретным проявлениям и последствиям. Такой подход позволяет отразить не только широту и глубину феномена, но и внутреннюю логику его динамики, делая карту удобной для профессионального применения в консультативной, диагностической и образовательной практике (Рис. 1).

При построении ментальной карты и разработке её содержательных блоков применялись методы качественного анализа научной литературы, а также данные практического консультирования пострадавших от домашнего насилия.

Использовались публикации по психотравматологии, клинической психологии, социальной работе и правозащите, а также наблюдения, полученные в рамках индивидуальной работы автора статьи с пострадавшими, пережившими физическое, психологическое и сексуализированное насилие в семье.

Рис. 2. Основные блоки изучения феномена домашнего насилия.

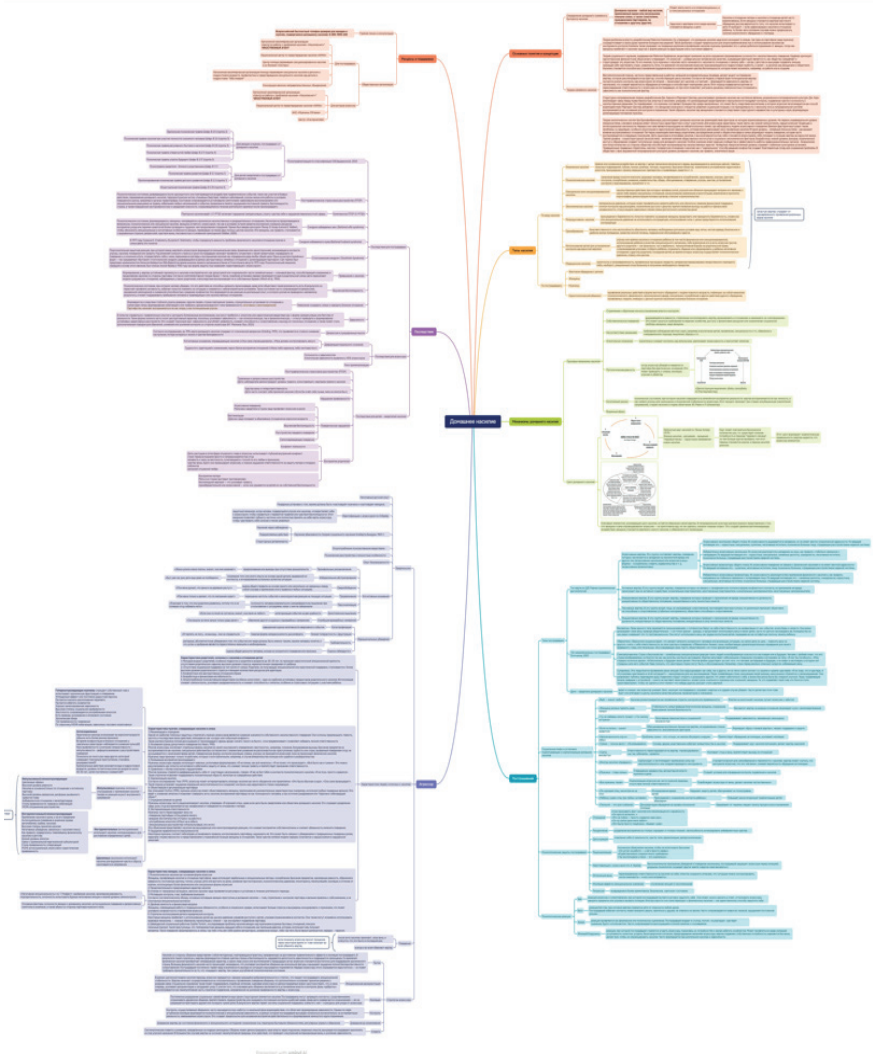

Рис. 1 Ментальная карта по теории домашнего насилия (общий вид)

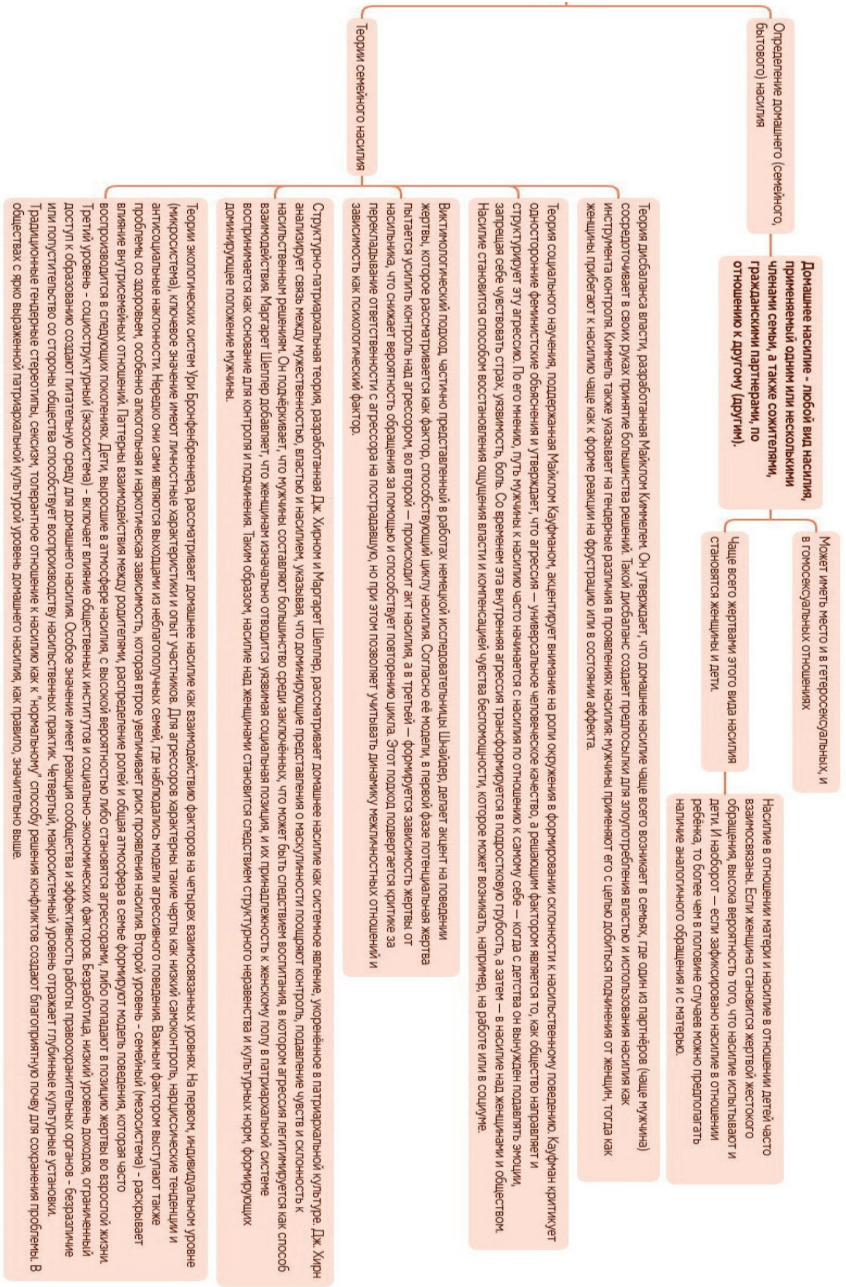

Рис. 3 Основные понятия и концепции

При изучении феномена домашнего насилия нами было выделено семь взаимосвязанных зон научного интереса: основные понятия и концепции, типы насилия, механизмы домашнего насилия, пострадавший, агрессор, последствия, ресурсы и поддержка (Рис. 2).

Стоит отметить, что в работе мы намеренно используем слово «пострадавший», а не «жертва», «агрессор», а не «наильник», чтобы минимизировать стигматизацию; исключениями являются прямые цитаты из литературы.

Поскольку в России нет законодательно закрепленного понятия «домашнее насилие», и различные авторы, общественные организации и сами законодатели формулируют определение этого понятия по-разному, мы сформулировали собственное определение, опираясь на общие черты проанализированных определений разных авторов:

Домашнее насилие — это любой вид насилия, применяемый одним или несколькими членами семьи, а также сожителями, гражданскими партнёрами, родственниками по отношению к другому (другим) члену семьи.

В ходе исследования основных понятий и концепций нами были выделены два направления изучения феномена (Рис. 3):

- определение домашнего (семейно-бытового) насилия
- теории, описывающие семейное насилие [7, с. 11–12]

В процессе изучения предлагаемых авторами типологий домашнего насилия мы остановились на критериях, отражающих генезис этого явления (физическое, психологическое, сексуальное\ сексуализированное, экономическое, репродуктивное, пренебрежение, использование детей для установления контроля над жертвой, медицинское насилие) и критериях, отражающих диапазон объектов домашнего

Типы насилия

По виду насилия

По пострадавшему

Рис. 4 Типы домашнего насилия

насилия (дети, женщины, мужчины, пожилые члены семьи) (Рис. 4). При этом необходимо отметить, что, как отмечается в литературе, зачастую пострадавшие подвергаются одновременно нескольким видам домашнего насилия [3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16].

В блоке «Механизмы домашнего насилия» (Рис. 5) представлены пусковые механизмы домашнего насилия и непосредственно — весь цикл домашнего насилия.

В блоке «Пострадавшие» (Рис. 6) разобраны классификации типов жертв в рамках криминальной (по Д. В. Ривман) и не криминальной виктимологии (по Плотникову) [8, с. 26–32], детей-свидетелей домашнего насилия, социальные мифы и установки, подпитывающие и нормализующие домашнее насилие, а также влияние этих мифов и установок на пострадавшего, основные психологические защиты и реакции пострадавших.

В блоке «Агрессор» (Рис. 7) были подробно рассмотрены предпосылки агрессивного поведения, в том числе механизм трансгенерационной передачи, характеристики людей склонных к насилию с разбивкой на родителей, мужчин и женщин, уточнены их характерные черты, особенности поведения и стратегии в коммуникации с пострадавшим [2, 15, 16, 17].

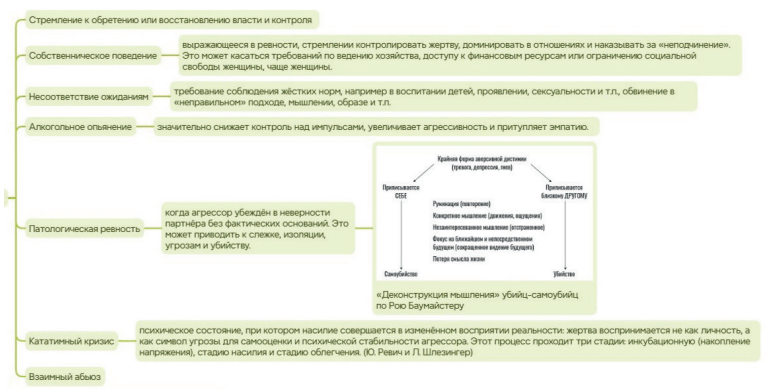
Блок «Последствия» (Рис. 8) рассмотрен с точки зрения влияния опыта домашнего насилия на пострадавшего, агрессора, детей — свидетелей насилия, а также в соответствии с классификацией О. В. Заширинской [4, с. 20–38] отобраны возможные психические травмы пострадавших от домашнего насилия.

Завершающим блоком ментальной карты являются «Ресурсы и поддержка», где кратко описаны центры помощи и просветительские инициативы, где можно экстренно получить помощь, как для пострадавших, так и для агрессоров (Рис. 9). Таким образом, в результате создания и анализа ментальной карты была сформирована целостная модель, отражающая структуру и многоуровневую природу феномена домашнего насилия.

Такой визуальный формат позволил объединить теоретические, клинические и социальные аспекты, представить их в логике «от общего к частному», а также выявить взаимосвязи между причинами, механизмами и последствиями для всех членов процесса домашнего насилия. Получившаяся карта может быть полезна как инструмент первичной диагностики, ориентир для начинающих специалистов в области психотравматологии, так и как основа для разработки учебных модулей, программ профилактики и системной помощи как членам семьи, страдающим от домашнего насилия, так и самим агрессорам, это насилие осуществляющим.

Рис. 5 Механизмы и цикл домашнего насилия

Замкнутый круг насилия по Ленору Уолкер (1979)
Эпизод насилия – раскаяние – прощение – “неудачный месяц” – нарастание напряжения – новое насилие.

Круг может повторяться бесконечное количество раз, т.к. существует сильная потребность в периоде “неудачного месяца”, но чем больше кругов проходило, тем этот период становится короче, а период насилия длиннее.

Этот цикл формирует травматическую привязанность (жертва надеется, что агрессор изменится)

Ключевым элементом, усиливающим цикл насилия, остается обвинение самой жертвы. В патриархальной культуре распространено представление о том, что женщина «сама спровоцировала» агрессию — не приготовила еду, не так оделась, сказала «лишнее слово». Это создает двойное вictimизирующее воздействие: женщина становится жертвой и самого насилия, и обвинений в его provокации.

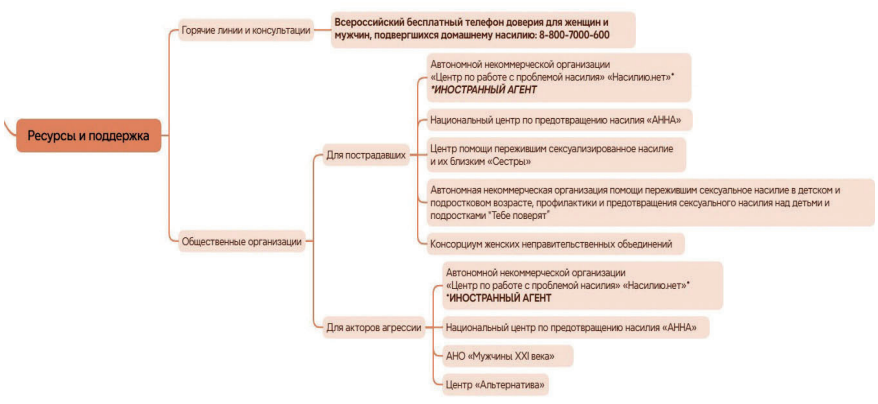

Рис. 9. Ресурсы и поддержка

- archive/2013_n2/61022 (дата обращения: 07.06.2025).
6. Махмудова Н. Б. Социальная работа с лицами, потерпевшими от насилия: учебное пособие. — Ташкент: Lesson press. — 2023. — 194 с.
 7. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь пострадавшим от насилия. — М.: КНОРУС. — 2022. — 334 с.
 8. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. — 2-е изд. — СПб.: Питер — 2017. — 831 с.
 9. Насилие в семье. Методическое пособие для специалистов / под редакцией Яблочкиной Е. А., Васильевой Н. В., Огинской Е. Д. — Псков: Издательство «ЛОГОС Плюс». — 2013. — 52 с.
 10. Нестерова Л. В. Психологическая помощь женщинам, пострадавшим от домашнего насилия // Психологическая газета. — 2022. — [Электронный ресурс]: URL: <https://psy.su/feed/10068/> (дата обращения: 07.06.2025).
 11. Осипян Н. Б. Женское насилие в отношении мужчин: анализ зарубежных и отечественных исследований // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2012. — № 10/4. — С. 42–26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-nasilie-v-otnoshenii-muzhchin-analiz-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovaniy/viewer> (дата обращения: 07.06.2025).
 12. Остапчук С. В. Противодействие домашнему насилию: учеб.-метод. комплекс. — Новополюк: Полоц. гос. ун-т — 2016. — 120 с.
 13. Синельников А., Ипполитова Е. А., Казанцева О. А., Гуж Т. А. Социально-психологическая реабилитация женщин и детей, пострадавших от домашнего насилия: учебно-методическое пособие. — Барнаул — 2012. — 50 с.
 14. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб.: Питер. — 2001. — 272 с.
 15. Тимко С. А., Тимко В. П. Мужчина — жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России // Виктимология. — 2016. — № 3 (9). — С. 33–40. — URL: <https://www.victimolog.ru/index.php/victimo/article/download/340/311> (дата обращения: 07.06.2025).
 16. Харламов В. С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. — 2017. — С. 98–107.
 17. Unraveling the link between maltreatment and juvenile antisocial behavior: A meta-analysis of prospective longitudinal studies. — 2016. — [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1359178917300150?via%3Dihub> (дата обращения: 07.06.2025).

Краснова Татьяна Евгеньевна
Магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского,
pr.krasnova@gmail.com

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА КАК НАВИГАТОР ДЛЯ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА, РАБОТАЮЩЕГО С ОБЪЕКТАМИ И СУБЪЕКТАМИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена систематизации методов психологического консультирования по проблемам домашнего насилия и представлена в формате интеллект-карты (mind-map). Целью разработки предлагаемой ментальной карты является создание практически удобного и востребованного «навигатора» — наглядной и функциональной схемы, отражающей основные направления профессионального вмешательства в данной сфере. Представленный в интеллект-карте материал охватывает как краткосрочные кризисные стратегии, так и глубинные терапевтические подходы, применяемые на разных этапах консультативного процесса. В статье обоснована необходимость индивидуального подбора метода консультирования с учётом специфики клиента, динамики травмы и стоящих перед консультантом терапевтических задач.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, семейное насилие, насилие над женщинами, мужчинами и детьми, объекты и субъекты домашнего насилия, психическая травма, психотравматизация, насильственные отношения, психологические последствия домашнего насилия, терапевтические подходы, стратегии и методы психологического консультирования, интеллект-карта.

Krasnova T. Yev.

MIND-MAPPING AS A NAVIGATOR FOR A CONSULTING PSYCHOLOGIST WORKING WITH OBJECTS AND SUBJECTS OF DOMESTIC VIOLENCE

The article is devoted to the systematization of methods of psychological counseling on the problems of domestic violence and is presented in the format of a mind map. The purpose of developing the proposed mind map is to create a practically convenient and popular «navigator» — a visual and functional scheme reflecting the main areas of professional intervention in this area. The material presented in the mind map covers both short-term crisis strategies and deep therapeutic approaches used at different stages of the consultative process. The article substantiates the need for an individual selection of a counseling method taking into account the specifics of the client, the dynamics of the trauma and the therapeutic tasks facing the consultant.

Key words: domestic violence, family violence, violence against women, men and children, objects and subjects of domestic violence, mental trauma, psychotraumatization, violent relationships, psychological consequences of domestic violence, therapeutic approaches, strategies and methods of psychological counseling, mind map.

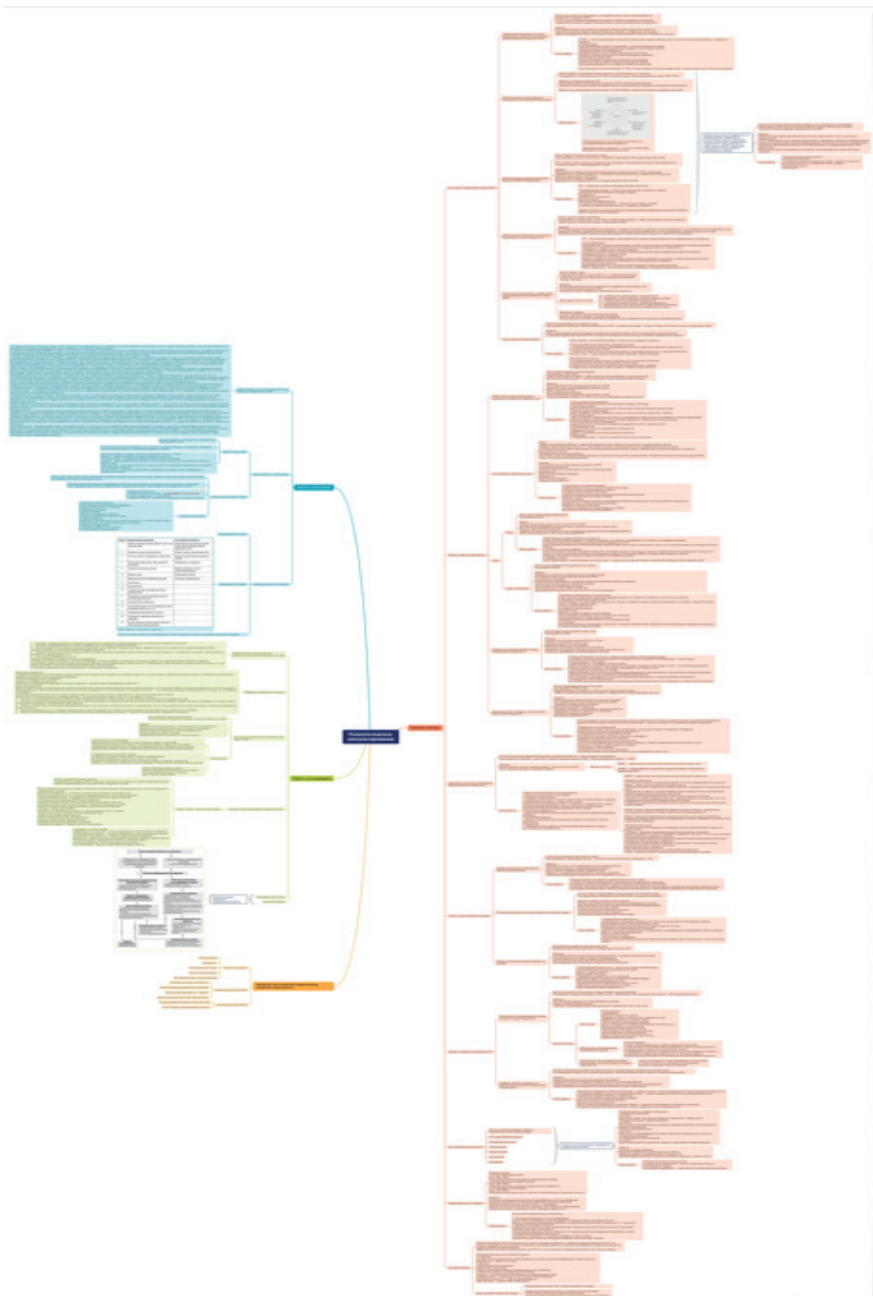

Рис. 2. Психологическое консультирование домашнего насилия (общий вид)

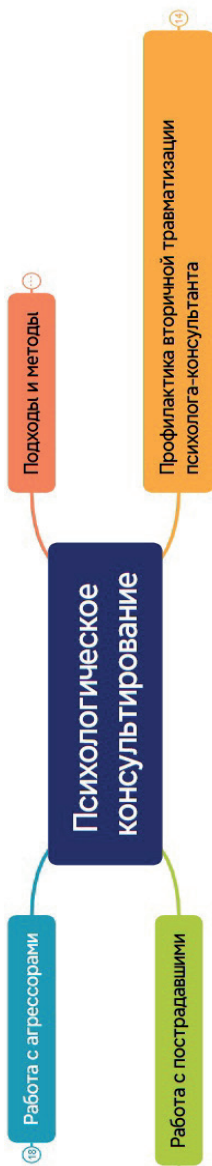

Рис. 1. Общие блоки интеллект-карты

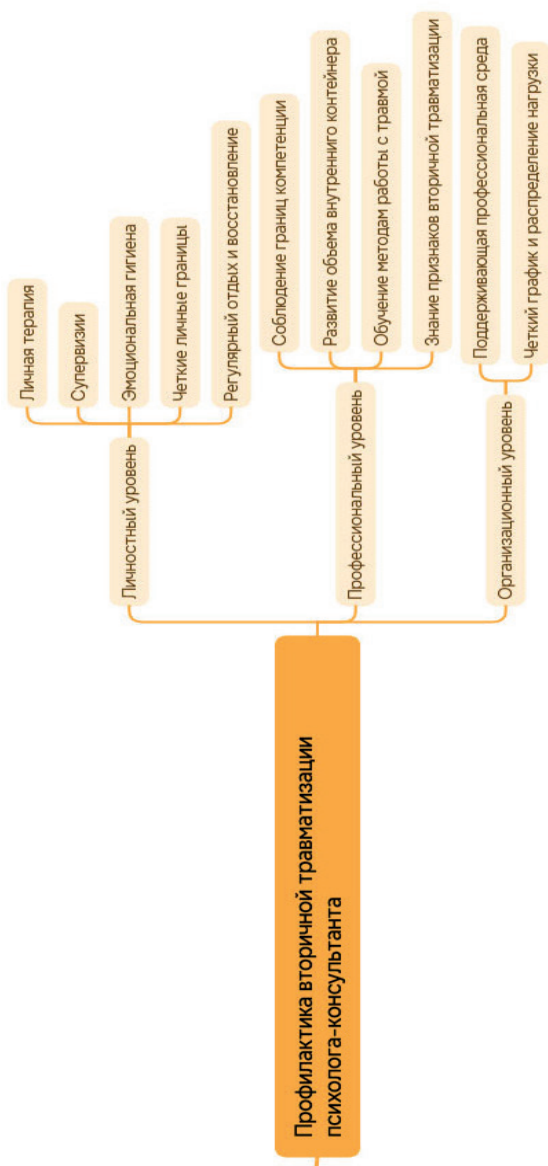

Рис. 16. Профилактика вторичной травматизации психолога-консультанта

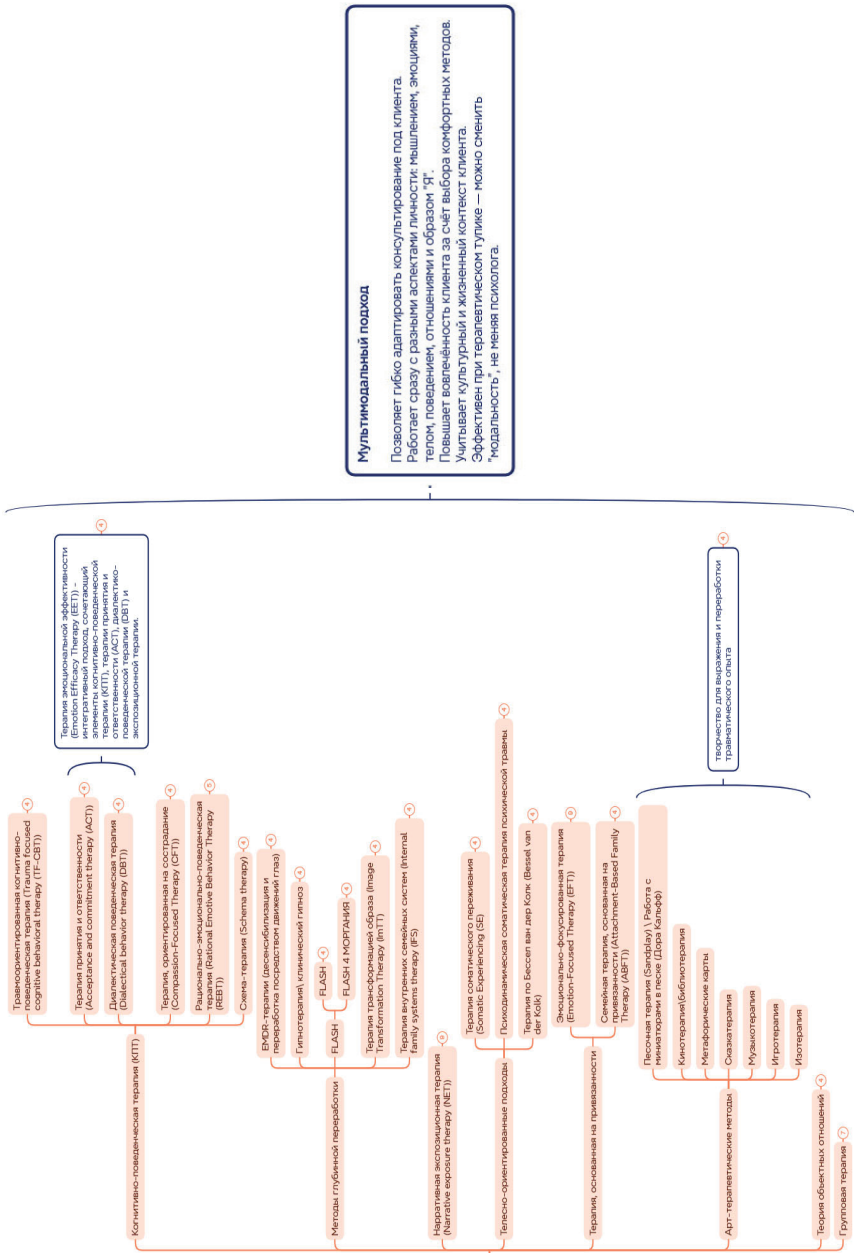

Рис. 3. Методы и подходы

Рис. 4. Описание подходов на примере EMDR-терапии [16]

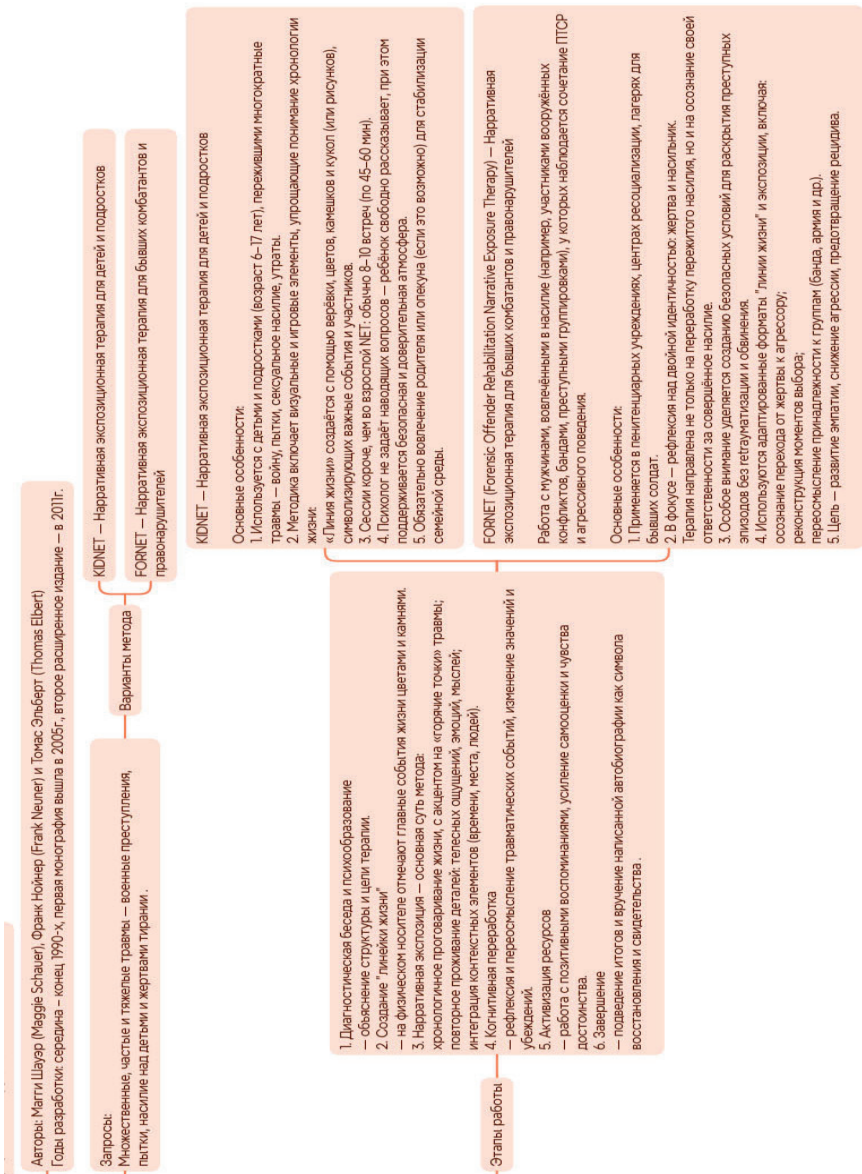

Рис. 5. Описание подходов с модификацией на примере Нарративной экспозиционной терапии (NET) [20]

1. Разговор с женщиной ведется в отдельном помещении, без свидетелей, сопровождающих лиц и тем более без домашнего агрессора.
2. Психолог в подходящий момент открыто выражает свое отношение к проблеме насилия.
3. Не рекомендуется в отношении к женщине употреблять слово «жертва»: женщины, регулярно терпящие побои, тем не менее часто не идентифицируют себя с жертвой, относятся к такому восприятию себя крайне негативно.
4. Избегайте вопросов, в которых женщина может услышать унижение. Например: «Как вы можете жить с этим человеком?», «Что вам дает насилие?», «Как (почему) вы допускаете, чтобы вас били?» и т.п.
5. Высказывайте убеждения о том, что женщина не виновата в насилии, которое она переживает; оплакивание потери естественно, и при этом теперешнее состояние пройдет тем быстрее, чем больше усилий к восстановлению будет прилагать женщина; если женщина пережила такие тяжелые жизненные события и тем не менее нашла в себе силы что-то предпринять, чтобы изменить ситуацию, получить помощь, то у нее явно есть ресурсы и силы для преодоления переломного периода жизни.
6. Тщательно оценивайте риск аутоагрессивного и агрессивного поведения.

Рис. 6. Общие принципы помощи женщинам домашнего насилия

Автор: Сандра Блум (Sandra L. Bloom)

Разработала эту модель в 1980-х годах для психиатрических клиник, но позже её адаптировали для приютов, реабилитационных центров, школ и социальных служб.

Модель опирается на четыре основных компонента, которые помогают организациям стать «местом исцеления»:

1. Безопасность (Safety)
 - Физическая безопасность – защита от насилия, четкие правила, отсутствие угрозы
 - эмоциональная безопасность – уважение, конфиденциальность, отсутствие осуждения
 - социальная безопасность – поддержка со стороны персонала и других клиентов.
2. Эмоциональное управление (Emotional Management)
 - обучение регуляции эмоций (техники заземления, дыхательные практики)
 - понимание, что агрессия, страх или апатия – нормальные реакции на травму.
 - развитие навыков коммуникации (например, ненасильственное общение).
3. Потеря и скорбь (Loss & Grief)
 - признание, что травма всегда связана с утратой (доверия, семьи, здоровья).
 - создание ритуалов и пространств для проживания горя.
 - помощь в построении новых смыслов.
4. Восстановление (Recovery & Reconnection)
 - развитие навыков самостоятельной жизни.
 - поддержка в построении здоровых отношений.
 - планирование будущего (трудоустройство, образование).

7 ключевых «столпов» модели

- Приверженность не-насилию – отказ от физических и психологических наказаний.
- Эмоциональный интеллект – обучение сотрудников и клиентов пониманию эмоций.
- Социальная ответственность – создание среды взаимной поддержки.
- Демократия – вовлечение клиентов в принятие решений (например, правила центра).
- Открытое общение – прозрачность, честность, обратная связь.
- Социальное обучение – постоянное развитие персонала.
- Рост и изменение – гибкость и адаптация под нужды клиентов.

Рис. 9 Модель Мост для центров помощи пережившим домашнее насилие

Кризисная интервенция

1. Создать возможность для нивелировки чувств человека. Если женщина рассказывает о влущении событий, поступках, фактах, тогда вывод своим эмпатией, это наиболее естественный и эффективный способ оказать негативное напряжение.
2. Адаптировать наименование дубликата: создание атмосферы безопасности, объяснение цели проведения дубликата («точка справится с последствиями травмирующего события»); реконструкция фактов, реконструкция эмоций, которые возникли в момент происшествия; реконструкция эмоций (в конце этой фазы спросите: «Что вы почувствовали, когда рассказывали мне о своем чувстве?»); информирование о типичных реакциях на стрессовые ситуации (покажите то, что описанные состояния и сценарии — это нормальные реакции на неэкстремальную ситуацию, что во времени они пройдут).
3. Закрепление (формулируйте кратко все, что было сказано, спросите, не осталось ли чего-то еще важного, о чем хотелось бы сказать сейчас); заключение («Что вы будете делать в ближайшие время?», «Что вы будете делать сразу после того, как выйдете от меня?»).
4. Не переключайте стрессоры: старайтесь решать старые проблемы, решать старые дела, так как в кризис у человека нет сил справиться с этим.
5. Полюбопытствуйте: не пытайтесь изменить точку зрения. Он только редуцирует их в более конструктивное содержание, которое испытывает человек в кризисе, мобилирует его на поиск новых путей решения, ресурса, на приобретение новых навыков.
6. Ресурсы: предложите не ускорение переживаний человека, не достижение их безболезненности, а контроль/то что оно максимально безопасно для психики и личности; переживайте совместно стресс.
7. Ищите где вмешаться в то, что женщина должна решить сама. Мотивируйте ее отложить принятие решения до окончания стрессового кризисного состояния.
8. Полюбопытствуйте, какой эмпатией обладает, должен быть не только дубликатом от клиента — оценка эмоционального значения своего состояния.

План безопасности

1. Основные правила поведения до начала семейного конфликта (если ранее подобные конфликты уже имели место):
 11. Пригласить условное слово или жест, заранее заучить его вместе с детьми и другими членами семьи, чтобы в дальнейшем использовать его для сигнала о сдерживании действия (взрослые не кричат, стараются снc создать, знакомые, родственники, друзья, коллеги, чужденное поведение детей и т.д.); слово (жест) _____ — выслушать ребенка;
 12. Заранее определить круг людей (соседи, родственники, друзья, знакомые, коллеги), которым вы доверяете и которые готовы оказать помощь в случае необходимости;
 13. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 14. Заранее определить круг людей (соседи, родственники, друзья, знакомые, коллеги), которым вы доверяете и которые готовы оказать помощь в случае необходимости;
 15. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 16. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 17. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 18. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 19. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 20. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 21. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 22. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 23. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 24. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 25. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 26. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 27. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 28. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 29. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 30. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 31. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 32. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 33. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 34. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 35. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 36. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 37. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 38. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 39. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 40. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 41. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 42. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 43. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 44. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 45. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 46. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 47. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 48. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 49. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
 50. Определить место в доме, где вы можете укрыться в случае необходимости;
2. Основные правила поведения в ходе конфликта:
 21. Заранее определить и записать: сигналы со стороны агрессора (слова, мимика, интонация), указывающие на возможность конфликта; сигналы, представляющие наибольшую опасность; свои внутренние сигналы (страх, напряжение, физические ощущения), по которым можно понять, что вы в опасности; внешние обстоятельства, способствующие конфликту (употребление алкоголя, финансовое затруднение, вопросы детей, время суток, место и т.д.);
 22. Параллельно парализовать зависимость, чтобы быть свободным;
 23. Обратить внимание на состояние агрессора (интонационное озвучивание, раздвоенность) при его возвращении домой;
 3. Основные правила поведения в ходе конфликта:
 31. Выяснить, какие способы защиты использовались ранее, и оценить их эффективность;
 32. Определить доступные личные ресурсы: состояние здоровья, эмоционально-волевая устойчивость, физическое преимущество или слабость, возможность воспользоваться телефонной помощью, наличие предметов для самозащиты (ваши вещи, предметы агрессора);
 33. Определить внешние ресурсы: если вы сами один с агрессором — попытаться привлечь внимание (крик, шум, разбить окно); если есть другие члены семьи — использовать условное слово или жест (выслушать мимику, снc, жестов);
 34. Перейти и поманить, на которого нет доверия, но выходя, что не в ванию, куда или место, где может быть оружие;
 35. Попытаться интуитивно, действуя, как будто обмануть обиду приближая помощника. Если угроза усиливается, рассмотреть возможность временно дать агрессору то, что он требует, чтобы выиграть время;
 36. Понимать о своем праве защищать себя, пока опасность не минует.

Поддержка в кризисных ситуациях

Адаптировать действия пострадавшего от домашнего насилия

Если вы живете вместе с человеком, который применяет к вам насилие. Постарайтесь не использовать себе от собственного окружения поддерживающие отношения с друзьями, родственниками, соседями. Расскажите друзьям и соседям, которым доверяете о вашей ситуации, договоритесь о знаках, по которым они смогут понять, что вы в опасности, и о том, что делать в случае получения такого знака. Определите правила поведения в моменты опасности со своими детьми: объясните им, что они не должны вмешиваться, использовать специальные слова, которые будут означать, что дети должны позвать кого-то на помощь или покинуть квартиру. Научите детей высказывать мимику, звать родственников, друзей или других людей, которые могут оказать помощь. Обработайте внимание, в каких случаях агрессор проявляет насилие, чтобы предотвратить такие ситуации заранее. Старайтесь хранить предметы, которые могут быть использованы как оружие, в закрытых или труднодоступных местах. Не пользуйтесь вещами, которые можно использовать для удара (ваши щетки и т.д.). Под любым предлогом переключитесь выйдите из квартиры, чтобы агрессор предвещает, что вы не в безопасности. Схватите дубликат ключей. Всегда носите с собой мобильный телефон. Выучите наизусть телефонные номера, адреса кризисных центров, соседней и друзей. Подумайте о способах связи с милицией, полицией, звонком туда безопасный и возможный в любое время. В критической ситуации позвоните им немедленно, даже если не удалось высказать слова.

Если вы пытаетесь оставить человека, который применяет к вам насилие. Определите, где вы можете получить помощь, расспросите три доверенных человека: поинтересуйтесь, как вы можете справиться с ситуацией. Определите место, где ваши дети не могут быть оказаны помощь. Кризисная комната, приют, друзья, соседи; научите детей заблуждаться о своей безопасности. Если вы решили — немедленно обратитесь к врачу и попросите оформить справку. Храните необходимые документы (свидетельства, паспорт, соглашения о разводе, документы на жилье, дипломы, рецепты, удостоверения) в доступном месте или спрячьте их на заранее определенном месте. Сформируйте доказательства насилия (фотографии, справки и т.д.). Записывайте все случаи насилия в дневник, храните его в безопасном месте. Сфотографируйте, как будто собираетесь до безопасного места, всегда имейте при себе деньги, банковские карты, ключи от дома, наличные, паспорт или инвентаризацию, где спрятаны вещи. Сфотографируйте действия на случай, если дети или другие люди расскажут о вашем намерении уйти.

План обеспечения безопасности

После того, как связь с человеком прервана, насилие, приврава. Никогда не оставьте с ним наедине (например, попросите водителя такси подождать, пока вы войдете домой). Если он встречает вас на улице и угрожает, пройдите по улице и спросите: «Кто-то человек мне угрожает, позвоните, пожалуйста, в милицию». Старайтесь меньше времени выходя и возвращаясь домой, по возможности делайте это в часы пик. Договоритесь с милицией дома и соседями жить в квартире; попросите соседей зайти в милицию при опасности. Не бойтесь рассказать друзьям, соседям, работодателю, школе детей о ситуации (эта информация останется конфиденциальной). Работодатель школы и детского сада должны иметь право забирать детей.

Если вы обратились за помощью в милицию. Пишите заявления с просьбой привлечь виновное лицо к ответственности. Укажите в заявлениях место и время преступления, сведения о личности виновного, последствия. Попросите, чтобы агрессора задержали и опознали. Выясните направление на суд-назначившую экспертизу в отделении милиции по месту жительства.

Рис. 7. Кризисные интервенции

Рис. 8. Схема интеграции групповой и индивидуальной работы с пострадавшими

Автор: Джудит Герман (Judith Herman)

Год: 1992, в книге «Травма и исцеление» (Trauma and Recovery, 1992)

Запросы:

Домашнее насилие (физическое, психологическое, экономическое).

Сексуальное насилие (включая инцест и абюз в отношениях).

Детская травма (запущенность, жестокое обращение).

Последствия пыток, войн, геноцида.

Травма предательства, насилие со стороны близкого

1. Безопасность и стабилизация
физическая безопасность (выход из опасной среды, защита от агрессора).
эмоциональная стабильность (работа с паническими атаками, тревогой, бессонницей).
формирование доверительных отношений (поддержка близких, терапевта, групп помощи).
базовый самоконтроль (техники заземления, дыхательные практики, регуляция эмоций).

2. Переработка воспоминаний о травме
постепенное осознание травмы (без повторной травматизации).
проживание подавленных эмоций (гнев, страх, стыд, горе).
понимание последствий травмы (как она повлияла на жизнь, отношения, самооценку).
скорбь по утраченному (например, по несостоявшемуся «нормальному» детству у жертв насилия).

3. Восстановление связей с жизнью
развитие здоровой самооценки и личных границ
построение доверительных отношений.
поиск смысла и новых целей.

Этапы работы

Рис. 11. Трехэтапная модель восстановления по Джудит Герман

1. Конфиденциальность. В первую очередь стоит подчеркнуть конфиденциальность общения на консультативной сессии. Понятно, что эта мера актуальна в любых типах консультирования, но при работе с насильниками настроение наших клиентов в этом смысле особенно велика.
2. Субъектность. Важнейшим является тот факт, что склонность к бытовому насильнику нельзя отнести к болезни. Консультации не являются медицинской процедурой, «волшебной таблеткой», позволяющей быстро и безболезненно решить проблему. Мы используем психологические методы, а наши клиенты имеют возможность изменить свое поведение, проявив желание, волю, интеллект в ходе времени. Очень важна проявленная субъектность их работы. Мы работаем не над ними, но вместе с ними!
3. Добровольность и нейтральность. Специалист не является представителем или советником клиента в семейных отношениях, он создает тот фон, то отражение, которым клиент может воспользоваться для достижения цели консультирования — оставить себя как вершителя насилия. Важно, что специалист отказывается от обвинительной позиции, от морализаторства и доминирования, постановки дилеммы. Специалист приветствует стремление клиента к изменениям, даже если они еще не окрепли, проявляет уважение к его мужеству, если, проработав внутренние сопротивления, он говорит о сложных для себя вещах. В итоге мужчина может почувствовать на себе заинтересованное внимание консультанта и понять, что речь идет не об обвинениях или преследованиях, а о внимании к его потребностям и о той помощи, которую он может получить в очень важной для него области жизни.
4. Настойчивость. Необходима мягкая, но однозначная настойчивость при возвращении клиента к актуальным для рабочего процесса темам, к разговору о насильии. Тенденция избегания бесстрашна и действительно важна очень велика. Психологические защиты срабатывают с большой силой. Консультант должен обладать собственной внутренней устойчивостью, а иногда бесстрашием, чтобы суметь сохранить фокус внимания на работе, а не уйти вслед за клиентом в многочисленные варианты избегания.
5. Уважение. Применение насилия необходимо оценивать как отказ от проявления уважения в практике повседневных семейных отношений. Происходит это сознательно или нет, но, установившись на консультативной сессии, клиент получает важнейший фондовый послыл к иному возможному смыслу и содержанию взаимоотношений. Уважение к клиенту позволяет проявлять искренний интерес к нюансам его жизни, отказываясь от попыток его переделать, от обличения и морализаторства, режиссерского тона. Клиент получает шанс найти истину в себе, понять мотивы своего поведения. Возникают благоприятные условия для трансформации как внутреннего мира, так и стиля общения клиента.
6. Паритетство. В абсолютном большинстве случаев ситуация насилия связана с определенной иерархией, с доминированием одного человека над другим или другими. Поэтому было бы ошибкой в консультативной работе придерживаться скондрной структура взаимоотношений, авторитарного стиля поведения консультанта. В противном случае установившиеся паттерны отношений клиента с окружающими оставались бы без изменений. Напротив, когда в рамках рабочего процесса выстроены уважительные партнерские отношения, направленные на конкретную цель — остановить насилие, возникает возможность поддержания альтернативных способов общения. Иногда клиент впервые видит, что, отказавшись от власти и доминирования, можно достигнуть положительного результата.
7. Упорядоченность. С другой стороны, очень важно учитывать, что акты агрессивного поведения, насилия зачастую приводят к большому хаосу в жизни людей, причем не только жертва насилия, но и его вершителей, а также и его свидетелей! Потому очень важно, чтобы процесс работы строился в альтернативном варианте, изначально он должен проходить четко, в определенной, понятной клиенту последовательности. Принимая клиент должен не только «потребителем» этого порядка, но и его «составителем», хотя и при ведущей роли консультанта на первых этапах работы.
8. Зрелость работы с насильником. С самого начала необходимо четко обозначить содержание того, что происходит в общении «клиент — консультант». Те люди, которые рассматривают получить помощь, должны четко соотнести свои запросы с возможностями консультантов. Открыто и явно мы даем понять, что работаем с ситуациями насилия, и именно эта позиция задает развитие рабочего контакта.
9. Добровольность. С этим принципом связана кажущаяся парадоксальность ситуации. Мы говорим о необходимости распространения практики консультирования авторов насилия, мы говорим о тех, тягачущих последствиях, к которым домашнее насилие приводит, но в то же время мы подчеркиваем, что только добровольное внимание наших клиентов к своей жизни и своему поведению может привести к наиболее достойным результатам. Что это значит с точки зрения организации нашей деятельности? Значит ли это, что домашнее насилие не должно быть наказуемо? Должно! Но мы не ущемляем нашего клиента: «Ты плохой, потому иди и лечись!» Мы спрашиваем: «Нравится ли тебе то, как ты живешь? Действительно ли ты доволен результатами своих отношений? Как на тебе сказывается давление и оценка окружающих и официальных органов?» Что ты хочешь изменить в своем поведении?» Так, отталкиваясь от потребностей и желаний мужчины, мы работаем с его мотивацией, даже если на консультацию он пришел под давлением обстоятельств (в будущем, возможно, и по решению суда), как собственно, чаще всего и происходит.
10. Коллективность. Занимаясь своим делом, необходимо помнить, что консультанты не являются единственными борцами с насильем. Консультант, принимающий мужчин, склонных к домашнему насилию, должен работать, опираясь на весь алгоритм противодействия этому тяжкому социальному явлению. Важно взаимодействовать с теми структурами, которые включены в общее дело по преодолению любых форм насилия. В том числе надо помнить про нашу опору на деятельность правоохранительной системы. Именно сочетание методов убеждения и принуждения может дать результат. Полагаю, что консультативные центры для мужчин, профилируя развитие домашнего насилия, могут, в свою очередь, сильно разгрузить наших участковых и других представителей закона.

Рис. 12 Общие принципы консультирования авторов агрессии

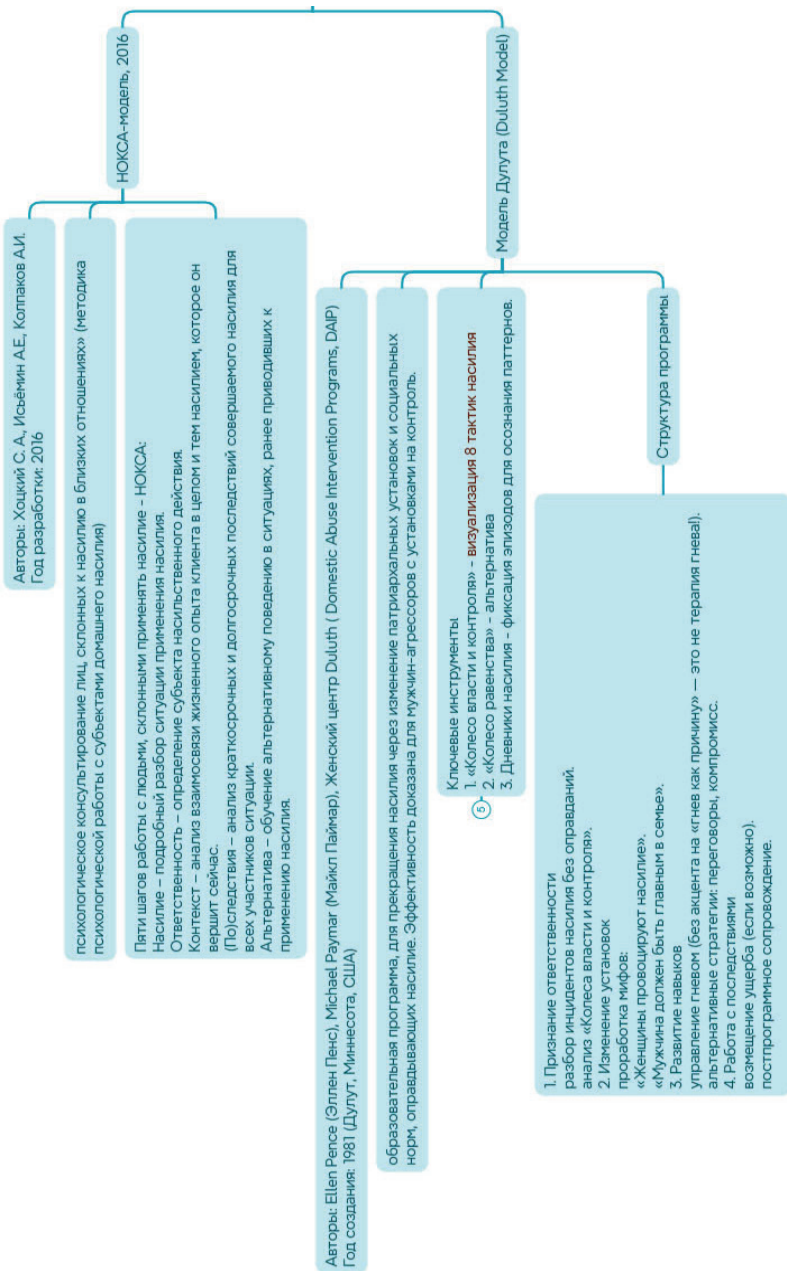

Рис.13 Две модели работы с агрессорами

Неделя	Дидактическое упражнение	Цель группового процесса
1	Опишите нападение, которое привело к тому, что вы оказались здесь	Детоксикация стыда, общность группы, оценка уровня отрицания, вопросы авторитета и власти
2	Конфликтные темы: эмоции, действия	Общность группы, детоксикация стыда
3	Что такое «абыюз»? Определения, колесо власти	Иерархия в группе, вопросы авторитета и власти
4	Объяснение конфронтации, первое групповое обсуждение	Конфронтация с отношением
5	Политика относительно насилия	Вопросы авторитета и власти, личная ответственность
6	Дневники гнева	Распознавание эмоций
7	Управление стрессом: раирианское дыхание	Повторение вышеуказанного
8	Цикл абыюза	
9	Сценарии DESC	
10	Родительская семья: как ваши мама и папа проявляли гнев?	
11	Продолжение: как себя чувствовали при этом вы и ваши братья/сестры?	
12	Сценарии DESC, ролевая игра	
13	Распознавание других часто возникающих эмоций (отвращение, вина, стыд и т.д.)	
14	Закрепление коммуникативных навыков	
15	Подготовка к завершению: профилактика рецидивов	
16	Чему вы научились? Какие остались проблемы? Какие еще виды терапии доступны?	

Схема терапии по Дональду Г. Даттону

После окончания группы при необходимости можно продолжить занятия в формате супружеской терапии.

Рис. 14 Терапия склонности к насилию

1. Конфиденциальность. В первую очередь стоит поговорить о конфиденциальности общения на консультативной сессии. Понятно, что эта мера актуальна в любых типах консультирования, но при работе с агрессией настроенность наших клиентов в этом смысле особенно важна.
2. Субъектность. Внимательно выслушайте точку зрения клиента и в будущем необходимо иметь отчетливое отношение к себе. Консультанты не являются медицинскими провайдерами, владельцами таблички, полагаясь в основном на базовый набор проблем. Мы используем психологические методы, а наши клиенты имеют возможность изменить свое поведение, проявив желание, волю, интеллект и время. Очень важна роль клиента в работе. Мы работаем не над ним, а вместе с ним.
3. Доброжелательный нейтралитет. Специальность является представителем или советником клиента в семейных отношениях, он создает тот фон, то отношение, которое клиент может использовать для достижения цели консультирования – установить себя как верящего человека. Важно, что специалист отказывается от объективности позиции, от нейтральности и документальности, постановки диагноза. Специалист приветствует стремление клиента к изменению, даже если он еще не уверен, просят уважения к его культуре, если, просящий внутреннее сотрудничество, он говорит о своих целях для себя. В итоге нужно помочь консультанту на себе заинтересованное внимание консультанта понять, что реидея не об обмане или преследовании, а в желании и его потребности и то, почему, которое не может получить в семье, какой для него объект жизни.
4. Непостоятельность. Необходима некая, но основанная на устойчивости при возвращении клиента к актуальной для рабочего процесса теме, к разговору о насилии. Задачами консультанта беседы с действительным законом очень важны. Психологические задачи: сформировать с большой силой Консультант должен обладать собственной внутренней устойчивостью, а не под бестрашью, чтобы суметь сорвать фокус именно на работе, а не уйти вперед за клиентом в многообразие вариантов решений.
5. Умение. Препятствие насилию необходимо оценить как опыт от проявления уважения к практикам формирования семейных отношений. Происходит это сознательно или нет, но, относясь к клиенту как к партнеру, консультант должен иметь возможность посылать и изменять возможную структуру и содержание взаимоотношений. Умение к клиенту позволяет проявлять искренний интерес и уважение к его жизни, опираясь на опыт общения и переживания, нейтральный тон. Клиент получает шанс найти и/или себе, понять, ноты своего поведения. Возможны благоприятные условия для трансформации как внутреннего мира, так и стиля общения клиента.
6. Партнерство. В абсолютном большинстве случаев эти люди являются партнерами, а не врагами. Это означает, что общение и переживание, нейтральный тон. Клиент получает шанс найти и/или себе, понять, ноты своего поведения. Возможны благоприятные условия для трансформации как внутреннего мира, так и стиля общения клиента.
7. Упорность. С другой стороны, очень важно учитывать, что акты агрессивного поведения, насилие зачастую приводит к большому хаосу в жизни людей, причем не только жертв насилия, но и его свидетелей, а также и его свидетелей. Потому очень важно, чтобы процесс работы строился в альтернативные варианты, изначально они должны продвигать четко, в определенном соответствии клиенту повзрос. Тренинг клиент должен в итоге стать на то, чтобы, употребившие этого повзрос, но и его «коллегии», или при первой возможности консультанта на первых этапах работы.

Общие принципы консультирования автором агрессии по Исайеву АЕ, 2019.

Авторы: Ходяй С.А., Исайев А.Е., Колесов А.И.
Год разработки: 2016

психологическое консультирование лиц, склонных к насилию в близких отношениях (методика психологической работы с субъектами домашнего насилия)

НКСА-новель, 2016.

- Пять шагов работы с людьми, склонными применять насилие – НКСА-Новель – подробный разбор ситуации применения насилия.
- Ответственность – определение субъекта насильственного действия.
- Контакт – анализ взаимосвязи межличностного опыта клиента в целом и в типе насилия, которое он вершит сейчас.
- Результативность – анализ краткосрочных и долгосрочных последствий современного насилия для всех участников ситуации.
- Альтернативы – обучение альтернативному поведению в ситуациях, ранее приводивших к применению насилия.

Авторы: Шелл Ренце (Шелл Ренс), Мейкл Рунгер (Мейкл Райнер), Женский центр DVAH (Domestic Abuse Intervention Program, DAIIP)
Год создания: 1981 (Дублин, Миннесота, США)

образовательная программа, для прекращения домашнего насилия через изменение патриархальных установок и социальных норм, опирающаяся насилие. Эффективность доказана для мужчин-агрессоров с установками на контроль

Модели работы с агрессором

Модель Дублина (Dublin Model)

- Ключевые инструменты
- «Колесо власти и контроля» – визуализация в тактике насилия
- «Колесо равенства» – альтернатива
- Дневники насилия – фиксация эпизодов для осознания паттернов.

Структура программы

1. Описание ответственности забор ответственности насилия без оправданий, анализ «колеса власти и контроля».
2. Изменение установок: «Женщина провоцирует насилие».
3. Развитие навыков управления гневом (без травления в семье).
4. Работа с последствиями: альтернативные стратегии переговоров, компромисс.
4. Работа с последствиями: включение ущерба (если возможно), пограничные соглашения.

Индивидуальные сессии

№	Цели/задачи/упреждение	Цель/результативность
1	Оценить насилие, которое привело к тому, что вы оказались здесь	Дискуссия о том, является ли это, вероятно, насилием
2	Конфликтные темы: злость, действия	Обсуждение злости, действия, конфликтные темы
3	Что такое «насилие»? Определение, колесо власти	История в семье, авторитаризм и власть
4	Обсуждение информации, передаваемой группами	Корректировка установок и ответственности
5	Понимание индивидуальной ответственности	Видео и авторитаризм и власть, личная ответственность
6	Дневники гнева	Развитие навыков
7	Управление гневом: разработка диалога	Получение выводов
8	Цели «безопасности»	
9	Факторы «безопасности»	
10	Факторы «безопасности»: как вы себя чувствуете и как вы себя чувствуете?	
11	Продолжение: как себя чувствуете при этом вы или чувствуете?	
12	Сценарий «безопасности»: как вы себя чувствуете?	
13	Развитие навыков: как вы себя чувствуете?	
14	Зарегистрированные коммуникативные навыки	
15	Получение и завершение профессионального резюме	
16	Чему вы научились? Как избежать проблем? Какие еще темы были доступны?	

Групповая КТТ терапия

Терапия склонности к насилию

Смена терапии по Дональду Г. Даттону
После окончания группы при необходимости можно продолжить занятия в формате служебной терапии.

Рис. 15. Работа с агрессором (общий вид)

Актуальность темы домашнего насилия и методов психологической работы с ним в настоящее время остаётся чрезвычайно высокой как в международной, так и в российской практике. Домашнее насилие — это не только социальное или правовое явление, но и глубокая психическая травма, затрагивающая все уровни жизни человека: от физической безопасности до самооценки, привязанностей и способности к построению близких отношений. Значительная часть насильственных действий происходит в семейной или партнёрской среде, при этом многие случаи остаются скрытыми из-за стыда, страха, экономической зависимости или отсутствия доступной помощи [6].

Для специалистов в сфере психологического консультирования это влечёт за собой необходимость владения конкретными, этически выверенными и клинически обоснованными подходами в работе — как с пострадавшими, так и с акторами насилия. Практика показывает, что универсальных решений не существует: эффективная помощь требует тонкой настройки на динамику травмы, степень организации личности, структуру зависимости и стадию цикла насилия. В связи с этим систематизация методов — от кризисной интервенции до травмоориентированных подходов — становится не только научной задачей, но и практическим инструментом повышения качества и безопасности психологической помощи.

Предлагаемая в статье интеллект-карта была построена нами на выделении четырёх ключевых и взаимосвязанных блоков: методы и подходы, работа с пострадавшими, работа с акторами насилия, а также профилактика вторичной травматизации и выгорания психологов-консультантов, осуществляющих профессиональное вмешательство в данной сфере (Рис. 1).

Методологическую основу создания интеллект-карты (Рис. 2) составили анализ современной профессиональной литературы в области психологии травмы, консультирования пострадавших от насилия и коррекционной работы с агрессорами, а также обобщение личного практического опыта автора в консультативной деятельности. В процессе подготовки карты были изучены труды отечественных и зарубежных специалистов, материалы Международного общества по изучению травматического стресса (ISTSS) [19], действующие методические рекомендации [4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15], практики кризисных центров [4, 15, 17] и травмотерапевтических школ.

Самое объемное ответвление ментальной карты «Подходы и методы» (Рис. 3–5). В этой части ментальной карты рассмотрено 30 современных подходов психологического консультирования психотравмы в рамках и парадигме основных психотерапевтических подходов. Каждый подход, включенный в ментальную карту, описан по трем ключевым аспектам (Рис. 3): авторы, год разработки метода или развития направления; запросы, с которыми указанный метод работает в контексте психической травмы; стадии работы психолога-консультанта.

Если у подхода есть модификация, при которой стадии работы меняются и/или добавляются важные для консультационного процесса аспекты (как например, у NET [20] или EFT [18]), то они вынесены в ответвление модификаций с указанием особенностей (Рис. 4–5).

Следует подчеркнуть, что в процессе применения как этой части, так и всей ментальной карты в качестве своеобразного «навигатора», методы работы, вариации интеграции методов друг с другом должны зависеть от индивидуальных особенностей клиента, глубины и степени его психотравматизации, а также — от профессиональных компетенций и практических навыков психолога-консультанта.

При этом, приветствуя такой мультимодальный подход, мы подчеркиваем, что мультимодальность:

- позволяет гибко адаптировать консультирование под психологию клиента,
- позволяет работать одновременно с разными аспектами психического склада клиента: с его мышлением, эмоциями, телом, поведением, отношениями, идентичностью, образом «Я»,
- повышает вовлечённость клиента за счёт выбора референтных комфортных методов вмешательства,
- позволяет учитывать культурный и жизненный контекст клиента,
- эффективна при терапевтическом тупике — можно сменить «модальность», не меняя психолога.

Следующее ответвление ментальной карты — «Работа с пострадавшими» (Рис. 6–11), в нем описаны:

- общие (базовые) принципы работы с пострадавшими [3] (Рис. 6),
- кризисные интервенции [8] (Рис. 7),
- особенности интеграции групповой и индивидуальной терапии (Рис. 8),
- а также модель МОСТ, отражающая базовые принципы создания центра помощи пострадавшим от домашнего насилия [17] (Рис. 9).

При работе с пострадавшими от домашнего насилия использование трёх-этапной модели восстановления, предложенной Джудит Герман [1] (Рис. 11), является рекомендованным стандартом в международной практике травмотерапии [19]. Модель Джудит Герман для консультирования пострадавших от домашнего насилия ценна тем, что учитывает длительный характер насилия, эмоциональную зависимость, нарушение базовых чувств доверия и контроля, а также отражает реальные потребности жертв в обеспечении защиты, в эмоциональной переработке всей ситуации, в социальной интеграции.

Следующий блок карты посвящён работе с агрессором. (Рис. 12–15).

Работа с субъектами насилия представляет собой критически важное направление в профилактике и прерывании циклов домашнего насилия.

Без изменения поведения и мышления самих агрессоров меры помощи пострадавшим носят лишь временный характер.

Многие агрессоры сами являются носителями травматического опыта [2], воспроизводят усвоенные в детстве модели власти и контроля, не осознавая альтернатив.

Психологическая работа с такими агрессорами позволяет не только предотвратить рецидивы, но и в долгосрочной перспективе снизить общий уровень насилия в обществе.

Применительно к работе с агрессором на ментальной карте представлены:

- общие принципы консультирования акторов агрессии по А. Е. Исьемину [4] (Рис. 12),
- две модели терапии (Рис. 13): НОКСА [10, 15] и Дулута [2],
- терапия склонности к агрессии, включающая понедельный план групповой когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) для авторов насилия [2] (Рис. 14).

Последнее ответвление нашей ментальной карты — это «Профилактика вторичной травматизации психолога-консультанта» (Рис. 16.).

Это направление включает, в частности, такие важные направления профилактики как работа с личными границами и личная терапия консультанта, профессиональные границы (границы компетенции) и их расширение, поддерживающая профессиональная среда и эффективный тайм-менеджмент. В целом профилактическое направление включает три уровня — личностный, профессиональный и организационный.

Таким образом, проведённое нами теоретическое исследование позволило сформировать представленную в виде интеллект-карты целостную и наглядную модель методов психологического консультирования в ситуации домашнего насилия. Структура карты охватывает четыре критически важных направления работы: выбор терапевтических методов и подходов, консультирование пострадавших, взаимодействие с авторами насилия (агрессорами), а также профилактику вторичной травматизации у специалистов. Такое структурирование способствует лучшему пониманию логики профессионального вмешательства, помогает выстраивать индивидуальные терапевтические маршруты и служит ориентиром (навигатором) для специалистов, работающих с острыми и хроническими последствиями внутрисемейного насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герман Д. Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора. / Джудит Герман; [пер. с англ. Э. И. Мельник] — М.: Эксмо. — 2024. — 640 с.
2. Даттон Д. Г. Абузивная личность. Насилие и контроль в близких отношениях. / Дональд Г. Даттон; [пер. с англ.] — М.: Городец. — 2022. — 352 с.
3. Емельянова Е. В. Женщины в беде. Программа работы с жертвами домашнего

- насилия «Достоинство любви». — СПб.: Речь. — 2008. — 212 с.
4. Исьёмин А. Е. Психологическая работа с мужчинами-клиентами, склонными к домашнему насилию // *Семья и домашнее насилие* — 2013. — [Электронный ресурс]: URL: https://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_5218.pdf (дата обращения: 07.06.2025).
 5. Махмудова Н. Б. Социальная работа с лицами, потерпевшими от насилия: учебное пособие. — Ташкент: Lesson press. — 2023. — 194 с.
 6. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь пострадавшим от насилия. — М.: КНОРУС. — 2022. — 334 с.
 7. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. — 2-е изд. — СПб.: Питер — 2017. — 831 с.
 8. Насилие в семье. Методическое пособие для специалистов / под редакцией Яблочкиной Е. А., Васильевой Н. В., Огинской Е. Д. — Псков: Издательство «ЛОГОС Плюс». — 2013. — 52 с.
 9. Нестерова Л. В. Психологическая помощь женщинам, пострадавшим от домашнего насилия // *Психологическая газета*. — 2022. — [Электронный ресурс]: URL: <https://psy.su/feed/10068/> (дата обращения: 07.06.2025).
 10. «НОКСА-модель»: психологическое консультирование лиц, склонных к насилию в близких отношениях. Реферат проекта / Хоцкий С. А., Исьёмин А. Е., Колпаков А. И. // Национальный конкурс Золотая Психея. — 2016 — [Электронный ресурс]: URL: <https://psy.su/psyche/projects/1847/> (дата обращения: 07.06.2025).
 11. Остапчук С. В. Противодействие домашнему насилию: учеб.-метод. комплекс. — Новополюцк: Полоц. гос. ун-т — 2016. — 120 с.
 12. Синельников А., Ипполитова Е. А., Казанцева О. А., Гуж Т. А. Социально-психологическая реабилитация женщин и детей, пострадавших от домашнего насилия: учебно-методическое пособие. — Барнаул — 2012. — 50 с.
 13. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб.: Питер. — 2001. — 272 с.
 14. Харламов В. С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*. — 2017. — С. 98–107.
 15. Хоцкий С. А. Альтернатива насилию. Психологическая помощь абьюзерам // *Психологическая газета*. — 2017. — [Электронный ресурс]: URL: <https://psy.su/feed/5886/> (дата обращения: 07.06.2025).
 16. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движения глаз: основные принципы, протоколы и процедуры. / Фрэнсин Шапиро; [пер. с англ. Ключин Д. А., Егоров И.] — М.: Диалектика. — 2023. — 768 с.
 17. Bloom S. The Sanctuary Model [Электронный ресурс]: URL: <https://www.traumainformedcare.chcs.org/resource/the-sanctuary-model/> (дата обращения: 07.06.2025).
 18. Brubacher L. Emotionally focused individual therapy: An attachment-based experiential/systemic perspective // *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*. — 2017. — Vol. 16, Iss. 1. — P. 50–67.
 19. Forbes D., Bisson J. I., Monson C. M., Berliner L. Effective Treatments for PTSD. — International Society for Traumatic Stress Studies. — 2020. — 558 p.
 20. Schauer M., Neuner F., Elbert T. Narrative Exposure Therapy — Net for Survivors of Traumatic Stress. — 3rd Edition. — Hogrefe & Huber Pub. — 2025. — 208 p.

Пантелеева Марина Викторовна

Магистрант кафедры психотравматологии,

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского

mirandagrun@mail.ru

«ГОРОДСКОЕ НАСИЛИЕ» И ПСИХОТРАВМА ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСОВ: БРАЗИЛЬСКИЙ ОПЫТ

В статье рассматривается, как современная жизнь в мегаполисе, в особенности криминогенная обстановка, которая сопутствует большим городам, влияет на психологическое состояние жителей города. Автор рассматривает ряд определений психотравмы, возможные причины её возникновения у жителей больших городов и некоторые статистические данные. Далее рассматривается исследование, проведённое бразильскими учёными в фавеле «Маре» (Рио-де-Жанейро).

Ключевые слова: мегаполис, психическая травма, ПТСР, городские трущобы, городское насилие, психическое благосостояние городского населения, травматизация мирного населения.

Panteleeva M. V.

«URBAN VIOLENCE» AND PSYCHOTRAUMA OF RESIDENTS OF MEGACITIES: THE BRAZILIAN EXPERIENCE

The article examines how modern life in a metropolis, especially the crime situation that accompanies large cities, affects the psychological state of city residents. The author examines a number of definitions of psychological trauma, possible causes of its occurrence in residents of large cities and some statistical data. Further, the study conducted by Brazilian scientists in the favela «Mare» (Rio de Janeiro) is considered.

Key words: megalopolis, mental trauma, PTSD, urban slums, urban violence, mental well-being of the urban population, traumatization of the civilian population.

XXI век — эпоха высокоурбанизированного общества. В 2020 г 76,5% населения земли проживало в городской местности, что составило 5,6 млрд. человек [11]. В мировом масштабе урбанизация происходит с различной степенью интенсивности. Она значительно выражена в развивающихся странах.

Уже в 1935 году жители Сан-Паулу (Бразилия) утверждали, что в их городе дом строится, в среднем, за час. Как отмечал Клод Леви-Стросс, в то время преподававший философию в университете Сан-Паулу: «город расширяется с такой скоростью, что невозможно раздобыть план: каждую неделю потребует его новое издание» [9].

Условия жизни в мегаполисах являются источником самых разнообразных противоречий, которые возникают в процессе развития этого сложного социального организма.

Для мегаполиса характерна «раздробленность», относительная неустойчивость социальных связей между людьми и повышенная мобильность населения.

Жизнь в мегаполисах полна и насыщена, но одновременно шумна и интенсивна (а иногда и опасна).

Среди серьёзных факторов стресса стоит отметить:

- длительное электрическое освещение, которое нарушает естественные ритмы сна;
- шум машин, в особенности крупного спецтранспорта;
- перемещение между местами, которые посещает человек, которое также чаще всего оказывается источником эмоциональных переживаний (время в пути);
- различные типы городской среды (более или менее престижные районы);
- социально-экономическое состояние жителей мегаполисов также способствует некоему фоновому стрессу (размышления о возможной безработице, инфляции).

Сам факт жизни в городе оказывает неоднозначное влияние на психическое здоровье.

Вопросы проблем психологического здоровья жителей мегаполисов условно можно разделить на:

1. Общие (перечисленные выше)
2. Прикладные аспекты (маргинализация, мир аддикций большого города, городская преступность).

Остановимся подробнее на последнем.

Страх стать жертвой преступления — один из стресс-факторов, влияющих на городских жителей [4].

Согласно руководству по психическим расстройствам DSM-IV, травматическое событие происходит, когда оно связано с угрозой смерти, физической травмой или другой серьёзной опасностью, причём психотравма может возникать и в случае, если человек становится свидетелем ранения или смерти не только близкого человека, но и незнакомца [7].

Питер Левин отмечал, что травму обычно связывают с последствиями таких событий, как:

- военные конфликты,
- разного рода насилие, как физическое, так и эмоциональное,
- несчастные случаи,
- стихийные бедствия [8].

Согласно рассчитываемому ежегодно Crime Index, позволяющему оценить уровень преступности в разных городах мира, в 2025 году Рио-де-Жанейро с уровнем преступности 75,2% занимает 14 место в рейтинге самых опасных мегаполисов мира, а Сан-Пауло с уровнем преступности 70,2%, соответственно,

24 место. Сирийский Дамаск, периодически пребывающий в зоне военных действий, тем временем на 27 месте рейтинга самых опасных городов мира.

Рио-де-Жанейро — город тысячи фавел — это беднейшие районы города, расположенные на холмах. «Подняться в фавелу» так в просторечии часто называют специальную операцию против наркоторговли и преступности: когда в фавелу заходит полиция начинается настоящая война. При этом шальная пуля может запросто сразить местного жителя, попавшего в эпицентр внезапной перестрелки между участниками картелей [16].

В частности, в рамках программы поддержки психологического благополучия населения были опрошены 1411 жителей трущобы Маре (Рио-де-Жанейро). Исследование проводилось в течение 2-х лет с 2018 по 2020 г. По результатам этого исследования было выявлено, что около 67% опрошенных были свидетелями перестрелки, 56% стали свидетелями избиений, 36% видели кого-то ранеными/убитыми [13].

В своей работе «Внутренний мир травмы», Дональд Калшед использует термин «травма» для обозначения любого переживания, вызывающего непереносимые душевные страдания. А непереносимыми страдания становятся в том случае, когда обычных защитных механизмов психики конкретной личности оказывается недостаточно.

Понимание травмы с экзистенциальной точки зрения мы находим в работах А. Лэнгле. Событие становится травматичным, как отмечал автор, за счёт ужаса, испытываемого человеком, так как в момент травматического события рушится базовое восприятие жизни. Травма соизмеряется автором с неотъемлемым устройством бытия [цит. по 7].

По определению нидерландских исследователей Ван дер Харт О., Нейенхюс, Стил К., психическая травма — «внутреннее состояние человека, страдающего от расстройства, вызванного переживанием экстремального события, а также той или иной степени структурной диссоциации» [5].

Экстремальная ситуация — это такая ситуация, в которой экстремальные угрожающие жизни факторы, действуют во времени и пространстве, имеют определенное значение для личности и субъективно оцениваются ею как необычная, выходящая за пределы, «нормального человеческого опыта».

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — отсроченная по времени психопатологическая комплексная реакция на психотравматическое событие, оформившаяся в целостный синдром. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) характеризуется проявлением симптомов дискомфорта и страха перед лицом прямых и/или воображаемых ситуаций в связи с переживаниями, которые угрожают личной целостности.

На протяжении всей истории своего существования, человечество ведет малые и большие войны. Военные конфликты наносят серьезный ущерб психическому благосостоянию гражданского населения, что может в перспективе

оказывать воздействие на социальные отношения, семейную динамику, общую стабильность общества и экономическое развитие региона [10].

К «малым войнам» мы также можем отнести неблагополучную криминогенную обстановку фавел (трущоб, или коммун, как стали их ещё называть), а также различные степени проявления жестокости по отношению к населению мегаполисов Бразилии, таких как Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло.

Воздействие насилия в урбанистической среде на психику жителей мегаполисов может быть многогранным и иметь серьёзные последствия.

Вот некоторые ключевые аспекты такого влияния:

- высокий уровень стресса и тревоги, что, в конечном итоге приводит к увеличению заболеваемости и снижению общего уровня здорового населения;
- психические травмы и ПТСР;
- социальная изоляция в виде нежелания покидать свой ЖК/район, что неизбежно приводит к экономическим и культурным последствиям, как для городской среды, так и для всей страны в целом [13].

ПТСР связано с аффективными расстройствами, поведенческими проблемами и физическими изменениями, такими как:

- суицидальные мысли,
- депрессия,
- употребление психоактивных веществ и алкогольная зависимость,
- самоповреждение и попытки самоуничтожения,
- низкий самоконтроль и пограничные расстройства личности,
- агрессивное поведение,
- отказ от работы,
- боли в теле,
- инсульты,
- головные боли,
- высокое кровяное давление,
- астма,
- проблемы с легкими,
- артрит [12, 14, 15, 17].

Многие из этих проблем, особенно аффективные и поведенческие, могут быть усилены отсутствием эмоциональной поддержки. Также была выявлена связь между ПТСР и когнитивными изменениями, такими как проблемы с концентрацией внимания; краткосрочной потерей памяти, снижением скорости обработки информации [18].

В рамках программы поддержки психологического благополучия населения опрошенные жители фавелы «Маре» отметили ухудшение психологического здоровья, в том числе, проявление депрессивных эпизодов (26%) и повышение тревожности (25.5%); 29% отметили ухудшение физического здоровья (жалобы на артериальное давление, на сердечно-сосудистую систему

в целом, на обострение хронических артритов и артрозов, проблемы ЖКТ). Среди этих же 29% опрошенных, отметивших проблемы в физическом плане, 12% сообщили о суицидальных мыслях, а 30% о страхе смерти, в целом. Эти показатели могут быть несколько занижены в связи со стигматизацией ментальных заболеваний среди местного населения, а также — с общим низким уровнем оказания медицинской и психологической помощи населению [13].

Типичные симптомы психической травмы:

- блокировка или снижение функций «эго», потеря чувства реальности и адекватного восприятия действительности;
- периодические приступы неконтролируемых эмоций, особенно тревоги и гнева;
- бессонница или тяжёлые нарушения сна с типичными сновидениями, в которых снова и снова переживается травма;
- «проигрывание» травматической ситуации в форме фантазий, мыслей, переживаний;
- осложнения в виде психоневрологических симптомов

Пережитая травма побуждает нас задуматься о наших ценностях, мотивах, приоритетах. В результате мы нередко отказываемся от прежних взглядов на жизнь и создаём новые ценности, мотивы и приоритеты [6].

Наши культуры во многом различны, но люди могут воспринимать и интерпретировать травмирующие события одинаково.

Знания о последствиях длительной травматизации населения фавел могут быть использованы гуманитарными организациями с целью более эффективного планирования своей деятельности, а также в целом — для обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития сообществ, пострадавших во время долгого пребывания в зоне военного конфликта.

«То, что меня не убивает, делает меня сильнее», — утверждал Ницше. В психологической сфере знания уже существует концепция посттравматического роста, в основе которой лежит идея о том, что после пережитых психических травм у людей может происходить позитивная трансформация их жизненной позиции.

Применимо ли это относительно гражданского населения, которое подвергалось длительной травматизации во время пребывания в зоне военных действий, или же это всего лишь «позитивные иллюзии»?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардиер Г. Л. Трехкомпонентная модель психотравматизации личности // В сборнике: ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ — КОНСТРУКТИВНАЯ ОСНОВА БЛАГОПОЛУЧИЯ ОБЩЕСТВА. РАЗВИТИЕ И СТАБИЛЬНОСТЬ. Материалы Международной научной сессии. Санкт-Петербург, 2023. С. 63–68.
2. Бардиер Г. Л., Бахрах О. А., Сущева Н. В. Особенности межкультурной

- безопасности мегаполиса // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2014. № 2. с. 12–15.
3. Бардиер Г. Л., Сугоняко Д. Ю. Социальные представления о психологически благополучной личности // В сборнике: Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. Сборник докладов и сообщений. Санкт-Петербург, 2023. С. 316–324.
 4. Бериев, Г. С. Криминологический анализ преступлений, совершаемых в мегаполисе / Г. С. Бериев, З. В. Караева. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2019. — № 20 (258). — С. 291–293.
 5. Ван дер Харт О., Нейенхюс Э. Р. С., Стил К. Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. — 496 с.
 6. Джозеф С. Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста. — М.: «Карьера-пресс», 2015. — 352 с.
 7. Заширинская, О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2021.—172 с.
 8. Кадыров Р.В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь: учебное пособие / Р. В. Кадыров — М.: Юрайт, 2020. — 644 с. Леви-Стросс Клод. Печальные тропики / Клод Леви-Стросс; — Пер.с англ. Москва: Издательство АСТ. 2022. — 544 с.
 9. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика Часть. 1 и 2 / Н. В. Тарабрина — М.: Изд-во «Институт психологии» РАН, 2009. —406 с.
 10. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Зарубежный опыт предупреждения преступлений в мегаполисах //Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т13. № 1(47). с. 94–103.
 11. Almeida, M. L. B. D. (2012). Prevalência de estresse pós-traumático em equipes de resgate: uma revisão sistemática. *Psicologia, Saúde & Doenças*, 13(2), 220–237.
 12. ANÁLISES: SAÚDE MENTAL NAS FAVELAS DA MARÉ 2a EDIÇÃO 2023.
 13. Berger, W., Mendlowicz, M. V. S.; Wanderson F. & Figueira, I. (2004). Equivalência semântica da versão em português da Post-Traumatic Stress Disorder Checklist — Civilian Version (PCL–C) para rastreamento do transtorno de estresse pós-traumático. *Revista de Psiquiatria do Rio Grande do Sul*, 26(2), 167–175.
 14. Briana Manzan Reis Aline Stéfani Boaventura Motoki Walter Mariano de Faria Silva NetoTRANSTORNO DE ESTRESSE PÓS-TRAUMÁTICO: UM ESTUDO BIBLIOMÉTRICORevista Perspectivas em Psicologia, Vol. 17, N. 2, Jul/Dez 2013, p. 147–169.
 15. Bruno Sousa O transtorno de estresse pós-traumático é pior para quem vive nas favelas do que em soldados na front -iINTERCEPT_BRASIL 11 de mar de 2020.
 16. Câmara Filho J. W. S., & Sougey, E. B.(2001). Transtorno de estresse pós-traumático: formulação diagnóstica e questões sobre comorbidade. *Revista Brasileira de Psiquiatria*, 23(4), 221–228.
 17. Daniela Arbex. «Holocausto brasileiro: vida, genocídio e 60mil mortes no maior hospício do Brasil». São Paulo: Geração Editorial, 2013.
 18. Gonçalves, R., Lages, A. C., Rodrigues, H., Pedrozo, A. L., Coutinho, E. S. F., Neylan, T., Figueira, I., & Ventura, P. (2011). Potenciais biomarcadores da terapia cognitivo comportamental para o transtorno de estresse pós-traumático: uma revisão sistemática. *Archives of Clinical Psychiatry*, 38(4), 155–160.
 19. Guimaro, M. S., Caiuby, A. V. S., Santos, O. F. P. dos, Lacerda, S. S., & Andreoli, S. B.

- (2013). Sintomas de estresse pós-traumático em profissionais durante ajuda humanitária no Haiti, após o terremoto de 2010. *Ciência & Saúde Coletiva*, 18(11), 3175–3181.
20. Margis, R. (2003). Comorbidade no transtorno de estresse pós-traumático: regra ou exceção?. *Revista Brasileira de Psiquiatria*, (supl. I), 17–20.
 21. Quarantini, L. C., Netto, L. R., Andrade-Nascimento, M., Almeida, A. G.de, Sampaio, A. S., Miranda-Scippa, A., Bressan, R. A., & Koenen, K.C. (2009). Transtornos de humor e de ansiedade comórbidos em vítimas de violência com transtorno do estresse pós-traumático. *Revista Brasileira de Psiquiatria*, 31(Suppl. 2), S66–S76.
 22. Richard G. Tedeschi and Lawrence G. Calhoun Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence // *Psychological Inquiry* 2004/ Vol. 15, № 1. 1–18.

Семенова Галина Вячеславовна,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей и социальной психологии
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена
g-semenova@yandex.ru

Турина Анна Олеговна
кандидат психологических наук,
ассистент кафедры общей и социальной психологии
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена
anna.turina.93@mail.ru

КОММЕМОРАЦИЯ ВКЛАДА С. Л. РУБИНШТЕЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПСИХОЛОГИЮ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И В ПОДГОТОВКУ ПСИХОЛОГОВ⁵

В статье с позиции коммеморации как особой эпистемологической стратегии проводится анализ творчества выдающегося отечественного психолога XX века С. Л. Рубинштейна (1889–1960 гг). Обращается внимание на особенности его жизни, творчества, на мировоззренческие принципы. Акцент делается не только на его биографии, но и на вкладе этого ученого в разработку психологии жизненного пути как основы для сегодняшнего изучения жизненных ситуаций. Обосновывается выбор идей Рубинштейна для исследования современных студентов-психологов, их трудных жизненных ситуаций. Отмечается также вклад Рубинштейна в психологическую подготовку студентов как будущих специалистов в психолого-педагогической области.

Ключевые слова: С. Л. Рубинштейн, коммеморация, психология жизненного пути, подготовка психологов, история психологии

Semenova G. V., Turina A. O.

COMMEMORATING THE CONTRIBUTION OF S. L. RUBINSHTEIN TO DOMESTIC PSYCHOLOGY OF LIFE'S WAY AND TO THE LEARNING OF PSYCHOLOGISTS

The article analyzes the work of the outstanding Russian psychologist of the 20th century S. L. Rubinshtein (1889–1960) from the standpoint of commemoration as a special epistemological strategy. Attention is drawn to the features of his life, work, and ideological principles. Emphasis is placed not only on his biography, but also on the contribution of this

⁵ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена, проект № 83-ВГ (2025-2027 гг.).

scientist to the development of life's way psychology as a basis for today's study of life situations. The choice of Rubinshtein's ideas for the study of modern psychology students and their difficult life situations is substantiated. Rubinshtein's contribution to the psychological learning of students as future specialists in the psychological and pedagogical field is also noted.

Keywords: S. L. Rubinshtein, commemoration, psychology of life's way, learning of psychologists, history of psychology.

Личностное благополучие предполагает наличие у человека непротиворечиво выстроенной идентичности, которая при формировании в символической форме включает в себя значимые события истории жизни самого человека и групп его принадлежности. Одной из самых референтных групп принадлежности для взрослых людей является профессиональное сообщество. Надо отметить, что в профессиональных сообществах состоят не только сложившиеся специалисты, но и преподаватели соответствующих учебных дисциплин, и студенты определенных направлений подготовки. Обучение специалистов — целостный процесс, предполагающий освоение истории науки, а также знакомство с фигурами ученых, внесших существенный вклад в данную область знания И для позитивной идентичности, и для благополучия чрезвычайно важно понимание того научно-профессионального и личного пути, который прошли эти ученые, родоначальники этой науки, предшественники ее современных парадигм. Коммеморация вклада этих ученых дает потомкам ощущение надежности и важности фундамента, на котором строится корпус научного знания, обеспечивает переживание преемственности и причастности к корням.

Коммеморация — это предмет интереса философов, историков, культурологов, социологов, психологов. Коммеморация представляет собой социальное памятование о прошлом. Она материализуется и репрезентируется в конкретных коммеморативных практиках: традициях, ритуалах, парадах, праздниках, отмечании годовщинных событий, в том числе — юбилейных дат. Это и определённые действия, и определенные места (например, «места памяти», как называл это Пьер Нора). Реализация коммеморативных практик, как правило, сопряжена с глубокими личностными переживаниями, затрагивающими ценностно-смысловое ядро жизненного пути человека. При обсуждении проблемы благополучия коммеморация касается той его части, которая находится на стыке между личным и общественным.

Памятование, во многом идеализируя фигуры конкретных персоналий, выполняет важные функции в решении конкретных задач. Оно придает сил, позволяет обрести самоуважение и мобилизоваться. Фигуры прошлого в этом смысле обладают для современников серьезными ресурсами [10]. Коммеморация способствует сохранению межпоколенческих связей, позволяет наследовать, воспроизводить и транслировать значимые для сообщества традиции и ценности [1; 7]. И если в формировании исторической памяти главная роль отводится общеобразовательной организации, школе [1], то память

об ученых, заложивших основы науки, осваиваемой студентами в процессе обучения в вузе и первичной профессиональной социализации, формируется преподавателями высшей школы. Наши исследования показывают, что, по мнению студентов-психологов, обучающихся в РГПУ им. А. И. Герцена, наиболее известными им выдающимися учеными в психологической науке являются Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Вкладу Сергея Леонидовича Рубинштейна в психологию жизненного пути и в подготовку психологов посвящена данная статья.

Коммеморация вклада С. Л. Рубинштейна в отечественную психологию осуществляется в рамках читаемых студентам-психологам курсов общей психологии, психологии личности, истории психологии. Особое внимание здесь уделяется его представлениям о роли психологии и ее тесной связи с педагогикой, а также заложенным им основам изучения жизненного пути личности.

Коммеморацию вклада С. Л. Рубинштейна в отечественную психологическую науку характеризует волнообразный характер, поскольку основные публикации о его личности и творчестве приходится на юбилейные годы. Так, именно в эти годы проводятся посвященные ему конференции, публикуются посвященные ему статьи. Одной из последних таких публикаций в 2024 году стал трехтомник его трудов «Философское наследие С. Л. Рубинштейна», приуроченный к 135-летию со дня его рождения. Над подготовкой издания работал коллектив авторов, философов, наших современников [8].

Значительный вклад в развитие психологии С. Л. Рубинштейн внёс в так называемый Ленинградский период своего творчества. На этом этапе он работал в Ленинграде, в Ленинградском государственном педагогическом институте (ЛГПИ) им. А. И. Герцена (ныне — РГПУ им. А. И. Герцена, или Герценовский университет).

Свою деятельность в ЛГПИ им. А. И. Герцена С. Л. Рубинштейн осуществлял в период с 1930 по 1942 г. Здесь на педологическом отделении он заведовал кафедрой общей психологии — с 1930 г. (по данным личного дела, хранящемся в Музее истории университета) или с 1931 г. [4; 8]. Как преподаватель был эрудированным, ярким оратором; ученики отмечали, что психологию он преподавал интересно. На студенческие вопросы отвечал охотно, вообще был человеком отзывчивым; как преподаватель оставлял сильные эмоциональные впечатления. Лекции С. Л. Рубинштейна отличались высоким научно-методологическим уровнем; при этом было много отсылок к практике. Это оказалось особенно ценным, поскольку многие его студенты уже работали учителями в начальной или семилетней школе. В Музее истории РГПУ хранятся воспоминания его учеников, где С. Л. Рубинштейн описывался как дирижер — есть свидетельства, что это сравнение возникло от движений его рук во время лекций. А в хронике основных событий жизни и творчества, представленной в издании «Философское наследие С. Л. Рубинштейна» [8], указывается, что в 1934 году по итогам конкурса на лучшего педагога-мастера,

проводившегося в ЛГПИ им. А. И. Герцена, С. Л. Рубинштейн был награжден специальной грамотой «как лучший преподаватель по лекции».

К началу Великой Отечественной войны С. Л. Рубинштейн не только руководил кафедрой, но и был заместителем директора ЛГПИ по учебно-воспитательной работе. Поэтому именно ему пришлось решать важные вопросы, касавшиеся, например, эвакуации детей сотрудников. В феврале 1942 г. он также содействовал эвакуации из блокированного города выпускников ЛГПИ им. А. И. Герцена, что было очень важно — ведь выпускники не всегда успевали устроиться на работу, а значит не имели продовольственных карточек и были обречены на гибель в осажденном городе [9].

Помимо этого, в Ленинградский период С. Л. Рубинштейн сотрудничал с М. Я. Басовым в его научно-исследовательской лаборатории, осуществлял руководство аспирантами на своей и других кафедрах, был в комиссии по приёму кандидатских экзаменов, а также работал в составе диссертационных советов по психологии, педологии, дефектологии. Делая акцент на методологии, он стал настоящим организатором как первой психологической кафедры, так и психологической науки в городе. Научно-исследовательская работа кафедры велась в то время под его руководством по направлениям изучения учебного труда, способностей и одаренности, формирования характера в контексте учебной и воспитательной работы школы [3].

Рубинштейн разработал методологические основы советской психологии. В 1940 г. он сформулировал задачи, которые необходимо решить для становления психологии как науки. В 1940-е гг. им были осуществлены организационные шаги для развития психологии в СССР [2].

В статье 1945 года «Психологическая наука и дело воспитания» С. Л. Рубинштейн отмечает, что «психология становится наукой, органически включающейся в практику», особенно в практику воспитания и обучения, т.е. в педагогическую деятельность. Опираясь на педагогическую антропологию К. Д. Ушинского, С. Л. Рубинштейн подчеркивает важность психологического знания для педагогики. В этой же статье он отмечает, что через деятельность и ее мотивы можно понять и переживание значимого, придающего смысл человеческой жизни [6]. Таким образом, С. Л. Рубинштейн обозначил основную задачу в подготовке психологов — обеспечение тесной и непрерывной связи с детской психологией и педагогической практикой.

Ленинградский период имеет важное значение для развития представлений о подготовке психологов, хотя, как представляется, освещен недостаточно. Занимаясь вопросами общей психологии и образования, С. Л. Рубинштейн закладывает серьезные основы для коммеморации в современном Герценовском университете, который считается одним из ведущих педагогических вузов страны. В последующие годы своей деятельности Сергей Леонидович развивал идеи психологии личности. Так, Московский период его творчества стал значимым этапом для развития идей о жизненном пути личности, что

нашло отражение в его последних трудах, в том числе — восстановленных из рукописей его учениками и коллегами. Действительно, отдельное направление коммеморации — воспоминания тех людей, которые лично знали ученого, человека. Такие воспоминания имеют большую ценность, поскольку позволяют реализовать совершенно новый нарратив в истории психологии. В этой трактовке история психологии складывается не как линейный процесс происходивших во времени событий, а как мозаика разнообразных интерпретаций, дополняющих и обогащающих друг друга. К сожалению, в Герценовском университете не сохранилось таких прямых воспоминаний, поскольку ушли из жизни последние непосредственные свидетели жизни и творчества С. Л. Рубинштейна. Однако, еще живы коллеги и ученики С. Л. Рубинштейна, сотрудничавшие с ним в Московский период его творчества.

Важным для развития идей психологии жизненного пути личности был как раз-таки этот Московский, последний, период творчества С. Л. Рубинштейна. Правда, уже в своей работе 1935 года «Основы психологии» С. Л. Рубинштейн обращается к этой тематике [5]. А в труде «Человек и мир», изданном впервые в 1973 году, эта идея получает наиболее широкое описание и глубокое рассмотрение [8]. Вопреки распространенным взглядам на определяющую роль детства, С. Л. Рубинштейн развивает идею жизненного пути как единого целого. Качественные этапы на жизненном пути определяются во многом личностной активностью, а потому любой из них может стать поворотным. Жизнь человека при таком подходе можно трактовать как способ существования, способ бытия в мире [5; 8].

Процесс коммеморации вклада С. Л. Рубинштейна в отечественную психологию в РГПУ им. А. И. Герцена отмечен целым рядом инициатив: включением образа Сергея Леонидовича в портретную галерею выдающихся психологов университета, выделение зоны в экспозиции музея института психологии. В 2022 году в апреле институтом психологии был организован и проведен Всероссийский круглый стол «Сергей Леонидович Рубинштейн и РГПУ им. А. И. Герцена» в рамках проекта «Золотые имена психологии в РГПУ им. А. И. Герцена», посвященном 225-летию университета (подробную информацию о проекте можно найти по ссылке: <https://psy.su/psyche/projects/2932>). В нем поделилась воспоминаниями дипломница Сергея Леонидовича — профессор Диана Борисовна Богоявленская (подробную информацию о семинаре можно найти по ссылке: <https://psy.su/feed/9887>). Подобные мероприятия системного характера, регулярно проводимые в профессиональных сообществах, способствуют сохранению памяти о выдающихся деятелях психологической науки, вносят вклад в формирование национального суверенитета и поддерживают позитивную идентичность будущих профессионалов, обеспечивая и ощущение благополучия. Именно таким образом памятование включается во всю многообразную систему научных представлений о той области профес-

сиональной деятельности, которой занимался ученый, и его вкладе в развитие и современной науки.

В настоящее время в Герценовском университете организуется и проводится ряд эмпирических исследований, так или иначе касающихся развития научного вклада С. Л. Рубинштейна. Психология жизненного пути С. Л. Рубинштейна является надежной методологической основой для изучения специфики переживания жизненных трудностей, в частности, студентами. Так, изучаются особенности жизненного пути студентов-психологов, в частности, их переживание трудных жизненных ситуаций и личностные ресурсы совладания с ними. Кроме того, изучается отношение студентов-психологов к личности С. Л. Рубинштейна, к его творчеству, к его текстам. Рассмотрение результатов соответствующих эмпирических исследований требует особого описания, и этому планируется посвятить отдельную публикацию.

Продолжается осмысление научного вклада С. Л. Рубинштейна в методологию современной психологической науки. В настоящее время готовится к печати коллективная монография сотрудников кафедры общей и социальной психологии РГПУ им. А. И. Герцена, посвященная Ленинградскому периоду в творчестве ученого. Работа над этой монографией позволяет говорить о вкладе С. Л. Рубинштейна в специальную психологию, а также в узкие тематики психологического знания — в психологию речи, психологию слепоглухонемых, например.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова А. Ф., Корнилова И. В. Сохраняя связь поколений: значение исторической памяти о Великой Отечественной войне для современной молодежи // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № 2–2(50). С. 262–263.

Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Созидательная личность. А. Н. Леонтьев и советская психология. Вестник Московского университета. 2023. Серия 14: Психология, т. 46, № 2. С. 46–66.

Пархоменко О. Г., Ронзин Д. В., Степанов А. А. С. Л. Рубинштейн в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. В кн.: Б. Ф. Ломов (ред.). Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 146–158.

Регуш Л. А., Игнатенко М. С. Первая психологическая кафедра в России: История и современность. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. 161 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007. 713 с.

Рубинштейн С. Л. Психологическая наука и дело воспитания // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976. С. 182–192.

Семенова Г. В., Векилова С. А., Домашич В. В. Переживания участников военных коммеморативных практик // Образование в поликультурном обществе: Коллективная монография. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. С. 146–154.

Философское наследие С. Л. Рубинштейна: в 3 томах / Авт.-сост. К. А. Абульханова-Славская, В. Н. Белов, Ю. В. Колесниченко, В. А. Лекторский; под ред. К. А. Абульхановой Славской. Том 1: С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2024. 423 с.

Фруменкова Т. Г. Мы вышли из блокадных дней: Герценовский университет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2005. 431 с.

Шнирельман, В. А. Неудобная память // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 216–222.

Соколовская Влада Валерьевна,
студентка
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена,

Солнцева Наталия Владимировна
Кандидат психологических наук, доцент
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена
natalia-sun@inbox.ru

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗА СЕМЬИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ⁶

В статье представлены результаты исследования образа семьи у студенческой молодежи. Показана значимость изучения ценностных представлений и в частности образа семьи, у молодых представителей передовой интеллигенции — студентов высших учебных заведений. Гармоничный образ семьи рассматривается как значимый фактор благополучия и устойчивого развития человека. На основе собранных данных авторами выделены кластеры представлений о семье. Было выявлено определенное сходство картин мира и семьи студентов с средним и высоким уровнем субъективного благополучия, а у студентов с низким уровнем благополучия основные семейные роли либо амбивалентны, либо сопряжены с зоной риска и воспринимаются как конфликтные.

Ключевые слова: образ семьи, ценностные отношения, студенты, уровень субъективного благополучия

Sokolovskaya V. V. , Solntseva N. V.

VALUE COMPONENT OF FAMILY IMAGE AMONG STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SUBJECTIVE WELL-BEING

The article presents the results of a study of the family image among students. The importance of studying the value representations of I. is shown. In particular, the image of the family is shared by young representatives of the advanced intelligentsia — students of higher educational institutions. A harmonious family image is considered as a significant factor of human well-being and sustainable development. Based on the collected data, the authors have identified clusters of ideas about the family. There was a certain similarity between the worldview and the family of students with an average and high level of subjective well-being, and for students with a low level of well-being, the main family roles are either ambivalent or involve a risk zone and are perceived as conflictual.

Keywords: family image, value relations, students, level of subjective well-being

⁶ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 83-ВГ)

Актуальность. Современная ситуация в российском обществе подвержена влиянию многих геополитических, исторических, информационных изменений, что позволяет назвать данный период критическим для общества. Кроме того, в зарубежной психологии была сформирована концепция BANI-мира, которая отражает основные черты современного мироустройства: хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость [7]. Внешняя нестабильность создает угрозы для психического здоровья общества, что делает актуальной проблему ресурсов для восстановления психологической устойчивости и благополучия. Студенческий возраст также выступает критическим с точки зрения «вхождения во взрослость» [1, 3, 5]. При этом одним из источников благополучия выступают взаимоотношения, и, в частности, семейные отношения [8, 9]. В настоящее время можно говорить о недостатке исследований, проясняющих особенности образа семьи у студентов с разным уровнем благополучия.

Цель исследования. Целью настоящего исследования является изучение ценностного компонента образа семьи у студентов с разным уровнем благополучия.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 138 студентов-психологов РГПУ им. А. И. Герцена в возрасте от 17 до 24 лет, из которых 33 студента с низким уровнем благополучия ($M=4.73$, $SD=1.06$), 71 с средним уровнем благополучия ($M=7.20$, $SD=0.66$) и 34 с высоким ($N=33$, $M=8.19$, $SD=0.35$). Для выделения групп сравнения по уровню субъективного благополучия использовалась методика PERMA-Profilер Дж. Батлера и М. Керна в адаптации О. М. Исаевой, А. Ю. Акимовой, Е. Н. Волковой [2], для изучения ценностного компонента образа семьи использовались методики «Символический анализатор мира» А. М. Парачева (ценностная и функциональная проекции), а также модификация методики «Метафоры судьбы» В. В. Нурковой, и респондентам предлагалось продолжить незаконченное предложение «История моей семьи (рода) как...» [6, 4]. Обработка данных производилась с помощью пакета Microsoft Excel и Statistica 10.0. Для сравнительного анализа результатов был применен непараметрический критерий Краскелла-Уоллиса, критерий углового преобразования Фишера, также был выполнен кластерный анализ (метод Варда, манхэттенская дистанция).

Результаты. На основании результатов ценностной проекции были выделены кластеры для каждой из групп респондентов (таблица 1).

Таблица 1 — Результаты анализа ценностного компонента образа семьи: кластеры, полученные для трех групп респондентов

Уровень субъективного благополучия	Низкий	Средний	Высокий
Кластеры	«Моя жизнь, моя семья, моя судьба» «Старость», «Мой дом и моя семья», «Мои враги и проблемы», «Счастливое детство, настоящее, будущее» «Радость в семье», «Детство, настоящее и будущее»	«Позитивное место семьи в картине мира» «Моя молодость», «Моя семья», «Я-взрослый», «Семейные роли и ценности» «Отвергаемые семейные роли»	«Позитивное место семьи в картине мира» «Моя молодость», «Контролируемый гнев», «Счастливый ребенок», «Моя семья», «Традиции в семье», «Помощь» «Отвергаемые семейные роли»

Было выявлено определенное сходство картин мира студентов с средним и высоким уровнем субъективного благополучия: семья выступает как ресурс, воспринимается позитивно, но ряд семейных ролей, часть из которых преимущественно — некровные родственники, такие как мачеха, пасынок, отчим, падчерица являются резко отвергаемыми. Для студентов с низким уровнем субъективного благополучия семья также является значимой частью картины мира, выступая терминальной ценностью, связанной с судьбой и жизнью в целом. Отличительной особенностью группы респондентов с низким и средним уровнем благополучия является то, что проблемными выступают роли кровных родственников (это такие семейные роли, как брат и бабушка). Если среди студентов с высоким уровнем субъективного благополучия негативно воспринимаются именно роли некровных родственников, то для группы лиц с низким уровнем благополучия данная граница размывается.

Функциональный анализ был проведен для основных семейных ролей и ценностей (моя семья, материнство, отцовство). Для данных понятий была определена функция в картине мира респондентов. Было выявлено, что для студентов с низким уровнем благополучия основные семейные роли либо

амбивалентны, либо сопряжены с зоной риска, но понятие Моя семья является для них безопасным. Для студентов с низким и высоким уровнем благополучия большинство ролей относятся к зоне комфорта, но понятие отцовство является амбивалентным для студентов с средним уровнем благополучия.

Также нами был выполнен контент-анализ ответов респондентов на незаконченное предложение «История моей семьи (рода) как...». В ходе контент-анализа индуктивным способом были выделены категории ответов и 3 мета-категории: «Метафоры», «Качественная характеристика истории семьи», «Препятствия и их преодоление». В категорию «Метафоры» вошли конкретизирующие предметные виды метафор, которые могли использовать респонденты при описании истории своей семьи. Для группы с низким уровнем благополучия наиболее распространенными были ответы, включавшие метафора дерева и его составляющих. Данный результат может указывать на шаблонное восприятие истории семьи, но и на понимание ее внутренней сложности, а также представление о семье как фундаменте, придающем устойчивость. Для группы с средним уровнем благополучия наиболее распространенной стала категория «Метафора книги, фильма, рассказа». В данной категории ответов приводились, например, подобные описания истории семьи: «Интересная сказка», «Поучительная история», «Странный сериал», или конкретные названия произведений: «Сто лет одиночества Г. Маркеса», «Сериал Санта-Барбара». Данная категория ответов отражает понимание динамичности истории жизни. В группе студентов с высоким уровнем благополучия несколько категорий ответов получили наибольшую встречаемость, а именно «Метафора книги, фильма, рассказа» и «Метафора дерева», и можно предположить, что для группы студентов с высоким уровнем благополучия характерны все выше описанные особенности.

Следующая мета-категория ответов была получена название «Качественная оценка истории семьи». В данной категории представлены качественные оценки, которые были даны в ответах респондентов. Для группы студентов с низким уровнем благополучия наиболее распространенными категориями ответов стали категории «Обособленность» (23%), «Плохой» (18%) и «Непонятный, непредсказуемый» (18%). Таким образом, история семьи группой студентов с низким уровнем благополучия воспринимается как негативный, неясный феномен, от которого хочется отстраниться. Для группы с средним уровнем субъективного благополучия наиболее распространенными категориями являются категории «Амбивалентный», и «Интересный». В данной группе респондентов с средним уровнем благополучия имеется представление об истории рода, как имеющей свои положительные и отрицательные стороны, и, при этом, студенты данной группы выражают вовлеченность в историю своей семьи. В третьей группе наибольшее количество ответов представлено в категории «Хороший» (30%), что характеризует позитивное представление об истории семьи.

Рассмотрим следующую категорию ответов респондентов «Препятствия и их преодоление». Данная мета-категория включает в себя категории ответов, которые отражают отношение к препятствиям, встречающимся в истории семьи и некоторые способы их преодоления. Среди студентов с низким уровнем субъективного благополучия самой встречаемой является категория ответов «Сложный» (33%). Данная категория объединяла ответы, указывающие на запутанность, многообразие составляющих элементов в истории семьи, а также на наличие препятствий. Сложность как свойство истории семьи характерно не только для группы студентов с низким уровнем благополучия, но также и средним. В группе с высоким уровнем благополучия наиболее распространенной категорией ответов выступила категория «Преодоление» (30%). Так, например, в данную категорию вошли следующие ответы «Труд и усердие», «Преодоление трудностей для успешного достижения результата» и другие. Она символизирует процесс преодоления и указывает на активную роль семьи в преодолении трудностей.

Выводы.

1. Анализ ценностного компонента образа семьи выявил общее и различное в картине мира студентов с разным уровнем субъективного благополучия.
2. В группе студентов с низким уровнем субъективного благополучия основные семейные роли сопряжены с переживанием тревоги, воспринимаются как конфликтные. Понятие «Моя семья» предстает безопасным, оно имеет свое значимое место в картине мира, выступая терминальной ценностью. История семьи является для студентов сложной, негативной, непредсказуемой, и они выражают стремление к обособлению. Образ семьи, таким образом, является противоречивым.
3. В группе студентов с средним уровнем благополучия основные семейные роли в целом воспринимаются позитивно. «Отцовство» как ценность частью студентов связывается с риском и конфликтами. В картине мира студентов с средним уровнем благополучия, присутствует амбивалентность, понимание сложности, динамичности истории семьи, но также интерес.
4. В группе студентов с высоким уровнем субъективного благополучия расширяется репертуар семейных ролей, связываемых с безопасностью. Представление о семье и ее истории позитивно, семья выступает ресурсом, связывается с преодолением трудностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бемянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста / Т. Э. Бемянская // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2020. — № 3 (55). — С. 220–227.
2. Исаева О. М. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии / О. М. Исаева, А. Ю. Акимова, Е. Н. Волкова // Социальная психология и общество. — 2022. — Т. 13, № 3. — С. 116–133. — DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130308>
3. Манукян В. Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза / В. Р. Манукян // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 16 (4), 109–117.
4. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности / Нуркова В. В. — Москва: Изд-во УРАО, 2000. — 320 с.
5. Красило Д. А. Ориентирующий образ наставника в период вхождения во взрослость / Д. А. Красило // Психологическая наука и образование. 2006. № 1.
6. Парачев А. М. Символический анализатор мира (рукопись) / Парачев А. М. — Санкт-Петербург, 1998. — 29 с.
7. ВANI-мир: эффективные стратегии жизни // Психологическая газета: [электронная версия]. — URL: <https://psy.su/feed/9919/> (дата обращения: 30.04.2024 г.). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
8. Well-being of adult children and ageing parents: Associations with intergenerational support and relationship quality / E.-M. Merz, N. S. Consedine, H.-J. Schulze, C. Schuengel // Ageing & Society. — 2009. — Vol. 29. — P. 783–802. — DOI: [doi:10.1017/s0144686x09008514](https://doi.org/10.1017/s0144686x09008514)
9. Thomas PA. Family Relationships and Well-Being / PA. Thomas, H. Liu, D. Umberson // Innov Aging. — 2017. — No. 1 (3): igx025. — DOI: [10.1093/geroni/igx025](https://doi.org/10.1093/geroni/igx025)

Цветкова Екатерина Тагировна,
преподаватель Санкт-Петербургского государственного
бюджетного профессионального образовательного учреждения
«Петербургский педагогический колледж имени Н. А. Некрасова»
Tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОЯЗЫЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В современной системе дошкольного и начального общего образования широко применяются практики использования изделий традиционных народных промыслов, однако, отсутствие у педагогов специальной подготовки способствует распространению культа неоязычества, как одного из социально опасных, радикальных и деструктивных форм религиозного поведения. Действующие стандарты обучения воспитателей и учителей начальных классов не предполагают освоения ими специфических знаний, в связи с чем возникает необходимость повышения уровня профессиональной компетентности педагогов, использующих средства этнопедагогике в учебной и воспитательной работе. Основываясь на практическом опыте работы воспитателем, учителем, методистом и преподавателем педагогического колледжа, автор предлагает решить данную проблему путем разработки и внедрения в педагогический процесс соответствующих методических материалов, программ и проектов.

Ключевые слова: этнопедагогика, неоязычество, родноверие, традиционализм, массовая культура, среднее специальное образование.

Tsvetkova E. T.

PROBLEMS OF THE SPREAD OF NEO-PAGANISM IN MODERN PEDAGOGICAL PRACTICE

In the modern system of preschool and primary general education, the practice of using products of traditional folk crafts is widely used, however, the lack of special training among teachers contributes to the spread of the cult of neo-paganism, as one of the socially dangerous, radical and destructive forms of religious behavior. The current standards of training of educators and primary school teachers do not imply their acquisition of specific knowledge, in connection with which there is a need to improve the level of professional competence of teachers using ethnopedagogy in educational and educational work. Based on practical experience of working as an educator, teacher, methodologist and lecturer of a pedagogical college, the author proposes to solve this problem by developing and introducing into the pedagogical process relevant methodological materials, programs and projects.

Keywords: ethnopedagogy, neopaganism, rodnovery, traditionalism, mass culture, secondary specialized education.

В современных академических исследованиях феномен неоязычества представлен, прежде всего, в рамках таких научных дисциплин, как религиоведение, культурология и социология. По определению, данному Я. С. Иващенко, неоязычеством принято называть «вид нового религиозного движения, основанного на воспроизведении исторических форм неавраамических верований, традиции которых была прервана и реконструировалась заново с использованием научных источников и материалов фольклора» [9, с. 218]. Отдельно отмечается, что «художественное творчество в какой-то мере заменяет в неоязычестве миссионерскую деятельность, транслируя обществу в более увлекательном формате неоязыческое мировоззрение. Оно же участвует в смыслопорождении и формировании этого мировоззрения» [7, с. 179].

В связи с тем, что генезис и развитие неоязычества изучены слабо и окончательно не оформлены в виде упорядоченной системы научного знания, в медийном пространстве создалась среда, благоприятствующая разрастанию всякого рода псевдоисторических концепций. Легкий доступ к получению и передаче информации, а также упрощение всех видов коммуникаций, обеспечивают подходящие условия для насаждения любых новоизобретенных теорий и мифов, спекулирующих на актуальной теме сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. В массовую культуру быстрее и проще проникают такие религиозные идеи и практики, которые не требуют от их последователей приложения значительных интеллектуальных усилий и поэтому изобретатели вымышленных культов не озабочены отсутствием достоверных исторических источников их происхождения.

В России неоязычество имеет несколько распространенных вариантов этнической и религиозной направленности. Наиболее значительным является движение славянских родноверов, позиционирующих себя как реконструкторов и хранителей древнеславянских верований, обычаев и обрядов, внешняя атрибутика которых чаще всего оказывается дополненной элементами германо-скандинавской художественной культуры. При всей эклектичности верований и вариативности совершения обрядовых действий, неоязыческие воззрения сходятся в теме противопоставления язычества и христианства [10]. Именно такая базовая ориентация адептов этого религиозного нативизма делает их «перспективными носителями протестного потенциала» [4], в том числе, экстремистского и террористического характера.

Родноверие паразитирует на идее возрождения национальной идентичности и на патриотических чувствах граждан, представляя опасность насаждения идей радикального национализма и религиозной нетерпимости. Русская Православная Церковь сотрудничает с государством и обществом в сфере противодействия влияний тоталитарных сект и деструктивных культов, и профилактика неоязычества является предметом миссионерской и катехизаторской работы Синодальных и епархиальных учреждений, духовных

учебных заведений, средств массовой информации и печати. Особые задачи возлагаются на военное духовенство, осуществляющее пастырское окормление и религиозное просвещение военнослужащих. В 2024 году трижды, а в 2025 году уже четыре раза, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл публично выражал озабоченность Церкви проблемой распространения неоязычества в Российской Армии, а также в сфере отечественной культуры и системы образования. Данные заявления Его Святейшества прозвучали на заседаниях Священного Синода, Высшего Церковного Совета, Всемирного русского народного собора, Рождественских образовательных чтений и других высоких церковных собраний [6]. Откликом на них стала возросшая активность в проведении просветительских мероприятий, осуществляемых церковными миссионерами на уровне отдельных учреждений образования, науки, культуры, силовых ведомств.

Процесс распространения неоязычества в современной педагогической практике имеет некоторые характерные особенности и свойства. Исследователями отмечается, что в учебных программах школьного курса Истории VI и X классов «подмена исторического материала этнографическими этюдами и лингвистическими выкладками происходит незаметно для школьников, что никак не способствует складыванию адекватных представлений о специфике научно-исторического познания» [5, с. 14]. На такой подмене неоязычество всегда и процветает, однако, необходимо подчеркнуть, что, на самом деле, регулярно сталкиваясь с псевдоисторическими воззрениями дети начинают ещё в период получения дошкольного и начального школьного образования, и происходит это, прежде всего, в самих образовательных учреждениях в процессе занятий, связанных с традиционными календарными праздниками и изготовлением изделий по мотивам народных промыслов.

Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования устанавливают требования по подготовке специалистов среднего звена (воспитателей детских садов [1] и учителей начальных классов [2]), при этом, образовательные организации, осуществляющие такую подготовку, самостоятельно формируют соответствующие образовательные программы, имея право использовать для этого объем времени, отведенный на вариативную часть учебных циклов. На усмотрение составителей таких программ оставлено решение вопроса о том, какими справочными материалами им следует руководствоваться, где их подбирать и как применять.

Согласно требованиям, установленным Федеральными государственными образовательными стандартами, регулирующими отношения в сфере дошкольного и начального школьного образования, образовательные учреждения этих типов самостоятельно разрабатывают и утверждают программы, включающие образовательные области, в рамках которых воспитатели детских садов и учителя начальных классов могут применять в игровой и образовательной деятельности средства этнопедагогики, используя изделия традиционных

народных промыслов, сценарии проведения праздничных мероприятий и игр [3]. В качестве вариативной части эти занятия могут быть включены в общеобразовательные и общеразвивающие программы дошкольных образовательных учреждений по таким направлениям, как познавательное, социально-коммуникативное и художественно-эстетическое развитие, а также формирование целостной картины мира. В начальной школе народные промыслы и декоративно-прикладное творчество используются в урочной деятельности в области изобразительного искусства и труда (технологии), а также во внеурочной деятельности на занятиях общекультурного, интеллектуального, социального и гражданско-патриотического направлений.

Имеющаяся нормативно-правовая база не содержит противоречий, которые могли бы препятствовать выполнению поставленных образовательных целей, однако, устоявшаяся практика показывает, что в календарно-тематические планы и рабочие программы детских садов и школ включаются занятия, требующие от их организаторов специальной подготовки в области религиоведения, этнологии, теории и истории искусства, в том числе, умений работы с источниками и материалами, отражающими результаты актуальных исследований междисциплинарного характера. Именно отсутствие такой подготовки и является проблемой распространения неоязычества в современной педагогической практике.

В сложившихся обстоятельствах воспитатели и учителя оказываются в ситуации, когда, с одной стороны, им дается право и предлагается проявлять инициативу по освоению и внедрению в педагогический процесс элементов традиционной народной культуры, с другой стороны, не получив актуальной научной и учебно-методической поддержки, педагоги вынуждены самостоятельно заниматься поиском необходимых им информационных материалов. Воспользовавшись поисковым сервисом интернет-браузера или социальных сетей, отыскивается текстовый или, чаще всего, видео материал, где в наглядной форме и без обременения замысловатой теорией, демонстрируется практическое занятие, мастер-класс, урок, по изготовлению какого-либо изделия, например, «традиционной тряпичной куклы» («Берегиня», «Рябинка», «Кукушка» и т.п.) [12, с. 135], «чучела Масленицы», «Коляды», «Коловрата» или других антропоморфных или зооморфных фигур. Обилие схожего по формату изложения контента, не позволяет усомниться в пригодности его использования, а отсутствие у педагогов специальной профессиональной подготовки лишает их возможности выявить аутентичный материал по данной теме.

Феномен неоязыческих фальсификаций представляет собой своеобразную форму культурного мифотворчества, целенаправленно обращающуюся к наиболее узнаваемым символическим маркерам русской культуры — народным праздникам и памятным датам православного церковного календаря. В исследованиях Я. С. Иващенко отмечается, что, «если во взрослой индустрии

досуга в контексте славянской культуры в последнее десятилетие наибольшую популярность приобрел праздник Ивана Купалы, то в детской — праздник Масленицы, ... также Святки, — праздник, который актуален в равной степени и для детей, и для взрослых» [8, с. 20]. Возникновение такой дифференциации может быть обусловлено тем, что праздник Ивана Купалы, традиционно отмечаемый в июле, не совпадает с циклом календарно-тематических мероприятий, осуществляемых в образовательных учреждениях в течение учебного года. Этот факт подчеркивает тесную зависимость современной педагогики от воздействия на нее правил и порядков индустрии досуга, развлечений и других форм массовой культуры, подверженных «влиянию различных пост-модернистских концепций» [11, с. 109]. Аналогичным образом неязыческие практики адаптируются для проникновения в сферы всевозможных психологических услуг, бизнес-тренингов, мотивирующих семинаров саморазвития, курсов «личностного роста» и марафонов коучей.

Представляется уместным провести аналогию с возникновением в современной культуре такого явления, как интернет-мем под названием «День девочки-дизайнера», которое ежегодно накануне 23 февраля и 9 мая проявляется в появлении открыток, плакатов, рекламных баннеров и других тематических изображений, иконография которых посвящена чествованию воинской доблести защитников Отечества. Детали и элементы композиций, иллюстрирующих униформу, оружие, военную технику и символику, зачастую довольно грубо искажают смысл сюжетов и не соответствуют ни историческому контексту, ни, в общем-то, здравому смыслу. С появлением нейросетей, способных быстро генерировать реалистичные изображения по текстовому запросу, обостряется ряд существующих проблем достоверности визуального контента и верификации изобразительных источников.

В практической работе автора данной статьи имелся опыт обсуждения с коллегами темы использования в образовательном процессе интернет-источников и для большинства сослуживцев неожиданным откровением явилась информация о том, что, например, такая популярная концепция как «Явь — Правь — Навь» отсутствует в каких-либо памятниках древнерусской письменности, но содержится в «Велесовой книге», которая, вместе с не менее известными «Славяно-арийскими ведами», признаны псевдонаучными фальсификациями и внесены в Федеральный список экстремистских материалов, распространение которых запрещено законом [13]. Со временем было замечено, что понимание существования ответственности обостряет восприятие услышанного, однако действует недолговременно, т.к. довольно быстро нейтрализуется осознанием отсутствия внешнего контроля исполнения. Наблюдения показали, что в деле профилактики распространения неоязычества просветительские мероприятия могут способствовать выявлению некоторых энтузиастов, однако, характер и масштабы проблемы требуют

более концептуальных, теоретически проработанных и методологически обеспеченных системных подходов ее разрешения.

Заканчивая обучение по программе магистратуры Института художественного образования РГПУ им. А. И. Герцена, в качестве выпускной квалификационной работы, автором статьи был представлен учебно-методический проект, содержащий специально разработанную дополнительную профессиональную программу повышения квалификации «Особенности применения элементов традиционной народной культуры в образовательной практике». Программа предназначена для педагогов дошкольного и начального общего образования, студентов педагогических колледжей, вузов, и направлена на формирование профессиональных компетенций в области традиционной народной культуры на основе современных исследований гуманитарной науки. Данную программу удалось частично апробировать посредством выступлений с докладами на Всероссийской научно-практической конференции «Герценовские чтения: проблемы и перспективы художественного образования-2023» и на Всероссийской научно-практической конференции «Некрасовские педагогические чтения-2024», а также в ходе проведения нескольких внеурочных занятий со студентами Некрасовского педагогического колледжа.

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации педагогов требует совершенствования и внедрения в образовательный процесс без неоправданной задержки. Содержание методического обеспечения такой программы должно быть разработано с учетом специфики и особенностей каждого из видов образовательной деятельности:

- для воспитателей — со сценариями праздничных мероприятий и тематических занятий художественно-эстетической направленности;
- для учителей школы — с поурочными разработками и конспектами внеурочных занятий;
- для студентов педагогических специальностей вузов — обязательный к изучению курс, с примерным рабочим названием «Современные тенденции религиозного сознания и образование: риски и стратегии профилактики неоязычества».
- для педагогов, чья деятельность связана с использованием изделий традиционных народных промыслов — программа повышения квалификации по профилактике распространения неоязычества, аналогично проводимым программам «Цифровой гигиены и цифровой безопасности» и «Оказания первой помощи».

Распространение неоязычества в современной педагогической практике остается актуальной проблемой и, по-видимому, продолжит оставаться таковой еще надолго. Подход к решению этой проблемы предстоит найти в обобщенной междисциплинарной исследовательской работе, с последующей разработкой и внедрением в педагогический процесс соответствующих методических материалов, программ и проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17.08.2022 № 743 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 44.02.01 Дошкольное образование» (Зарегистрирован 22.09.2022 № 70195) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209230010> (дата обращения: 29.06.2025)
2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17.08.2022 № 742 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 44.02.02 Преподавание в начальных классах» (Зарегистрирован 22.09.2022 № 70193) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209230008> (дата обращения: 29.06.2025)
3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64100) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028> (дата обращения: 29.06.2025)
4. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115> (дата обращения: 29.06.2025)
5. Бесков, А. А. Проблема освещения темы восточнославянского язычества в школьном курсе истории / А. А. Бесков // Преподавание истории в школе. — 2014. — № 8. — С. 9–15. — EDN TGOODN.
6. Доклады и выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Портал «Патриархия.ru»: [Электронный ресурс]. URL: 24 сентября 2024 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6161224.html>, 31 октября 2024 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170962.html>, 28 ноября 2024 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6178195.html>, 7 января 2025 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6188255.html>, 28 января 2025 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6194420.html>, 11 февраля 2025 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6198008.html>, 10 апреля 2025 г. <https://www.patriarchia.ru/db/text/6201785.html>, (дата обращения: 29.06.2025)
7. Иващенко, Я. С. Порождение, интерпретация и субординация как формы отношения неоязычества и искусства / Я. С. Иващенко, А. А. Иванов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2024. — Т. 25, № 1. — С. 172–182. — DOI 10.25991/VRHGA.2024.1.1.012. — EDN LBVGXG.
8. Иващенко, Я. С. Современный языческий праздник в России как иммерсивная социально-культурная практика / Я. С. Иващенко // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге: Сборник докладов и сообщений, Санкт-Петербург, 24–27 мая 2023 года. — Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2023. — С. 17–22. — EDN WOPDNE.
9. Иващенко, Я. С. Социально-культурный портрет российского неоязычника: дискурсивно-семантический анализ / Я. С. Иващенко // Личность. Культура. Общество. — 2022. — Т. 24, № 3–4(115–116). — С. 217–228. — DOI 10.30936/1606_951_X_2022_24_3_4_217_228. — EDN KBRLRS.
10. Крапчунов, Д. Е. Проблема соотношения христианского и языческого

в восприятии русской традиционной культуры на примере масленичной обрядности / Д. Е. Крапчунов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2015. — № 3(5). — С. 117–127.

11. Трубникова, К. Ю. Неоязычество Европейского севера как культурная индустрия / К. Ю. Трубникова // Культурные индустрии в контексте устойчивого развития Евразийского Севера: материалы Всероссийской студенческой конференции, Мурманск, 31 октября 2020 года. — Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2021. — С. 109–113.
12. Трубникова, К. Ю. Опасность проникновения элементов неоязычества в этнопедагогику для патриотического воспитания (на примере проблемы русских традиционных кукол) / К. Ю. Трубникова // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II Всероссийской конференции, СПб, 30 сентября 2022 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», 2022. — С. 133–136. — EDN ROVACU.
13. Что думают ученые о «Велесовой книге»: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); Сост. А. А. Алексеев. — СПб.: Наука, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). — 237 с.

МИХАИЛ СПЕРАНСКИЙ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 94(47).07

Марней Людмила Петровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения Российской академии наук,
bmlss@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ПЛАНА ФИНАНСОВ 1810 Г.

Статья посвящена рассмотрению внешнеполитических и внутриэкономических причин создания плана финансов 1810 г., роли участвовавших в разработке проекта ученых и сановников, которые поддерживали принятие важнейшего финансового документа или выступали против него. Несмотря на то, что не все подготовленные М. М. Сперанским мероприятия по стабилизации финансовой системы были реализованы, тем не менее, план 1810 г. определил основные направления денежно-кредитной политики и стал неотъемлемой частью финансовых преобразований Российской империи в начале XIX столетия.

Ключевые слова: Российская империя, финансовая политика, план финансов 1810 г., М. М. Сперанский

Marney L. P.

ON THE QUESTION OF PREPARING A FINANCIAL PLAN OF 1810

The article is devoted to the consideration of foreign policy and domestic economic reasons for the creation of the financial plan of 1810, the role of scientists and dignitaries who participated in the development of the project, who supported the adoption of the most important financial document or opposed it. Despite the fact that not all the measures prepared by M. M. Speransky to stabilize the financial system were implemented, nevertheless, the plan of 1810 determined the main directions of monetary and credit policy and became an integral part of the financial transformations of the Russian Empire at the beginning of the 19th century.

Keywords: Russian Empire, financial policy, financial plan of 1810, M. M. Speransky

11 февраля 1811 г. Михаил Михайлович Сперанский представил императору Александру I «Отчет в делах 1810 года», который состоял из четырех частей в соответствии с возложенными на него «главными обязанностями»: «По управлению государственной канцелярией. По управлению комиссии законов. По плану финансов. По делам финляндским» [12, с. 447]. Из этого следовало, что государственному секретарю, наряду с разработкой мер по совершенствованию административной, законодательной, региональной политики, было поручено подготовить план финансов, в условиях когда, как отмечал М. М. Сперанский, «сильным потрясением весь кредит Европы почти уничтожился, когда целые царства, так сказать, исчезли, торговля в отчаянии, <...> недвижимая собственность без достоверности, и одно то только каждый

считает своим, что можно спасти от войны и скрыть от налогов — серебро и золото» [12, с. 452]. Поэтому, непрекращающиеся военные действия в Европе не позволяли заключать внешние займы [5], континентальная блокада негативно сказалась на торговле, звонкая монета исчезала из обращения, а значительное число обесценившихся ассигнации затрудняли проведение политических и административных реформ и обеспечение русской армии на персидском, турецком и шведском театрах военных действий.

В «заранее представленной» Александру I «смете на 1810 год», подчёркивал М. М. Сперанский в написанном в 1813 г. письме из пермской ссылки, был «открыт <...> ужасный недостаток в 105 000 000 рубл[ей], а способов к замене его никаких <...> не было». Однако предложенные Александру I проекты, по свидетельству государственного секретаря, «представляли минутные и вредные облегчения», в то время как император стремился «открыть корень зла и пресечь его, доколе была еще возможность» [13, с. 520]. Российское правительство должно было в условиях, когда в казну поступило 125 000 000 дохода и не было «ни малейшего запаса, ни одного готового источника» обеспечить 230 000 000 расходов и сократить 577 000 000 долга [12, с. 452].

Таким образом, Александр I впервые «с 1787-го года», когда все «главные обороты казны совершались выпуском ассигнаций <...> чрез двадцать два года <...> в ноябре месяце 1809 года» повелел «составить план финансов», реализация которого началась с 1 января 1810 г. [12, с. 452] и должна была способствовать повышению поступления доходов, остановке процесса обесценивания ассигнаций, прекращению финансирования расходов казны за счет дальнейшего их выпуска.

К разработке в течение двух месяцев «определяющего и твердого плана финансов» [9, с. 189] М. М. Сперанский привлек Михаила Андреевича Балугьянского, Федора Христиановича Вирста, Людвиг Кондратьевича Якоба, которые достигли больших успехов в научной, педагогической и служебной деятельности в европейских университетах. В России Ф. Г. Вирст был известен исследованиями по истории банков. В 1807 г. вышли «Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской империи, как-то: о причинах дороговизны, о переменах в достоинстве денег и государственного торгового баланса, об успехах внутренней и внешней российской торговли, о таможенном тарифе и таможенных пошлинах, о вексельном курсе, о промене на серебро и золото, о Заемных банках и казнах для поддержания кредита учреждаемых, о процентах и лихоимстве, и тому подобном, с 28 таблицами». В 1808 г. были изданы работы «Об учреждении Ассигнационного и Заемного банка для споспешествования народному богатству с присовокуплением статутов Французского банка и ответа на критику рассуждений о некоторых предметах законодательства и управления по части финансов и торговли Российской империи», а также «Собрание превосходных сочинений, до законодательства и управления государственного

хозяйства, особенно же финансов и коммерции касающихся». В 1810 г. было опубликовано сочинение Л. К. Якоба «О деньгах», в 1811 г. «Политическая экономия, или наука о средствах умножать народное богатство», в 1817 г. «Народное хозяйство» и ряд других. В 1806 и 1808 гг. в «Статистическом журнале», который издавал Карл Федорович Герман, вышли работы М. А. Балугьянского «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем», с изложением воззрений меркантилистов, физиократов, теории Адама Смита, и «Статья теоретическая о разделении и обороте богатства». Кроме того, в подготовке и обсуждении плана финансов принимали участие Николай Семенович Мордвинов, Виктор Павлович Кочубей, Балтазар Балтазарович Кампенгаузен, Дмитрий Александрович Гурьев [9, с. 192]. Консультировался М. М. Сперанский и с известным банкиром, откупщиком и общественным деятелем Абрамом Израилевичем Перетц [20, с. 73].

Разработанный Ф. Г. Вирстом, М. А. Балугьянским и Л. К. Якобом проект, отмечал Модест Андреевич Корф, не был одобрен государственным секретарём, который «обратился к тем идеям, которые были изложены в прежней работе Балугьянского», написанной по-французски, перевел ее на русский язык, «но в другой форме и со многими переменами и дополнениями» [9, с. 192]. Таким образом, опираясь на мнение ученых, вошедших в состав комитета, призванного помочь государственному секретарю подготовить проект оздоровления российских финансов, М. М. Сперанский, по мнению М. А. Корфа, «покусился ввести <...> в практику» «некоторые из многочисленных переложений» Адама Смита, соединенные «с умозрениями французских экономистов» и разбавленные «многословными комментариями немецких писателей той эпохи» [9, с. 191].

Не принимал участие в подготовке основного финансового документа государственный казначей и глава финансового ведомства, Федор Александрович Голубцов, который был назначен на должность министра финансов в 1807 г., после смерти своего родного дяди, первого министра финансов Алексея Ивановича Васильева. Передача дел министерства в его ведение происходила частями на основании указов от 26 августа, 2 [14, с. 1261], 14 сентября 1807 г. и считалась временной, тем не менее, на протяжении двух лет «бремя заведывания государственным хозяйством всецело лежало на Ф. А. Голубцове» [11, с. 29]. Однако М. М. Сперанскому, по свидетельству Филиппа Филипповича Вигеля, не нравились «осторожность, робость и вместе с тем самостоятельность Голубцова», которого «он почитал <...> человеком, завязшим в старинной, изъезженной колее». Ф. Ф. Вигель отмечал, что государственный секретарь не мог ожидать «от Голубцова <...> совершенной покорности», и кроме того М. М. Сперанский «даже не хотел ему дать места в новом своем совете и в указе о его увольнении ни слова не упомянул о его просьбе» [6, с. 88–89]. Возможно поэтому, в конце 1809 г., Ф. А. Голубцова не только не приглашали на заседания, посвященные обсуждению проекта

финансовых преобразований, но и подыскивали кандидатуру на должность главы финансового ведомства [9, с. 187–188]. Причина отстранения Ф. А. Голубцова от обсуждения плана финансов и от должности, наряду с мягким характером, вероятнее всего, связана с борьбой придворных группировок, обострившейся в связи с проектами М. М. Сперанского. Сам Ф. А. Голубцов в январе 1810 г. в беседе с Павлом Гавриловичем Дивовым отмечал, что «он обязан отставкою канцлеру и французскому посланнику» [8, с. 237]. Среди причастных к отставке Ф. А. Голубцова современники упоминали и Алексея Андреевича Аракчеева [1, с. 488].

Тем не менее, «проект финансовых реформ», который представлял собой «рукопись в несколько сот листов» [20, с. 77–78], 1 января 1810 г. Александр I передал для рассмотрения председателю Государственного совета [9, с. 118]. Для того чтобы ускорить обсуждение и избежать возможной задержки при одобрении плана, М. М. Сперанский, которому «все казалось уже совершенным» и «поконченным», разделил его на две части: «Временное устройство финансов на 1810-й год» и «Постоянное устройство финансов на будущее время с 1810 года» [9, с. 112].

Однако план финансов не был безоговорочно поддержан Государственным советом. Адам Ежи Чарторьский считал «предложенный на 1810 г.» план «недостаточным и несовершенным» и отмечал, что полноценный документ мог быть подготовлен Министерством финансов «не прежде 1811 г.» [2, стб. 17]. Михаил Богданович Барклай-де-Толли обращал внимание на то, что недостаток времени не позволил всесторонне «обдумать новую систему финансов», поэтому предлагаемые меры могли быть «только временные» [2, стб. 22]. Наряду с этим, поддерживали план участвовавшие в его разработке и с 1 января 1810 г. успешно продвигавшиеся по служебной лестнице сановники: С. Потоцкий стал членом Государственного совета, Н. С. Мордвинов — председателем Департамента экономии, Б. Б. Кампенгаузен — государственным казначеем [4, с. 94].

Необходимость создания «прочной системы финансов» способствовала тому, что Государственный совет утвердил подготовленный М. М. Сперанским проект [2, стб. 22], реализовывать который должен был назначенный 1 января 1810 г. на должность министра финансов, не без протекции М. М. Сперанского, Д. А. Гурьев. Д. А. Гурьев был хорошо знаком с планом государственного секретаря, так как в его доме собирался обсуждавший проект финансовых преобразований «особый комитет», который и принял решение передать проект, на рассмотрение Государственного совета [9, с. 192–193], однако, глава финансового ведомства поддерживал не все положения плана.

Возможно поэтому в феврале 1811 г. М. М. Сперанский, а не министр финансов, представил Александру I упомянутый выше «Отчет в делах 1810 года», в котором речь шла, в том числе, и о реализации подготовленного государственным секретарем плана финансов. М. М. Сперанский полагал, что

для того чтобы «исхитить» российские финансы «из опасного их положения» требовалось «платить долги и уравнивать доход с расходом. Отсюда, — отмечал государственный секретарь, — две главные части плана: система кредитная и равновесие доходов». Для уплаты долгов, по мнению М. М. Сперанского, необходимо было «остановить выпуск ассигнаций», «отделить из государственных имуществ особенный капитал для погашения» и для ускорения движения этого капитала открыть «на счет его заем» [12, с. 452]. Однако эти положения встретили «множество возражений». Государственный секретарь обращал внимание на то, что «одни утверждали, что остановить ассигнации невозможно. Другие уверяли, что имуществ государственных никто покупать не будет», а «заем слишком выгоден для частных людей и убыточен для государства». Тем не менее, констатировал М. М. Сперанский в 1811 г., «выпуск ассигнаций остановлен <...> имущества продаются выше самой высокой их оценки; заем идет, но не производит того сильного действия, коего от чрезвычайных его выгод страшились» [12, с. 452–453].

Тем не менее, несмотря на принятые меры, курс продолжал падать. Это происходило, по мнению М. М. Сперанского, потому, что «система кредитная в течение» 1810 г. «могла быть обдумана, написана и опубликована, но не могла быть приведена в свое действие». Объявленное манифестом от 2 февраля 1810 г. прекращение выпуска ассигнаций началось только с 1 января 1811 г., а за это время правительство выпустило их на 43 миллиона. О продаже имений для обеспечения ежегодных текущих расходов было объявлено в мае 1810 г., а фактически она началась с 1 февраля 1811 г. [12, с. 453]

М. М. Сперанский отмечал, что трудно было ожидать уплаты 600 миллионов долга в течение одного года в условиях военных действий, недостатка ежегодных доходов на текущие расходы и практически «без коммерции». Государственный секретарь обращал внимание на то, что «долги деланы были постепенно, бумаги <...> упали не вдруг. Следовательно, не вдруг, но постепенно должно их и возвышать. Внезапность мер могла бы произвесть в государстве самое опасное потрясение. Вообще меры легкие и удобные суть по большей части меры подозрительные и не надежные». В сложившихся обстоятельствах, утверждал М. М. Сперанский, «меры к установлению кредитной системы <...> принятые, <...> самые лучшие», однако и они ни за полгода, ни за год не могли привести к желаемым результатам, так как было «положено еще только начало» [12, с. 453–454].

Кроме того, полагал М. М. Сперанский, российское государство «без кредитных бумаг <...> стоять не может», поэтому следовало не только «с успехом окончить прежний кредит», но и «основать новый», для этого необходимо было «вместо ассигнаций <...> ввести верные банковые бумаги, учредить правильные есконты», иными словами «составить государственный банк на основаниях истинных и непоколебимых», от которого зависела «жизнь и постоянное движение всех государственных богатств» [12, с. 454].

Достичь «равновесия доходов и расходов», по мнению М. М. Сперанского можно было с помощью «установления монетной системы», определения постоянного и неизменяемого порядка составления и рассмотрения смет расходов, издания коммерческого положения на 1811 г. Также следовало обеспечить «экономическими суммами, прибавкой в налогах и другими пособиями <...> все издержки 1810 года и <...> расходы 1811 года» [12, с. 454].

Однако, с горечью отмечал М. М. Сперанский, «в образовании доходов ничего почти не сделано, и сия часть плана, одна из самых существенных, доселе еще не восприяла своего начала». Из пяти наиболее важных доходных статей: «1. Личная подать. 2. Поземельная подать. 3. Сбор с винокурения. 4. Налог с промышленности и торговли», к которому относились «подати с качества, таможенные сборы и подати с медных и железных заводов. 5. Дохода с казенных имуществ, с лесов и заводов <...> две только первые получили уже некоторое образование. Остается их рассмотреть и привести в действие. Третья, - полагал М. М. Сперанский, - близка к своему совершению. Но две последние представляют работу новую, к коей никто еще почти не прикоснулся, и которая, однако же, в течение сего года необходимо должна быть окончена» [12, с. 455].

Подводя итоги, М. М. Сперанский отмечал, что «по планам, в октябре и ноябре месяце 1809-го года принятым, исполнены следующие главные предметы: I. Учрежден Государственный совет. II. Окончены две части гражданского уложения. III. Сделано новое разделение министерств, составлен общий им устав и начертаны проекты уставов частных. IV. Составлена и принята постоянная система к уплате государственных долгов: 1) прекращением выпуска ассигнаций; 2) продажею имуществ; 3) установлением комиссии погашения. V. Составлена система монетная. VI. Экономическими суммами, новыми налогами и другими пособиями доходы нарочито возвышены и приведены в надлежащее с расходами равновесие» (со 125 млн. в 1810 г. до 275 млн. в 1811 г. [12, с. 455]). «VII. Составлено коммерческое положение на 1811-й год» [12, с. 458]. Кроме того, по мнению М. М. Сперанского, никогда еще в России не было принято столько «общих государственных постановлений» как в течение 1810 г., которые создали «первые основания истинного монархического устройства в части законодательной, в устройстве министерств, и особенно в финансах» [12, с. 458].

М. М. Сперанский обращал внимание на то, что не «все операции» плана «приведены в действие», только некоторые «его части обработаны и изданы: другие <...> и теперь еще остаются без действия» [12, с. 455]. Поэтому было необходимо: «I. Окончить уложение гражданское. II. Составить два уложения весьма нужные: 1) судебное, 2) уголовное. III. Окончить устройство сената судебного. IV. Составить устройство сената правительствующего. V. Управление губерний в порядке судном и исполнительном. VI. Рассмотреть и усилить способы к погашению долгов. VII. Основать государственные ежегодные

доходы: 1) Введением новой переписи людей. 2) Образованием поземельного сбора. 3) Новым устройством винного дохода. 4) Лучшим устройством дохода с казенных имуществ». Государственный секретарь утверждал, что без «окончания» этих мероприятий «ни порядка в делах, ни силы во внутреннем управлении быть не может» [12, с. 459].

Вместе с тем, М. М. Сперанский полагал, что «много было потеряно времени, и часто самые нужные положения не выходили к своему сроку единственно потому, что, стекаясь в одни руки, они не могли быть скоро приурочены» [12, с. 458]. С высокой долей вероятности государственный секретарь возложил на Д. А. Гурьева ответственность за то, что реализация плана испытывала серьезные трудности.

Несмотря на то, что Д. А. Гурьев поддерживал не все мероприятия финансового плана 1810 г. в течение 1810–1812 гг. принимались законы, предусматривавшие выполнение предложенных государственным секретарем финансовых преобразований и направленные на уменьшение дефицита [10, с. 122–130]. Министр финансов, в отличие от плана М. М. Сперанского, был против «заключения всех сделок на монету» и необходимости признания ассигнаций государственным долгом. Д. А. Гурьев полагал, что прекращение выпуска бумажных денег и меры «к их погашению» были достаточны, чтобы способствовать «улучшению» достоинства ассигнаций [9, с. 210].

Противостояние М. М. Сперанского и Д. А. Гурьева перерастает в конфликт к началу 1812 г., завершившийся тем, что через три дня после увольнения государственного секретаря от службы, Д. А. Гурьев 20 марта обратиться к Александру I со всеподданнейшей запиской, в которой предложил особому комитету пересмотреть меры, принятые «с 1810 года». Министр финансов считал необходимым расширить «круг <...> обращения» ассигнаций, что должно было укрепить к ним доверие, «возвысить <...> цену относительно серебра» и показать, в отличие от плана М. М. Сперанского, «совершенное отдаление от системы, признававшей их обременительным долгом, а не знаками государственной монеты». Одобрение императором представленных Д. А. Гурьевым мер [7, с. 66–67] способствовало принятию манифеста от 9 апреля 1812 г. [17, с. 505–506], благодаря которому российскому правительству удавалось обеспечивать стабильность денежной системы и поддерживать курс ассигнаций в преддверии и во время военных действий [11, с. 67–68], когда было принято решение об обращении бумажных денег за границами империи и после победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии.

В связи с тем, что манифест от 9 апреля 1812 г. не отменял положения манифеста от 20 июня 1810 г. «О новом устройстве монетной системы», согласно которому серебряный рубль был объявлен главной неизменяемой и «законной мерой (монетной единицей) всех монет, обращающихся в государстве» [15, с. 216–217], его реализация сталкивалась с определенными

трудностями, связанными с недостатком в казне звонкой монетой, что, в свою очередь, зависело от состояния монетных дворов, чеканка монет на которых часто останавливалась из-за отсутствия исходного сырья, а добыча денежных металлов была затруднена государственной монополией на разведку новых месторождений и создание приисков. И хотя согласно указу от 28 мая 1812 г. всем российским подданным было разрешено «отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды» [16, с. 328–329], тем не менее положительный результат от его реализации стал ощущаться начиная с 1830-х годов [18, с. 34; 19, с. 743].

Вместе с тем, сложно однозначно ответить на вопрос о том, мог ли быть полностью реализован финансовый план 1810 г., так как еще в решении Департамента экономии Государственного совета была предусмотрена необходимость его корректировки, связанная с тем, что на рассмотрение плана требовалось много времени, а система финансов должна была быть «устроена заблаговременно», чтобы «со стороны Министерства финансов ко введению оной в 1811 г. могли быть приняты все нужные предварительные меры», поэтому Департамент экономии должен был «приступить немедленно к сему упражнению» [2, стб. 22–23].

По словам М. А. Корфа, «из числа всех, предложенных Сперанским финансовых мер», «не вызвали нареканий от современников» только положение о нейтральной торговле на 1811 год, продолжавшее действовать в последующие годы, «и торговое положение 1810-го года» [9, с. 232]. «Важнейшие части <...> плана» финансовых преобразований 1810 г., отмечал М. А. Корф, «никогда не осуществились. Приведено было в действие лишь то», что М. М. Сперанский «считал более или менее независимым от общего круга задуманных преобразований; все прочее осталось только на бумаге и даже исчезло из памяти людей, как стертый временем очерк смелого карандаша» [9, с. 112].

Надежда на то, что план 1810 г. в полном объеме мог быть реализован в будущем, была связана с М. А. Балугьянским — одним из активных участников комитета, помогавшего М. М. Сперанскому разрабатывать проект финансовых преобразований, который, продолжая служить в Министерстве финансов, не потерял своего прежнего влияния в финансовом ведомстве, стал одним из составителей проектов Д. А. Гурьева и его неофициальным соавтором [21, с. 40]. По свидетельству Платона Ивановича Баранова, в бумагах М. А. Балугьянского сохранилась записка на французском языке от 22 ноября 1816 г., адресованная Д. А. Гурьеву, в которой говорилось о том, что в Комиссии составления законов по финансовой части М. А. Балугьянским были составлены: «обширный теоретический труд в восьми томах по политической экономии и финансам; написан проект разных финансовых мероприятий, которые с некоторыми изменениями были приняты в 1810 году и вводимы постепенно с 1810 по 1812 год; <...> представлено значительное число записок и проектов о монетной

системе, о банках, о финансовом управлении перворазрядных государств Европы, о налоге поземельном <...> и др.» [3, с. 13].

Таким образом, предпринятая М. М. Сперанским попытка оздоровления российских финансов, которая предусматривала «прекращение выпуска ассигнаций», создания «капитала погашения», «устройство доходов и расходов», совершенствование «монетной системы» и «внешней торговли» [9, с. 203] привела к тому, опираясь на мнения ученых и высокопоставленных сановников, был создан план финансов, ставший не только частью программы политических и административных преобразований, но и основой их финансового обеспечения.

Предложенные в плане 1810 г. мероприятия, направленные на повышение государственных доходов, создание эффективной системы расходования государственных средств, оказали в дальнейшем существенное влияние на разработку законов о монетной системе и государственном кредите. Планирование финансовых преобразований создало необходимые условия укрепления доверия к денежной системе, государственным ценным бумагам, а упорядочение отчетности и отказ от раздробленного финансового управления способствовали тому, что финансы становились эффективным инструментом внутренней и внешней политики расширяющейся империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782–1838 // Русская старина. 1896. № 3. С. 471–505.
2. Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента государственной экономики. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1881. Т. 4. Ч. 1. 1872 стб.
3. Баранов П. И. Балугьянский Михаил Андреевич, статс-секретарь, сенатор, тайный советник. (1769–1847). Биографический очерк. СПб.: Б. и., 1882. 44 с.
4. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. 300 с.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М.: Издательство политической литературы, 1967. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 5. Апрель 1809 г. — январь 1811 г. 784 с. Док. 46. С. 84, Док. 123. С. 250, Док. 127. С. 256.
6. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. М.: В университетской типографии (Катков и Ко), 1864. Ч. 3. 186 с.
7. Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб.: Типография В. Ф. Киришаума, 1903. 253 с.
8. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1903. № 7. С. 233–239.
9. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Издание Императорской Публичной библиотеки, 1861. Т. 1. Ч. 1–2. 283 с.
10. Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М.: Индрик, 2009. 272 с.

11. Министерство финансов 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
12. Отчет в делах 1810 года, представленный императору Александру I М. М. Сперанским 11-го февраля 1811 года. (Сообщено А. Ф. Бычковым) // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1877. Т. 21. С. 447–462.
13. Пермское письмо Сперанского к императору Александру I // Шильдер Н. К. Император Александр Первый его жизнь и царствование. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1897. Т. 3. С. 515–527.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 29. № 22609.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 31. № 24264.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 32. № 25119.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 32. № 25315.
18. Степанов В. Л. Горное законодательство России второй четверти XIX века // Строгановское историческое собрание. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Очёр и Очёрского машиностроительного завода (10–11 июля 2009 г.). Пермь, 2009, Вып. 4. С. 29–43.
19. Трубецкой К. Н., Глембоцкая Т. В. Отрасль, которая определяет богатство страны. К 300-летию административного управления горным делом в России // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8. С. 736–747.
20. Уманец Ф. М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1910. 70 с.
21. Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. И. Балудянского в России. Ужгород: Б. и., 1931. 64 с.

Масленников Дмитрий Владимирович,
доктор философских наук, профессор, советник ректората
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского
dwm61@inbox.ru

Фролова Елизавета Александровна,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
frolova.msu@mail.ru

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. М. СПЕРАНСКОГО В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА⁷

Философско-правовые идеи М. М. Сперанского формировались под влиянием классической философии права немецкого идеализма и при этом отвечали традициям правовой культуры России, ее нравственно-правовым ценностям и идеалам, что определило их практическую значимость в процессах реформирования Российского государства в XIX–XX столетиях. М. М. Сперанский в значительной степени способствовал развитию русской правовой мысли в традициях классического философствования.

Ключевые слова: Сперанский, философия права, немецкий идеализм, государство, народ, реформы

Maslennikov D. V., Frolova E. A.

THE CREATIVE LEGACY OF M. M. SPERANSKY IN THE TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW

M. M. Speransky's philosophical and legal ideas were shaped by the influence of the classical philosophy of law of German idealism and at the same time corresponded to the traditions of Russia's legal culture, its moral and legal values and ideals, which determined their practical significance in the processes of reforming the Russian state in the XIX–XX centuries. M. M. Speransky greatly contributed to the development of Russian legal thought in traditions of classical philosophizing.

Keywords: Speransky, philosophy of law, German idealism, state, people, reforms

Историческое развитие государства определяется совокупностью объективных факторов, сфокусированных в той с трудом поддающейся рациональному определению, но от этого не менее реальной субстанции, которую

⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Ф. К. фон Савиньи обозначал как «дух народа» [5, с. 181–185.], а Гегель как «разумную жизнь самосознающей свободы» и «систему нравственного мира» [4, с. 299]. Чтобы эта субстанция могла явить себя в комплексе социально-политических институтов и правовых норм, необходима воля законодателя. Если эта воля не ориентирована на идеалы справедливости, то государство, по словам Блаженного Августина, ничем не будет отличаться от шайки разбойников [8, с. 24]. Если же эти идеалы не будут согласовываться с традиционными нравственно-правовыми ценностями народа, то в исторической перспективе государство окажется нежизнеспособным.

Абсолютное сочетание этих условий бытия гармоничного государства возможно только в «Царствии Божием», в реальной истории можно лишь приближаться к идеалу, стремясь найти конструктивное разрешение неизбежных противоречий. Поскольку в развитом государстве законы даются в рациональной дискурсивной форме, постольку и нравственно-правовые ценности народа должны быть выражены в виде теоретического знания, которое и составляет историческое содержание философии права [18].

Соответственно мере развития государства должна развиваться и конкретизироваться философско-правовая мысль, ориентирующая законодателя в его стремлении зафиксировать форму и цель государства (если понимать две последние категории в аристотелевском смысле). Так, у истоков русской государственности мы видим «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иларiona, в котором преобладают чисто богословские смыслы, в основном развивающие содержание Посланий апостола Павла. Ориентиры для Московского Царства во многом определялись «Просветителем...» преп. Иосифа Волоцкого [1, 121–220; 7, с. 159–177], философско-теологическое основание которого составил исихастский тринитаризм [10, с. 28–47; 19, с. 52–70]. Идеи модернизации Империи соответственно идеалам Просвещения были теоретически обоснованы в работах С. Е. Десницкого и Екатерины II.

Реформирование и развитие государства, адекватное реалиям XIX века, требовало более высокого уровня философско-правового мышления, который и был задан немецким идеализмом И. Канта, И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля. Заслуга М. М. Сперанского в области философии права видится нам в том, что он в значительной мере воспринял опыт философии немецкого идеализма, определив и теоретически оформив на этой основе представления об основных тенденциях развития российской государственности. Вместе с тем, будучи выходцем из народных низов, сыном бедного провинциального священника, М. М. Сперанский не мог быть чужд традиционным ценностям русского народа. Об этом свидетельствуют его работы «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», «О духе правительства» и «Об образе правления» (1804 г.), а также более поздние записки [3, с. 221–237]. В них утверждалось, что любое государство основано на общей воле народа и необходимо для того, чтобы каждый мог беспрепятственно пользо-

ваться своими физическими силами, результатами своего труда и определённой степенью уважения в обществе. Целью государства является обеспечение безопасности личности, собственности, чести каждого.

О знакомстве М. М. Сперанского с новыми для того времени идеями в области права, истории, философии, свидетельствует рукописный каталог его собрания книг, хранящийся в Российской национальной библиотеке [9, с. 18 – 25]. Из него видно, что Сперанскому принадлежало два собрания сочинений И. Канта — на немецком и французском языках; сочинения Р. Декарта, Д. Юма, Б. Спинозы, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга и другие произведения. Именно эти источники, являющие собой вершины философско-правовой мысли, прежде всего труды классиков немецкого идеализма, составили основу философско-правовых идей М. М. Сперанского. При этом он весьма высоко ценил труды Ш.-Л. Монтескье и его интерпретацию локковской идеи разделения властей. Во многом благодаря трудам М. М. Сперанского идея разделения властей укоренилась на русской почве, пусть в несколько ограниченном виде разделения функций государственной власти (нераздельным источником государственной власти всегда признавалась суверенная воля императора).

Иначе обстояло дело с теорией общественного договора, ставшей основной парадигмой правовой мысли Нового времени. В таком качестве она сохраняла свое влияние и в XIX веке, хотя уже Гегель отвергал идею договорного характера государства, указывая, во-первых, на историческое становление государства, а во-вторых (и это главное), на его нравственную природу, на его значение как «системы нравственного мира». Такой подход, конечно, в гораздо большей степени соответствовал мировоззрению М. М. Сперанского. Согласно Сперанскому, «всеобщий нравственный закон, который есть любовь и который проявляет себя прежде всего в чадолубии, т.е. в семье, определяет человеческую потребность жить сообща. Нравственный закон открывается для Сперанского как духовная закономерность, в свою очередь, нравственный рост приводит к развитию присущего человеку чувства любви на следующем уровне общегития — государства» [15, с. 41].

Такой подход, выводящий идею государственности из всеобщего нравственного закона, а не из принципа договора, был характерен в XIX веке и для других национально ориентированных мыслителей. Так, крупнейший богослов той эпохи митрополит Филарет (Дроздов) в изложении своего понимания государства прежде всего сосредоточился на вопросах его нравственной и ценностной сущности: «Государство есть союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия» [цитируется по: 11, с. 294]. С позиции теории общественного договора Гоббса и Локка цель его состоит в прагматическом стремлении к физической безопасности человека. Такая цель сугубо отрицательна. Святитель Филарет же, напротив, выдвигает в качестве

цели государства «охранение и утверждение закона нравственности». Такая нравственная цель имеет полностью позитивную природу.

Созвучно подходу М. М. Сперанского к вопросу о природе государства и государственной власти было и понимание этого вопроса Ф. М. Достоевским. Согласно Достоевскому невозможно от естественного состояния, в котором царит всеобщая вражда между людьми, прийти к государству: из естественного состояния «выйдет страшный вздор», но никак не право и не идея справедливости [6, с. 11]. Право возникает не из стремления к самосохранению, как учила теория общественного договора, а из нравственного совершенствования человека. Которое, по Достоевскому, не может состояться без обретения веры в Бога, а значит, и без веры в бессмертие души. Именно эту сторону нравственно-религиозного совершенства — веру в бессмертие души — Достоевский непосредственно связывает с признанием человеком своего внутреннего единства с другими людьми, а значит — с ответственностью перед ними, а значит — с нравственной невозможностью преступления [13, с. 246–256].

Сложившись государством, по Сперанскому, движут и управляют три силы: законодательная, исполнительная и судебная. Начало их и источник — народ, поскольку он представляет собой ничто иное, как единство нравственных и физических сил людей «в отношении общегития». Соединенное действие этих сил составляет «державную власть». Конкретный образ правления у каждого народа обуславливается степенью его гражданского развития. В основе прогресса общества лежит стремление к политической свободе. Сопrotивление державной власти естественному ходу вещей лишь «воспалает страсти и производит волнения, но не останавливает перелома». Следование же естественному закону, напротив, составляет сущность того, что философ называет «истинной монархией».

Учение об истинной монархии было изложено Сперанским в таких работах как «Введение к Уложению государственных законов», «Руководство к познанию законов», в рукописях по философии права. В истинной монархии «законодательное сословие», по его мнению, должно быть устроено так, «чтобы оно не могло совершить своих положений без державной власти, но, чтобы мнение его было свободно и выражало мнение народное... Власть исполнительная была бы поставлена в ответственность от власти законодательной».

Видя истинную монархию идеалом для России, Сперанский, однако, предостерегал против насильственных преобразований, выступая за поэтапные реформы. Еще и поэтому его можно рассматривать как раннего идеолога именно реформационного пути преобразования России. Сперанский писал: «Разрушив прежний порядок вещей, хотя и несовершенный, но с привычками народа сообразный, если порядок, вновь установленный, не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные упущения ему будут

приписаны» [17, с. 174]. Если же государственная власть, имеющая источником волю народа, не предоставляет подданным никаких прав, государство попадает в полное рабство, устанавливается деспотизм и такое государство не может называться истинной монархией.

М. М. Сперанский различал «внешний образ правления» (учреждения, законы, постановления, уставы, которыми «силы государственные» содержатся между собой в видимом равновесии) и «внутренний образ правления» (соотношение общественных сил). При этом внешний образ правления не определяет самой сущности государства. Он может существенно отличаться от внутреннего образа, который должен соответствовать тому, что в классической философии права обозначало как «дух народа». Этот «внешний образ правления» может быть даже республиканским, однако, если народ не будет иметь возможности реально ограничивать власть правительства, государство неизбежно вырождается в деспотию.

Для управления государством необходимо понимать, ограничена власть правительства народными силами или оно является деспотическим. Содержание законов, ставящих пределы самодержавной воле, обусловлены писаной «конституцией», однако действительная конституция проявляется в реальном соотношении сил общества, его ценностями и идеалами. При этом М. М. Сперанский критиковал современный ему «внутренний образ правления» России, называл его деспотическим. Общественный строй основан на зависимости крестьян от помещиков, дворян — от государя. Со времен Петра I «внешний образ правления» во многом преобразовался, однако, несмотря на множество грамот и положений, «государство сие есть деспотическое», и пока элементы его (сословия) будут стоять в тех же между собой отношениях, оно не будет «истинной монархией».

Как представляется, М. М. Сперанский в значительной степени способствовал развитию русской правовой мысли в традициях классического философствования. По инициативе М. М. Сперанского в 1834 году была основана Высшая школа правоведения для подготовки квалифицированных юристов. И по его же инициативе лучшие из учеников получили возможность пройти подготовку в Германии у самого Ф. К. фон Савиньи, который на тот момент был, вероятно, наиболее крупным правоведом Европы. Среди них был и К. А. Неволин, «Энциклопедия законовещения» которого в середине XIX века считалась образцовой не только в России, но и в европейских университетах. Отметим, что теоретико-правовая часть этого труда почти полностью следует логике и содержанию идей «Философии права» Гегеля, развивает его понимание государства как «воплощения высшей нравственной идеи». Как отмечал выдающийся русский философ права И. В. Михайловский, «в России основатель нашей науки К. А. Неволин держался идеалистического направления, к этому же направлению принадлежал величайший представитель ее Б. Н. Чичерин, к нему же принадлежат лучшие из современных

философов права кн. Е. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев» [14, с. 49]. Таково было действие импульса, изначально приданного российской правовой науке М. М. Сперанским.

Значимость идей М. М. Сперанского и достаточно высокая степень их созвучия правовой культуре России проявилась в практике законотворчества, по сути, всего дореволюционного периода ее истории. Трудно указать другое имя в нашей истории, носитель которого оказал большее влияние на развитие российского права и продолжает его оказывать до настоящего времени. Без сомнения, М. М. Сперанского нужно включить в число «отцов» Великих реформ Александра II. М. М. Сперанский своими идеями в духе просвещённого консерватизма и опытом осторожных реформ в первый период царствования Александра I, далее — своей масштабной работой по кодификации российского законодательства, сделал возможным комплексный и систематический характер преобразований в России уже во вторую половину XIX столетия [2, с. 880–897]. Выдвинутая М. М. Сперанским идея делегирования государством части прав гражданскому обществу, при том, что источником суверенной власти государства в конечном итоге является народ, может рассматриваться как своего рода идейное основание последующей судебной реформы и реформы местного самоуправления в России. Идеи Сперанского о реформе законодательной власти были, хотя и с весьма значительными ограничениями, реализованы еще при его жизни в виде Государственного совета, учрежденного Александром I в 1810 году.

Не следует забывать и о том, что М. М. Сперанский был наставником будущего царя-реформатора в области права и государственного управления [16, с. 59–64]. Для обучения цесаревича Александра Сперанский подготовил учебник, охватывающий основные положения правоведения. В дальнейшем, на базе этого учебника была выпущена книга «Руководство к познанию законов». Без столь фундаментальной подготовки Александра II в области юридической науки его Великие реформы вряд ли имели бы столь последовательный и системный характер. Полвека спустя конституционные проекты М. М. Сперанского были также взяты за основу Манифестом от 17 октября 1905 г., положившем начало эпохи «думской монархии».

Комплекс идей М. М. Сперанского можно считать историческим образцом суверенной философии права России, учитывая, с одной стороны, актуализацию всего предшествующего опыта правотворчества и философско-правовой мысли, а с другой стороны, следование нравственно-правовым традициям Российского государства. Философия права М. М. Сперанского нашла свое воплощение как в практике законотворчества, включая опыт современной России [12, с. 15], так и в формировании национальной традиции консервативной философско-правовой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. О «Провосветителе» и посланиях преподобного Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 121–220.
2. Андреева Т. В. Проекты административных реформ М. М. Сперанского в сравнительной ретроспективе царствований Александра Первого и Николая Первого // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3. С. 880–898.
3. Высокочков Л. В. Записки и проекты М. М. Сперанского в историографии отечественного источниковедения // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3 (35). С. 221–238.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
5. Денисов А. М., Масленников Д. В., Исмагилов И. Р. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: История и современность. — 2017. — № 4. — С. 181–185.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 30, кн. 1. Письма 1878–1881. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. — 455 с.
7. Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 159–177.
8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, И. Р. Исмагилов, О. А. Клименко, О. Ю. Лежнева, С. Ф. Мазурин, Б. В. Маков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, П. А. Петров, Е. А. Поливко, К. Г. Прокофьев, О. В. Пылева, В. П. Сальников, М. В. Сальников, Ф. О. Чудин-Курган. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 288 с.
9. Иконникова И. С. М. М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 18–25.
10. Квливидзе Н. В. Отражение богословия Иосифа Волоцкого в монументальных программах времени митрополита Макария // Вестник церковного искусства и археологии. 2019. № 1 (1). С. 28–47.
11. Козлов М. Святой митрополит московский Филарет о государстве, обществе, культуре // Богословский вестник. 2018. Т. 28. № 1. С. 293–321.
12. Крашенинников П. В. Предисловие // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей. М.: Норма: ИНФРА-МБ 2024. С. 13–16.
13. Масленников Д. В., Сальников В. П., иеромонах Филарет (И. В. Бердников). Идея Бога в творчестве Ф. М. Достоевского // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: Коллективная монография / Под общ. ред. Д. В. Масленникова; Д. К. Богатырев, Л. В. Богатырева, Е. В. Бильченко, В. А. Гуторов, И. И. Докучаев, Д. В. Масленников, С. В. Никоненко, А. В. Перцев, К. В. Преображенская, И. А. Протопопов, В. П. Сальников, А. П. Соловьев, иеромонах Филарет (И. В. Бердников), М. Ю. Хромцова. — СПб.: РХГА, 2023. — С. 220–259.
14. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. — Томск: В. М. Посохин, 1914. — 632 с.
15. Павлова С. В. Государственно-правовая теория М. М. Сперанского // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность

(к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей. М.: Норма: ИНФРА-МБ 2024. С. 40–45.

16. Репинский К. Г. Записка о юридических беседах М. М. Сперанского с наследником великим князем Александром Николаевичем // В сборнике: Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения. Сборник научных трудов. Сер. «Историческое правоведение». Президентская библиотека. Санкт-Петербург, 2021. С. 59–64
17. Сперанский М. М. Проекты и записки. М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. —244 с.
18. Фролова Е. А. История политических и правовых учений. —М.: ООО «Прспект», 2023. —528 с.
19. Шпаковский М. В. Триадология Иосифа Волоцкого // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 85. С. 52–70.